

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

РОМАНОВЫ:

ДИНАСТІЯ

И ЭПОХА

ТОМ ТРЕТИЙ [150]

АПРЕЛЬ 2013

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

РОМАНОВЫ: ДИНАСТІЯ И ЭПОХА

ТОМ ТРЕТИЙ [150]

Под общей редакцией И.В. Курукина

Главная редакция

А.Э. Титков	главный редактор, кандидат исторических наук
Д.В. Климов	зам. главного редактора, кандидат исторических наук
И.Я. Керемецкий	зам. главного редактора (художественный редактор), член Творческого союза художников России
Е.А. Радзиевская	ученый секретарь
Т. Лефюк	редактор английской версии

Редакционный совет

Председатель редакционного совета

Е.И. Пивовар	ректор РГГУ, профессор, член-корреспондент РАН
--------------	---

Члены редакционного совета

А.А. Горский	доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН
С.В. Девятов	доктор исторических наук
С.М. Исааков	доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН
И.В. Курукин	доктор исторических наук, профессор РГГУ
А.Э. Титков	кандидат исторических наук, главный редактор журнала «Исторический вестник»

Компьютерный набор, верстка и дизайн редакции. Дизайн Ю.В. Филимонов.

Подписано к печати 14.05.2013 г. Формат 70×108 1/16. Усл.-печ. л. 33,6. Печать офсетная. Заказ № 15.

Адрес редакции: 105005, г. Москва, Аптекарский пер., д. 4, стр. 2, офис 214.

Тел. +7 (495) 737-76-32, факс +7 (495) 730-61-76

E-mail: info@runivers.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ № ФС77-51055 от 03 сентября 2012 г.

© АНО «Руниверс», 2012.

Материалы, публикуемые в журнале «Исторический вестник», могут не совпадать с точкой зрения редакции

Отпечатано в полном соответствии с качеством

предоставленного оригинал-макета в ЗАО «Издательство ИКАР».

117485, Москва, ул. Академика Волгина, д. 6.

Тел.: +7 (495) 936-83-28, +7 (495) 978-35-99. Тел./факс: +7 (495) 330-89-77

www.ikar-publisher.ru

Журнал «Исторический вестник» издается

при поддержке компании ОАО «АК «Транснефть».

ISSN 2306-4978

ОТ ГЛАВЫ РОССИЙСКОГО ИМПЕРАТОРСКОГО ДОМА

Сердечно приветствую читателей очередного номера «Исторического вестника», посвященного 400-летию преодоления Смуты и восстановления российской государственности.

На протяжении жизни нескольких поколений на объективную оценку событий той поры и на осмысление всей истории России негативно влияли жесткие идеологические установки тоталитарного режима и некоторые искренние заблуждения и стереотипы, исподволь навязанные обществу задолго до революции 1917 года. В последние десятилетия стало возможным вести научный поиск свободно, честно и справедливо, без гнева и пристрастия, изучая наше славное прошлое во всей его многогранности.

Мне доставляет радость, что в год 400-летия окончания Смуты редакция возрожденного «Исторического вестника» посвящает номер истории нашей династии.

Судьба Дома Романовых неотделима от истории России, ее побед и поражений, радостей и скорбей, достижений и ошибок. Несмотря ни на что, за триста лет царствования моих предков благодаря трудам всего народа сформировалась уникальная и во многом универсальная форма государственного и общественного устройства, которая по праву может быть названа великой всероссийской цивилизацией. Ее достижения и неистощимый потенциал помогли нашей стране не только выстоять в исполненном трагедий и страданий XX веке, но и обрести силы для возрождения и смелого движения вперед.

Сейчас в России больше нет препятствий на пути неуклонного установления исторической правды и опоры на многовековой опыт предков. Преемственность и традиции снова в чести, а возвращение к истокам стало насущной духовной потребностью.

От всего сердца желаю издателям, авторам и читателям «Исторического вестника» помощи Божией, творческих успехов и новых научных открытий.

**Е.И.В. ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ
МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА**

Москва, 21 февраля / 6 марта 2013 года

ОТ РЕДАКЦИИ

Этот номер «Исторического вестника» посвящён 400-летию династии Романовых. Она всегда будет вызывать интерес — потому что её «проходят» в школе; потому что образы правителей используют в политических спорах, прессе, кино и даже рекламе; потому что самодержцы этой эпохи являлись не просто правителями, но и руководителями важнейших преобразований и ещё, потому что веками львиная доля власти в России была сконцентрирована в пространстве дворца.

В номере собраны материалы исследователей, с разных сторон изучавших три века правления Романовых. Б.Н. Флоря рассмотрел перипетии борьбы на Соборе 1613 года. Л.А. Чёрная проследила, как в «азиатскую роскошь» царского двора XVII столетия вплетались европейские детали. И.Л. Андреев исследовал особенности личности царя Алексея Михайловича.

Д.О. Серов обратился к актуальной проблеме борьбы с коррупцией в эпоху петровских реформ, в результате которой сложилось понятие взятки в современном уголовно-правовом понимании. И.В. Курукин проследил, как преломлялась история страны в официальных учебниках истории, подготовленных при участии Екатерины II. С.В. Любичанковский раскрыл механизм развития корпоративизма уральского чиновничества в годы правления Николая II, а О.А. Сухова показала, как выдерживали «испытание революцией» в 1905-1907 гг. российские губернаторы. В.Д. Лебедев рассказал о судьбах великих князей Павла Александровича и Дмитрия Павловича. О Романовых в изгнании рассказывает статья А.Н. Закатова.

Работа О.В. Агафонова о знаменах донских казаков помогает визуально воспринять эпоху, так же, как и статья С.В. Думина о гербах Дома Романовых. Интересующимся генеалогией будет полезна статья Д.С. Барташева о династиях «родни» Романовых — Лейхтенбергских, Мекленбургских, Ольденбургских. Завершает выпуск подготовленный Е.В. Пчеловым критический обзор современных справочников по истории династии Романовых.

А.Э. Титков

главный редактор журнала «Исторический вестник»

СОДЕРЖАНИЕ

РОМАНОВЫ: ДИНАСТИЯ И ЭПОХА

Флоря Б.Н. Избрание царя Михаила	6
Черная Л.А. Придворная культура Алексея Михайловича: от Артаксеркса до Орфея.....	24
Андреев И.Л. Алексей Михайлович: штрихи к портрету.....	48
Серов Д.О. Петр I как искоренитель взяточничества	70
Курукин И.В. «Для впереия в юношество любви к отечеству»: Екатерина II и изучение истории в русской школе конца XVIII — начала XIX в.....	96
Сухова О.А. Губернаторы Поволжья и Урала в начале XX века	122
Любичанковский С.В. Уральское губернское чиновничество в годы правления Николая II	154
Лебедев В.Д. Падение монархии в России и великие князья Павел Александрович и Дмитрий Павлович.....	190
Закатов А.Н. Становление династии Романовых в изгнании	208

СИМВОЛИКА И ГЕНЕАЛОГИЯ

Агафонов О.В. Династия Романовых и донские казаки: взгляд сквозь знамена и штандарты	254
Думин С.В. Гербы Дома Романовых.....	296
Барташев Д.С. Иностранные династии в России XIX — начала XX вв.: правовой и социальный статус.....	316

ИСТОРИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

Пчелов Е.В. Справочники по истории династии Романовых: о науке и не только	340
Современные исследования по истории эпохи Романовых.....	354

Б.Н. Флоря

ИЗБРАНИЕ ЦАРЯ МИХАИЛА

Общеизвестно, что царь Михаил Федорович, первый представитель династии Романовых, был избран на царство Земским собором, собравшимся в начале 1613 г. «Совет всей земли» — правительство объединившихся ополчений (правительство Трубецкого — Пожарского) созвало Зем-

ский собор очень широкого состава. Наряду с высокопоставленными аристократами и церковными иерархами в работе Собора принимали участие многочисленные выборные с мест, среди которых были провинциальные дворяне, приходские священники, горожане, «служилые люди по прибору» и даже государственные крестьяне¹. В течение долгого времени о том, что происходило на Соборе, было известно из грамот об избрании Михаила Федоровича и данных русских нарративных источников. На основании этих сведений Н.А. Лавровский в середине XIX в. построил следующую схему развития событий. Первоначально участники Собора приняли решение не выбирать царем «Литовского и Шведского королей

¹ О составе участников Собора см.: Любомиров П.Г. Очерки истории Нижегородского ополчения. Л., 1939. С. 179–200; Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978. С. 187–188, 192–195.

с их детьми и Маринку с сыном, равно как и всех иноземных государей», а выбирать, «кого Господь Бог даст из московских из русских родов». Затем участники Собора стали обсуждать вопрос, кого же избрать «из русских родов», и решили «избрать царя от племени праведнаго <...> блаженные памяти Феодора Ивановича всея Руси» — его племянника, Михаила Федоровича².

Такое описание работы Земского собора повторялось многократно, вплоть до начала XX в., когда шведский исследователь Х. Альмквист опубликовал тексты сообщений о происходивших в Москве событиях, поступавшие шведскому наместнику в Новгороде Я. Делагарди³. У шведских властей были важные причины для того, чтобы внимательно следить за происходившими в Москве событиями. В Стокгольме серьезно опасались, что русский трон займет сын изгнанного из Швеции короля Сигизмунда III, который вел войну с шведским королем (своим дядей) Карлом IX, пытаясь вернуть себе утраченный трон. Поэтому уже 24 августа 1610 г. Я. Делагарди обратился с письмом к русским сословиям, в котором, предостерегая против поляков, призывал их избрать царем одного из сыновей шведского короля⁴. В начале лета 1611 г. Я. Делагарди вел переговоры на эту тему с властями Первого ополчения⁵. В договоре, заключенном Я. Делагарди с новгородцами после занятия Новгорода шведскими войсками в июле 1611 г., новгородцы говорили о своем желании видеть на царском троне одного из сыновей Карла IX и готовности содействовать переходу под его власть других русских земель⁶. В июне следующего, 1612 г. власти Второго ополчения в Ярославле посетили послы из Новгорода, предложившие избрать царем сына Карла IX, Карла Филиппа, сообщая, что королевич «будет в Новгород на государство вскоре и дается на всю волю Новгородского государства людей и хочет креститься в нашу во православную крестьянскую веру Греческаго

² Лавровский Н.А. Избрание Михаила Федоровича на царство // Опыты историко-филологических трудов студентов Главного педагогического института VI выпуска. СПб., 1852. С. 255–256.

³ Nouveaux documents sur l'histoire de la Russie en 1612–1613. Publiés par H. Almûist // Le monde oriental. 1907, fasc. 1.
Несколько лет спустя был издан перевод этих документов на русский язык в публикации: Арсеньевские шведские бумаги // Сборник Новгородского общества любителей древности. Вып. 5. Новгород, 1911.

⁴ Замятин Г.А. Из истории борьбы Швеции и Польши за московский престол в начале XVII в. Падение кандидатуры Карла Филиппа и воцарение Михаила Федоровича // Замятин Г.А. Россия и Швеция в начале XVII века. Очерки политической и военной истории. СПб., 2008. С. 36–38.

⁵ Там же. С. 45 и сл.

⁶ Памятники истории Смутного времени. Под ред. А.И. Яковлева. М., 1909. С. 74–75.

закона». На переговорах Д.М. Пожарский занял твердую позицию: Второе ополчение направит послов в Новгород, когда королевич придет туда и примет православие. Однако шведское предложение не было отклонено. В грамотах, разосланных по городам, предлагалось прислать в Ярославль выборных — «изо всяких чинов человека по два и по три», в частности, и для обсуждения предложений из Новгорода⁷.

3 октября 1612 г. находившимся в Стокгольме новгородским послам была вручена грамота, говорившая о согласии короля Густава Адольфа отпустить на царский трон своего брата Карла Филиппа, чтобы новгородцы сообщили об этом во все русские города. Карл Филипп, говорилось в грамоте, в конце февраля 1613 г. будет ждать русских представителей в Выборге⁸. 26 декабря 1612 г. один из новгородских посланцев Ф. Боборыкин был с текстом этого документа отправлен из Новгорода в Москву⁹. Естественно, что в этих условиях Делагарди прилагал максимум усилий, чтобы узнать, что происходит в Москве.

Введенные в оборот новые источники вызвали разную реакцию исследователей — одни признавали их важное значение, другие ставили их свидетельства под сомнение¹⁰. Систематический анализ этих данных произвел в своей магистерской диссертации, завершенной в 1918 г., молодой в то время исследователь Г.А. Замятин. К документам, обнаруженным Х. Альмквистом, он сумел добавить новые тексты, обнаруженные им в архиве Делагарди в Тарту. Бурные события революции привели к тому, что поднятая проблематика на время потеряла актуальность. Лишь в 1926 г. Г.А. Замятин смог издать основную часть работы в Трудах Воронежского университета¹¹, и какого-либо широкого отклика она не встретила. Рукопись была напечатана полностью в сборнике трудов Г.А. Замятина в Петербурге в 2008 г.

Какую же информацию содержали поступившие к Делагарди сообщения о настроениях в обществе во время подготовки и проведения Земского собора?

Поздней осенью 1612 г. в лагерь ополчения под Москвой был отправлен сын боярский Богдан Дубровский с грамотой новгородского митрополита

⁷ О переговорах между Ярославлем и Новгородом см.: Замятин Г.А. Из истории... С. 69 и сл.

⁸ Там же. С. 87 и сл.

⁹ Там же. С. 91.

¹⁰ Так, ставил под сомнение эти свидетельства П.Г. Любимиров (Очерки... С. 202–204).

¹¹ Замятин Г.А. К истории Земского собора 1613 г. // Труды Воронежского государственного университета. Т. III. Воронеж, 1926.

Пожарский Дмитрий Михайлович.
Гравюра А. Афанасьева. Начало XIX в.

Исидора, в которой повторялось предложение возвести на русский трон Карла Филиппа. Богдан Дубровский находился сначала в лагере ополчения, а затем в освобожденной от поляков Москве с начала октября до середины декабря 1612 г.¹² В ноябре 1612 г. уже было принято решение о созыве Земского собора для избрания государя, и началась рассылка по городам грамот с предписанием прислать в Москву выборных представителей к 6 декабря «и с ними совет свои отписать за своими руками»¹³. В своем ответе Исидору от 15 ноября 1612 г. руководители ополчения известили его о принятом решении и просили сообщить о приезде Карла Филиппа в Новгород. Тогда они могли бы «со всеми государствами Российского царства совет учиняя, направить к королевичу в Новгород послов»¹⁴. Из этого следовало, что кандидатура Карла Филиппа с повестки дня не снимается, и шведские власти должны были продолжать усилия по сбору информации о том, что происходит в Москве. Вернувшийся в Новгород Богдан Дубровский сообщал, что «бояре» (судя по контексту, руководители ополчения, с которыми он вел переговоры) назначили собор для выбора нового государя и хотели бы избрания Карла Филиппа, так как стране необходима помощь для войны против Польши¹⁵.

Разумеется, целью таких разговоров могло быть сохранение мира со Швецией на то время, пока русские сословия будут договариваться

¹² О поездке Богдана Дубровского см.: Замятин Г.А. Из истории... С. 106.

¹³ Черепнин Л.В. Земские соборы... С. 187–188.

¹⁴ Дополнения к Актам историческим. Т. I. СПб., 1841. № 166.

¹⁵ Текст его сообщений см.: Арсеньевские шведские бумаги... С. 16–18.

о выборе своего государя. Однако, как отметил Г.А. Замятин, сохранилось независимое свидетельство, в определенной мере подтверждающее сообщение Дубровского¹⁶. Это сообщение смолянина Ивана Философова, попавшего в плен к полякам в конце ноября 1612 г. По его словам, в Москве «лучшие люди» «говорят, чтобы обрать на господарство чужеземца», а казаки хотят «обрать кого из русских бояр, а примеривают Филаретова сына или воровского Калужского»¹⁷. Подтверждая в определенной мере сообщение Б. Дубровского о настроениях «лучших людей», сообщение Философова говорит и о том, что у казаков были иные настроения. Они хотели бы видеть на троне «Филаретова сына» — 14-летнего Михаила Романова. Само такое словоупотребление характерно. Самого Михаила Романова казаки не знали. Появление его кандидатуры явно было связано с симпатиями казаков к его отцу Филарету. Связи с казацкой средой появились у Филарета (в миру Федора Никитича Романова), когда в 1609–1610 гг. он был «патриархом» в Тушине¹⁸, откуда вышли многие из освобождавших Москву казаков. Мнение казаков могло иметь серьезное значение, так как, по свидетельствам и Дубровского, и Философова, после освобождения Москвы дворянское ополчение разъехалось по домам, и казаки остались в столице главной военной силой.

Ход событий показал, что выборные не смогли собраться в Москве к 6 декабря, и в декабре пришлось рассылать на места новые грамоты. Земский собор начал свою работу еще до того, как собрались все выборные, в январе 1613 г.¹⁹ Сведения о первых заседаниях Земского собора сообщил Я. Делагарди шведский гонец Георг Брюнно. Посланный летом 1611 г. Я. Делагарди на переговоры с властями Первого ополчения, Брюнно был надолго задержан в Москве и отпущен, когда в конце января 1613 г. Ф. Боборыкин привез упоминавшуюся выше грамоту Густава Адольфа²⁰.

По его словам, первые заседания Собора были отмечены выступлениями казаков. Сначала они захотели, чтобы царем стал Д.Т. Трубецкой, которого они хорошо знали по Тушину²¹, но «бояре» отклонили его кандидатуру, ссылаясь на то, что «не имели никакого счастья с бывшими у них

¹⁶ Замятин Г.А. Из истории... С. 107–108.

¹⁷ Polska a Moskwa w pierwszej połowie XVII wieku. Zbiór materiałów do historii stosunków polsko-rosyjskich za Zygmunta III. Wyd. A. Hirschberg. Lwów, 1904. S. 363.

¹⁸ О Филарете в Тушине см.: Тюменцев И.О. Смутное время в России начала XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. М., 2008. С. 329–331, 365–366 и др.

¹⁹ Черепнин Л.В. Земские соборы... С. 188–189; Замятин Г.А. Из истории... С. 136–138.

²⁰ О Г. Брюнно и его поездке см.: Замятин Г.А. Из истории... С. 142–143.

²¹ О Д.Т. Трубецком в Тушине см.: Тюменцев И.О. Смутное время... С. 243, 360, 368 и др.

ранее великими князьями из их земляков», и утверждая, что Трубецкой не способен управлять Россией. Затем казаки пожелали избрать Михаила Федоровича, «сына митрополита, который в Польше». И это упоминание показывает, что казаки добивались избрания сына Филарета. Когда и эта кандидатура была отклонена, казаки предложили избрать князя Дмитрия Мамстрюковича Черкасского. Успешный воевода Второго ополчения Дм. Черкасский начинал свою карьеру в лагере Лжедмитрия II, куда отъехал в 1608 г. вместе с Д.Т. Трубецким и где находился вплоть до смерти самозванца²². Таким образом, казаки выдвигали людей, которых они

Трубецкой Дмитрий Тимофеевич.
Гравюра А. Афанасьева. Начало XIX в.

хорошо знали еще по их пребыванию в Тушине и от которых они могли ожидать получения хорошего жалованья. В этом ряду называлась и кандидатура сына Филарета.

По свидетельству Г. Брюнно, Земский собор отклонил все эти кандидатуры. «Бояре» (руководители ополчения) и большая часть земских выборных склоняются к тому, чтобы избрать царем Карла Филиппа²³. За несколько дней до приезда в Новгород Г. Брюнно шведы допрашивали приехавших в Новгород русских купцов. Купцы сообщали, что бояре, отвергнув

²² О Д.М. Черкасском в Тушине см.: Тюменцев И.О. Смутное время... С. 243, 363, 369, 536 и др.

²³ Сообщение Г. Брюнно изложено в донесении Я. Делагарди от 14 февраля 1613 г., которое опубликовано Г.А. Замятиным: Замятин Г.А. К истории... С. 71–72; О Трубецком Г. Брюнно так и сообщал, что казаки «желают его, так как он долгое время был их военачальником».

предложение избрать Михаила Романова, постановили вместе с выборными просить «великого князя из чужого государства и королевской семьи и происхождения», то есть Карла Филиппа, если в соответствии с обещанием короля он скоро прибудет в Московское государство²⁴. Вызывает удивление, почему о таком важном решении ничего не сообщает Г. Брюнно. Все это заставляет полагать, что подобная договоренность не была оформлена в виде какого-то обязательного решения и поэтому о ней шведскому гонцу сообщили в самой общей форме.

А.П. Павлов высказал интересные соображения о причинах симпатии земских выборных к кандидатуре Карла Филиппа. Среди выборных преобладали представители городов, расположенных к югу и западу от Москвы. Одни из этих земель находились под властью поляков, другим угрожала опасность с их стороны. Союз со Швецией давал возможность избежать такой опасности и добиться возвращения утраченного²⁵.

Вместе с тем стоит отметить, что, по свидетельству Брюнно, с мнением «бояр» согласились «другие земские чины в большинстве <..> за исключением казаков». Таким образом, не только казаки, но и какая-то часть выборных выступала против шведского кандидата. К этому времени следует отнести сообщение в донесении Делаярди от 13 апреля 1613 г., что Михаил Романов, узнав о выдвижении своей кандидатуры, спешно уехал из Москвы, дав отпор казакам, которые пытались его задержать²⁶.

Ряд источников указывает на то, что на первом этапе деятельности Собора в нем не участвовали члены боярской думы, сидевшие в Москве с поляками. По свидетельству Г. Брюнно, после освобождения Москвы бояре отправились в Ярославль, опасаясь, чтобы казаки «не причинили им какого-нибудь насилия»²⁷. Сходное сообщение читается и в показаниях детей боярских И. Чепчугова, Н. Пушкина и Ф. Дурова, взятых в плен шведами 17 июня 1614 г. Как выяснил Г.А. Замятин, стольник И. Чепчугов был членом «совета земли» — правительства Второго ополчения, Н. Пушкин и Ф. Дуров были участниками Земского собора, подписавшими грамоту об избрании Михаила Федоровича²⁸. Они сообщали, что бояре после освобождения Москвы как бы отправились на богомолье, так как «к ним враждебно отно-

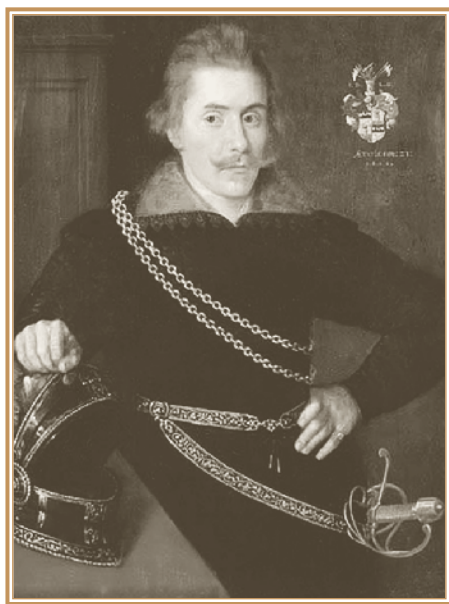
²⁴ Показания купцов см.: Арсеньевские шведские бумаги... С. 21–22.

²⁵ Павлов А.П. «Совет всея земли» и избирательная борьба в 1613 г. // Смутное время и земские ополчения в начале XVII в. К 400-летию создания первого ополчения под предводительством П.П. Ляпунова. Рязань, 2011. С. 75–76.

²⁶ Замятин Г.А. К истории... С. 73–74.

²⁷ Там же. С. 73.

²⁸ Замятин Г.А. Из истории... С. 123–125.

Якоб Делагарди.
Неизвестный
художник
голландской школы.
Начало XVII в.

сятся все простые люди страны из-за поляков»²⁹. В грамотах, исходявших от земского собора в январе — начале февраля, «бояре», как особый чин в составе его участников, не упоминались³⁰. Это сопоставление показывает, что термином «бояре» и в пересказе сообщения Г. Брюнно, и в сообщениях лазутчиков обозначались дети боярские во главе с Д.Т. Трубецким и Д.М. Пожарским, входившие в состав временного правительства — «совета всей земли».

Ясно, что это правительство считало возможным созвать Собор и обсуждать вопрос о выборе государя без участия членов боярской думы — традиционного органа верховной власти. Скоро, однако, положение изменилось. Об этом сообщает такой важный официальный источник, как Утвержденная грамота об избрании на царство Михаила Федоровича.

Согласно этому источнику, 7 февраля в заседаниях Собора был объявлен перерыв до 21-го числа, когда должно было быть принято решение об избрании царя³¹. Отсрочка мотивировалась тем, что следовало дожидаться еще не прибывших на собор делегаций, в особенности из Казани во главе с митрополитом Ефремом. Кроме того, ожидали приезда

²⁹ Арсеньевские шведские бумаги... С. 30.

³⁰ Павлов А.П. «Совет всея земли»... С. 77.

³¹ Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова. М., 1908. С. 43—44. Ряд исследователей утверждает, ссылаясь на текст этого источника, что 7 февраля состоялось «предизбрание» Михаила. Г.А. Замятин убедительно показал, что текст источника не дает оснований для такого утверждения (Замятин Г.А. Из истории... С. 163—166).

из Ярославля членов боярской думы во главе с кн. Ф.И. Мстиславским. Кроме того, на места были отправлены «тайно» гонцы, чтобы узнать настроения людей. Очевидно, в Москве хотели выяснить, совпадают ли настроения прибывших в столицу выборных с настроениями на местах. Собор возобновил работу 21 февраля, хотя к этому времени делегация из Казани так и не прибыла³². Очевидно, какие-то обстоятельства не позволяли ждать дольше.

О том, что произошло 21 февраля, когда Собор возобновил работу, сохранились известия двух источников, написанных уже на определенном временном удалении от события. Одно из них — «Сказание» Авраамия Палицына, написанное около 1620 г. В нем говорится, что, когда перед началом новых заседаний был объявлен трехдневный пост, на троицкое подворье к Авраамиию Палицыну пришли «многие дворяне и дети боярские, и гости многих разных городов, и атаманы, и казаки» и принесли с собой «койждо своего чину писание» об избрании на царство Михаила Романова, как племянника последнего законного царя России перед Смутой Федора Ивановича. Из Калуги такое «писание» принес «от Калуги и от Северских градов» гость Смирной Судовщиков (представитель Калуги на Земском соборе). Они просили передать эти «писания» «державствующим боярам и воеводам». Затем рассказывается, что, познакомясь с «писаниями», «бояре и воеводы и весь царский синклит» приняли такое же решение и послали рязанского архиепископа и бояр на Лобное место, чтобы узнать мнение народа и воинства, которые также приветствовали избрание Михаила Федоровича³³. Важно отметить одну особенность этого рассказа — инициатива избрания Михаила Романова исходит от казаков и земских выборных, «бояре и воеводы» с нею лишь соглашаются.

Совсем по-иному описывается избрание Михаила в расспросах детей боярских И. Чепчугова, Ф. Дурова и Н. Пушкина, которые, как уже отмечалось, попали в плен к шведам в 1614 г. Как они рассказывали, казаки и простой народ с «великим шумом» пришли к боярам в Кремль, обвиняя их в том, что они не выбирают царя, чтобы самим управлять Россией и пользоваться ее доходами, и потребовали немедленно выбрать царя, чтобы они знали, кто должен вознаграждать их за службу. Таким царем должен быть избран Михаил Романов, так как его отцу завещал перед

³² Еще в марте митрополиту Ефрему писали из Москвы в Казань, в Москву он приехал вместе с Михаилом Федоровичем в мае 1613 г. (Любомиров П.Г. Очерки... С. 187). Из Нижнего Новгорода делегация также приехала, когда избрание Михаила уже состоялось (Иванов П. Описание Государственного Разрядного архива. М., 1842. С. 141. № 15).

³³ Сказание Авраамия Палицына. М.; Л., 1955. С. 231–233.

смертью царство Федор Иванович. Бояре пробовали возражать, ссылаясь на его молодость, предлагали отложить решение вопроса до его приезда из Костромы в Москву, но собравшиеся «ни на один час не хотели отойти от Кремля», пока думные люди и земские чины не принесли присяги Михаилу Федоровичу³⁴. Таким образом, согласно этому рассказу, главную роль в избрании Михаила сыграло выступление казаков, поддержанных населением Москвы.

Комментируя этот рассказ, Г.А. Замятин отметил, что, еще не имея этих сведений, Я. Делагарди писал королю 13 апреля 1613 г., что «казаки, нахо-

Михаил I Федорович
Романов.
*Миниатюра
из царского
титулярника.
XVII в.*

дящиеся там, в Москве избрали своим великим князем <..> Михаила Федоровича Романова». Новгородские купцы, посетившие в Выборге королеви́ча Карла Филиппа, говорили, что «в Московском государстве воры одолели добрых людей <..> в Московском государстве казаки без согласия бояр, воевод, дворян и лучших людей всех чинов ради своего воровства на Московское государство (поставили) государем Михаила Романова». В 1615 г. литовский канцлер Лев Сапега говорил пленному Филарету: «Посадили сына твоего на Московское государство одни казаки донцы»³⁵. К этим свидетельствам следует присоединить относящееся к 1613 г. письмо французского офицера Якова Маржерета английскому королю Якову I. Призывая этого правителя послать войска на русский Север, Маржерет писал, что

³⁴ Арсеньевские шведские бумаги... С. 30–31.

³⁵ Замятин Г.А. Из истории... С. 178.

нового царя выбрали одни казаки, большая часть общества живет в страхе перед ними и с радостью встретит английскую армию³⁶.

Хотя Г.А. Замятин, внимательно изучив и биографии лиц, от которых поступали сведения шведским властям, и обстоятельства, при которых записывались их показания (так, пленных детей боярских опрашивали порознь и сличали их свидетельства), серьезно обосновал фактическую достоверность собранных им известий, все же отсутствие независимых параллельных известий о событиях начала 1613 г. не давало возможности дать окончательное суждение о том, что из собранного исследователем можно считать твердо установленным фактом.

Положение изменилось, когда в 1985 г. А.А. Станиславский и Б.Н. Морозов опубликовали найденный ими памятник «Повесть о Земском соборе 1613 г.»³⁷. Позднее А.А. Станиславский сделал ряд наблюдений, сопоставляя сообщения «Повести» с известиями, поступавшими к Делагарди. Однако следует учитывать, что исследователя интересовала прежде всего роль казаков в происходивших событиях, а не история избрания Михаила Федоровича³⁸. Сопоставление разных описаний одних и тех же событий позволяет, как представляется, уточнить картину событий, которая была обрисована Г.А. Замятиным.

«Повесть», как справедливо заметил А.А. Станиславский, подтверждает свидетельства конца 1612 г. о засилье казаков в освобожденной от поляков Москве. «И хожаху казаки в Москве толпами, где ни двинутся гулять в базарь — человек 20 или 30, а все вооруженны, самовластны... От боярска же чина никто же с ними вопреки глаголати не смеюще»³⁹.

«Повесть» содержит важные данные о взаимоотношениях казаков с одним из руководителей правительства — Д.Т. Трубецким. В «Повести» рассказывается, что в течение полутора месяцев (очевидно, от первого до последнего заседания Земского собора) Д.Т. Трубецкой в Кремле, где он жил в бывшем дворе Бориса Годунова, устраивал для казаков пиры, «моля их, чтоб быти ему на России царем и от них бы, казаков, похвален же был»⁴⁰. Хотя автор «Повести» говорит, что казаки «посмеялись» над Трубецким, они, как сообщал в Новгороде Г. Брюнно, на первых заседаниях предлагали

³⁶ *Dunning Ch. A letter to James I concernihg the english plan for military intervention in Russia // Slavonic and East European Review. London, 1989. V. 67. № 1. S. 105–106.*

³⁷ *Станиславский А.А., Морозов Б.Н. Повесть о Земском соборе 1613 г. // Вопросы истории. 1985. № 5.*

³⁸ *Станиславский А.А. Гражданская война в России XVII в. М., 1990. С. 87 и сл.*

³⁹ *Повесть... С. 94.*

⁴⁰ *Там же. С. 95.*

членам Собора его кандидатуру. Теперь ясно, что это был результат действий самого претендента. Г.А. Замятин, опираясь на ответ руководителей правительства митрополиту Исидору от 15 ноября 1612 г., относил их к числу сторонников шведского кандидата⁴¹. В свете новых данных эти сообщения могут относиться только к Д.М. Пожарскому.

Сообщение «Повести», что Д.Т. Трубецкой устраивал пиры полтора месяца, показывают, что и после отклонения его кандидатуры он продолжал борьбу за нее. Это позволяет по-иному, чем Г.А. Замятин, оценить такой факт, как торжественное пожалование Земским собором в январе 1613 г. Ваги Д.Т. Трубецкому⁴². Г.А. Замятин полагал, что выдача грамоты была своеобразной компенсацией за отклонение его кандидатуры⁴³. Возможно, для некоторых участников Собора дело так и обстояло. Однако стоит вслед за А.П. Павловым⁴⁴ обратить внимание на некоторые особенности документа. В нем подчеркивалось, что Вага ранее была пожалована Федором Ивановичем Борису Годунову, пространно восхвалялись его заслуги как главного организатора освободительного движения. Для Д.Т. Трубецкого такое публичное признание его заслуг было, очевидно, важным шагом к достижению желанной цели. Вместе с тем заслуживает внимания наблюдение А.П. Павлова, что грамоту не скрепили своими подписями находившиеся в Москве думные чины — участники ополчений.

Высказывания «Повести» о том, что казаки «смеялись» над Трубецким, относятся, как представляется, к тому времени, когда в работе Собора наступил двухнедельный перерыв. Казаки продолжали ходить к Трубецкому на пиры, обещали ему свою поддержку, хотя уже решили отказаться от его кандидатуры. Когда это выяснилось, Д.Т. Трубецкой с горя заболел: «Лицо у него ту с кручины почерне, и паде в недуг, и лежа три месяца, не выходя с двора своего»⁴⁵.

В «Повести» отмечается, что «бояре» надеялись на уход казаков из столицы, но те твердо решили дожидаться избрания царя. Далее в «Повести» рассказывается, что после созыва казачьего круга более 500 казаков направились на подворье к крутицкому митрополиту. Взломав ворота, казаки ворвались на подворье и «з грубыми словесы» потребовали ускорить избрание царя⁴⁶. По-видимому, как предполагает А.Л. Станиславский,

⁴¹ Замятин Г.А. Из истории... С. 111–112.

⁴² Забелин И.Е. Минин и Пожарский. СПб., 2005. С. 228–233.

⁴³ Замятин Г.А. Из истории... С. 146.

⁴⁴ Павлов А.П. «Совет всей земли»... С. 76–77.

⁴⁵ Повесть... С. 95.

⁴⁶ Там же.

именно благодаря этому выступлению казаков заседание Собора, на котором должен был решиться вопрос об избрании царя, было назначено на 21 февраля⁴⁷.

Центральное место в «Повести» занимает рассказ о том, как, ворвавшись в Кремль, казаки заставили бояр принять решение об избрании Михаила Федоровича. Как справедливо отметил А.Л. Станиславский, рассказ «Повести» обнаруживает целый ряд совпадений с рассказами пленных детей боярских⁴⁸. Так, в обоих сообщениях казаки, требуя выбора Михаила Федоровича, аргументируют это тем, что еще его отцу Федору завещал царство («благословил посох свой») царь Федор Иванович. По словам детей боярских, бояре, пытаясь отклонить это предложение, ссылались на молодость кандидата, в «Повести» об этом говорит казакам («еще млад и не в полном разуме») его родной дядя, Иван Никитич Романов.

Совпадение между собой двух независимых источников позволяет рассматривать такое выступление казаков как точно установленный факт. Очевидна и значительная роль этого выступления в избрании первого представителя династии Романовых. Особого внимания заслуживает одно сообщение «Повести»⁴⁹. Согласно этому источнику бояре предложили избрать царя жребием из числа восьми «вельмож боярских» и именно сообщение об этом побудило казаков к действиям. Г.А. Замятин полагал, что бояре хотели выбрать Карла Филиппа и лишь вмешательство казаков заставило их переменить свое решение⁵⁰. Свидетельство «Повести» противоречит этой гипотезе. Согласно ей, «бояре» носились с таким планом с самого начала работы Собора⁵¹. Утверждение это вызывает большие сомнения. В перечне из 8 вельмож, приведенном в «Повести», помимо Трубецкого и Пожарского фигурируют Ф.И. Мстиславский, И.М. Воротынский, И.Н. Романов, Ф.И. Шереметев — бояре, сидевшие в Москве с поляками и ушедшие после этого в Ярославль. Такие кандидаты могли быть выдвинуты лишь вернувшимися в Москву членами думы, а не властями ополчения.

Из самой «Повести» видно, что об этом плане стало известно, когда на собравшемся Соборе бояре объявили о своих намерениях⁵². Перед нами явно инициатива вернувшихся в Москву членов боярской думы, которые и ранее не были сторонниками Карла Филиппа. Обращают на себя внимание изме-

⁴⁷ Станиславский А.Л. Гражданская война... С. 88–89.

⁴⁸ Повесть... С. 95; Станиславский А.Л. Гражданская война... С. 89.

⁴⁹ Повесть... С. 95.

⁵⁰ Замятин Г.А. Из истории... С. 177–178.

⁵¹ Повесть... С. 94.

⁵² Там же. С. 95.

Посольство Земского собора, прибывшее в Костромской Ипатьевский монастырь, сообщает Михаилу Романову об избрании его на царство.

Фрагмент миниатюры из «Книги об избрании на превысочайший престол великого Российского царствия великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича, всея Великия России самодержца». XVII в.

нения в поведении казаков в начале и в конце деятельности Земского собора. В конце января — начале февраля казаки предлагают Собору своего кандидата, когда Собор его отклоняет — казаки предлагают другого, 21 февраля казаки выдвигают только одного кандидата и в резкой, ультимативной форме. Г.А. Замятин не дал никакого объяснения этим переменам в их поведении.

Объяснение, как представляется, следует искать в изменении общественных настроений во время двухнедельного перерыва в работе. Думается, для хода и исхода борьбы за трон имело важное значение выступление казаков на первом этапе работы Собора с кандидатурой Михаила Романова. Это выступление показывало, что в обществе есть силы, которые поддерживают такого кандидата. Очевидно, оно побудило влиятельный романовский клан развернуть и в центре, и в провинции энергичную агитационную деятельность в пользу своего кандидата. В противном случае вряд ли бы приехал из Калуги с «писанием» об избрании Михаила Романова гость Смирной Судовщиков. Если для казаков Михаил Романов был привлекателен как сын Филарета, тушинского патриарха Ажедмитрия II, то эта сторона деятельности Филарета не могла привлечь к нему те круги населения, которые с приверженцами Ажедмитрия II воевали. При обращении к этим кругам населения Филарет выступал как Федор Никитич Романов, двоюродный брат царя Федора, которому, как близкому родственнику, царь завещал свой трон. Как показал С.Ф. Платонов, такая легенда появилась вскоре после смерти Федора

Ивановича⁵³. В то время она не оказала сильного воздействия на общество. Иная ситуация сложилась после многих лет Смуты. Связь между последним царем династии Рюриковичей, после смерти которого в стране скоро прекратилась нормальная жизнь, и его молодым племянником отражала в сознании общества стремление к возвращению к нормальной жизни, некогда существовавшей и надолго исчезнувшей, тем более что этот 14-летний племянник никак не участвовал в событиях Смуты, и тем легче было связывать с его образом свои ожидания. Имел значение и тот авторитет, который приобрел в сознании русских людей его отец Филарет, который на переговорах под Смоленском упорно отстаивал интересы Русского государства, за что он вместе с другими членами «великого» посольства был арестован и выслан в заточение в Польшу. Сложившаяся ситуация получила определенное отражение в «Сказании» Авраамия Палицына. С мест приезжали выборные, принадлежавшие к разным общественным кругам, с «писаниями», в которых поддерживалась кандидатура Михаила Романова, встречались между собой, обсуждали положение дел. По «Сказанию» получается, что единственным местом, куда они приходили со своими «писаниями», было Троицкое подворье, где находился сам автор «Сказания». Следует, однако, учитывать, что Палицын систематически стремился подчеркнуть свою роль в происходивших событиях. Можно поэтому думать, что подобные собрания, встречи и разговоры происходили не только на Троицком подворье, но и в других местах Москвы, города, где находились сотни приехавших на Собор выборных представителей разных «чинов» русского общества. Важно свидетельство Авраамия Палицына, что к нему на подворье вместе с земскими представителями приходили «атаманы и казаки». На таких собраниях последние могли убедиться, что теперь не только они, но и прочие выборные поддерживают кандидатуру Михаила Романова. Отсюда, как представляется, резкий ультимативный характер действий казаков. Возможно, у приехавших из Ярославля членов Боярской думы были другие планы, но в сложившемся положении они не могли противостоять внешнему давлению, тем более что есть основания думать, что и среди членов думы были сторонники этого кандидата.

Поступавшие к Делагарди сведения говорят о конфликте, вспыхнувшем между сторонниками Михаила Романова и руководителями «Совета всей земли». Причины недовольства Д.Т. Трубецкого понятны, так как он сам рассчитывал занять трон. Серьезное недовольство принятым решением

⁵³ Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. СПб., 1899. С. 229 и сл.

Помазание на царство Михаила Федоровича Романова.

Фрагмент миниатюры из «Книги об избрании на превьсочайший престол великого Российского царствия великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича, всея Великия России самодержца». XVII в.

проявил и Д.М. Пожарский. Как сообщал выехавший в Новгород в феврале 1614 г. сын боярский Никита Калитин, он открыто возражал против принятого решения, утверждая, что Русское государство не в состоянии вести войну на два фронта и ему необходим союз со Швецией. Как сообщал 13 апреля 1613 г. Я. Делагарди, казаки осадили Трубецкого и Пожарского на их дворах и заставили их согласиться на избрание Михаила Романова⁵⁴. В этих драматических обстоятельствах завершилась деятельность временного правительства ополчений — «Совета всей земли».

25 февраля датирован целый ряд грамот с сообщением на места о воцарении Михаила Федоровича⁵⁵, а с 26 февраля распоряжения об управлении страной «по государеву указу» стал выдавать традиционный верховный орган власти — боярская дума⁵⁶.

К Делагарди в Новгород поступали сведения, что «земские чины и бояре <...> не уважают» царя, навязанного им казаками, что «большая часть бояр» удалилась в свои владения, не желая признавать Михаила Федоровича, что даже его родственники не желают его избрания и не советуют

⁵⁴ Арсеньевские шведские бумаги... С. 27; Замятин Г.А. К истории... С. 74.

⁵⁵ В разрядной книге приведен текст грамоты Земского собора во Владимир (без подписей): Дворцовые разряды. Т. I. СПб., 1850. Стб. 46—51. Сохранились грамоты Земского собора от 25 февраля на Двину, в Пошехонье и в Колу (Зимин А.А. Акты Земского собора 1612—1613 гг. // Записки отдела рукописей Гос. библиотеки им. В.И. Ленина. Вып. 19. М., 1957. С. 189—191; Любомиров П.Г. Очерки... С. 305—306; Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 238. Оп. 1. № 292. Л. 77—90 об.

⁵⁶ Любомиров П.Г. Очерки... С. 231—232.

ему принимать власть⁵⁷. Однако есть основания полагать, что информаторы Делагарди преувеличивали характер и масштабы конфликта. Грамоты на места исходили от участников Земского собора во главе с митрополитом Кириллом и скреплены рукоприкладствами и членов боярской думы (Ф.И. Мстиславский, И.В. Голицын, Ф.И. Шереметев, И.С. Куракин, Б.М. Лыков, А.А. Нагой) и Пожарского с Трубецким.

Второго марта к находившемуся в Костроме Михаилу было направлено от имени Земского собора посольство, в состав которого вошли рязанский архиепископ Феодорит, архимандриты Чудова, Новоспасского и Симонова монастырей, бояре Ф.И. Шереметев и В.И. Бахтеяров-Ростовский, дети боярские, приказные люди, выборные люди из городов⁵⁸. В конце весны новый монарх прибыл в Москву. 11 июля состоялась его коронация⁵⁹.

Выступление казаков, несомненно, сыграло важную роль в избрании Михаила Романова, так как положило конец возможным поискам других кандидатов. Вместе с тем его значение не следует преувеличивать. Оно привело к успеху потому, что к 21 февраля 1613 г. очень значительная часть русского общества связывала с именем молодого кандидата надежды на возвращение к мирной жизни, разрушенной Смутой.

⁵⁷ Арсеньевские шведские бумаги... С. 23; *Замятин* Г.А. К истории... С. 74.

⁵⁸ Дворцовые разряды... Т. I. Стб. 17–18.

⁵⁹ Там же. Стб. 95.

Ключевые слова:

«Совет всей земли», Дмитрий Трубецкой, Дмитрий Пожарский, королевич Карл-Филипп, Михаил Федорович Романов, бояре, «дети боярские», казаки

Boris N. Floria

ELECTION OF TSAR MIKHAIL

he article touches upon the events connected to Zemskoy Sobor after which Mikhail Fedorovich Romanov was elected to the Russian throne. Various sources are compared and analyzed, including some rarely referred to in the historiography of the messages, addressed to Y. Delagardy in Novgorod. The author comes to the conclusion that at the beginning the Second Army leaders didn't support Mikhail Romanov's candidacy to take the throne, as proposed by part of the Kozaks, while D.M. Trubetskoy was hoping to be elected himself, and D.M. Pozharskiy favored the Swedish Prince Carl-Phillip to become next Russian Tsar. The two days pause in the Zemskoy Sobor session in February 1613 was the breaking point, during which Mikhail Fedorovich gained support from various social groups not only in Moscow, likely with the help of his relatives. As a result, the Second Army leaders under Kozak's pressure agreed to elect Mikhail Fedorovich.

Флоря Борис Николаевич

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН,
главный научный сотрудник Института славяноведения

Л.А. Черная

ПРИДВОРНАЯ КУЛЬТУРА АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА:

от Артаксеркса до Орфея...

второй царь дома Романовых на российском престоле, «Тихайший» Алексей Михайлович (1645–1676) воспринимал придворную культуру, в особенности церемониальную ее составляющую, как наглядное воплощение «государева чина».

Порой кажется, что и смысл своего правления он видел в соблюдении ритуала, в каждодневной демонстрации своим подданным «чести» и «чина» своей власти. Тем не менее за время его правления изменился и сам Алексей Михайлович, перемены произошли и в его придворной культуре...

Алексей Михайлович прошел сложную эволюцию своего становления как государя и личности. Он был хорошо образован (правда, не по европейским меркам), в его библиотеке помимо церковно-учительной литературы были и военные и естественнонаучные издания и рукописи («Космография», «Грамматика», «Лексикон» и др.). Он знал и цитировал изречения Аристотеля: «А Аристотель пишет ко всем государем, велит выбирать такова человека, который бы государя своего к людям примирял, а не озлоблял!»¹ Иногда пускал в ход и античные сравнения, показывая свои познания в античной мифологии: «...имай крепко опасенье и Аргусовы очи по всяк

¹ Письмо князю Н.И. Одоевскому // РГАДА. Ф. 27. № 127. Л. 33.

час беспрестанно в осторожности пребывай...»² Государь не чужд был даже сочинительства. Он сочинил и собственноручно расписал ритуал освящения садов в Измайлово — «Чин освящения огородов». При его непосредственном участии был составлен «Урядник сокольничья пути», в котором он сделал характерную приписку своей рукой: «Делу время и потехе час!». Также видно его участие в составлении «Чина объявления царевича наследником» в 1667 г. В одном из своих писем Алексей Михайлович написал нечто, похожее на силлабические вирши:

«Рабе Божий! Дерзай о имени Божии
И уповай всем сердцем: подаст Бог победу!
И любовь и совет великой имей с Брюховецким,
И себя и людей Божиих и наших береги крепко»³ и т. д.

Алексей Михайлович может быть охарактеризован как правитель, стремившийся воплотить в жизнь свой идеал «совершенного государя» — наместника Бога, отвечающего за своих подданных. Он называл свою миссию управления государством «Божьим делом»: «Бог благословил и передал нам, государю, править и разсуждать люди свои на востоке и на западе, и на юге и на севере вправду: и мы Божии дела и наши государевы на всех странах полагаем — смотря по человеку...»⁴

Алексей Михайлович прошел путь от «тишайшести» к некоторой «грозности». Его правление можно разделить на два этапа: начальный, когда молодой и неопытный царь искал опоры в своем «дядьке» — воспитателе Б.И. Морозове, в родственниках царицы, в своем духовнике Стефане Вонифатьеве, возглавлявшем «ревнителей древнего благочестия», патриархе Никоне и других лицах, и период зрелости, когда уверенный в себе монарх умело и самостоятельно решал самые сложные вопросы. Границей между этими периодами стала русско-польская война 1654–1667 гг., в которой царь принимал личное участие, трижды отправляясь в военные походы. И хотя он не был увлеченным полководцем, как Петр Великий, но военное дело знал, в особенности артиллерийское и строевое, разбирался в самых разных военно-технических вопросах, много читал военной литературы, размышлял и анализировал прочитанное и даже как будто предложил чертеж пушки собственного изобретения.

Видимо, освоившись со своим царским статусом и положением, окрепнув в борьбе с внешними и внутренними врагами, Алексей Михайлович

² Бартенев П.И. Собрание писем царя Алексея Михайловича. М., 1856. С. 176.

³ Цит. по: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1961. Кн. VI. С. 607.

⁴ Бартенев П.И. Собрание писем царя Алексея Михайловича. С. 65.

хотел преодолеть «тихость», взял бразды правления крепко в свои руки и требовал беспрекословного подчинения и беспредельного уважения уже не только к царскому чину, который он носил, но и к себе как личности. В первые десять лет своего правления он склонен отделять себя как человека от царя как наместника Бога на земле, что видно, например, из его откровения патриарху Никону: «А про нас изволишь ведать, и мы, по милости Божии и по вашему святительскому благословению, как есть истинный царь христианский наричуся, а по своим злым мерзким делам недостоин и во псы, не токмо в цари!»⁵ В 1655 г. он еще может поиронизировать над честью, которую ему воздали шведы: «...Посланник приходил от шведского Карла короля, думный человек, а имя ему Уддеудла. Таков смышлен: и купить его, то дорого дать что полтина, хотя думный человек; мы, великий государь, в десять лет впервые видим такого глупца посланника! ...Тако нам, великому государю, то честь, что прислал обвестить посланника, а и думного человека. Хотя и глуп, да что же делать? така нам честь!»⁶ Но во второй половине своего правления подобных шуток над царским статусом и своей личностью государя Алексей Михайлович уже не допускал!

Неудивительно поэтому, что лидер старообрядцев протопоп Аввакум неоднократно сравнивал царя с Навуходоносором, обожествившим себя в «златом теле» и заставлявшим поклоняться ему своих подданных (что хорошо было известно всем русским по знаменитому «Пещному действу», обряду, регулярно проводившемуся в церквях и показывавшему трех иноков, отказавшихся поклоняться телу златому и не сторевших в печи огненной). Аввакум также разоблачал «мысли» Алексея Михайловича, якобы думающего, как Навуходоносор: «Бог есмь аз! Кто мне равен? Разве Небесной! Он владеет на небеси, а я на земли, равен ему!»⁷ Представляется, что подобные мысли не были чужды «тишайшему», хотя он всячески подчеркивал, что для него христианское смирение было более привлекательной идеей, чем возношение.

Эволюция личности Алексея Михайловича отразилась на его отношении к придворной культуре, введении мощных новаций в области искусства и литературы. В начальный период своего государствования царь сосредоточился на церемониале, воплощавшем, с одной стороны, средневековый, а с другой — восточный тип культуры. Церемониал был стержнем средневековой придворной культуры, а стержнем самого церемониала был, в свой

⁵ Там же. С.152.

⁶ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1961. Кн. V. С. 641.

⁷ Памятники истории старообрядчества / Под ред. Я.Л. Барскова и П.С. Смирнова. Л., 1927. Кн. 1. Вып. 1. Стлб. 466.

Торжественный выход русской царицы Марии Ильиничны (Милославской) в церковь.
Рисунок из альбома Мейерберга «Виды и бытовые картины России XVII в.».

черед, «чин». Понятие «чин» в средневековой культуре включало 14 значений (порядок, подчинение, последование, правило, устав, степень, должность, сан, сонм, знамя, значение, время и др.)⁸, из которых на первом месте было пришедшее из Византии толкование «чина» как правильного, утвержденного Богом миропорядка. Именно это значение не просто предпочитал Алексей Михайлович, а, можно сказать, боготворил: следование «чину» у него стояло на первом месте и в государственных делах, и в общественных отношениях, и в семье, везде и всегда. Чину были подчинены венчания на царство, военные парады, встречи иностранных послов, церковные действия («Шествие на ослати», «Пещное действо»), крестные ходы и службы, весь придворный церемониал, а также и вся каждодневная жизнь средневековых людей.

Входя в кружок «ревнителей древлего благочестия», группировавшийся вокруг протопопа Благовещенского собора в Кремле и царского духовника Стефана Вонифатьева, монарх тесно связывал придворный церемониал с церковной службой. Даже свою свадьбу с Марией Ильиничной Милославской он приказал сопровождать не игрой на гуслях и домрах, как было принято ранее, а церковными песнопениями дворцовых певчих.

Наиболее полно представления царя о чине отразились в «Книге глаголемой Урядник, новое уложение и устроение чину сокольничья пути» 1656 г., которая начинается с развернутого обоснования, что такое чин

⁸ См.: Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1895. Т. 3. Стлб. 1519–1522.

и почему он необходим: «Государь царь и великий князь Алексей Михайлович... указал быть новому сему образцу и чину для чести и повышения ево государевы красныя и славныя птичьи охоты, сокольничья чину. И по ево государеву указу никакой бы вещи без благочиния и без устроения уряженного и удивительного не было, и чтоб всякой вещи честь, и чин, и образец писанием предложен был. Потому, хотя мала вещь, а будет по чину честна, мерна, стройна, благочинна — никто же зазрит, никто же похулит, всякой похвалит, всякой прославит и удивитца, что и малой вещи честь, и чин, и образец положен по мере. А честь, и чин, и образец всякой вещи большой и малой учинен потому: честь укрепляет и возвышает ум, чин управляет и утверждает крепость. Урядство же уставляет и объявляет красоту и удивление, стройство же предлагает дело. Без чести же малитца и не славитца ум, без чину же всякая вещь не утвердитца и не укрепитца, безстройство же теряет дело и воставляет безделье»⁹. Отсюда явствует, что чин призван «управлять и утверждать крепость» любого дела наравне с честью и красотой, именно чин придает всему на свете «меру, стройность и благочиние», и правильный чин любой вещи вызывает похвалу, удивление, приносит славу его создателю и исполнителю. Красота же кровно связана с чином через «урядство», то есть устроение и украшение. Все эти составляющие «чина» царь и воплощал в своих церемониалах, причем постепенно нарастало число европейских деталей, вплетавшихся в ритуал, усиливалось акцентирование на красоте как важнейшей характеристике придворной культуры. Если так можно выразиться, Алексей Михайлович эстетизировал средневековый «чин», смещая акцент с сакральной внутренней его сущности на внешнюю и светскую по своей природе красоту.

Сохранились описания пышных ритуалов времен Алексея Михайловича, сделанные иностранными наблюдателями. Так, «Шествие на осяти», проводившееся в Вербное воскресенье и знаменовавшее вход Христа в Иерусалим, в XVII в. приобрело невиданный ранее размах и пышность. Действо предварял крестный ход из Успенского собора Кремля через Спасские ворота к Входиерусалимскому приделу Покровского собора на Красной площади, затем оттуда к Лобному месту, а уже там патриарх садился на лошадь, которую вел под уздцы царь, и процессия возвращалась назад в Кремль к Успенскому собору. Число участников сего действия возрастало с каждым годом, в изобиловавшем церемониями разного рода 1675 году в действе участвовало 300 священников и 200 дьяконов. Известно также,

⁹ Урядник сокольничья пути // Памятники литературы Древней Руси. XVII в. Кн. 2-я. М., 1989. С. 286.

что непосредственно во время Шествия на осляти» дети стрельцов устилали дорогу тканями красного и зеленого цвета, и число детей достигало 1000. Все части ритуала были сбалансированы и продуманы до мелочей. Вдоль дороги от Успенского до Покровского собора стояли расписанные кадучки с вербой; главная верба, украшенная яблоками, искусственными цветами и птицами, устанавливалась на сани, покрытые красным сукном, рядом с Лобным местом; веточки вербы и пальмовые ветви были также в руках у участников шествия. На Лобном месте устанавливали аналой с Евангелием и иконы Иоанна Предтечи и Николая Чудотворца. Все, что только можно,

Вербное воскресенье в Москве.
Рисунок из альбома Мейерберга. XVII в.

покрывали коврами, сукном, бархатом, полотном. Одежды участников блистали золотом.

Крестный ход поражал стройностью, хоругвями, иконами, хрустальными крестами и проч. Кульминация праздника — возвращение в Кремль патриарха на лошади и царя, ведущего лошадь за конец красного повода, — оформлялся особенно выразительно: под колокольный звон дети устилали путь тканями и разноцветными одеждами, патриарх восседал на лошади, держа в руках Евангелие и крест, перед ним везли вербу с певчими дяками в белых одеждах; стольники несли перед царем жезл, государеву вербу, свечу и полотенце; шествие как бы окаймлялось людьми, держащими ветки вербы в руках. По описанию Якова Рейтенфельса, самым выразительным элементом шествия была повозка, которая возглавляла процессию по дороге в Кремль: «Впереди же всех едет повозка, везомая лошадьми в великолепных

попонах, на которой стоят искусственные деревья, обильно увешанные цветами и плодами. На ветвях их сидят несколько маленьких мальчиков, наряженных ангелами и весело приветствующих пением «Осанна»¹⁰.

Еще один пример — «Троицын ход» — паломничество в Троице-Сергиев монастырь, совершавшееся каждый год по осени. Вот, например, как происходил торжественный выезд царского семейства 19 сентября 1675 г. На Красной площади были устроены специальные помосты для цесарского и бранденбургского посланников, польского и датского резидентов, чтобы они могли лицезреть этот театр чина-церемониала, не влезая на крыши своих домов (как это делали другие иностранцы, например персидский купец со свитой). Череду процессий из Спасских ворот Кремля открывали 1500 стрельцов во главе со стрелецким головою Степаном Яновым, перед которым вели превосходного пегого аргамака <..> в тигровых пятнах. Стрельцы прокладывали путь царю до первого стана за городом, где царя ждало войско в 14 тысяч человек. Затем показался спальник И. Голохвастов с «постельничим возком», составлявшим более чем 30 повозок, охраняемых 250 конными стрельцами по трое с каждой стороны возка и с бичами, ярко сверкавшими золотом на солнце. Этих стремянных стрельцов возглавлял стольник Ю.П. Лутохин, важно восседавший на лихом коне, беспрестанно грызущем удила. Вслед за ними шли 62 лошади «царского седла», сбруя и попоны которых «горели в золоте и серебре». Конюхи во главе с Тарасом Растопчиным получили к походу новые золотые с серебром нашивки по польской моде. Следом вывели 12 лошадей царской кареты, удерживаемых 24 конюхами под уздцы.

Царская «второстепенная» карета блистала золотом и сверкала хрусталем. За ней шла группа во главе с ясельничим Ф.Я. Выпеславцевым, специальный человек нес скамейку, обтянутую красным сукном, которую ставили под ноги царя, когда он садился на коня. Потом ехали восемь всадников, прислуживающих царю в походе, а между ними несли персидские ковры для лошадей, вытканные серебром и золотом. Затем шла процессия рынд, которых сопровождал 21 жалец с кушаниями. Далее шел отряд в 12 лошадей, покрытых бархатными покровами. Для царского выезда были сшиты на дворе А.С. Матвеева новые, невиданные доселе конские снасти, а посему возницы не знали, как «наряжать» в этот конский наряд, и Матвееву пришлось самому это проделать на Соборной площади на глазах знати и иностранцев. Карету окружали шесть пеших с протазанами «в особливом платье». Вокруг кареты ехали стрелецкие головы и сотники, а также 60 со-

¹⁰ Рейтенфельс Я. Сказания о Московии // Утверждение династии. М., 1997. С. 373.

Симон Ушаков.
«Насаждение
древа государства
Российского».
1668 г.

кольников с алебардами и протазанами. За царской каретой, в которой помимо царя и царевича находился и князь Н.И. Одоевский как глава боярской думы, провожавший процессию до первой остановки, ехали остальные придворные — «множество бояр, стольников, чашников в золоте, серебре и жемчуге». Из них 13 думных людей, 24 спальника, 69 стольников, 31 стряпчий и 79 жильцов. Замыкали царский поезд три кареты и толпа слуг.

Следовавший за царским поезд царицы был значительно скромнее по количеству сопровождающих лиц, но не менее красочен и пышен. Если в царском поезде преобладали золотые и серебряные тона на красном фоне, то в царицыном — белый цвет: 12 белых лошадей, «обвязанных шелковыми сетками», везли колымагу царицы, окруженную 200 стрельцами. В конце процессии ехали 4 думных, 3 спальников, стольники царевичей и 230 московских дворян, за ними боярыни в возках, а в самом конце 26 детей боярских.

Возможно, данная процессия была одной из самых значительных за все царствование Алексея Михайловича. К ней готовились с особым размахом: были взяты драгоценности из царской казны, был куплен «венеч с коронами алмазный» для царицы за 15 000 рублей, было срочно сшито несколько десятков кафтанов для дворовых и однорядок для боярынь

царицы за казенный счет, выданы десятки золотых и серебряных нашивок на кафтаны стрельцов и т.д. Царь стремился произвести впечатление на иностранных гостей и трепетно ожидал донесений своих людей, которые должны были слушать все отзывы и оценки, которые дадут иноземцы при виде процессии. Причем, на мой взгляд, его волновало не столько восприятие богатства и пышности действия, сколько оценка красоты его. Он хотел показать европейцам, что и в России не отстают от европейской королевской моды (отсюда польские нашивки и новомодные конские снасти), что при дворе ценят не просто роскошь, но и красоту, что царь обладает вкусом к красивым вещам. Иностранцы не обманули ожиданий царя и громогласно восхищались «стройству ратному», изрядным ружьям, конскому наряду, персидским коврам в алмазах, украшению царских карет и пр. Бальзамом на душу мягкого и впечатлительного царя ложились слова императорского посланника, который буквально на все говорил, что ничего подобного нет в мире, а если когда-то и бывало, то только при императоре Августе! Датский резидент удивлялся, что «государский поход устроен паче всякого человеческого разумения»¹¹. Польский резидент пытался давать советы по поводу стрельцов: «люди все brave и с карабины золочеными», но им не хватает еще по 2 пистоля, вот тогда бы «строй его Государскому походу в красоту» был. И лишь бранденбургский посланник помалкивал, видимо, пораженный до глубины души происходящим...

Красота как важная составляющая придворной культуры прослеживается в описаниях ряда церемоний и ритуалов. Царь превращал в чин красоты даже самые далекие от парадности действия. Так, Яков Рейтенфельс, описывая военный смотр московских дворян перед походом против войск Стеньки Разина, удивлялся тому, что для обыденного в общем-то дела был построен великолепный шатер, в котором стоял царский трон, к которому вели двенадцать ступеней, покрытые прекрасными коврами; шатер отделяли от толпы специальные ограждения, для трубачей была построена высокая башня, пехота пестрела множеством знамен. Но особенно потряс его вид войска, которое «хотя и уступало в изяществе убранству, употребляемому в Европе, но зато превосходило его дороговизною тканей и азиатскою роскошью. Все зрители с изумлением останавливали взоры на всадниках... не только из-за их блестящего разнообразия оружия, но и вследствие красивого вида их одежд»¹².

¹¹ Подробнее см.: Седов П.В. Закат Московского царства. Царский двор конца XVII в. СПб., 2006. С. 400–405.

¹² Рейтенфельс Я. Сказания о Московии // Утверждение династии. С. 335.

Симеон Полоцкий.
Гравюра
Н.И. Соколова.
1801 г.

Конечно, «азиатская роскошь» еще присутствовала и даже возрастала в церемониях Алексея Михайловича, но, как уже говорилось, в нее начали вплетаться европейские, в особенности польские детали, число которых постоянно нарастало. Но если бы при дворе второго Романова произошли только эти перемены, то они слишком незначительны, чтобы говорить о повороте придворной культуры в сторону европеизации. Важнее другое: вторжение вербального начала в бессловесную по сути средневековую придворную культуру. Шествия были практически безмолвными, они и должны были восприниматься как некая яркая картина. Недаром царь возводил высокие помосты, с которых можно было охватывать взглядом все пространство, маркированное цветными одеждами, знаменами, коврами, золотыми и серебряными украшениями и оружием, сверкавшем на солнце... «Чины» (венчание на царство, объявление царевича наследником престола, свадьбы, похороны и др.) строились на очень незначительном и давно устоявшемся круге восклицаний и песнопений. Алексей Михайлович внес в чины искусство слова, вернее, он поощрял это начинание, возникшее при дворе под влиянием поэта Симеона Полоцкого.

Приехавший в Москву из Полоцка в 1664 г. Симеон уже в 1665 г. сочинил поздравительные вирши по случаю рождения у царя сына Симеона. «Приветственная книжица» была поднесена с «благоприветствованием» при ее вручении. Книгу открывала ода в честь Алексея Михайловича, далее шли стихи в виде креста в подарок новорожденному царевичу, стихи в виде двух звезд, «Беседа со Планиты» с предсказанием счастливой судьбы, «апостроф» к тезоименитому святому покровителю царевича с просьбой

взять его под свое покровительство, наконец, в конце книжицы стихи с лабиринтом, в котором читалось «многолетие» Симеону. Содержание книжицы было ново и интересно, в особенности беседа с планетами, в которой Меркурий обещал царевичу премудрость, Афродита (Венера) — красоту, Сатурн — приязнь, Луна — победу над Турцией. Успех сего церемониального действия с вручением стихотворного опуса гарантировал Симеону Полоцкому дальнейшее благоволение государя, а дорогие подарки автору стимулировали его работу.

С этого момента Симеон Полоцкий постоянно откликался в стихах на все события в царском семействе, как праздничные, так и печальные. Одной из самых ярких была книга «Орел Российский», поднесенная царю и его сыну Алексею 1 сентября 1667 г. по случаю объявления царевича наследником престола. Повод был экстраординарным, потребовавшим от поэта мобилизации всех своих способностей и ресурсов. Подносной экземпляр «Орла Российского» дошел до наших дней и хранится в Петровском собрании Библиотеки Академии наук. Это книга в четверть листа, в шелковом малиновом переплете с золотым обрезом, включающая 57 листов текста полууставом с раскрашенными рисунками. Книга начинается с двух посвящений царю и царевичу, озаглавленных по-гречески «Афиеросис», затем следует похвальное слово царю «Енкомион» с излюбленным Симеоном уподоблением Алексея Михайловича солнцу: «В рясноту светолитному царие солнцу подоблени бывают». Затем, как и положено, следовало похвальное слово царевичу — «Елогион», в котором Алексей Алексеевич наречен «вторым солнцем»:

Рекл бых един свет, но два созерцаю
Солнца, обаче иным нарицаю¹³.

Свет этих двух солнц оценивался Симеоном как в 7 раз превосходящий свет Феба («седмижды светлше»). Далее шла картинка с изображением солнца с 47 лучами, каждый луч обозначал одну из добродетелей, в диске солнца был нарисован двуглавый орел с мечом и скипетром, а на груди орла герб Московского государства в виде всадника с копьем. Просветительский пафос Симеона не мог обойтись без античных богов и героев, поэтому под этим изображением Аполлон и музы «стиховеждали», растолковывая его смысл — «что орел в солнце хочет знаменати». Девятая муза «Полиимния», к примеру, разясняла, что скипетр в лапе орла означает благодать, а меч в другой лапе знаменует укрепление державы. Из уст Аполлона исходило льстивое утверждение, что ни Гомер, ни Вергилий, Демосфен или

¹³ Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность. М., 1982. С. 289.

Аристотель «не способны воспеть славу нового солнца», то есть царевича Алексея, но только Орфей «з струнами своими»!

Среди приветственных книжиц Симеона Полоцкого выделяется также и «Гусли доброгласная», врученная 18 июня 1676 г. в день венчания на царство 14-летнего Феодора Алексеевича. Книга содержит пространное заглавие, пять эпиграфов, взятых из Библии, прозаическую речь Симеона к «боговенчанному» царю с пожеланием стать «вторым Константином», «вторым Владимиром» для церкви и царства, быть сильным, как Александр Македонский, добрым, как римский император Тит, кротким, как Давид,

Симеон Полоцкий.
Фигурное стихотворение
в форме сердца
«От избытка сердца
уста глаголят» из цикла
«Благоприветствования
на случай» —
в честь рождения
царевича Фёдора.
1661 г.

мудрым, как Соломон. Затем помещены стихи в форме креста и 20 пожеланий от лица патриарха, матери, царевичей, царевен, бояр и др.; последнее пожелание от имени «всех православных христиан» с утверждением, ставшим уже прописной истиной: «Ты — православных солнце». Есть там и 24 приветствия, и лабиринт с пожеланием «царству многа лета», и окончание («колофон»). В 1676 г. все эти составляющие симеоновых книжиц были уже очень хорошо известны при дворе, но вот что интересно: были ли приложены к подносному экземпляру книги особые стихи под названием «Желание творца» или нет? Дело в том, что подносной экземпляр не сохранился, а сборник произведений Симеона Полоцкого, подготавливаемый к печати его учеником Сильвестром Медведевым, содержит эти дополнительные вирши с пожеланиями поэта. Здесь Симеон просит создать типографию, чтобы распространять мудрость среди подданных «типом быстротечным». Следует отметить, что это пожелание было исполнено Феодором: была создана так называемая Верхняя типография, в которой Симеон Полоцкий начал издавать не только свои произведения, но и «Букварь», «Считание удобное», «Повесть о Варлааме и Иоасафе» и многие другие книги.

Как уже отмечалось, помимо поздравительных книжиц Симеон Полоцкий ввел при дворе и традицию подносить утешительные стихи

по самым печальным поводам. В 1669 г. на смерть царицы Марии Ильиничны он написал и поднес царю «Френы, или Плачи всех санов и чинов православно российского царства». Вручая книжицу, Симеон произнес речь, в которой просил Алексея Михайловича принять сие утешение, как Марфа и Мария по поводу смерти их брата Лазаря. Первым плачем был плач самого царя, на горе которого откликалось утешение от имени Веры: «Остави слезы, престани рыдати, царю вернейший, время плачу стати». Далее шли плачи «лик чад царских», царевен, чина духовного, «прсветлаго сингклита», «православного воинства», всех градов державы, всех стран-ных и пришлых, нищих, вдовиц и сирот, «церкви Ратующей» и др. На каждый плач отвечало очередное утешение от имени веры, надежды, любви, премудрости, воздержания, мира, заступления, церкви торжествующей. Типично барочная форма диалога и прения завершалась «Словом последнего целования» от имени почившей царицы, обращающейся по очереди ко всем плачущим, а также неизменным в симеоновых опусах лабиринтом со словами «Вечная память».

Намного содержательней была подобная же утешительная книжица, созданная по случаю смерти Алексея Михайловича в 1676 г. и поднесенная в день похорон его наследнику Феодору Алексеевичу. Симеон взял на себя смелость как бы воссоздать духовное завешание умершего отца к сыну, а не просто утешение новому государю. Глас «со заветом отчим» исходит как бы от самого умершего, который обращается из гроба также и к патриарху Иоакиму, «всему пресветлому царскому дому и ко всем саном духовным и мирским». Царь оставляет сыну 80 «велений» и требует, чтобы они были исполнены, «аще хоцещи благословен быти». Повеления пронумерованы (!), вероятно, для того, чтобы акцентировать внимание юного царя. Главное веление — искать мудрость:

«Мудрости ищи и проси у Бога,
Чрез ону помощь будет тебе многа»¹⁴

Особо отмечается необходимость чтения исторических книг — «от них бо мощно, что бе в мире знати». Помимо чтения мудрость следует получать от мудрых советников и старцев добронравных (каковым, по-видимому, Симеон считал и себя). Многие наставления типичны для средневековых поучений отца к сыну, в них встречаются пословицы и поговорки («то бо пожнеши, еже посееши»; «семы суть мысли, стебли же слова, класы суть дела, се жатва готова»), призывы творить добро, быть честным и милосердным и т.д. Эти стихи были столь популярны среди придворных, что их ко-

¹⁴ Там же. С. 295.

Иоганн Готфрид Грегори.
Гравюра XVII в.

пировали и хранили в своих домашних библиотеках, как это сделал, в частности, князь В.В. Голицын, известный фаворит царевны Софьи.

Будучи учителем царевича Алексея Алексеевича, Симеон Полоцкий наверняка участвовал в составлении той замечательной речи на польском и латинском языках, которую произнес царевич Алексей во время церемонии объявления его наследником престола 1 сентября 1667 года.

С легкой руки Симеона Полоцкого силлабические вирши зазвучали на всех придворных «чинах». Поэт сочинил также стихотворную «Заздравную чашу», которая оглашалась на царских пирах, создал он и, так сказать, типовые стихи, например вирши, которые мог произнести перед царем каждый отрок, впервые представляемый при дворе. Кроме того, начался просто-таки виршевой бум среди придворных, которые заказывали Симеону Полоцкому и другим поэтам стихи и для собственного выступления перед государем, и для своих домашних празднеств в кругу семьи. Придворные начали делать стихотворные подарки своему правителю по любым поводам и без оных. Таким образом, именно при правлении Алексея Михайловича поэзия заняла важное место в придворной культуре, потеснив бессловесный церемониал.

Еще больший вклад в европеизацию, а скорее полонизацию, придворной культуры середины XVII в. внес придворный театр. Хотя создание театра мыслилось как чуждая русской культуре иноземная «потеха» царя, темы пьес на библейские сюжеты, заказанные пастору Немецкой слободы Иоганну Готфриду Грегори и его помощникам — царскому лейб-медику Лаврентию Блюментросту и его ассистенту Рингуберу, учителю Юрию

Гибнеру, — лежали в русле благочестивых православных традиций «Тишайшего» Алексея Михайловича. Первым в 1672 г. было показано «Артаксерксово действо» на сюжет библейской книги Есфири. Через год состоялась премьера пьесы «Товий», созданной также на ветхозаветной основе. Еще через год, в 1674 г., царь смотрел «Иудифь», а затем и первый в русской истории балет «Орфей», называемый тогда «французскими плясками».

В начале 1675 г. театр показывал «Темир-Аксаково действо», поставленное после смерти пастора Грегори Юрием Гибнером. На ноябрь 1675 г. падают еще три премьеры: «Егориева комедия», «Жалобная комедия об Адаме и Еве», «Малая прохладная комедия об Иосифе». Наконец, 23–24 января 1676 г., за считанные дни до смерти, Алексей Михайлович смотрел «Комедию о Бахусе с Венусом» и «Комедию о Давыде и Галиаде». Уже из этого перечня видно, что череду ветхозаветных сюжетов прерывают пьесы и балеты на античные темы — «Комедия о Бахусе с Венусом» и «Орфей». Это не может быть случайностью, царь сам одобрял темы будущих спектаклей. Следовательно, европейский театральный репертуар начинает проникать в русский театр.

К сожалению, тексты пьес сохранились не все, а те, что дошли до нашего времени, написаны разными лицами — либо пастором Грегори, знавшим театр лютеранских школ, либо учителем Юрием Гибнером (Гивнером), переводчиком Посольского приказа Станиславом Чижинским и другими. Пастор Грегори, сын марбургского врача и пасынок лейб-медика Лаврентия Блюментроста, прибыл в Москву в 1658 г. и занял место приходского учителя при старой лютеранской кирхе. В школе Грегори основал небольшой театр, что было широко распространено в Европе, так что выбор Грегори в качестве создателя первого придворного театра в России был не случайным. Алексей Михайлович приказал Грегори «учинить комидию», а представить пьесу на текст из Библии по книге Есфирь. С помощью учителя приходской школы Юрия Михайлова Грегори собрал детей разных чинов служилых и торговых иноземцев, всего 64 человека. В 1673 г. пастор стоял уже во главе особой школы для обучения «комидийному делу», в которой числилось 26 мещанских детей. В постановке пьес ему помогали ассистент врача Блюментроста Лаврентий Рингубер, учитель Юрий Гибнер и «перспективных дел мастер» и свояк Гибнера Петр Инглес (Инглис). После смерти пастора Грегори в 1675 г. руководство театром перешло к учителю Юрию Гибнеру. Его скитания по Европе и появление в России в чем-то схожи с судьбой Грегори, но, в отличие от последнего, Гибнер не обладал достаточным талантом автора и постановщика «комидий» и ни разу не удостоился похвалы и подарков от царя. Его участие в постанов-

ках придворного театра было кратковременным и, можно сказать, не особенно удачным. В 1676 г. заведование театральным делом перешло в руки Степана Чижинского, а Гибнер вернулся к прежней должности учителя латинского и немецкого языков (в 1679 г. он стал переводчиком Посольского приказа). Степан Чижинский, происходивший из львовских дворян, прошел тоже нелегкую школу жизни. С 1657 г. он служил ротмистром в войске коронного гетмана С.Р. Потоцкого, но по какой-то причине бежал в Киев, где два года преподавал латынь в Киево-Могилянской коллегии. Его также побросало по свету, как и остальных устроителей театра, после

В царской палате.
Рисунок из альбома Мейерберга. XVII в.

Киева он оказался в Смоленске в роли учителя сына князя М.А. Голицына, будущего известного политического деятеля XVIII в. Дмитрия Михайловича Голицына. И уж потом он приехал в Москву и руководил постановкой двух пьес в придворном театре — «Комедии о Давиде с Галиадом» и «Комедии о Бахусе с Венусом» (23 и 24 января 1676 г.). Поскольку вскоре после этих премьер царь скончался, как и созданный им театр, Чижинский остаток своей карьеры был переводчиком (сначала при Паисии Лигариде, а с 1 февраля 1678 г. в Посольском приказе).

Общее руководство театром осуществлял, естественно, Артамон Сергеевич Матвеев, глава Посольского приказа, организовавший помимо придворного театра также создание в Посольском приказе иллюстрированных большеформатных рукописей для царского двора.

Возможно, исполнялась при дворе и одна из пьес известного придворного писателя Симеона Полоцкого — «О Навходоносоре царе, о теле

злате и о триех отроцех, в печи не сожженных». Она писалась специально для придворного театра, о чем свидетельствует обращение к царю и панегирик ему в предисловии:

«Благовернейший пресветлейший царю,
Многих царств и князств великий государю,
Пречестным венцем богоувенчанный,
Всем православным яко солнце данный
Велий его свет твой тме одолевает
Мрак безверия весма отгоняет»¹⁵.

Более всего нас интересует, что представляли из себя «Комедия о Бахусе с Венусом» и балет «Орфей». Вообще, античные персонажи попадались и в других пьесах придворного театра. Новым и непривычным было для русской культуры обращение к античной мифологии, внесенной в русском средневековье в черный список «внешних лжей и баснословных повестей». В первых же пьесах героев и героинь постоянно сравнивают с античными богами и богинями. Например, в «Артаксерксовом действе» Аман говорит: «Но желаем в ваше упокоение, дабы в вышних небесных пределах оный Фебус зависть прочим приял, тогда убо множество богов лики познают, яко пред вами не суть велики. Кто весть, аще и самый Юпитер тебе возглаголет «Ты еси царь!», и ты на престоле своем восхошет посадити, Юнона же ты, о царица, на колеснице имать возводитьи»¹⁶. В «Иудифи» Сисера сравнивает с Юпитером Навуходоносора, а с Марсом — Олоферна. Один из второстепенных персонажей называет себя Меркурием, «понеже сию богиню Венус к Марсу привел есмь». В «Темир-Аксакове действе» после обращения к Алексею Михайловичу на сцене появлялась одинокая фигура бога Марса «с воинскою свещею», произносящего «с яростию»: «Гром и большой пущечный наряд, град и стреляние из мушкетов гранат, и ракеты огненные, молния и град, подкоп и разорвание! Выступи, Плут, из дна земли з болшою яростию»¹⁷.

Почти целиком из античных персонажей состояли балет «Орфей» и «Комедия о Бахусе с Венусом», о постановке которых известно крайне мало. Остались хвалебные стихи царю, которые пел Орфей перед балетом, в изложении Якова Рейтенфельса. Он заявляет, что приводит точные слова, которые Орфей произнес в адрес царя, «прежде чем он начал плясать ме-

¹⁵ Ранняя русская драматургия (XVII — первая половина XVIII в.). Т. 2 «Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в.». М., 1972. С. 161.

¹⁶ Ранняя русская драматургия (XVII — первая половина XVIII в.). Т. 1 «Первые пьесы русского театра». М., 1972. С. 435–436.

¹⁷ Там же. С. 209.

жду двумя движущимися пирамидами». Слова эти, естественно, в пересказе иностранного наблюдателя, мало чем отличались от других вступлений к придворным спектаклям: «Наконец-то настал тот желанный день, когда и нам можно послужить тебе, великий царь, и потешить тебя! Всеподданнейшие должны мы исполнить долг свой у ног твоих и трижды облобызать их! Велико, правда, твое царство, управляемое твоею мудростью, но еще больше слава о доблестях твоих, высоко превозносящая тебя...» Далее говорилось о том, что настали мирные времена после долгой войны, то есть войны с Польшей 1654–1667 гг.

Боярин Артамон Сергеевич Матвеев.
Гравюра. XVIII в.

Основной мыслью, так же как и в других прологах к пьесам, была мысль о величии русского царя. Здесь она выражалась в хорошо всем известном обожествлении, правда, царь был уподоблен не единому христианскому Богу, а «богам», по всей видимости, олимпийским: «Высокие качества твои должно приравнять качествам богов, ибо тебе уже теперь все уступают». Звучало в словах Орфея и сравнение царя с солнцем, только и в него были внесены коррективы, снижавшие пафос уподобления, так как помимо солнца монарх сравнивался с луной и звездами (хотя в придворной поэзии Алексея Михайловича с луной обычно сравнивалась царица, а со звездами — царевичи и царевны), что совершенно меняло общий смысл: «О, светлое солнце, луна и звезды русских!» Заканчивалось вступление перед танцами следующими словами: «Кто так близок к божествам, тот должен процветать! Итак, зазвучи же приятно, струнный мой инструмент; а ты, гора-пирамида, приплясывай под мое

пение»¹⁸. Как пишет Я. Рейтенфельс, далее и начался собственно балет, в котором Орфей танцевал между двумя движущимися пирамидами. Больше об этом спектакле автор записок ничего не говорит, а из его слов составить более-менее полную картину невозможно. Из других источников известно, что в балете участвовало двадцать мещанских детей, обученных танцам инженером Н. Лимой, они были одеты в киндячные (то есть сшитые из дешевого подкладочного материала) платья пяти цветов, на головах у них были широкополые немецкие шляпы, а на ногах башмаки. Скорее всего, это были некие плавные движения под инструментальную музыку, что само по себе уже было новацией в придворной культуре, ведь ни «французские пляски», ни тем более инструментальная музыка никогда ранее не допускались в качестве развлечения царя. И как мы знаем, Алексей Михайлович поначалу сопротивлялся сей новации, не желая допустить инструментальную музыку в качестве музыкального сопровождения в балете. Его с трудом удалось уговорить на этот шаг, что и понятно, если вспомнить о его «тишайшести» или хотя бы о том, что на его свадьбе звучала не привычная для русских средневековых свадеб музыка труб и свирелей с барабанами и тимпанами, а слышны были только песнопения царских певчих религиозного характера. Появление инструментальной музыки в придворном театре способствовало ее утверждению в русской культуре в целом.

Упомянем также, что в «Комедии о Бахусе и Венусе» помимо Бахуса и его супруги Венеры участвовали также их сын Купидон, пьяницы, девицы, «бордачник», отец пьяниц, слуги, музыканты, шут¹⁹. Для Бахуса была изготовлена большая полотняная голова с приклеенными к ней волосами и бородой. Он восседал на винной бочке на колесах. Отсюда нетрудно предположить, о чем шла речь в пьесе, носившей, по-видимому, пародийный гротескный характер.

Таким образом, первый придворный театр в России начинался с Артаксеркса и библейских сюжетов и всего за четыре года дорос до Орфея и балета! Крайне интересно, как пошло бы его развитие в дальнейшем, если бы Алексей Михайлович не скончался, а патриарх Иоаким не настоял на закрытии театра.

Нельзя не упомянуть и о новациях в придворном искусстве. В 1650-х — 1660-х гг. в Москве разгорелась полемика по поводу новой «светловидной и живоподобной» манеры письма. Царь был втянут в эту

¹⁸ Рейтенфельс Я. Сказания о Московии // Утверждение династии. С. 301.

¹⁹ См.: Московский театр при царях Алексее и Петре. Материалы, собранные С.К. Богоявленским. М., 1914.

полемику, что следует хотя бы из того, что к нему обращена одна из грамот Симеона Полоцкого на эту тему.

Сейчас известно 8 произведений, посвященных спорам о живоподобии и «светловидной манере» письма. Это прежде всего «Послание изуграфа Иосифа», адресованное Симону Ушакову; затем «Слово к люботщательному иконного писания», приписываемое самому Симону Ушакову; «Грамота» трех патриархов 1668 г. и примыкающая к ней «Царская грамота»; «Записка» Симеона Полоцкого царю Алексею Михайловичу и его же «Беседа о почитании икон святых»; рассуждения протопопа Аввакума «Об иконном писании» и предполагаемая компиляция из нескольких вышеназванных сочинений, сделанная Карионом Истоминым.

Первым по времени написания (1656–1658 гг.) и наиболее насыщенным по содержанию считается «Послание Иосифа изуграфа...», составленное после столкновения автора с архидиаконом Иоанном Плешковичем и направленное своему авторитетному наставнику Симону Ушакову. В «Послании» раскрывается предыстория спора, подняты вопросы о качестве иконописания в Москве и на периферии, названы аргументы в пользу «живоподобной, светловидной» манеры письма, осуждена «дерзость плохописания». В концепции автора художественное творчество — это высокий дар, далеко не всем доступный, а потому и не для всех постижимый. Его возмущает, что «яко так и велиции мнящиеся в разуме быти, а многажды о сем премудром художестве живописующих недоумевают рассудити. Прости же и невежди отнюдь в иконописании бываемых не разумеют право или криво, что застарело, того и держатся»²⁰.

Таким образом, Иосиф Владимиров недвусмысленно осуждает слепых приверженцев «застарелого» в искусстве. А между тем, отмечает Иосиф, непонятный и недоступный многим дар живописания подобен солнечному свету: когда солнце «на аер взыде, то вси стихия лучами осияет и весь воздух просветит». Подобно солнечному лучу и взгляд мудрого живописца «егда на персонь чию, на лице кому возрит, то вси чювствении человека уды (части тела. — Л.Ч.) во умных сии очесех предложит и потом на хартии или на ином чем вообразит»²¹. Вместо следования добрым древним образцам он призывает следовать жизни: «В премудром же живописании... всякой иконе или персонам рещи человеческим, против всякаго уда и гбежа свойственный вид благоумными живописцы составляется, и тем всяким образ

²⁰ Древнерусское искусство. XVII в. М., 1964. С. 24. См. также: Салтыков А.А. Эстетические взгляды Иосифа Владимирова // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 18. Л., 1974. С. 273–276.

²¹ Там же. С. 25–26.

или икона новая светло и румяно, тенно и живоподобне воображается». Следовательно, живописец должен искать подобия не в потемневших от времени ликах старинных икон-образцов, а в природе — «яково бо что видит или в послествовании слышит, тако и во образех, рекше в лицах, начертывает и противу слуху и видения уподобляет»²².

Симон Ушаков в своем «Слове к люботщательному иконного писания» не только поддерживал идею живоподобия, говоря о том, что художник должен быть вторым «зеркалом», отражающим реальность, но и в своих иконах старался воплотить этот принцип. Другие придворные художники, такие как Иван Салтанов, Иван Безмин, Иван Мировский, Сергей Рожков и многие другие, каждый по-своему начали осваивать европейскую манеру живописи. Алексей Михайлович всячески поощрял эти устремления, заказывая живописные полотна на исторические темы, живоподобные портреты и другие произведения. Так, Даниил Вухтерс создал картины «Пленение града Иерусалима», «Град Иерихон», «Деяния Александра Македонского» и др. Иван Салтанов написал «Рождение царя Александра Македонского», «Двор государев», «Притча о царе Дионисии, мучителе Сивилийском». Иван Салтанов с помощниками писал маслом «на польских широких полотнах» «подволоки» — плафоны и настенные картины для Коломенского дворца (а также для Теремного дворца в Кремле и др.).

Особый интерес вызывает картина «Чувство осязание», выполненная Карпом Золотаревым в 1672 г. Упоминание о ней свидетельствует о том, что у царя, скорее всего, были полотна с изображениями аллегорического характера, посвященные всем пяти человеческим чувствам — эта тема была очень популярна в то время как в Европе, так и в России.

Известно также, что в 1662 г. Иван Мировский вместе со Степаном Павловым, Юрием Ивановым и Андреем Павловым рисовал беги небесные в Столовой палате Теремного дворца по программе, составленной инженером Густавом Декенпином. Роспись эта воспроизводила с поразительной астрономической точностью планеты и звезды. Иван Мировский в дальнейшем сделал копии этой росписи бегов небесных в столовой в новых хоромаш Ивана Алексеевича в 1681 г., в том же году он «знаменил чертеж звездотечного небесного движения против того, каково написано в подволоке в большой Столовой палате». К сожалению, эти изобразительные материалы не сохранились, как и роспись бегов небесных во дворце В.В. Голицына. Были копии «бегов небесных» и в покоях Феодора Алексеевича и царевны Софьи²³.

²² Там же. С. 29.

²³ Подробнее см.: Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 1990.

Царь Алексей Михайлович и царица Мария Ильинична.
Рисунки из альбома Мейерберга. XVII в.

Среди придворных художников значился и «мастер преоспективного дела» Питер Инглес (Энглес), который писал декорации для спектаклей театра Алексея Михайловича. По-видимому, он владел техникой прямой перспективы и использовал ее при написании театральных декораций. К сожалению, сюжеты этих росписей пока не известны.

Суммируя все изложенное, мы приходим к выводу, что Алексей Михайлович уделял пристальное внимание развитию придворной культуры на всем протяжении своего царствования. Но если в первое десятилетие своего правления он тяготел более к консервации средневековых представлений, всячески поощряя «ревнителей древлего благочестия» и поддерживая культ восточной пышности придворных церемониалов, то в дальнейшем он все более склонялся к новым явлениям в культуре, заимствованным из Западной Европы. Вероятно, самое большое влияние на этот поворот оказали перемены, идущие в других областях культуры разных социальных слоев²⁴. Московские грамотеи во многом опережали русского монарха в заимствовании и развитии тех или иных западноевропейских новаций, в частности, задолго до того, как поэзия стала практиковаться в придворных торжествах, сочинительством виршей занимались переводчики, справщики и подьячие Печатного двора. Новую живопись можно было увидеть в домах многих богатых бояр и дворян, о чем упоминал в своем трактате Иосиф Владимиров. Наконец, театр был хорошо известен русским послам, видевшим

²⁴ Подробнее см.: Черная Л.А. Русская культура переходного периода от Средневековья к Новому времени. М., 1999; Она же. Русские в переломную эпоху от Средневековья к Новому времени. М., 2012.

постановки за границей. Движение русского общества в сторону светского искусства и литературы было очевидным, и Алексей Михайлович был здесь далеко не во всем впереди своих подданных. Но нельзя не признать также, что какое-то воздействие имела на царя и его вторая супруга Наталья Кирилловна Нарышкина, после брака с которой при дворе появился первый театр и начались обильные заказы «живоподобных» полотен на светские темы иностранным и русским живописцам. Как уже отмечалось, этот поворот от восточного типа культуры к западному бросается в глаза из названия театральных спектаклей: первой постановкой было «Артаксерксово действо» на библейский сюжет, а одной из последних — балет «Орфей».

Ключевые слова:

Аристотель, военная литература, протопоп Аввакум, театр, Симеон Полоцкий

Ludmila A. Chernaya

ALEXIS OF RUSSIA COURT CULTURE:

From Artaxerxes to Orpheus...

his article traces how the court culture changed during the reign of the second Tsar of the House of Romanov, Alexei Mikhailovich «The Quietest» (1645-1676). The author proves that the court culture underwent major changes. It is possible to call Alexei Mikhailovich not only the «quietest», but also the one most focused upon formal ceremony. The Tsar perceived ceremonies as an obvious embodiment of «a monarchic rank». In the early years of his reign, the monarch was focused on the ceremonial embodiment on the one hand of the medieval, and on the other hand, of the oriental culture. It is not surprising that the Europeans saw in Alexis ceremonies, the triumph of «Persian luxury» and called their participants - «the army of Darius». «Asian luxury» was still presented and even highlighted, but the style began to contain more European details, particularly Polish, with an increasing number of Polish origin. In the orientation to the Middle Ages and, in fact, a kind of silent court culture of Alexis, verbal beginnings were rising. The Tsar encouraged this initiative, which arose in the court under the influence of the poet Simeon of Polotsk. The article traces the development of the court poetry.

Greater contributions to the Europeanization, or, rather, «Polonization» of the court culture were brought by the first court theater (1672-1676). In just four years, the theater changed its repertoire from Old Testament dramas, to plays and ballets based on classical antiquity themes – «The Comedy of Bacchus and Venus» and «Orpheus». This may not be an accident, as the Tsar personally approved concepts and ideas for future performances. Therefore, the European theatrical repertoire began to penetrate the Russian theater.

This article analyses the innovations in courtly art. In the 1650s-1660s in Moscow, the controversy flared up over the new «lightlike and lifelike» manner of writing. The Tsar was drawn into the controversy as well, which is evident from the fact that he was addressed in one of the letters of Simeon of Polotsk on this topic. Analysis of the orders of the Tsar for picturesque cloths to foreign court artists such as H. Deterson, D. Wuchters and others, as well as Russian craftsmen working in the «lifelike» manner, again indicate the turn of the medieval type of culture to early modern and from the Eastern to the Western.

 Чёрная Людмила Алексеевна

доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории
искусства Московского государственного академического
художественного института им. В.И. Сурикова

И.А. Андреев

АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ:

штрихи к портрету

Нетихий Тишайший

Как ни парадоксально, но, несмотря на все потрясения «бунташного века», в массовом историческом сознании правление второго Романова воспринимается как покойная, мерно текущая эпоха, как время без больших перемен. Соответственно выстраивается и образ самого правителя, Тишайшего Алексея Михайловича. Для подобного представления есть свои причины. Во-первых, могучая фигура Петра, заслоняющая всех своих предшественников. Петр в сознании потомков — натиск, гроза, буря, а в канун бури, как известно, наступает затишье. Эту роль привычно отводят второму Романову. Возражения профессиональных историков, что это не так и далеко не так, при этом утрачивают свою убедительность: таковы метаморфозы массового исторического сознания, у которого свои масштабы и единицы соизмерения эпох.

Во-вторых, повинно крепко прилепившееся ко второму Романову прозвище Тишайшего, которое воспринимается большинством как характеристика личных качеств Алексея Михайловича. Он царь тихий, смирный, богобоязненный. Он человек, во всем адекватный своему времени. Исто-

рики и здесь уже давно внесли ясность: Тишайший — полуофициальный титул московских государей, который стал употребляться еще в XVI веке. Тишайшим величали не одного Алексея Михайловича, но и его отца и сыновей, в том числе вовсе не тихого, а скорее «буйного» Петра. Но история с титулованием как-то выпадает, а вот взгляд на Алексея Михайловича как на тишайшего царя-батюшку сохраняется. Впрочем, удивляться этому не приходится. Произошло то, что достаточно часто случается в истории и что можно назвать подменой. В свое время личное имя Цезаря превратилось в титул «цезарь» и далее в царя; в нашем случае — наоборот, титул Тишайший подменил человека, стал его характеристикой.

Но может быть, подобная подмена имеет право на существование, и наш Тишайший, как «тишайший человек», был в представлении современников именно таким государем? Был же «тих» его отец, про которого в народе говорили, что дал Бог царя смирна, которого и не слышно¹. С того же начинал, если верить беглому подьячему Григорию Котошихину, и Алексей Михайлович: «Разумели его гораздо тихим»². Но это — начало, а как сложилось дальше? Ясно, что для ответа на этот вопрос есть смысл обратиться к самой личности Алексея Михайловича и к тому, как ее воспринимали в XVII веке.

События таких масштабов, как Смута, естественно, давали о себе знать в последующие десятилетия. И сводятся они не только к преодолению «всеконечного разорения» — печального и самого видимого итога гражданской войны начала столетия. Смута, пошатнув устои власти, запрограммировала своеобразную парадигму поведения первых Романовых, которым предстояло реставрировать и укрепить самодержавие. Составные элементы этой парадигмы — задачи династического упрочения, поиск легитимных оснований для власти, решительный бой с самозванцами и самозванщиной, обновление «имиджа» монарха. Таким образом, послесмутная парадигма как бы изначально задавала вполне определенную модель поведения государю и формировала, «лепила» его. Востребованными оказывались определенные личностные черты, которые лучше всего работали на создание образа праведного и благочестивого государя. Вышедшее из горнила Смуты общество прежде всего видело в государе символ возродившейся государственности, обретение долгожданного, лишенного социальных и политических потрясений, мира. Оно жаждало «тишины и покоя» — в том специфическом понимании, которое наиболее полно отразилось в документах исхода Смуты:

¹ Новомбергский Н. Слово и дело государевы. Т.1, № 34, 56.

² Котошихин. Г. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1884. С.126.

«Чтоб вперед Московское государство строилось и было в покое и тишине, и нам бы, начальным, потом и всяким людям, быти меж собою всем в совете и любви»³. И хотя после Смуты, к моменту воцарения второго Романова, прошло более четверти века, эти ценности в глазах общества не утратили свою притягательную силу.

Это не значит, конечно, что не было обратной связи: человек — не колыбельная форма, в которой расплавленный металл растекается строго по рукотворным пустотам. Мы видим, как на течении дел отражался темперамент, воля и характер Алексея Михайловича. Однако и темперамент, и характер, и воля могли проявляться до известных границ, определенных парадигмой времени. Преступить ее пределы — значило бы нанести непоправимый урон представлению о богоданном, справедливом, милостивом государе. А это грозило новоизбранной династии всевозможными осложнениями с самым неопределенным исходом.

Потому Алексей Михайлович был «обречен». Обречен быть Тишайшим в том смысле, что его политика должна была провозглашать и стремиться к обретению «тишины и покоя». Причем чем больше выпадало на его царствование больших и малых сословных и внутрисословных столкновений, тем актуальнее становилась эта задача. Второй Романов вполне сносно справился с ней, обеспечив движение самодержавия к абсолютизму в ситуации перманентного социального кризиса. Но сделал он это, будучи вовсе не «тишайшим» человеком и политиком.

Мотивы

Воспитанник ревнителей, второй Романов всем существом воспринял высокое предназначение самодержца, защитника и охранителя истинного христианства, государя, ответственного перед Богом за судьбу православного царства и его подданных. Для Алексея Михайловича эта предначертанность — тема для глубоких размышлений и сильных чувств. Царь не сомневался, что, отвечая перед Богом, он одновременно творит его волю. Сентенции типа «Повелением всесильного, и великого, и бессмертного, и милостивого царя царей и государя государей и всех всяких сил повелителя господа нашего Иисуса писал сие письмо многогрешный царь Алексей рукою своею» были в его представлении не декларациями и не данью этике-

³ Цит по: Любимиров П.Г. Очерк истории Нижегородского ополчения. М., 1939. С.238.

Царь Алексей Михайлович.
Польская гравюра, 1664 год.

ту — выражением его истинного положения⁴. Библейское «царево сердце в руце Божей» для него означало, что в его устах звучит, а в делах воплощается воля Господа.

Но груз ответственности давил на него. Достоин ли? Сумеет ли? Соответствует ли он заоблачной высоте богоданного сана? Червь сомнения точил склонного к рефлексии государя. Эта неуверенность сквозит в писаниях Алексея Михайловича, но еще более в его поступках. Противоречие между верой и глубоким пониманием своего царского предназначения, с одной стороны, и сомнением в собственных силах, в своем *естестве*, с другой, — один из важнейших мотивов поведения второго Романова. В этом, по нашему убеждению, психологическая разгадка многих поступков Алексея Михайловича.

Царь и временщики

Неуверенность и рефлексия, особенно осязаемая в первые годы правления, побуждала Алексея Михайловича искать опору в человеке, способном разделить с ним бремя власти. При этом не следует забывать, что второй Романов вступил на престол почти подростком, так что появление рядом с ним

⁴ Труды Российского императорского археологического общества (далее — Труды). Т.2. М., 1869. С.770-771. Царь прибегал к подобным писаниям и в случаях прозаических. Наставляя Матюшкина и Голохвостова, которым поручался присмотр за Потешным двором, царь заключал: «...А буде вы Бога и меня не послушаете, и вы да будете прокляты в сей век и в будущий».

наставника и соправителя было естественно. Такое случилось и до, и после 1645 года. Но взросление Алексея Михайловича — а это уже черта личностная — затянулось. Затянулось и «наставничество». Следом за первым наставником и воспитателем, боярином Борисом Ивановичем Морозовым, появился Никон, причем обстоятельства его возвышения свидетельствуют, что Алексей Михайлович сам возжаждал и преутоготовил это событие.

В личном плане здесь как бы пересеклись две черты характера царя. При всем несомненном уважении, которое он питал к Борису Ивановичу, ему, истинному боголюбцу, не по сердцу была алчность и неразборчивость боярина. Никон с его ревностным монашеским служением казался чище и оттого — предпочтительнее. Именно безупречный нравственный облик будущего «собинного друга», дополненный энергией и религиозным пылом, привлекли Алексея Михайловича.

С другой стороны, в стремительном взлете Никона, сумевшего за шесть лет сменить потертую скуфью скромного Кожеозерского игумена на ослепительную патриаршую митру, проявилась склонность царя к рефлексии. Похоже, что в Никоне Тишайшего привлекли те черты характера, в которых он сам испытывал недостаток. Никон казался ему монолитом, человеком, лишенным сомнений. Общение с патриархом придавало уверенности молодому государю, делало его «самодостаточным».

Сам Никон тонко прочувствовал ситуацию и беззастенчиво эксплуатировал мнительность Алексея: стараниями патриарха царь усвоил ту простую мысль, что покуда он, Никон, рядом с ним и молится за него, во всех «государевых» и семейных делах его ждет успех и удача. Противникам патриарха пришлось приложить немало стараний, чтобы развеять эту «истину» и разрушить сердечную приязнь царя к своему властолюбивому «собинному другу», без чего совершенно невысказано было свалить последнего.

Однако падение Никона — результат не одних только интриг противников-бояр. Менялся и сам царь Алексей. Со временем выстраивалось и углублялось его понимание собственного соответствия высоте царского сана. Он должен творить милосердие и справедливость, утверждать ту самую «тишину», которую «заказала» ему эпоха. Осмысливая свой долг, взрослеющий Алексей Михайлович уже не мог примириться с ситуацией, когда он лишь царствовал, а не правил. Это не избавило его в последующем от сомнений, но тем не менее после падения Никона он уже никогда не давал своим фаворитам прежней власти.

С начала 50-х годов Тишайший пытается собрать в своих руках все нити управления. То был знак важных мировоззренческих перемен. Это у

традиционалистов будущее есть воплощение предначертанного, отчего настоящее — только эхо вечности. Но для царя и его окружения в нынешних трудах зарождается будущее, и оно, это будущее, зависело от рукотворного настоящего. Является идея быстротечности времени и появляется страх *опоздать* — характерный стимул Алексея Михайловича⁵.

Перемены в характере отразились на взаимоотношениях второго Романа с фаворитами. Он уже не дает им прежней власти и все более привлекает людей исполнительных и неперечливых. Свое правление он заканчивает в окружении царедворцев типа Матвеева, а не Никона или Морозова.

Патриарх Никон.
Гравюра, XVII в.

Матвеев же сильно отличен от своих предшественников: он предпочитал *предугадывать* желания царя и не произносить «встречных слов», заведомо зная, что они будут не по душе государю. В итоге фон царствования Алексея Михайловича проигрывает: он становится более тусклым, приглушенным. Зато на нем более контрастно смотрится главный герой — сам Тишайший.

Царская гроза

О вспышках царского гнева, равно как и о его быстром «утешении», дружно сообщают все источники. Иностранные авторы особенно внимательно отслеживали подобные случаи: в царской раздражительности пытались

⁵ См.: Панченко А.М. Русская культура в канун Петровских реформ. Л., 1984. С. 51-56.

уловить свидетельства предстоящих перемен при дворе. Однако перемены обыкновенно не следовали: щедро раздарив тычки и пощечины, царь скоро унимался. Конечно, случалось и отлучение от кремлевских палат, и опала, однако число подобных случаев было много меньше случаев царского «распаления». И это понятно, если признать психологически верным объяснение вспышек. Алексей Михайлович, по складу характера человек ровный и благодушный, более играл *роль* грозного государя.

При этом мы вовсе не хотим сказать, что Алексей был человеком абсолютно незлобным. Точнее сформулировать мысль так: от него не исходила опасность, порожденная самой натурой. Он не внушал страх. Или, по крайней мере, для того, чтобы внушить его, ему приходилось прибегать к гневной тираде или даже к рукоприкладству.

Замечательно, что, почитая это качество неотъемлемым для монарха, самому Алексею Михайловичу чрезвычайно хотелось быть «грозным» государем. Выговаривая в 1652 году светским членам посольства на Соловки к Филиппу-чудотворцу, которые, по жалобе Никона, проявляли недостаточно рвения и благочестия, царь потребовал решительного изменения поведения, «занеже и к нам, земному царю, едут со страхом и трепетом, а то колько паче подобает ехать к такому великому светильнику со страхом и трепетом»⁶.

В представлении средневекового человека понятие «грозы» было неразрывно связано с понятиями правды, справедливости, царского суда. «Царь кроток и смирен на царстве своем, и царство его оскудеет, и слава его низится. Царь на царстве грозен и мудр, царство его ширеет, и имя его славно по всем землям», — писал еще в XVI столетии Иван Пересветов.

Подобные рассуждения были близки не только книжникам. «Правда и гроза» были неразделимыми и для простецов. Достаточно обратиться к коллективным челобитным, в которых отразились представления низов, чтобы убедиться в этом. В так называемой Большой челобитной, поданной дворянами и посадскими людьми в дни московского восстания 1648 года, Алексея Михайловича упрекали в том, что он терпит и милует народных обидчиков и упорно не желает «своего царского суда и гневу пролити» на них⁷.

В этом призыве — один из структурообразующих элементов парадигмы, выстраивающей поведение Романовых. Торжество «правды и грозы» должно было упрочить имидж власти и новой династии. При Алексее Михайловиче оно обрело новый смысл. Настойчивый призыв участников го-

⁶ ААЭ. Т.IV. С.86-87.

⁷ Материалы по истории СССР. Вып. 3. М., 1989. С. 147.

родских восстаний, «чтобы Московского государства всяких чинов людем, от болшаго и до меншаго чину, суд и росправа была во всяких делах всем ровна», был ни чем иным, как призывом к самодержиу повсеместно утвердить правду-справедливость, основанную на милосердии к слабым и обиженным и грозе-каре к утеснителям и обидчикам.

Конечно, в этой «правде» нетрудно уловить по преимуществу продворянское содержание, что, конечно, не было случайностью: возрастание политического веса так называемых «средних классов» (С.Ф. Платонов) —

Митрополит
Филипп II.
*Фрагмент иконы
работы С. Ушакова.
1653 г.*

провинциального дворянства и посадского населения — вело к серьезным социальным подвижкам, закрепляемым в юридических установлениях.

Алексей Михайлович оказался на высоте своего положения, то есть был вполне солидарен с дворянским толкованием «правды», если только речь заходила о правопорядке или крепостнических отношениях. Почитая «грозу» характеристикой истинно царской, он и сам, как уже отмечалось, стремился к ней. Неслучайно идеалом для него стал Иван IV, «грозность» которого ни у кого не вызывала сомнений. Здесь, по-видимому, произошло то же, что и с Никоном. Обращаясь к образу Ивана IV, Алексей Михайлович как бы черпал те качества, в которых испытывал недостаток и которые мечтал обрести.

Интерес второго Романова к личности и к правлению Ивана Васильевича не ускользнул от иностранных наблюдателей. Они углядели в этом склонность Тишайшего к тирании и к завоеваниям. Между тем отношение Алексея Михайловича к Грозному было более сложным. Он, в частности, осудил низвержение царем митрополита Филиппа II.

В известном покаянном послании Филиппу II Алексей Михайлович приносил публичную повинную перед гробом «страдальца» за «согрешения прадеда нашего», царя Ивана Васильевича: «Преклоняю пред тобою

сан мой царский за согрешения против тебя (т.е. митрополита Филиппа — И.А.), да отпустишь ему согрешение его своим к нам пришествием, и да упразднится поношение, которое лежит на нем за изгнание тебя. Молю тебя о сем, о священная глава, и преклоняю честь моего царства пред твоими честными мощами, повергаю на умоления тебя всю мою власть».

Обращение царя, как и вся идея с переносом мощей митрополита с Соловков в Успенский собор Кремля, были подсказаны Алексею Михайловичу Никоном. Для последнего в этой акции торжествующего православия подчеркивалось духовное превосходство «священства» над «царством».

Однако нельзя не заметить известной разницы в позициях Никона и Алексея Михайловича. По Тишайшему, ниспровергнув Филиппа-митрополита, царь Иван согрешил. Но сделал это он «неразсудно завистию и неудержанием ярости»⁸. Никон трактовал проступок первого царя много категоричнее: царь Иван «возненавиде» митрополита за правду и, опалаясь, поступил «неправедно»⁹. Для человека XVII столетия разница между «неразсудно» и «неправедно» огромная. Неправедно — из арсенала высшего, сакрального. Неразсудно — более приземленно и повседневно. Никон своим «неправедно» в очередной раз возносил священство над земными правителями.

Алексей Михайлович вкладывал иной смысл. Во-первых, он молил простить грехи «прадеда своего», подчеркивая крайне важную для Романовых мысль о естественной связи, династической преемственности. Во-вторых, Тишайший писал о «невольных грехах», совершенных Иваном под влиянием «злых советчиков». Об этом он сообщал боярину Н.И. Одоевскому, описывая церемонию встречи и погребения в Успенском соборе мощей святителя Филиппа. В сравнении с Соловецким покаянным посланием, в грамотке боярину «мизансцена» сильно изменена. Главное — не прегрешения Ивана IV, а торжество Правды, возвращения им, царем, «изгонимого». «Где гонимый и где ложный совет?.. Где обавники (клеветники — И.А.), где соблазнитель, где мздоослепленные очи, где ходящий власти восприяти гонимаго ради? — риторически вопрошал Алексей Михайлович и сам же отвечал. — ... Не все ли зле погибоща?.. Не все ли здесь месть восприяли от прадеда моего, царя и великого князя Ивана Васильевича?» Если вдуматься, то здесь под пером Тишайшего происходит настоящая фальсификация: Иван IV превращается в грозного мстителя, воздающего за неправду. Подобная партия, пускай и «испол-

⁸ ССГД, III. С.472 ; ПЛДР. XVII век. Книга первая. М., 1988. С.498-500.

⁹ ССГД, III. С. 471, 475.

ненная» в частном письме, звучала уже совершенно не в унисон с заглавной никоновской партитурой¹⁰.

Потому не стоит удивляться, что позднее, разойдясь с патриархом, Алексей Михайлович уже открыто осмыслит упреки Никона в адрес Ивана Грозного как стремление унижить царский сан. В 1666 году, когда во время суда над Никоном зачи отрывок из его письма к Константинопольскому патриарху о том, что Грозный «неправедно» мучил митрополита Филиппа, царь буквально взвился: «Для чего он, Никон, такое безчестие и укориэну блаженные памяти великому государю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси написал?»¹¹.

Но это — в середине 60-х, а в 1652 году царь предпочел иную линию поведения. При этом нельзя не отметить, что такое разрешение несогласия — то есть просто игнорирование его, стремление не выяснять, а *не замечать* — было вполне в духе молодого Тишайшего. Он хотел был грозой. Но до своего идеала — «грозы Грозного», так никогда и не дотягивал.

Это видно по числу опальных и характеру опалы. Опальных в большинстве своем скоро прощают, поставив непременно условием исправление ревностной службой. Сама опала, если и происходит, то не выходит за традиционные рамки. В отличие от опричных времен, топор палача не сносит боярские головы и никого не изничтожает «всеродно».

Объяснение подобной «мягкости» — в характере Алексея Михайловича. С тем важным прибавлением, что сама эта умеренность, ощущение границы дозволяемого в общении с подданными порождено осмыслением уроков прошлого. При этом для нас не столь важны в данном случае личные мотивы возникновения этих пределов. Подчеркнем иное: прошедшие через горнило опричнины и Смуты власть и общество осознали всю взаимоуничтожающую сущность террора и беззакония, равно пагубных для всех. Этот вывод — та же составляющая парадигмы, побуждающая монарха быть «грозным» и одновременно «милостивым», причем «милость» эта очерчена не юридическими, а религиозно-нравственными соображениями, «кротостью» царя.

Примечательно, что в представлении народа Алексей Михайлович не дотянул до истинно «грозного» правителя. Даже бунт Стеньки Разина сопровождался призывом «побить» государевых изменников. Иными словами, это было косвенное признание того, что сам государь уже не способен к этому, что он — не грозен!

¹⁰ ААЭ, IV, № 329.

¹¹ Кантарева Н.В. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т.2. Сергиев Посад, 1912. С.126.

Тишайший за работой

Петр остался в исторической памяти как деятельный, созидающий монарх. Но едва ли его уместно сравнивать с другими. Петр — особый случай. Петр — почти гений, а гении, по меткому замечанию Ходасевича, «разнятся окраской, а не величиной». А в нашем случае все же следует помнить — мы говорим о... величинах.

В династии Романовых эти величины сильно разнились. Известно трудолюбие Екатерины II и малосодержательная суета ее незадачливого супруга Петра III, упрямая систематичность Николая I и легкомысленность Елизаветы Петровны. На этом фоне Алексей Михайлович выглядит не хуже и не лучше своих потомков.

Известно, что в первые годы участие Алексея Михайловича в управлении было чисто номинальным. Однако обстоятельства побуждали его избавляться от благодушия и инертности. Кажется, это нелегко ему давалось и требовало немалого душевного напряжения. Движущими мотивами здесь, как уже отмечалось, были глубокая религиозность и крепкая вера Алексея Михайловича в свое предназначение. Второй Романов, постигнув свою царскую меру, исполнял *должное*. Или иначе — да простит читатель столь современное определение — он был человеком долга в том смысле, как он этот долг понимал.

Правда, заявляя о трудолюбии Тишайшего, историк сталкивается с двумя фактами, которые ставят под сомнение подобное утверждение. Это страстное увлечение Алексея Михайловича охотой и строгое исполнение всех церковных обрядов, включая частые богомольные походы. Понятно, что это не самым лучшим образом отражалось на течении дел. Но надо иметь в виду, что само понятие должного для государя рознилось с тем, что в последующем будет вменяться в обязанность правителям. Многодневное богомолье, долгая литургия, продолжительность которой повергала заезжих греков в ужас (у них «железные ноги!»), была для Тишайшего не просто проблемой личного спасения, а и истинно царским делом. Для него обязанность монарха не только «о царском тешится», а и «общий мир церквам и здраву веру крепко соблюдать и хранить нам; егда бо сия в нас в целости и снабдятся, тогда нам вся благая строения от Бога бывают: мир и умножение плодов и врагов одоление, и прочим вещи вся добре устроиться имут»¹². Потому истовая религиозность Алексея Михайловича — тот же самый пример, который вполне сознательно выказывал своим подданным

¹² Там же. Т. 1. С. 42.

Царь Алексей Михайлович и Патриарх Никон.
Изображение XVII века.

Петр. Рознятся только форма (светское служение), время (новое), поприще (служба Отечеству), зато удивительно совпадают рвение и конечная цель.

Замечательно, что в церкви царь нередко занимался государственными делами. Первое упоминание о подобных опытах связано с Никоном. Будучи архимандритом Новоспасского монастыря, он получил от Тишайшего право собирать все прошения на царское имя. Челобитные обильно потекли в руки Никона, который регулярно, «в пяток» приносил их государю. Разбирал их Алексей Михайлович прямо в храме. Обстановка не смущала его. Напротив, он видел в этом особый смысл. В последующем такие занятия вошли у него в привычку, и не одна царская грамотка заканчивалась пометой типа: «Писана сия припис на всенощной у пресвятыя Богородицы честного ее Покрова во время егда воспели первый припев»¹³.

Царская манера «работать» в церкви вполне укладывается в поведенческую модель ревнителей-боголюбцев. А это уже нечто большее, чем просто прихоть или каприз. Перед нами вариация нового активного подвижничества, переосмысленная царственным учеником ревнителей.

Застой в делах, связанный с охотой или богомольем, сменялся для Алексея Михайловича интенсивной работой. Царь словно ощущает укоры совести и стремился наверстать упущенное: заседает с боярами, просматривает посольские и воеводские отписки, правит указы и грамоты. Документы пестрят пометами «чтена», «в доклад» и т.д. В столбцах Разрядного и Тайного приказов попадают перечни вопросов, выносимых для рассмотрения

¹³ РГАДА, ф.27, д.93, л.13,15; д.99, л. 38.

государю и его ближним боярам. Они поражают многообразием, причудливым переплетением действительно важных проблем с проблемами ничтожными и случайными. Консерватор по натуре, Алексей Михайлович строит свою работу так, как было принято ее всегда строить — достаточно хаотично, следуя за событиями и инициативными думными и приказными чинами, возносившими дела «вверх». Но это не значит, что нет никаких перемен. Они есть и связаны с такой чертой Алексея Михайловича, как нетерпение.

Нетерпение

Эпохальное «надо спешить» находило свое выражение в прозаическом царском понукании, так часто встречаемом в его грамотах. Он требовал все делать «не медля», «наспех», «безо всякой волокиты со всяким усердием», доносить о проделанном «почасту», «не мешкая ни единого часу». Любое промедление вызывало у Алексея Михайловича приступы раздражения, и он, не церемонясь, распекал виновного: «Страдник, худяк, ни к чему не надобен, не пишешь ни одной строки».

Отчасти именно этому свойству характера Алексея Михайловича история XVII столетия обязана появлению такого своеобразного учреждения, как Тайный приказ. Раздраженный волокитой и непослушанием, подозревая склонных к «московским злохитростям» бояр в том, что они не боятся «царской грозы», Алексей Михайлович прибегнул к созданию собственного приказа, призванного строго следить за исполнением его воли. Об этом мотиве создания Тайного приказа писали еще дореволюционные исследователи. Со временем такое объяснение показалось легковесным, и его сменили более «серьезным» обоснованием: возникновение приказа стали связывать со становлением абсолютизма, отчего отпала необходимость в поиске мотивов личностных.

В самом деле, неограниченная монархия ощущает неистребимую потребность в подобного рода учреждениях. Они появлялись под разными названиями — от Тайного приказа до Канцелярии Его Императорского Величества, с настойчивой периодичностью и с обязательным воспроизводством общих черт: эти учреждения существуют *рядом* и одновременно *над* традиционными властными институтами и действуют под непосредственным руководством государя, отчего приобретают неограниченное могущество. Однако эти объективные по сути своей процессы вовсе не исключают, а, напротив, предполагают, что подобные экстраординарные институты каждый раз несут печать индивидуальности своего создателя. Хотя бы потому,

что порождены *неудовлетворенностью* государей работой существующих органов власти. Последние кажутся им не самодостаточными, и система перестраивается согласно наклонностям, представлениям и вкусам монарха.

Так было и с приказом Тайных дел. Достаточно вспомнить, что в ведение последнего попадало все, что вызывало царский интерес: от дел государственных, действительно важных до дел, рожденных простым пристрастием, увлечением Тишайшего, будь то охота, садоводство, огородничество или «гранатное дело»¹⁴. С Тайным приказом Алексей Михайлович чувствовал себя увереннее и комфортнее. Он ощущал себя грозным и всезнающим правителем, от зоркого ока которого не ускользнет ни один проступок.

Облеченные особыми полномочиями, подьячие Тайного приказа наблюдали за тем, как выполняется государева воля — следили за воеводами, послами, приказными судьями, начальными людьми. Очень скоро в представлении современников царский тайный догляд приобрел гипертрофированный характер. Иностранцам везде мерещились царские шпионы. Сам же Алексей Михайлович в их описаниях «по ночам осматривает протоколы своих дьяков: он проверяет, какие решения состоялись и на какие челобитные не дано ответа». Мемуарам иностранцев вторят русские источники: люди родовитые принуждены были заискивать перед приказными, которых бы в ином случае просто не заметили бы¹⁵.

Несомненно, царское приказотворчество сильно повлияло на течение дел. Монаршья воля, быть может, не особенно убедительная в личном общении, с помощью *абстрагированного* приказного и грозного личного послания реализовывалась много скорее. Не случайно сразу же после смерти второго Романова приказ прекратил свое существование. Дело ведь не только в том, что Федор Алексеевич в силу отсутствия опыта и слабости здоровья не мог его возглавить. Просто взявшие большую силу после смерти Тишайшего «боярские партии» поспешили избавиться от этого жупела — Тайного приказа, который стеснял и одновременно подгонял их.

Царственный интендант

Мысль о московском государе — защитнике и охранителе православия, столь близкая самосознанию русских людей XVII века, обернулась идеей создания Вселенского православного царства под скипетром Романовых.

¹⁴ См. подробнее: Гурлянд И.Я. Приказ великого государя тайных дел. Ярославль, 1902.

¹⁵ Де-Ламартиньер П.-М. Путешествие в Северные страны. М., 1911. С 175.

Откровеннее остальных ее выразил во время восшествия на патриарший престол в 1652 году Никон, пожелавший Алексею Михайловичу, чтобы пределы его царства распространились от моря до моря. Понятно, что здесь было много претензий. Тем не менее, царь Алексей был всерьез воодушевлен идеей освобождения православных. Отсюда его прочувствованные сенсации о судьбах угнетаемых греков и торжественные обещания освободить их. Эти обещания прозвучали на заре царствования, но не были забыты и на его закате. В июне 1672 года, во время крестин царевича Петра, Симеон Полоцкий, не без стремления польстить отцу новорожденного, предрекал младенцу великое будущее — освобождение Константинополя от турецкого владычества¹⁶.

Сама мысль о Вселенском царстве не была просто пустым мечтанием. В контексте тогдашнего политического расклада именно так воспринималась начавшаяся война за Украину. Царь, освобождая единоверцев, возвращал не просто свои исконные «отчины», а и делал первый шаг к созданию Вселенского православного царства.

В этом объяснение еще одного несоответствия царя реального с тем образом, который услужливо рождает определение Тишайший. Раз Тишайший, то незаблывый, миролюбивый. Между тем почти половину своего правления Алексей Михайлович провоевал. При этом стороной вовсе не оборонявшейся. Царь сам искал войны, сам кипятил конфликты. «Имеет дух воинственный», «отец его имел склонность к миру, но у этого царя все помыслы направлены к войне», — замечали иностранцы, которым и в голову не приходило заподозрить Тишайшего в миролюбии¹⁷.

Больше того, второй Романов не только прибегал к войне как эффективному средству достижения своих целей — он имел склонность к военному делу. Цветастая характеристика Посольского приказа о Тишайшем, который «храброму учению навывчен, и к воинскому ратному рыцарскому строю хотенье держит большое», при всей этикетности, имела под собой реальную основу. Так что первые симптомы семейной болезни Романовых — военномании — можно уловить уже во времена Тишайшего.

Сохранилось немало документов, свидетельствующих, что Алексей Михайлович занимался военными вопросами с большим старанием и охотой. Правда, военные познания царя были по преимуществу книжные, получен-

¹⁶ См.: Майков А.Н. Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII столетий. СПб., 1889. С.40.

¹⁷ См.: Самуэль Коллинс. Нынешнее состояние России. В кн.: Учреждение династии. История России и дома Романовых в мемуарах современников XVII-XX. М., 1997. С. 200; Де-Ламартиньер П.-М. Путешествие в Северные страны. С.146.

Осада Риги русскими войсками в 1656 году.
Гравюра А. Пирелли.

ные из западноевропейских переводных сочинений. Кое-что любознательный царь почерпнул из бесед с иностранными офицерами¹⁸. Опираясь на эти знания, царь, естественно, не упускал случая поучить воевод, как надо воевать.

Сам Алексей Михайлович участвовал в трех военных походах 1654-1656 годов. В боях он, в отличие от Петра, не стремился участвовать. Зато много энергии Тишайший проявлял в области, которую условно можно назвать военным строительством, включая вопросы организации армии и ее снабжения. В этом отчасти сказалась любовь царя к мелочам, его домовитость и рачительность. Он, как истовый хозяин, постоянно все считал и пересчитывал, густо заполняя своими трудноразборчивыми пометами и выкладками узкие поля столбцов. Для него было вовсе не зазорным, к примеру, в росписи против «Масло рядовое 2 тож (т.е. 2 пуда — И.А.)» приписать сохраняющее казну распоряжение типа: «Будет дешевле 40 ведер, будет дорого 30 ведер»¹⁹.

Конечно, это было рутинное, иссушающее своим однообразием занятие, связанное с постоянным поиском средств, провианта, пороха, средств доставки, людей и т.д. Взвалив на себя этот колоссальный труд, царь занимался им систематически и превратил его в одну из главных сфер деятельности возглавленного им Тайного приказа. Понятно, что куда приятнее было бы видеть нашего героя в самом центре сражения, в пороховом дыму. Но из песни слов не выкинешь: воевал Алексей Михайлович преимущественно за столом, вооружившись не саблей — гусиным пером.

¹⁸ Самуэль Коллинс. Нынешнее состояние России... С. 206.

¹⁹ РГАДА, ф.27, д. 83, л.8.

Все это делает Алексея Михайловича похожим более на интенданта, чем на командующего. Но на тот момент это обстоятельство сыграло свою положительную роль. Близилось время регулярных армий, о чем недвусмысленно напоминали двигавшиеся на полях сражений солдатские и рейтарские полки. В результате огромное значение приобретали проблемы организации и снабжения войск, финансы. Тишайший, пускай неуклюже и с большими издержками, разрешал их.

Учитель

В государственных делах раскрывается еще одна особенность характера Алексея Михайловича — его неодолимая потребность поучать, наставлять, морализировать. Все это он делал с большим старанием и охотой, не считая за труд по два-три раза чернить уже набело написанную грамотку. Словесные увещевания даже отчасти подменяли столь ценимую им «царскую грозу» и были для него истинным эликсиром, дарующим душевное равновесие от чувства исполненного долга.

Послания приоткрывают ценностные ориентации царя. Он высоко ставит службу, но не всякую, а «со всяким усердием», «радостную» «нелицемерную». «...Ведаешь ты наш обычай, кто к нам не всем сердцем станет работать, и мы к нему сами с милостью не вскоре приразимся», — так коротко сформировал свое кредо царь в одном из своих писем²⁰.

Напротив, случаи «непрямой службы» вызывали у Алексея Михайловича взрыв негодования. Особенно раздражали его ложь, обман, леность. «От века того не слыхано, чтоб природные холопы государю своему... писали неправды и лгали», — выговаривал он, к примеру, окольному князю И.И. Лобанову-Ростовскому, уличенному в ложном донесении²¹. За подобный проступок стольник М. Плещеев был приговорен думой к кнуту и ссылке. Царь изменил приговор, приказав писать виновного по московскому списку с уничижительным исчислением его служебных качеств — клятвопреступник, ябедник и «бездушник»²².

Последнее хорошо иллюстрирует стиль мышления царя. Он мыслит религиозно-этическими категориями, соизмеряет с ними поступки окружающих. Жалуя в 1658 году в думные дворяне А.Л. Ордин-На-

²⁰ РГАДА, ф.27, д.100а, л.2-5.

²¹ Труды... С. 743.

²² ПСЗ — 1. Т.1, № 170.

щюкина, он хвалит его за то, что тот «радел о наших государских делах мужественно и храбро и до ратных людей ласков, а вора́м не спускал»²³. Заканчивая одно из своих посланий Ю.А. Долгорукову, он писал: «Рабе Божий, уповай дерзат от имени Божии, устро́йся ратным делом и смиренным сердцем, а к ратным буди с любовям и к бедным милостив и нищелюб во истину за то тебе от Спаса нашего устроится вся благая в роды и роды. Аминь»²⁴.

Однако в склонности царя к поучению уместно видеть не одно капризно проросшее менторство. Ощутима эпоха, *канун* нового времени с его апелляцией к личности, со стремлением сознательно задействовать внутренние силы и энергию человека. Правда, эпоха Петра более обращается к разуму и к прозаическим понятиям о выгоде и пользе. Отсюда и другой язык, и иная система убеждений. Тишайший же — человек переходного времени. Всепобеждающий и всемогущий Разум пугает его. Он весь обращен к вере. Для него Страшный суд — не холодная роспись в храме, а живое чувство, страшные мучения, уготованные тем, кто осмеливается в своем «высокоумии» отвергать предначертанное Богом. Не случайно уличив Ордин-Нащокина в намерении проводить на переговорах с поляками свою линию, царь выговаривает ему за «высокоумие»: уповай на Бога, а не на свой «слабый переменчивый ум». Но при этом воля Бога для Тишайшего есть не что иное, как его тайный наказ с условиями примирения с королем!

Царские послания интересны еще и тем, что в них Алексей Михайлович зачастую предстает эмоциональным, экспрессивным человеком. Он далеко не так благодушен и ровен, как это часто представляется в литературе. Иногда приходится даже удивляться неадекватности его бурной реакции, вызванной, казалось бы, ничтожным поводом. Но именно «казалось бы», поскольку на поверку этот повод для царя был чрезвычайно важный, а значит — приоткрывающий истинные мотивы его поведения. С подобным случаем мы сталкиваемся в эпизоде с казначеем Савво-Сторожевского монастыря Никитой.

Проделки последнего вскрылись в мае 1652 года. Казначей бражничал, не слушал архимандрита, избивал стрельцов, поставленных на постой в монастырь. Наконец, при обыске в келье казначея были обнаружены писания, в которых Никита жаловался на немилость царя к обители. Все это сильно задело молодого государя. Он вспыл, загорячился. Подвернись Никита

²³ РГАДА, ф.27, д.119, л.110.

²⁴ Там же, д.93, л.17-18.

в момент, когда царю поднесли извет — быть ему битым, как это случалось даже с боярами. По счастью для нас, виновный сидел в Звенигороде, и царь, не дотянувшись, поневоле *раскрылся* — взялся за перо.

Что особенно вывело из себя Алексея Михайловича? То, что Никита преступил «старческий чин» и вместо того, чтобы быть образцом послушания и благочестия — возгордился, зазлодействовал и, забыв о всех царских милостях, ответил черной неблагодарностью. По твердому убеждению царя, подобный проступок требовал наказания показательного, по принципу «чтоб другим неповадно было».

Алексей Михайлович не поскупился на нелестные эпитеты в адрес Никиты. Тот у него — и Враг Божий, и богоненавистник, и Христопродавец, и лукавый раб, и даже единомысленник сатаны. «Хто тебя, сиротину, спрашивал над домом Чюдотворцовым да и *надо мной*, грешным, властвовать?» — вопрошал царь, приняв за оскорбление царского сана избиение стрельцов, которые стояли в обители по его приказу.

«И дороги ль твои грозы мне? — писал далее царь, называя изгнание казначеем стрельцов «грозами», — Ведаешь ли ты то, что опричь Бога и матери его владычицы, наша Пресвятая Богородицы и света очию моею, чудотворца Савы, и не имею, опричь той радости, никакой и надежды. То моя радость, то мое и веселие, и сила и на брани против врагов моих». Пожалуй, ни в одном из ранних писем Тишайшего с такой полнотой не прозвучала вся сила его религиозного чувства и уверенность в *предназначении*, как здесь. Ему, богоизбранному государю, за заступничеством Бога, Богородицы и святителей «ниче грозы не страшны» — и ничтожного «шпыря Никиты», и «своего брата, государя»!

В грамотке легко улавливается уже знакомая тема — образ грозного, воздающего государя. Царь обещает примерно наказать виновника. При этом любопытно, как молодой государь ощущает свою богоизбранность. Он мыслит иерархично: лукавый Никита обвинен в том, что он не радел о монастыре, то есть «не восхотел послушати Бога, и чудотворца, и меня». Далее идут угрозы: «Ты променил сие место чудотворцево на свое премудрое и лукавое и на пьяное сердце и на проклятые свои мысли». В конце, несколько сбившись с высокопарного стиля, Алексей Михайлович собственноручно приписал: «Не на то я тебя призвал, что вино то пить. О горе мне от тебя, Микита, каково ты мне сотворил за мою любовь, таково и я тебе сотворю»²⁵.

История напомнила царю о всей пагубности «безначалия». Отчего Никита сплутовал и согрешил? От недосмотра. Архимандрит монастыря Гер-

²⁵ Труды ... С. 686-687.

Стрельцы.

Рисунок из альбома Мейерберга. XVII в.

моген был слишком стар и слаб, чтоб справиться с непокорной братией. В обители, правда, были твердые начальствующие люди, но как раз в это время они отсутствовали — были в соловецкой посылке с митрополитом Никоном. По счастью, посольство уже двигалось назад к Москве, и царь приказал писать им про нерадостные монастырские новости. Грамотка эта не просто сохранилась — на ней собственноручные царские пометки, свидетельство не остывающего интереса к делу. Царь приказывает старцам бить челом Никону, чтобы тот отпустил их «к нам наскора для това, что за грехи мои (!) и ваши обчие монастырь... в конец разорился. Вас нет, казначей взбесился и *задуrowал* (это приписка царя), а архиморит аглох, а братья не токмо вино, но и табак пьют»²⁶.

Кажется, какое огромное расстояние между царем и «лукавым» казначеем Никитой! Но царю в этом деле все важно: для него гармония — в строгом соблюдении каждым своего «чина», где чин — образец и канон. Тishайший страдает от каждого покушения на эту гармонию, от разрушения богоданного «чина» и порядка, в котором, собственно, для него заключена красота мира.

Такое эмоциональное восприятие мира оборачивается еще одной особенностью поведения царя. Нередко его первое побуждение к поступку — чувство, порыв, эмоциональный взрыв. Так что там, где историки в поисках рационального начала начинают воздвигать хитроумные логические здания, вполне возможно, существовала иррациональная «пустота»,

²⁶ Там же. С. 695-696.

приводившаяся в политику непонятным упрямством или необъяснимой слепотой Алексея Михайловича.

Современники оставили достаточно пространные описания второго Романова. Поразительна, однако, их противоречивость. Царь «кроток и благочестив» (с последним согласны все), но при том события «обнаружили в нем свойства суровые»; он умен и... «не терпит советов, противных его мнению»; ищет любви у своих подданных и «строг в наказаниях»; наконец, «дух его наделен... блестящими врожденными дарованиями», но он груб и необразован. Можно, а в некоторых случаях и нужно, говорить о пристрастиях или поверхностности этих характеристик. Но мы обратим внимание на другое: в противоречивых отзывах — противоречивость самого Тишайшего и, одновременно, — его времени, во многом «повинного» в происходящем с нашим героем. Это время меняло Тишайшего и, начав царствовать со свадьбы, на которой вместо угарного веселья звучали благочестивые духовные песнопения, он заканчивал свое правление придворным театром с «французской пляской». Дух переходного времени пронизал и привязал Алексея Михайловича к себе. Привязал так крепко, что второй Романов вне эпохи, как планета без атмосферы — лишен жизни.

Ключевые слова:

патриарх Никон, Филипп II, приказ Тайных дел, Соловецкое покаянное послание

Igor L. Andreev

ALEXIS OF RUSSIA:

strokes to a portrait

he reign of Tsar Alexis of Russia (1645-1676) is fairly considered to be one of the most important in the 17th century. Therefore, interest is constantly growing concerning the personality of the second Romanov. In mass historical consciousness as well as in the scientific literature there are a set of myths and stereotypes connected to this historical figure. This article attempts to dispel some of them. To do this, the author applies an analysis of ideology, moral and religious values underlying the actions of Alexis of Russia to examine Alexis' personality.

Андреев Игорь Львович

кандидат исторических наук, профессор кафедры отечественной истории
Московского городского педагогического университета

Д.О. Серов

ПЕТР I КАК ИСКОРЕНИТЕЛЬ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА

Корень всему злу есть сребролюбие.

Устав воинский, 1716 г.¹

*И того вашего величества указа нигде не исполняют,
и везде берут взятки великие.*

Подметное письмо, 1724 г.²

тренним временем 1724 г. января 24-го дня на Троицкой площади Санкт-Петербурга на спешно сооруженном эшафоте, позади которого возвышались четыре заостренных шеста для втыкания голов казненных, началась публичная «эксекуция». Уже давно, со времен казней после розыска о царевиче Алексее Петровиче столичный люд не видывал столь многого числа приговоренных, чередой возведенных на эшафот. В морозном воздухе сквозь редко сыпавший снег монотонно зазвучал голос секретаря, зачитывавшего «вины» осужденных, раздались последние возгласы казнимых, на доски эшафота брызнули первые струи крови. Вот из поредевшей

¹ Законодательство Петра I / Под ред. А.А. Преображенского и Т.Е. Новицкой. М., 1997. С. 164.

² РГАДА. Ф. 16. № 179. Л. 9.

группы приговоренных вывели немолодого, заметно поседевшего человека. Над площадью разнеслись строки приговора: «...Преступая его императорского величества указы... брал от разных дел взятки, а именно...» Как только умолк секретарь, засвистел кнут. Затем палач взялся за клещи и с привычной сноровкой вырвал осужденному ноздри. Окровавленного, едва живого наказанного свели с эшафота, чтобы через 12 дней отправить на вечную каторгу в снискавший зловещую славу Рогервик. Такую кару понес ярославский фискал Алексей Иванович Никитин, которого Вышний суд избличил в четырех эпизодах получения взяток на общую сумму 111 рублей плюс бочонок вина³.

Многих ли мздоимцев в первой четверти XVIII в. ожидала участь Алексея Никитина? И отчего император помиловал А.И. Никитина, первоначально приговоренного судом к смертной казни? Как вообще Петр I расценивал явление взяточничества — в качестве верховного судьи и в качестве законодателя? Однако прежде чем обратиться к обзору сведений об отношении первого российского императора к взяточничеству, представляется необходимым предпринять некоторые правовые экскурсы как в допетровские времена, так и во времена сегодняшние.

В современном уголовном праве России взяткой признается любая выгода материального характера, полученная должностным лицом за совершение действий (или бездействие), входящих в его служебные обязанности, а также за осуществление общего покровительства или попустительства по службе (статья 290 части 1 действующего Уголовного кодекса РФ). Соответственно, в настоящее время в качестве взятки не рассматривается незаконное вознаграждение, переданное либо субъекту, не являющемуся должностным лицом⁴, либо должностному лицу, которое не располагает формальной возможностью предпринять требуемые действия или же оказать общее покровительство (в последнем случае преступное деяние квалифицируется как мошенничество).

³ Детальное описание «эзекуции» 24 января 1724 г. оставил Ф.-В. Берхгольц (*Берхгольц Ф.-В. Дневник. 1721—1725* / Пер. с нем. М., 1903. Ч. 4. С. 10—11). Приговор А.И. Никитину и запись о приведении его в исполнение отложились в материалах «дела фискалов» 1722—1724 гг. (РГАДА. Ф. 248. Кн. 274. Л. 1443, 1444 об.). Сведения о погоде в Санкт-Петербурге 24 января 1724 г. сохранились в «Походном журнале» Петра I за 1724 г. (Походный журнал 1724 года. СПб., 1855. С. 36).

⁴ Пояснение, кого именно считать должностным лицом, содержится непосредственно в УК РФ (примеч. 1 ст. 285). Говоря вкратце, должностным признается лицо, наделенное полномочиями представителя власти либо выполняющее организационно-распорядительные функции в государственных и муниципальных органах и учреждениях, в органах местного самоуправления, а также в Вооруженных силах РФ.

Переходя к временам допетровским, прежде всего следует отметить, что понятие должностного лица как специального субъекта получения взятки в те времена, разумеется, отсутствовало. Но сами должностные лица (во вполне строгом современном понимании) существовали на Руси с древних времен, и число их от века к веку все увеличивалось. Со столь же древних времен в нашей стране бытовала традиция всевозможных неофициальных подношений представителям власти со стороны населения. Именовались эти подношения различно: «посулы», «поминки», «почесть». Как же относился к такому явлению средневековый отечественный законодатель?

А относился он к частным вознаграждениям отчетливо двойственно⁵. С одной стороны, получение посула, имевшее изначально (как убедительно показал Ю.Г. Алексеев) вполне легальный характер⁶, оказалось безоговорочно воспрещено уже в конце XV в. Ключевая норма на этот счет была внесена, как известно, в ст. 1 Судебника 1497 г.: «...Також и всякому судие посула от суда не имати никому»⁷. С другой стороны, за принятие посула законодатель не установил в Судебнике 1497 г. каких-либо санкций. Это отсутствие санкций превращало запрет посулов в чисто декларативную норму (норму-декларацию, как она именуется в современной теории права) и тем самым лишало означенный запрет уголовно-правового значения.

Разумеется, в условиях Средневековья, если запрет исходил от монарха, то им же могла быть и назначена любая санкция за нарушение этого

⁵ Не углубляясь на этих страницах в историографические дебри, необходимо заметить, что проблема частных вознаграждений должностным лицам в России XVI–XVII вв. неоднократно затрагивалась в литературе. Из работ, имеющих научное значение, см. в первую очередь: *Анциферов К.Д.* Взятничество в истории русского законодательства (до периода сводов) // Журнал гражданского и уголовного права. 1884. Кн. 2. С. 1–35; *Ширяев В.Н.* Взятничество и лиходеительство в связи с общим учением о должностных преступлениях: уголовно-юридическое исследование. Ярославль, 1916. С. 71–91 [Временник Демидовского юридического лицея. Кн. 115]; *Torke H.J.* Crime and Punishment in the Pre-Petrine Civil Service: The Problem of Control // Imperial Russia. 1700–1917: State. Society. Opposition. Northern Illinois University Press, 1988. P. 5–21; *Davies B.* The Politics of Give and Take: Kormlenie as Service Renumeration and Generalized Exange, 1488–1726 // Culture and Identity in Muscovy, 1359–1584. М., 1997. P. 49–61; *Седов П.В.* Подношения в московских приказах XVII в. // Отечественная история. 1996. № 1. С. 142–145; *Potter C.* Payment, Gift or Bribe? Exploring the Boundaries in Pre-Petrine Russia // Bribery and Blat in Russia: Negotiating Reciprocity from the Middle Ages to 1990-s. London, 2000. P. 20–34.

⁶ *Алексеев Ю.Г.* Судебник Ивана III: традиция и реформа. СПб., 2001. С. 186–189.

⁷ Российское законодательство X–XX вв. / Под ред. А.Д. Горского. М., 1985. Т. 2. С. 54.

Вид Троицкой площади на Городском острове. Санкт-Петербург.
А. Ростовцев. XVIII в.

запрета. Тем более что, как обосновал К.В. Петров, в правовой системе России XVI—XVII вв. судебный прецедент являлся источником права наряду с нормативным актом⁸. Однако ни в трудах предшественников, ни в публикациях документов не удалось встретить ни единого эпизода, когда «судьи» несли бы ответственность за принятие посулов в соответствии со статьей 1 Судебника 1497 г. Таким образом, посул в Судебнике 1497 г. следует, думается, рассматривать все же не как взятку (в современном уголовно-правовом понимании), а как некую «протовзятку», деяние нежелательное, но при том ненаказуемое.

В XVII в. позиция законодателя в отношении посула стала еще менее определенной. Прежде всего это нашло отражение в Уложении 1649 г., более чем на полтора столетия образовавшем собой ключевой сегмент российской системы законодательства. Как ни покажется неожиданным, но собственно принятие посула в Уложении 1649 г. не подверглось запрещению⁹. Согласно нормам, закрепленным в статьях глав 7, 10 и 21 Уложения 1649 г., должностные лица подлежали уголовной ответственности только в том случае, если получение посула обусловило совершение ими иных преступных деяний против интересов службы и против

⁸ Петров К.В. «Прецедент» в средневековом русском праве (XVI—XVII вв.) // Государство и право. 2005. № 4. С. 78—83.

⁹ Из числа предшествующих авторов на эту особенность Уложения 1649 г. обратили внимание К.Д. Анциферов, а затем О.В. Новохатко (Анциферов К.Д. Взятничество в истории русского законодательства. С. 32—33; Новохатко О.В. Разряд в 185 году. М., 2007. С. 55).

правосудия — от вынесения неправосудного приговора до служебного подлога¹⁰.

Вместе с тем тогдашний законодатель не решился ни в целом легализовать частные вознаграждения должностным лицам, ни каким-то образом регламентировать порядок их получения. Наоборот, во множестве нормативных актов второй половины XVII в. (в первую очередь в наказах различным должностным лицам) посул, как и прежде, безоговорочно возбранялся¹¹. Однако ни в одном из этих актов запрет на получение «чистых» посулов не сопровождался (как и в Судебнике 1497 г.) назначением каких-либо санкций. Таким образом, посул не превратился во взятку и в законодательстве XVII в.

Подобная законодательная невнятица привела к тому, что принятие должностными лицами частных вознаграждений сохранилось в XVII в. в качестве обыденного явления. Среди этих частных вознаграждений представляется возможным выделить две основные разновидности (хотя и несомненно переплетавшиеся друг с другом): подношения «по должности» (восходившие к стародавнему официальному кормлению государевых наместников) и подношения «от дел» (связанные с разрешением конкретного административного или судебного дела). Первая разновидность была характерна прежде всего для местных органов государственной власти, вторая — для центральных органов.

Затраты же на подношения государственным служащим (численность которых за вторую половину XVII в. увеличилась почти втрое¹²) были таковы, что даже стряпчие, представлявшие в судах интересы отнюдь не бедствующих монастырей, и те оказывались подчас в затруднительном положении. Например, в одном из писем 1684 г. стряпчий переславль-залесского Данилова монастыря сетовал, что «не задружены у нас приказные люди, всяк просит, а поделиться нечем». В другом пись-

¹⁰ См. ст. 10–12 гл. 7-й, ст. 5–9, 12, 16, 144, 146 и 170 гл. 10-й, ст. 2 гл. 12-й, ст. 83 гл. 21-й Уложения 1649 г. (Российское законодательство X–XX вв. / Под ред. А.Г. Манькова. М., 1985. Т. 3. С. 94, 102–104, 124, 157, 244). Современный правоприменитель мог бы квалифицировать описанные в диспозициях отмеченных статей преступные деяния по ст. 305 «Вынесение заведомо неправосудного приговора, решения или иного судебного акта», ст. 306 «Заведомо ложный донос», ст. 307 «Заведомо ложные показания», ст. 292 «Служебный подлог», ст. 159 «Мошенничество» и особенно по ст. 285 «Злоупотребление должностными полномочиями» УК РФ.

¹¹ См.: Полное собрание законов Российской империи с 1649 года (далее — Полное собрание законов). СПб., 1830. Т. 1. № 114. С. 310, 313–314; Там же. Т. 2. № 1074, 1148, 1181. С. 616, 717, 762; Там же. Т. 3. № 1443, 1511, 1526, 1533. С. 131, 203, 214, 217 и др.

¹² Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 37.

ме стряпчий жаловался, что «ко мне... всего в присылке рубль, и из того рубля не знаю, на дела бумаги покупать или дьякам и подьячим от дел давать»¹³.

Неудивительно, что когда в январе 1669 г. группа подьячих Разрядного приказа была — всего на месяц — откомандирована для участия в оформлении дипломатической документации в Ответную палату, это повлекло с их стороны подачу челобитных с просьбами материально компенсировать им отсутствие в приказе. Аргументация подьячих была прямолинейна. Иван Матвеев указал, что в Ответной палате ему пришлось работать «безкорысно в самую лутчею пору, в которое время моя братья, будучи в приказах, от челобитчиковых дел сыты бывают». Подьячий Иван Максимов «с товарищи» добавили к этому, что за время пребывания в палате они успели «оскудаты» и «стали беззапасны». Показательно, что руководство Разрядного приказа сочло доводы подьячих вполне резонными и распорядилось выплатить каждому из них от двух до пяти рублей (сверх окладного жалованья)¹⁴.

Что касается конкретных сумм, достававшихся приказным «от дел», то, скажем, трудившийся отнюдь не в самой «хлебной» Оружейной палате дьяк А.А. Курбатов исчислил в июне 1701 г. посульные доходы, полученные им за неполные два года, в 604 рубля¹⁵ (средний дьяческий годовой оклад составлял в конце XVII в. 88 рублей¹⁶). А дьяку Поместного приказа Ф.С. Манукову оказалось по средствам приобрести в апреле 1702 г. в Москве домовладение стоимостью 1400 рублей¹⁷. В целом же, по авторитетному предположению Н.Ф. Демидовой, неофициальные доходы большинства приказных в несколько раз превышали размеры их окладного жалованья¹⁸.

Между тем во второй половине XVII в. в России появился термин «взятка». В неофициальном обиходе этот термин стал, вероятно, употребляться с 1650-х гг.¹⁹ В законодательстве же означенный термин был впервые использован, насколько удалось установить, в типовом наказе писцам от 26 января

¹³ Свирелин А.И. Подворье Переславского Данилова монастыря в Москве // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. 1860—1861. СПб., 1863. Кн. 5. С. 15—16.

¹⁴ О доходах подьячих, служивших в московских приказах (1669 г.) / Публ. В. О. Эйнгорна // ЧОИДР. 1894. Кн. 4. Смес. С. 8—10.

¹⁵ РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 1. Л. 638 об.

¹⁶ Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России... С. 122.

¹⁷ Москва. Актовые книги XVIII столетия. М., 1892. Т. 1. С. 116.

¹⁸ Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России... С. 145.

¹⁹ Московская деловая и бытовая письменность XVII в. М., 1968. С. 71.

1676 г. и в законе от 28 февраля 1677 г. об организации деятельности таможенных голов и целовальников²⁰.

Как явствует из контекста нормативных актов и материалов судебной и административной практики, «взятка» как раз и стала означать частное вознаграждение должностному лицу, получение которого было сопряжено с вымогательством²¹ (сегодня ответственность за это деяние предусмотрена в особом пункте «Б» части 5 статьи 290 УК РФ). В этом смысле взятка неизменно противопоставлялась посулу — подношению заведомо добровольному. Впрочем, какого-либо специального акта о введении ответственности за получение «взяток» в последней трети XVII в. издано не было.

Ситуацию, сложившуюся к концу XVII в. в государственном аппарате России в связи с общераспространенностью практики принятия посулов, резюмировал игумен Андреевского монастыря на Воробьевых горах старец Авраамий. В 1696 г. в предназначенных для передачи царю «Тетрадах» хорошо осведомленный о приказных порядках старец между иного писал (хотя и изрядно сгущая краски), что «они, дьяки с подьячими, прозабыв страх божий и крестное целование, и смертный час, губят государство нагло, судят несправедно <...> кто даст почести посуленной, тот и прав»²².

Каково же было отношение Петра I к унаследованной от Московского царства традиции повсеместного принятия воеводами и приказными частных вознаграждений? Как ни покажется странным, но до начала XVIII столетия проблема теневых доходов государственных служащих царя и великого князя Петра Алексеевича почти не волновала²³. Судя по всему, никак не впечатлился будущий император и вышеприведенными строками из достигших его рук «Тетрадей» старца Авраамия.

Противодействие издоимству ограничивалось в ту пору лишь единичными эпизодами уголовного преследования взяточников да вполне тра-

²⁰ Акты писцового дела 60–80-х гг. XVII в. / Сост. С.Б. Веселовский. М., 1990. С. 293; Полное собрание законов. Т. 2. № 679. С. 90–91.

²¹ Уместно заметить, что в XVII в., наряду с термином «взятка», для обозначения вымогательства поборов с населения использовались также термины «скуп» и «налога», употребление которых, однако, прекратилось в начале XVIII в.

²² Бакланова Н.А. «Тетради» старца Авраамия // Исторический архив. М.; Л., 1951. Т. 6. С. 145.

²³ Из литературы по истории взяточничества в России в конце XVII — первой четверти XVIII вв., наряду с разделами в упомянутых трудах К.Д. Анциферова и В.Н. Ширяева, см.: Астанин В.В. Борьба с коррупцией по законодательству Петра I // Криминальная ситуация на рубеже веков в России. М., 1999. С. 245–250; Серов Д.О. Противодействие взяточничеству в России: опыт Петра I (законодательные, правоприменительные и организационные аспекты) // Уголовное право. 2004. № 4. С. 118–120.

диционными риторическими запретами посулов и взяток в нормативных актах. Так, по свидетельству И.А. Желябужского, в 1699 г. за взятки при кораблестроительных работах в Воронеже попал под следствие первый «адмиралтеец» окольничий А.П. Протасьев, который после допроса лично Петром I «с печали и стыда на Москве умер». В январе 1701 г. в Москве был казнен стольник Л.Я. Кокошкин, изобличенный в получении взятки в 5 рублей при найме подвод в Твери²⁴. В ноябре 1699 г. царь вынес приговор венековскому земскому старосте «с товарищи», которые за 120 рублей обеспечили избрание взяточдателей на должности таможенных и кабацких бур-

Император Петр I.
Гравюра по оригиналу
И.-Г. Таннауэра.
Около 1735 г.

мистров. И взяточники, и те, кто «накупились к сборам», были осуждены к смертной казни, замененной на наказание кнутом и пожизненную ссылку с семьями в Азов²⁵.

Весьма примечательной была попытка Петра I использовать ситуацию с широким распространением поборов с населения для пополнения государственной казны. В именном указе от 30 января 1699 г. земским общинам был предложен весьма необычный выбор: или в обмен на двукратное увеличение окладных платежей существенно расширить полномочия

²⁴ Желябужский И.А. Дневные записки / Публ. Д.И. Языкова // Русский архив. 1910. Кн. 3. № 9. С. 70, 83. Кончина А.П. Протасьева могла произойти, думается, не столько от печали, сколько от последствий пыток, которые нередко применялись при допросах с участием Петра I. Некоторые подробности расследования злоупотреблений «адмиралтейца» см.: Елагин С.И. История русского флота. Период Азовский. СПб., 1864. С. 144–145, 287–289.

²⁵ Полное собрание законов. Т. 3. № 1722. С. 671.

органов местного самоуправления (с целью освободить тяглых людей от «многих к ним воеводских и приказных людей обид и налог, и поборов, и взятков»), или сохранить прежнюю систему воеводского правления²⁶. В итоге, из 70 городов и волостей на двойной платеж согласилось лишь 11²⁷. Вероятнее всего, «налоги, поборы и взятки» воевод и приказных были все же менее обременительны для земских миров, нежели двойное увеличение оклада.

Однако в начале 1700-х гг. отношение Петра I к проблеме поборов с населения стало меняться. От единичных (хотя и суровых) актов правосудия в отношении мздоимцев царь начал переходить к принципиально новаторским законодательным мерам. Для начала в феврале 1701 г. был издан обойденный вниманием предшествующих авторов наказ владимирскому воеводе. В статье 19 наказа была внесена норма, согласно которой в случае, если воевода «учнет от каких дел имати посулы и поминки», то его ожидали «великая опала» и «жестокое наказание без всякого милосердия и пощады»²⁸. Впервые в истории отечественного права была установлена санкция (хотя и не вполне определенная) за сам факт принятия незаконного вознаграждения.

Но настоящий гром для взяточников грянул в феврале 1704 г., когда появился закон об организации Ижорской канцелярии рыбных ловель. В этом нормативном акте законодатель, не ограничившись стереотипным запретом на получение служащими взяток, определил, что «за те взятки... учинена будет смертная казнь»²⁹. Отмеченная линия в законодательстве нашла продолжение чуть более года спустя, в законе от 20 февраля 1705 г., в котором регламентировался порядок набора рекрутов. Согласно статьям 1 и 18 данного закона, смертная казнь устанавливалась для рекрутских наборщиков в том числе и за не сопряженное с иными противоправными деяниями получение взяток³⁰. Это уже была угроза не опалой, пусть и «великой».

И хотя во второй половине 1700-х гг. еще было издано несколько нормативных актов, содержавших традиционно риторические запреты посулов и взяток³¹, это была уже очевидная инерция. В области законодательства

²⁶ Полное собрание законов. Т. 3. № 1675. С. 600–601.

²⁷ Богословский М.М. Петр I. Материалы для биографии. М., 1946. Т. 3. С. 299–300.

²⁸ Полное собрание законов. Т. 4. № 1836. С. 152–153.

²⁹ Полное собрание законов. Т. 4. № 1956. С. 240.

³⁰ Полное собрание законов. Т. 4. № 2036. С. 292–293, 295.

³¹ Таковы были: именной указ от 8 января 1706 г. о передаче крепостных дел в ведение Ратуши, «статьи» ландрихтеру Ингерманландской губернии от 17 января 1707 г., наказ сыщику Ф.Ю. Козину от 30 ноября 1710 г. (Полное собрание законов. Т. 4. № 2087, 2135, 2310. С. 335–336, 366, 585).

ситуация для взяточников необратимо переменилась. С чем же могло быть связано изменение отношения царя и великого князя Петра Алексеевича к проблеме поборов с населения?

Как представляется, это было связано с более глубоким осмыслением будущим императором той обстановки, которая сложилась в его державе. Для начала необходимо вспомнить, что в первом десятилетии XVIII в. Россия вела изнурительную войну со Швецией. Одновременно в стране создавалась невиданно многочисленная «регулярная» армия, реализовывалась колоссальная судостроительная программа, «в чистом поле» ударными темпами велось строительство Санкт-Петербурга и Таганрога, укреплялся и принудительно населялся Азов.

Все это требовало как значительных экстраординарных налоговых сборов³², так и масштабных рекрутских и трудовых мобилизаций³³. На массы трудового люда обрушился разорительный гнет все новых и новых налоговых платежей и казенных отработок. Одновременно десятки тысяч крестьян и посадских не по своей воле безвозвратно покидали обжитые места, чтобы отправиться кто в солдатчину, кто на «великие стройки» на окраины державы. Неслучайно в судных делах Преображенского приказа 1700-х гг. оказались зафиксированы весьма критические суждения подданных о тогдашней внутренней политике Петра I: «Какой де это царь, мироедец, выел свое царство все»; «какой де он государь, всех вытаскал в службу, а царство запустошил»³⁴.

В свою очередь, необходимость обеспечить проведение широкого круга мобилизационных и фискальных мероприятий с неизбежностью привела к тому, что в 1700-е гг. установилась практика рассылки по стране значительного количества должностных лиц, уполномоченных производить всякого рода наборы, сборы и переписи. Сумевшие уклониться от полной тягот строевой службы, новоявленные комиссары и наборщики принялись

³² Обзорение текущих и чрезвычайных налогов 1700-х гг. см.: Козлов С.А., Дмитриева З.В. Налоги в России до XIX в. 2-е изд. СПб., 2001. С. 123–126.

³³ Так, на строительство порта в Таганроге в 1701–1703 гг. было мобилизовано около 9 тысяч работных людей. В Азов только в 1704 г. было переведено «на вечное житье» 4572 человека. На строительство же Санкт-Петербурга в одном только 1709 г. было принудительно направлено 21 450 человек (Будтолаев Н.М. Строительство Таганрогского порта в 1697–1711 гг. // Известия АН СССР. Отд. тех. наук. 1951. № 11. С. 1726; Пушкаренко А.А. Приазовский край в конце XVII — начале XVIII в. (очерки заселения и хозяйственного освоения края): Дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д., 1966. С. 46; Андреева Е.А. Начало строительства Петербурга: обеспечение работными и мастеровыми людьми в 1703–1712 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006. С. 18).

³⁴ Цит. по: Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I. М., 1954. С. 277.

мздоимствовать с таким размахом, перед которым поблекли злоупотребления малолюдной старомосковской администрации. Масштабы произвола командированных должностных лиц подчас впечатляли даже не склонных к чувствительности местных управителей.

Например, азовский ландрихтер П.В. Кикин так описывал в 1709 г. поведение разосланных по уездам многочисленных сборщиков и наборщиков: «...Не бывало того дня, чтобы не было в каждой деревни сборщиков 5 или 6 человек. А всякий, приехав, бьет и грабит и подводы и кормы емлет и денги собирает... в свою ползу, как хочет, и от того уездными людьми сверх настоящих платежей ставливалось убытков впятеро или больше»³⁵.

Разумеется, бедствия и лишения трудового люда никогда особенно не затрагивали первого российского императора. Дело было в ином. Будучи (при всей своей импульсивности) безусловным прагматиком, Петр I, начиная с середины 1700-х гг., не мог не испытывать нараставшие опасения за уровень налоговой платежеспособности населения, от которого напрямую зависела боеспособность действующей армии³⁶. Между тем бесконечные поборы командированных лиц (а заодно и местных администраторов) грозили эту платежеспособность окончательно подорвать. Думается, именно подобные опасения изначально и побудили царя задуматься о необходимости положить конец общераспространенной практике получения должностными лицами частных вознаграждений.

Что же касается разъезжавших по стране наборщиков, то они надолго оказались в поле монаршего внимания. Так, в письме Алексею Петровичу от 30 ноября 1708 г. Петр I указал провести проверку деятельности наборщиков рекрутов, подчеркнув, что если кто-то из них окажется уличен во взяточничестве, то «таких надобно повесить»³⁷. А 25 августа 1713 г. появился закон, весьма чувствительно затронувший должностных лиц, командируемых в регио-

³⁵ Цит. по: Ключков М.В. Население в России при Петре Великом по переписям того времени. СПб., 1911. Т. 1. С. 198. С впечатлениями П.В. Кикина оказались сходны и наблюдения предпринимателя и прожектера И.Т. Посошкова. В своем известном трактате «Книга о скудости и богатстве» Иван Посошков между иного сетовал, что «ныне... многое множество у дел таких брызгал, что мог бы один пятерых неприятелей гнать, а он, добившись к какому делу наживочному, да живет себе да наживает пожитки, ибо оныя, добившись в камисары и в четверщики и в подкамисарья... и во иныя управления и живут в покое и богатятся» (Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве. М., 1937. С. 175).

³⁶ В этом смысле глубоко примечательно письмо царя Т.Н. Стрешневу от 21 ноября 1709 г., в котором предписывалось взыскивать доимочные деньги не в полном объеме, а лишь за 1707–1708 гг. — чтобы не допустить разорения крестьян и посадских (Письма и бумаги императора Петра Великого. М.; Л., 1950. Т. 9. Вып. 1. С. 468).

³⁷ Письма и бумаги... М.; Л., 1948. Т. 8. Вып. 1. С. 330.

ны. Наряду с глубокомысленным предписанием направлять в такие поездки исключительно «добрых, правдивых и умных людей», в закон был внесен запрет командируемым заниматься поборами с населения на собственное проживание и передвижение. В качестве единственной санкции за подобные действия определялась смертная казнь с конфискацией имущества³⁸.

Не прошло и полутора лет, как 23 декабря 1714 г. Петр утвердил закон, ставший, как представляется, наиболее радикальным нормативным актом, направленным на противодействие взяточничеству, изданным в России за XVI — первую половину XX в.³⁹ В этом законе — под действие которого попадали теперь уже все без изъятия должностные лица («все чины, которые у дел приставлены») — запрещалось получение каких бы то ни было частных вознаграждений («дабы не дерзали никаких... денег брать»). Нарушение закона грозило телесным наказанием с конфискацией имущества или вовсе смертной казнью⁴⁰. Посулы, поминки, почести, взятки сливались отныне в единый, безоговорочно и сурово караемый состав преступления⁴¹. Так в законодательстве России появилась взятка — в современном уголовно-правовом понимании.

Впрочем, и в середине 1710-х гг. позиция Петра I в отношении взяточничества была не вполне одномерной. Прежде всего следует отметить то обстоятельство, что царь не предусмотрел какой-либо нормы об ответственности за получение взятки в изданном одновременно с законом от 23 декабря 1714 г. Артикуле воинском — первом военно-уголовном кодексе России (не имеющем аналога в современной системе законодательства).

³⁸ Полное собрание законов. Т. 5. № 2707. С. 51–53.

³⁹ Полное собрание законов. Т. 5. № 2871. С. 135–136. Черновая редакция закона была собственноручно написана Петром I (Законодательные акты Петра I / Сост. Н.А. Воскресенский. М.; Л., 1945. Т. 1. С. 211–212). Наиболее подробное рассмотрение закона в литературе см.: *Ширяев В.Н.* Взяточничество и лиходейство... С. 103–106.

⁴⁰ В следующий раз в отечественном законодательстве смертная казнь за взяточничество оказалась введена указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 февраля 1962 г. «Об усилении уголовной ответственности за взяточничество» (Ведомости Верховного Совета СССР. 1962. № 8. Ст. 85). Эта санкция была в том же году внесена в ст. 173 Уголовного кодекса РСФСР 1960 г.

⁴¹ Примечательно, что после 1714 г. термин «посул» почти перестал употребляться в законодательстве, хотя и не исчез вовсе. Этот архаичный термин оказался еще упомянут в ст. 16 Инструкции земским рентмейстерам от 12 февраля 1719 г., в ст. 12 ч. 3 Духовного регламента от 25 января 1721 г., в ст. 2 закона от 13 ноября 1724 г. «О подозрении на судей», а в последний раз — в законе от 13 ноября 1724 г. о запрете передавать через придворных служителей письма (Полное собрание законов. Т. 5. № 3304. С. 664; Т. 6. № 3718. С. 345; Т. 7. № 4593, 4597. С. 367, 368). А вот в приговоре Вышнего суда А.Я. Нестерову от 22 января 1724 г. был использован совсем экзотический термин «посульные взятки» (РГАДА. Ф. 248. Кн. 273. Л. 690).

Более того: в этом обширном законодательном акте, в проект которого Петр I внес более 70 поправок и дополнений⁴², вообще не оказалось раздела о преступлениях против интересов службы (которые могли совершаться должностными лицами военного управления)⁴³. Может, Петр иллюзорно понадеялся, что в реформированной российской армии взятки не получат распространения и без уголовно-правовых запретов?

Примечательно и то обстоятельство, что будущий император не упомянул о взяточничестве в известном законе от 25 января 1715 г.⁴⁴ Именно в этом законе были сформулированы знаменитые «три пункта», содержавшие составы особо тяжких преступлений, о подготовке или совершении которых допускалось извещать лично царя. В первых двух пунктах фигурировали государственные преступления (посягательство на жизнь самодержца, измена и бунт), в третьем пункте речь шла о казнокрадстве.

Иной порядок оказался предусмотрен в том же 1715 г. в отношении подачи заявлений о взятках. Согласно закону от 11 июня 1715 г., население призывалось «без всякого страха» сообщать о взяточничестве со стороны все тех же командированных должностных лиц в Правительствующий Сенат или губернаторам⁴⁵. Тем самым очевидно, что в тот момент Петр I посчитал взяточничество явлением менее опасным, нежели хищение казны.

Впрочем, уже на следующий год царь высказался о частных вознаграждениях должностным лицам сколь подробно, столь и непримиримо. 30 марта 1716 г. вступил в силу Устав воинский, в главе 10 которого между иного читались такие строки: «И понеже корень всякому злу есть сребролюбие. Того для всяк командующий аншефт должен блюсти себя от лихоимства. И не точию блюсти, но и других от оного жестоко унимать и доволствоватца определенным. Ибо многие интересы государственные чрез сие потеряны бывают. Ибо такой командир, которой лакомство великое имеет, немно-

⁴² Публикацию этих поправок и дополнений, подготовленную П.П. Епифановым, см.: Военные уставы Петра Великого / Под ред. Н.А. Рубинштейна. М., 1946. С. 66–79.

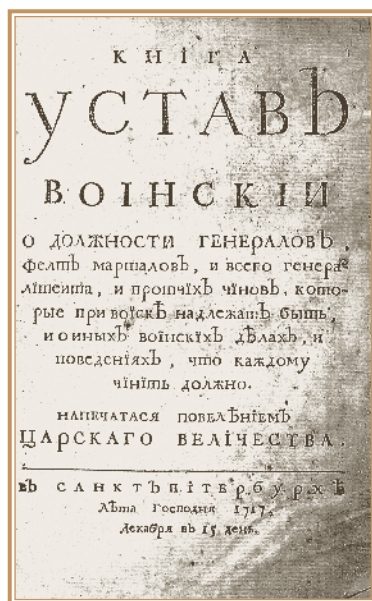
⁴³ Единственным исключением явились ст. 65 и 66 Артикула воинского 1714 г., в которых оказались упомянуты несколько казусов злоупотребления должностными полномочиями (Законодательство Петра I. С. 764).

⁴⁴ Полное собрание законов. Т. 5. № 2877. С. 138. В литературе об этом законе см., в частности: *Покровский Н.Н.* Законодательные источники Петровского времени о «слове и деле государевом» // Публицистические и исторические сочинения периода феодализма: сб. науч. трудов. Новосибирск, 1989. С. 79–81; *LeDonne J.* Absolutism and Ruling Class: The Formation of the Russian Political Order. 1700–1825. Oxford, 1991. P. 206–207; *Анисимов Е.В.* Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII в. М., 1999. С. 19–20.

⁴⁵ Полное собрание законов. Т. 5. № 2915. С. 160.

го лучше изменника почтен быть может, понеже оного неприятель (хотя оный и верен) посторонним образом подарит и с прямого пути свести легко может. Того ради всякому командиру надлежит... от оного блюстися, ибо может таковым богатством легко смерть или безчестное житие купить»⁴⁶.

Хотя история создания Устава воинского поныне детально не исследована⁴⁷, представляется неоспоримым, что источником приведенного фрагмента 10-й главы явилась либо собственноручная запись Петра I, либо запись его диктовки. Более уместный в составе политико-правового трактата, а не акта военного законодательства, не содержащий уголовной санкции,

Титульный лист
Устава воинского
издания 1717 г.

этот фрагмент, однако, с уникальной полнотой отразил тогдашние воззрения будущего императора на проблему взяточничества. Оттолкнувшись от узко-прагматического осознания того урона, который поборы должностных лиц наносили налоговой платежеспособности населения, к 1716 г. царь Петр Алексеевич пришел к пониманию принципиальной неприемлемости для России многовековой традиции принятия государственными служащими всевозможных подношений.

⁴⁶ Законодательство Петра I. С. 164–165.

⁴⁷ Законопроектные материалы, относящиеся к истории составления Устава воинского 1716 г., еще в 1920-е гг. выявил и подготовил к печати ленинградский ученый-подвижник Н.А. Воскресенский. Акты военного и военно-морского законодательства конца XVII — первой четверти XVIII вв. (вместе с их черновыми редакциями) Николай Воскресенский свел в четвертый том «Законодательных актов Петра I» (Законодательные акты Петра I. С. XLIV, 9, 24). Этот четвертый том, как известно, так и не вышел в свет, местонахождение его рукописи в настоящее время неизвестно.

В последнее восьмилетие жизни Петра I новых специальных актов, касавшихся взяточничества, более не появилось. Рассмотренный фрагмент главы 10 Устава воинского 1716 г. был дословно воспроизведен в статье 13 главы 1 книги 1 Устава морского от 13 января 1720 г.⁴⁸ Вместе с тем в обширный уголовно-правовой раздел Устава морского 1720 г. не было внесено (как и в Артикул воинский 1714 г.) никакой особой нормы об ответственности за получение взятки. Может, царь посчитал, что для флотских чинов достаточной острасткой станет фраза о том, что на добытые лихоимством деньги можно «смерть или безчестное житие купить»?

Кроме того, в резолюциях от 23 февраля 1720 г. на докладные пункты следственной канцелярии И.И. Дмитриева-Мамонова Петр I разъяснил нормы «переломного» закона от 23 декабря 1714 г.⁴⁹ Согласно упомянутым резолюциям, предписывалось не привлекать к какой-либо ответственности должностных лиц, получивших посулы в безусловно добровольном порядке в период до издания закона. В свою очередь, аналогичные добровольные подношения, принятые должностными лицами после 1714 г., подлежали взысканию в казну.

Разумеется, Петр I не мог забыть о проблеме взяточничества в ходе выработки грандиозного (хотя так и не завершенного) проекта Уложения Российского государства 1723–1726 гг. — единого кодифицированного акта, которому предстояло заменить Уложение 1649 г. Составлением проекта занималась специально учрежденная при Сенате в августе 1720 г. Уложенная комиссия⁵⁰. Уже 16 марта 1721 г. царь собственноручно пометил: «В Уложение внести указы о похищении и лихоимстве...»⁵¹

Уложенная комиссия 1720 г. исполнила высочайшее предписание, подготовив на основе рассмотренных законов 1713–1714 гг. состоявшую из 14 статей главу «О искоренении похищения кражи казны и протчего лихоимства», поместив ее в состав книги 3 проекта⁵². Кроме того, Уложенная комиссия 1720 г. в полной мере использовала приведенный выше фрагмент главы 10 Устава воинского 1716 г. Означенный фрагмент был несколько расширен, переадресован судьям и в итоге образовал особую статью 25

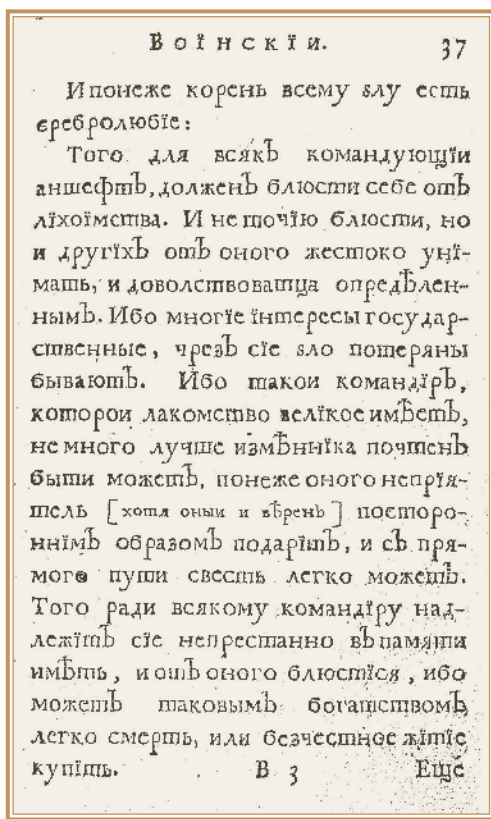
⁴⁸ Полное собрание законов. Т. 6. № 3485. С. 6.

⁴⁹ Полное собрание законов. Т. 6. № 3531. С. 140.

⁵⁰ О подготовке проекта Уложения 1723–1726 гг. подробнее см.: Серов Д.О. «У сочинения Уложения росийского с швецким быть...»: Уложенная комиссия 1720 года и ее труды // Институты государства и права в их историческом развитии: сб. науч. статей. М., 2012. С. 139–160.

⁵¹ РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 58. Л. 61.

⁵² РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Кн. 33. Ч. 3. Л. 211–216.

Страница
Устава воинского
издания 1717 г.

«Судья должен удаляться от всякого лихоимства и подарков» главы 4 книги 1 проекта Уложения 1723–1726 гг.⁵³

Нельзя не упомянуть и о том, что в эти годы Петр I задумался о возможности легализовать — хотя и в ограниченных масштабах и при строгом нормативном регулировании — получение государственными служащими частных вознаграждений «от дел» (что позволило бы сократить расходы бюджета на выплату им жалованья). Еще в законе от 23 декабря 1714 г. между иного упоминалось, что принятие добровольных подношений «от дел» может быть допущено в будущем либо по какому-то особому нормативному акту либо с «партикулярного» разрешения монарха или же Сената. А вот в утвержденный царем 28 февраля 1720 г. Генеральный регламент оказалась внесена глава 39 «О акциденциях или доходах за труды», в которой упоминалось о предстоящем издании «особливого регламента» касательно правил получения частных вознаграждений⁵⁴. Однако никакого нормативного акта на этот счет при жизни Петра I так и не появилось.

⁵³ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Кн. 33. Ч. 1. Л. 61–61 об.

⁵⁴ Полное собрание законов. Т. 6. № 3534. С. 154–155.

Еще более примечательно, что дальнейшее развитие в законодательстве конца 1710-х — первой половины 1720-х гг. получил тезис царя о соотносительности взяточничества и государственной измены, впервые сформулированный в главе 10 Устава воинского 1716 г. Очень скоро Петр I повторил и усилил означенный тезис, но уже применительно ко всем преступлениям против интересов службы. В статье 12 закона «Должность Сената» 1718 г. эти преступления были прямо уравнены с изменой⁵⁵. Более того, в 1718 г. законодатель счел «презрение указов» должностными лицами даже более опасным, нежели предательство. Как отметил Петр I в собственноручно написанном проекте отмеченной статьи, «услышаф измену, всяк остережетца, а сего [должностного преступления] никто вскоре не почювствует, но мала-помалу все разорятца»⁵⁶.

Наконец, в октябре 1723 г. Петр I передал для внесения в проект Уложения Российского государства 1723–1726 гг. имевшую нормативное значение «Экспликацию» [пояснение] о государственных преступлениях⁵⁷. В «Экспликации» император развил вышеприведенный тезис об особой опасности преступлений против интересов службы, указав, что «когда кто в своем звании погрешит, то беду нанесет всему государству». На этом основании законодатель включил преступные деяния против интересов службы (против «государственных прав и своей должности») в число государственных преступлений. Такова была конечная точка эволюции воззрений Петра I на взяточничество: в конечном итоге он отнес это деяние (наименованное в «Экспликации» «лакомством») к разряду государственных преступлений.

Между тем, наряду с радикальным обновлением нормативной основы борьбы со взяточничеством, в первой половине 1710-х гг. царь Петр Алексеевич предпринял в том же направлении и ряд не имевших аналогов мер организационного характера. Прежде всего необходимо вспомнить, что на борьбу со взяточничеством была нацелена созданная в нашей стране в марте 1711 г. могущественная фискальская служба. В утвержденном царем 17 марта 1714 г. базисном законе «О фискалах, их должности и действии» в статье 2 специально оговаривалось, что представителям службы надлежит выявлять «всякие взятки»⁵⁸.

⁵⁵ Полное собрание законов. Т. 5. № 3264. С. 606.

⁵⁶ Законодательные акты Петра I. С. 287–288.

⁵⁷ Законодательные акты Петра I. С. 131–132. Некоторое время спустя «Экспликация» была оформлена в виде особого законодательного акта, обнародованного 5 февраля 1724 г. (Полное собрание законов. Т. 7. № 4460. С. 250–251).

⁵⁸ Полное собрание законов. Т. 5. № 2786. С. 89.

Неусыпное внимание Петр I уделял также информированию как государственных служащих, так и населения в целом о содержании направленных против взяточничества нормативных актов. Для начала следует отметить, что «переломный» закон от 23 декабря 1714 г. был, по указанию царя, незамедлительно опубликован типографски, разослан по регионам и направлен в свободную продажу⁵⁹. В марте 1719 г. и в феврале 1724 г. означенный закон был также обнародован в составе сборников нормативных актов⁶⁰.

Не довольствуясь этим, 2 мая 1720 г. Сенат распорядился собрать со всех государственных служащих подписки об ознакомлении с законом от 23 декабря 1714 г. Ознакомлению с законом (аналогично под расписку) впредь подлежали и все лица, принимаемые на государственную службу. Повторный сенатский указ на эту тему был издан 24 августа 1722 г.⁶¹ Не остался в забвении и закон от 25 августа 1713 г. Сенатским указом от 8 июня 1720 г. губернаторы и провинциальные воеводы обязывались вывесить списки этого закона в людных местах в городах и сельской местности, а также организовать зачитывание закона вслух в приходских церквях каждое воскресенье, после литургии⁶².

Итак, в аспектах законодательном и организационном на протяжении 1700–1710-х гг. Петр I предпринял не имевшие аналогов меры по пресечению частных вознаграждений должностным лицам. Каков же оказался результат, каковы были итоги воплощения на практике грозных и повсюду разосланных государевых указов, итоги деятельности вездесущих фискалов? А итоги эти оказались весьма неоднозначными.

С одной стороны, вполне эффективной следует признать деятельность по разоблачению взяточников со стороны фискальской службы⁶³. К примеру, как явствует из записной книги фискальских доношений 1713 г., только за июль — сентябрь этого года фискалы выявили эпизоды получения взяток тремя должностными лицами: комендантами Соли Галицкой и Скопина, а также командированным в Суздальский уезд переписчиком

⁵⁹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1885. Л. 155 об. — 156; Описание изданий гражданской печати. 1708 — январь 1725 г.: сводный каталог / Сост. Т.А. Быкова, М.М. Гуревич. Под ред. П.Н. Беркова. М.; Л., 1955. С. 166.

⁶⁰ Копии его царского величества указов, опубликованных от 1714 года с марта 17 дня по нынешней 1719 год. СПб., 1719. С. 57–59; Копии его императорского величества указов, состоявшихся с 1714 по 1719 год. СПб., 1724. С. 71–74.

⁶¹ Полное собрание законов. Т. 6. № 3586, 4077. С. 194, 761.

⁶² РГАДА. Ф. 248. Кн. 1886. Л. 124–124 об.

⁶³ Подробнее см.: Серов Д.О. Фискальская служба и прокуратура России в первой трети XVIII в.: моногр. Palmarium Academic Publishing, 2012. С. 85–92, 94–99, 101–104. Из числа предшествующих авторов выдающуюся роль российских фискалов «по части борьбы с коррупцией» в общем виде отметил Р. Виттрам (Wittram R. Peter I: Czar und Kaiser: Zur Geschichte Peters des Großen in seiner Zeit. Göttingen, 1964. Bd. 2. S. 110).

крестьянских дворов⁶⁴. А в сентябре 1717 г. фискальская служба обвинила группу ярославских подьячих в вымогательстве с крестьян Чамерской волости взяток на сумму в 500 рублей⁶⁵. Именно фискалы вскрыли факты взяточничества таких «птенцов гнезда Петрова», как сенатор Я.Ф. Долгоруков, губернатор М.П. Гагарин, вице-губернатор А.А. Курбатов⁶⁶.

С другой стороны, очевидная загвоздка возникла с практической реализацией суровых законодательных актов о пресечении взяточничества. Хотя точного количества лиц, осужденных в 1705–1724 гг. за получение взяток, установить не удалось (судебная статистика в России тогда, как известно, отсутствовала), возможно с уверенностью констатировать, что число таких лиц исчислялось десятками, но никак не сотнями. Не вызывает также сомнений, что приговоры были вынесены лишь малой части мздоимцев, разоблаченных фискальской службой. Тем самым совершенно очевидно, что грозные новые законы применялись весьма и весьма избирательно.

Кроме того, нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что должностные лица почти не попадали тогда под суд по обвинению только во взяточничестве. Среди сохранившегося в архивах множества судебных дел рассматриваемого периода подобных дел удалось выявить буквально единицы. Впрочем, и в этих случаях (как в 1710-е гг., так и в первой половине 1720-х гг.) взятки продолжали рассматриваться — вполне в духе Уложения 1649 г. — почти исключительно в увязке с обусловленными их получением иными преступлениями против интересов службы и правосудия.

Причина же, по которой за одни взятки в 1705–1724 гг. судили редко, была простой: вставшие на путь криминального обогащения государственные служащие того времени обладали в большинстве своем слишком значительными «аппетитами», предпочитая совмещать принятие частных вознаграждений с неуказными сборами и различными формами казнокрадства. К примеру, назначенный в 1711 г. комендантом Луха Ф.А. Волков не ограничился получением взяток при рекрутском наборе, а принялся взимать с местных жителей, сверх официальных платежей, особый «налог» в свою пользу.

Вскоре, однако, о преступных деяниях коменданта подал доношение лухский подьячий Степан Мочалов. Оказавшись под судом Московской губернской канцелярии, Ф.А. Волков под пыткой дал признательные показания (повинившись заодно в незаконной продаже рекрутам обмундирования). Дело было доложено Петру I, который 24 февраля 1712 г. приговорил

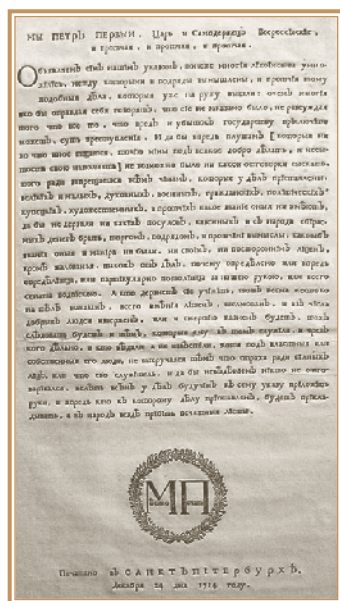
⁶⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 106. № 89. Л. 11 об., 21 об., 31 об.

⁶⁵ РГАДА. Ф. 982. Оп. 1. Кн. 32. Л. 20.

⁶⁶ РГАДА. Ф. 248. Кн. 51. Л. 42, 49 об.

Федора Волкова к смертной казни, дополнительно указав «труп ево в землю не хоронить (но чтоб лежал поверх земли видим всем)»⁶⁷.

А вот бывший сибирский губернатор М.П. Гагарин был 14 марта 1721 г. приговорен Сенатом к смертной казни по шести пунктам обвинения, включавшим хищение казны, многообразные злоупотребления должностными полномочиями и получение взяток «сибирских городов с жителей»⁶⁸. Как явствует из пространного «Реэстра дел на губернатора», направленного асессором следственной канцелярии И.И. Дмитриева-Мамонова гвардии майором И.М. Лихаревым Петру I в сентябре 1719 г., взятки Матвей Гага-

Печатный экземпляр закона от 23 декабря 1714 г.

рин получал во множестве и на весьма крупные суммы. К примеру, было установлено, что комендант Тары поднес Матвеем Петровичем пять пудов серебра, «чтоб был к нему милостив», а тобольский посадский Леонтий Зверев — 4000 рублей за получение винного откупа «бес торгу»⁶⁹.

Одним из немногих чисто «взяточных» процессов описываемого времени явился состоявшийся в 1711 г. суд над дьяком Д.И. Новиковым, обвиненным

⁶⁷ Письма и бумаги... М., 1975. Т. 12. Вып. 1. С. 89, 365–366.

⁶⁸ РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 17. Л. 95–96 об. Уместно вспомнить, что, по указанию Петра I, тело повешенного 21 марта 1721 г. М.П. Гагарина было также не предано земле, а оставлено на виселице. 25 ноября 1721 г. император дополнительно распорядился подвесить тело на той же виселице на специально изготовленной железной цепи (РГАДА. Ф. 1451. Кн. 16. Л. 97).

⁶⁹ РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 41. Л. 338–341. Подробности о расследовании дела М.П. Гагарина см.: Акишин М.О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск, 1996. С. 191–198.

в получении незаконного вознаграждения с откупщика Л.М. Чижова. Хлопотавший о получении подряда на ремонт Яузского моста Лукьян Чижев вручил дьяку в общей сложности 400 рублей, чтобы «был бы добр». После не особенно затяжного судебного разбирательства опрометчиво пообещавший откупщику «во всяких делах чинить всякое вспоможение» (общее покровительство, в современном понимании) Данила Новиков был в декабре 1711 г. приговорен Сенатом к наказанию кнутом и штрафу в 1400 рублей⁷⁰.

В 1712 г. за взятки попал под суд гвардии поручик Н.Т. Ржевский. Выходец из многократно ветвившегося старинного рода (восходившего к удельным князьям Смоленской земли), поручик Никита Ржевский был в октябре 1707 г. направлен Петром I в союзную Речь Посполитую на должность российского коменданта Полоцка⁷¹. Получившему под команду небольшой гарнизон Никите Тимофеевичу предстояло наглухо перекрыть — со своего направления — сухопутную и речную доставку в шведскую еще тогда Ригу товаров и продовольствия.

Однако с выполнением государева поручения дело у Никиты Ржевского не заладилось. Воспользовавшись относительно автономным положением, Никита Тимофеевич занялся неумным личным обогащением. Избрав в качестве посредника некоего «полоцкого жида» Авраама Рубанова, потомок удельных князей принялся вступать в переговоры с купцами, регулярно предоставляя некоторым из них (разумеется, не безвозмездно), выражаясь по-современному, «зеленый коридор» в сторону Риги.

11 июня 1712 г. уже отданный под суд Никита Ржевский подал царю повинную, в которой признал факт пропуска в Ригу за взятки шести купеческих судов с товарами⁷². Для рассмотрения дела Н.Т. Ржевского в июле 1712 г. в летнем войсковом лагере под Санкт-Петербургом был создан кригсрехт под председательством генерал-майора А.А. Головина. 16 июля 1712 г. военные судьи единогласно приговорили Н.Т. Ржевского за получение взяток к смертной казни.

⁷⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп. 106. № 20. Л. 13. 165–165 об.

⁷¹ Письма и бумаги... СПб., 1912. Т. 6. С. 140–141.

⁷² РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. № 5. Л. 39. Касательно количества пропущенных за взятки купеческих судов, впрочем, в ходе судебных слушаний фигурировали совсем другие цифры. Состоявший в команде Н.Т. Ржевского гвардии рядовой Игнатий Дурново утверждал, что только в ночь на Пасху 1709 г. поручик велел пропустить целиком купеческий караван, состоявший из «немалого числа» стругов. Согласно же показаниям Авраама Рубанова, в пасхальную ночь 1709 г. в Ригу прошел 41 струг и 26 плотов (Там же. Л. 28–28 об.). Иные подробности суда над Никитой Ржевским см.: Серов Д.О. Из истории военной юстиции петровского времени: процесс Н.Т. Ржевского (1710–1714) // Кровь. Порох. Лавры. Войны России в эпоху барокко (1700–1762): сб. матер. всеросс. науч. конф. СПб., 2002. Вып. 2. С. 41–43.

В декабре 1715 г. были осуждены шестеро дьяков Военной канцелярии, изобличенные в том, что за взятки незаконно оформили отпуска группе офицеров⁷³. В 1714 г. по обвинению в получении взяток был взят под стражу рекрутский наборщик жиган К.А. Коробов. В ходе процесса было установлено, что наборщик получил от посадских людей Юрьева Польского 50 рублей «в почесть». Просидевший шесть лет в колодничьей палате на Потешном дворе в Преображенском Кузьма Коробов был в 1720 г. приговорен к году каторжных работ⁷⁴.

В 1721 г. за получение посулов от земских бурмистров Ярославля были привлечены к уголовной ответственности дьяки И.Д. Свешников и Кузьма Жуков. Несмотря на то что принятие подношений дьяками имело место в 1710–1714 гг. (то есть до издания закона от 23 декабря 1714 г.), Ревизион-коллегия приговорила 17 ноября 1721 г. Кузьму Жукова к возвращению в казну полученных от земских бурмистров 833 рублей, а 15 декабря 1721 г. Ивана Свешникова — к возвращению 205 рублей. Поскольку в Ревизион-коллегии отчего-то проигнорировали высочайшую резолюцию от 23 февраля 1720 г. о невзыскании посулов, полученных до 1714 г. (не исключено, что об этой резолюции коллегию попросту забыли проинформировать), дьяки платить не стали и взялись обжаловать приговор, который и был в конце концов отменен Сенатом 31 мая 1728 г.⁷⁵

Последними должностными лицами, поплатившимися в первой четверти XVIII в. исключительно за взяточничество, оказались кронштадтский таможенный бурмистр Ф.А. Болотный и уже упоминавшийся ярославский фискал А.И. Никитин. Попавший под суд в августе 1723 г. Федор Болотный оказался изобличен в двух эпизодах получения взяток. Как было установлено, в первом случае бурмистр получил от шкипера английского судна шляпу, во втором — со штурмана судна из Гданьска половину анкера и шесть бутылок вина и две бутылки водки. Со шкипера Ф.А. Болотный, насколько можно понять, подношение попросту «вытянул», а со штурмана не взыскал таможенную пошлину за продажу семи анкеров водки. За эти преступные деяния в январе 1724 г. Вышний суд приговорил Федора Болотного к смертной казни⁷⁶.

Что касается А.И. Никитина, то его угораздило попасть в число фигурантов расследовавшегося в 1722–1723 гг. грандиозного «дела фискалов»⁷⁷.

⁷³ Полное собрание законов. Т. 5. № 2965. С. 185.

⁷⁴ РГАДА. Ф. 286. Кн. 32. Л. 801.

⁷⁵ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1284. Л. 126–127, 132, 137–138, 145 об. — 146, 160–161 об.

⁷⁶ РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. № 28. Л. 19; РГАДА. Ф. 248. Кн. 30. Л. 184–185.

⁷⁷ О «деле фискалов» подробнее см.: Серов Д.О. Фискалы на эшафоте // Родина. 2007. № 11. С. 75–79.

Обвиненный в получении взяток с ярославских жителей Алексей Никитин был в сентябре 1722 г. впервые допрошен в генерал-прокуратуре Сената. Поскольку фискал упорно отрицал предъявленные обвинения, 3 декабря 1722 г. он оказался в застенке. Не вытерпев дыбы и семи ударов кнутом, Алексей Никитин признался в четырех эпизодах получения взяток на общую сумму в 111 рублей (плюс бочонок вина)⁷⁸. В трех случаях фискал получил вознаграждение за преступное должностное бездействие. А вот бурмистр Борисоглебской слободы Родион Горбунов вручил в феврале 1722 г. Алексею Ивановичу 40 рублей, чтобы «он, Никитин, не часто приезжал к нам в слободу... и не чинил бы нашим слобожанам каких напрасных нападков и раззорения»⁷⁹. В итоге 22 января 1724 г. Вышний суд приговорил А.И. Никитина к смертной казни с конфискацией имущества⁸⁰.

Каково же было отношение Петра I к «чистым» взяточникам в качестве верховного судьи? Отношение это было в большей мере либеральным. Для начала подобная тенденция проявилась в решении царя по делу Н.Т. Ржевского.

Поскольку приговор строевому офицеру вступал в законную силу только после утверждения главой государства, материалы кригсрехта были в сентябре 1712 г. направлены Петру I. Высочайшее утверждение состоялось 8 апреля 1714 г. Несмотря на то что Никита Ржевский серьезно нарушил воинский долг, царь заменил ему смертную казнь на телесное наказание с конфискацией имущества и последующей ссылкой в Сибирь. В том же апреле перед строем полка Никита Тимофеевич был «кладен на плаху к смертной казни и по свободе от смерти учинено наказание, бит кнутом»⁸¹.

Еще более мягкий приговор царь вынес 11 декабря 1715 г. шестерым дьякам Военной канцелярии. Несмотря на доказанную вину, дьяки-взяточники отделались всего лишь наказанием батогами. А вот таможенному бурмистру Ф.А. Болотному Петр I смягчил приговор и вовсе дважды. Для начала, присутствуя на заседании Вышнего суда 15 января 1724 г., император отменил решение суда о смертной казни бурмистра, назначив ему взамен наказание кнутом и ссылку на каторгу на пять лет. Затем, утверждая при-

⁷⁸ РГАДА. Ф. 248. Кн. 274. Л. 1359–1963, 1379 об. — 1380 об., 1391–1391 об. Впрочем, судя по описи имущества А.И. Никитина (среди которого оказалась, например, крытая кожей голландская ездовая коляска), его теневые доходы были значительно больше (Там же. Л. 1403–1405 об.).

⁷⁹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 274. Л. 1375.

⁸⁰ РГАДА. Ф. 248. Кн. 274. Л. 1443.

⁸¹ Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого / Под ред. Н.Ф. Дубровина. СПб., 1888. Т. 4. Кн. 1. С. 318. Из ссылки Н.Т. Ржевский был освобожден по именному указу от 26 января 1722 г., изданному в рамках амнистийной кампании по случаю победы над Швецией (РГАДА. Ф. 248. Кн. 1888. Л. 197 об.).

говор, вынесенный Вышним судом 23 января 1724 г., Петр I сократил срок назначенной Федору Болотному каторги с пяти до трех лет⁸².

Помиловал император также фискала-взяточника А.И. Никитина, законично начертав на приговоре: «Политическою смертию». Более того, как явствует из пометы в судебном деле, перед описанной выше «эксекуцией» палач получил указание не наносить Алексею Никитину более 25 ударов кнутом, что значительно повышало шансы осужденного выжить после телесного наказания⁸³. Чем же возможно объяснить столь снисходительное отношение Петра-судьи к мздоимцам?

Во-первых, необходимо заметить, что, несмотря на грозную репутацию и безразличие к людским страданиям, Петр I никогда не ужесточал поступавшие к нему на утверждение приговоры, а либо оставлял их без изменения, либо смягчал⁸⁴. Во-вторых, царь не мог не осознавать реальный масштаб практики принятия должностными лицами всевозможных подношений. Со страниц фискальских доношений и признательных показаний обвиняемых, из приговоров судов и докладов «майорских» следственных канцелярий, из многих документов и личных бесед перед Петром I раз за разом с неизбежностью вырисовывалась картина повсеместной распри-странности в его державе «приносов, как изстари было».

Так, из несомненно попавшей к нему в руки предсмертной повинной бывшего архангелогородского вице-губернатора А.А. Курбатова 1720 г. царь мог узнать о том, как возглавлявший администрацию огромного региона Алексей Курбатов самолично направлял подношения подьячим канцелярии Сената, чтобы те более внимательно отнеслись к поступавшим к ним делам по вверенной ему губернии. «А не посылать имел опасение, что в делах губернских не учинилось какой препоны»⁸⁵. В общем, как емко сформулировал дьяк Д.И. Новиков на допросе в той самой канцелярии Сената 12 сентября 1711 г.: «Да и ныне приказные люди во всех приказах... за приказной труд, кто что даст, берут невозбранно»⁸⁶.

⁸² РГАДА. Ф. 248. Кн. 30. Л. 185.

⁸³ РГАДА. Ф. 248. Кн. 274. Л. 1443, 1444 об. Взошедшие на эшафот 24 января 1724 г. вместе с А.И. Никитиным Ф.А. Болотный и бывший обер-фискал М.В. Желябужский получили по 50 ударов кнутом. Михаил Желябужский не перенес наказания, скончавшись 15 февраля 1724 г. Оправившиеся после «эксекуции» Федор Болотный и Алексей Никитин были уже 8 февраля 1724 г. отправлены на каторжные работы (Там же. Кн. 273. Л. 720, 730–730 об.; Там же. Кн. 30. Л. 186 об.). С каторги А.И. Никитин был освобожден, по именному указу от 19 марта 1729 г., с направлением в пожизненную ссылку в Сибирь (Сб. РИО. СПб., 1894. Т. 94. С. 381).

⁸⁴ Подробнее см.: Серов Д.О. Петр I как судебный деятель // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2007. Т. 6. Вып. 1. С. 28–34.

⁸⁵ РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 94. Л. 440 об.

⁸⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 106. № 20. Л. 6а.

В подобных условиях прагматично настроенный и не лишенный представлений о справедливости Петр I оказался вынужден, с одной стороны, осуществлять по отношению к взяточникам лишь выборочные репрессии, а с другой — решать участь тех из них, кто оказался все же разоблачен, дифференцированно. Монарх-реформатор заведомо не мог допустить паралича государственного аппарата из-за проведения массовой «чистки рядов» от мздоимцев и посульников. В свою очередь, если принятие частного вознаграждения не обусловило совершение попавшим под суд служащим иного серьезного должностного преступления, не нанесло такой уж значительный ущерб «государственному интересу», царь предпочитал поступать с виновным в большей мере снисходительно. Именно поэтому, думается, так легко отделались в 1715 г. дьяки Военной канцелярии, а в 1724 г. был помилован вполне ординарный взяточник А.И. Никитин.

Как же оценить итоги правления царя и императора Петра I в части противодействия взяточничеству? Как представляется, монарх-реформатор сумел в полной мере осуществить законодательный перелом в отношении посулов и почестей — архаичной традиции, чем дальше, тем больше разъедавшей отечественный государственный аппарат. Именно с петровского времени любые частные вознаграждения должностным лицам оказались окончательно и бесповоротно выведены за рамки правового поля, превратились в строго караемый состав преступления. В итоге, Петр I заложил основу того понятия «взятки», которое существует в российском законодательстве в настоящее время.

И, несмотря на то что грозные законы о пресечении мздоимства оказались лишь избирательно воплощены в судебной практике первой четверти XVIII в., не подлежит сомнению, что именно Петр I объявил войну взятке в России — ту войну, которая, увы, столь далека от завершения и ныне. А еще сегодня никак не стоит забывать прерывисто начертанные императором в далеком 1723 году предостерегающие строки о том, что от «презрения должности своей» «может быть государству не точию бедство, но и конечное падение»⁸⁷.

⁸⁷ Законодательные акты Петра I. С. 131.

Ключевые слова:

смертная казнь, единый кодифицированный акт, поручик Никита Ржевский, «дело фискалов», лихоимство

Dmitriy O. Serov

PETER THE GREAT AS BRIBE BUSTER

he article focuses on the attitudes of Peter the Great, who acted both as the legislator and the Chief Justice, towards bribery. The author analyses the difficulties which modern law faced in defining the concept of bribery, and as well as the attitude of medieval Russian legislators and their tradition of accepting private gifts and offerings. An examination of the legislative material shows that «posul» (originally reflecting both a bribe and a gift) had a dual nature: de jure it was illegal, though there were no sanctions or penalties against it. The author concludes that the concept of «posul» and the term «bribe» have different meanings. A «posul» is not a «bribe» in the way described in modern criminal law. The article shows that private offerings to officials were wide spread in Russia until the beginning of the 18th century. The author provides evidence that Peter the Great during the first two decades of his reign wasn't bothered by the shadow incomes of state officials. The Tsar's attitude to that kind of «informal tax» changed completely at the beginning of the 1700's, and for the first time in the history of Russia, several anti-bribery law acts with penalties were adopted. These laws came about because Peter the Great was seriously concerned that the tax-paying capacity of the citizens, upon which directly depended the army's combat efficiency was seriously affected by numerous illegal exactions demanded by subordinate officers or local administrators. The article provides a detailed analysis of the legislative break-point of 1713–1714, when the terms «posul» and «bribe» were merged to a single punishable element of crime, and as a result the modern criminal law interpretation of the concept of «bribe» was formed. The further evolution of Peter the Great's attitude to bribery is revealed. Eventually, the Tsar proclaimed bribery, along with other acts against service interests, to be a crime against the State. The anti-bribery policy included the involvement of fiscal actions and a wide spread of information highlighting the new laws. The article provides judicial reviews of the anti-bribery cases conducted in the period from 1710 until the first half of 1720. There are extractions from the bribery cas archives including the prosecutions of clerk Novikov D.I. (1711), Lieutenant of Guards Rzhevskiy N.T. (1712–1714), tenant Korobov K.A. (1714–1720), clerks Sveshnikov I.D. and Zhukov K. (1721–1728), Kronshtadt customs officer Bolotniy F.A. (1723–1724), and financial controller from Yaroslavl Nikitin A.I. (1722–1724). It is shown that implementation of the anti-corruption measures was selective, and Peter the Great while acting as a judge had a forgiving attitude toward people charged with bribery. But the conclusion is that despite the random and selective penetration of bribery, Peter the Great was the one to declare war against corruption.

 Серов Дмитрий Олегович

доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теории
и истории государства и права Новосибирского государственного
университета экономики и управления

И.В. Курукин

«ДЛЯ ВПЕРЕНИЯ В ЮНОШЕСТВО ЛЮБВИ К ОТЕЧЕСТВУ»:

Екатерина II и изучение истории в русской школе
конца XVIII — начала XIX века

Чему нас история учит? — Она всё то под образом учения объявляет, что в свете памяти достойного до нас было», — так просто определял задачи науки первый переведенный и изданный в России учебник преподавателя берлинской гимназии Гильмара Кураса «Введение в генеральную историю» (СПб., 1747). Появившись у нас в качестве особого предмета в самом начале XVIII столетия, история постепенно утверждается как учебный предмет в духовных семинариях, в первых российских университете и гимназии при Академии наук, в «Рыцарской академии» — Сухопутном шляхетском кадетском корпусе.

Судя по записным книжкам Петра I, царь-реформатор считал знание истории необходимым для юного «шляхетства». Но на практике он отдавал предпочтение наукам прикладным, помогающим овладеть нужной на государственной службе профессией и, что не менее важно, выйти в люди с помощью усвоенной российским обществом иерархии чинов. Для такой цели история не подходила, и отношение к ней как к излишней роскоши сохранялось даже десятилетия спустя. В дворянских наказах депутатам Комиссии для составления нового Уложения 1767 года история не упоминается среди «нужнейших наук» — иностранных языков, геометрии, фор-

тификации, артиллерии и «инженерства»¹. После суровых времен Петра и Анны Иоанновны шляхетство позволило себе обращать внимание на более приятные плоды европейской цивилизации, нежели «навигацкое учение» или горнозаводское дело. Двадцатилетний, но уже резонёрствующий юноша, граф Александр Воронцов (будущий министр Екатерины II), в письмах отцу из Парижа и Вены в 1760-1761 годах сокрушался, что «молодежь наша ужасно как испорчена» и всем прочим наукам предпочитает «знание девок, балов и прочих публичных мест» с непременно «дебошами и наслаждениями»².

Впрочем, не будем строги — учиться в те времена было нелегко, да и «академии» XVIII столетия не соответствовали нынешним представлениям о храмах науки. В период становления новой системы образования в России не было ни вековых школьных традиций, ни устоявшейся системы преподавания, ни учебников, ни профессиональных педагогов, ни подготовленных к усвоению «высших наук» учеников. Учёба воспринималась — и была на деле — очередной нелёгкой службой со своим «крепостным правом»: родители учащихся (священники, солдаты или придворные служители) давали подписку не забирать своих чад до окончания курса и соглашались на оставление их «вечно в службе академической». Недорослю приходилось сталкиваться с «премудростью», изложенной невразумительным языком; терпеть голод, поскольку копеечное жалованье выдавалось весьма нерегулярно.

Трудности усвоения наук и недостаток усердия компенсировались строгостью. Дежурившие в классах Морской академии гвардейские солдаты должны были за нарушения бить воспитанников «не смотря, какой фамилии ни был». Из духовных семинарий «непонятных в науках» отдавали в солдаты. Приказы по Шляхетскому корпусу свидетельствуют, что будущих офицеров частенько наказывали сидением за «штрафным столом» или поркой «фухтелями» (наказуемого били плашмя обнажённым клинком шпаги или палаша) за лень, драки и «резвость в классах». В университетской гимназии воспитанники мёрзли в холодных классных комнатах и бежали от преподавателей, «увечивших» их палками. Заезжие иностранцы или отечественные педагоги из вчерашних военных или семинаристов не отличались ни знаниями, ни хорошими манерами, но выбирать было не из кого. В 1761 году инспектор Котельников заступился перед начальством

¹ См.: Курмачева М.Д. Проблема образования в Уложенной комиссии 1767 г. // *Дворянство и крепостной строй России XVII—XVIII вв.* М., 1975. С. 247—248.

² Цит. по: Заозерский А.И. Александр Романович Воронцов. К истории быта и нравов XVIII в. // *Исторические записки.* Т. 23. М., 1947. С. 122.

за буйного во хмелю студента Петра Степанова из гвардейских денщиков: поскольку его «порок не природный, то может быть, что исправится», — и для исправления определил своего подопечного... преподавать арифметику и геометрию в гимназию, где он и продолжил свои похождения вплоть до «выключения».

Реакция подопечных была соответствующей. Инспектор И.Э. Фишер (кстати, один из первых преподавателей «универсальной истории») докладывал, что студенты академического университета вместо скучных лекций на латыни «гуляют и пьянствуют и в подозрительные дома ходят и от того опасные болезни получают». Караульному унтер-офицеру и часовому, стоящему на посту в снятом для проживания студентов доме Строгановых, вменялось в обязанность «женска полу всегда приказывать, чтоб отнюдь в покои к студентам не пущать, а в противном случае таких женщин брать под караул и объявить в канцелярию»³. За наиболее тяжкие проступки полагалось помещение в карцер «через находящегося при академии на карауле сержанта». Но попытки «искоренить пьянство и гуляния» и приставить охрану к «общаге» порой заканчивались плачевно: в 1767 году «многочисленные Ломоносовы» (по выражению самого гениального ученого и по совместительству куратора академических школ) подожгли гимназию, а спустя десять лет избили преподавателя истории адъюнкта И.Г. Штриттера⁴.

В опубликованном в 1770 году уже Московским университетом «Уставе к наблюдению коего университетские студенты обещаются письменно» был изображён идеальный, с точки зрения начальства, студент. При поступлении он должен был предоставить свидетельство о «благонравии», а во время обучения «жить в страхе господнем, ежедневным чтением Святого Писания просвещать своё сердце, ежегодно исповедоваться... посещать церковную службу», быть опрятным, «избегать ученической гнусности, как и излишнего щегольства, хранить чистоту телесную, жить скромно и соразмерно своим доходам». Реальность отнюдь не соответствовала этим благим пожеланиям, о чём свидетельствуют многочисленные документы, зафиксировавшие нарушения этих правил.

По истории учебников не было, за исключением составленного полувеком ранее «Синописа», неоднократно переизданного в XVIII столетии.

³ Толстой Д.А. Академический университет в XVIII столетии // Записки Академии наук. СПб. 1885. Т. 51. Кн. 1. С. 24; Материалы для истории императорской Академии наук. СПб., 1897. Т. 9. С. 674.

⁴ См.: Толстой Д.А. Академическая гимназия в XVIII столетии. СПб., 1885. С. 28, 65–66, 82.

В кадетском корпусе пользовались иностранными пособиями, а поскольку их не хватало, книги приходилось переписывать от руки. Возможно, по этой причине из характеристик выпускников 1740-1741 годов следует, что лишь немногие из них познакомились с историей, да и то фрагментарно: кто-то «дошел до римской истории», а кому-то посчастливилось узнать и про Карла Великого. Среди наиболее отличившихся был кадет А.П. Сумароков, который «в истории универсальную, российскую и польскую окончил», а также отменно «компонует письма и рацеи (назидательные речи. — И.К.). Увлечение отечественной историей сохранилось у знаменитого поэта и драматурга на всю жизнь и нашло отражение в его творчестве — трагедиях на сюжеты из древнерусской жизни.

Когда перевод книги Г. Кураса поступил в продажу, руководство корпуса решило его приобрести, но в 1748 году тираж оказался уже распродан⁵. Появление к середине века пока ещё достаточно тонкого слоя просвещённых читателей и открытие новых учебных заведений (Московского университета, гимназий в Москве и Казани, первых частных пансионов) требовали и новых пособий по истории. В 1761 году был осуществлён перевод «Краткой универсальной истории господина Ла Кроца» (второе издание последовало в 1765-м) и «Первых оснований универсальной истории» профессора Московского университета Филиппа Дильтея; в 1763-м — «Шляхетных детей истории да отчасти генеалогии обучающего гофмейстера» Шарля де Лонэ.

Учебники часто составлялись по образцу катехизиса — в форме вопросов и ответов, естественно, начинаясь с сотворения мира и расселения потомства впавших в грех прародителей: «Какое правительство у людей до потопа было? — Почти все сынове Божии, т.е. добродетельные люди, содержанием животных и земледельством питаются, всякой праотец свой дом или фамилию правил. А дети человеческие, по городам живучи, мещанское правительство имели».

За кратким упоминанием о первобытном обществе, «временах мрачных и неизвестных», следовали полулегендарные рассказы о древнейших монархиях — Ассирии, Вавилоне, Египте; о Троянской войне, греческих городах-государствах, походах Александра Македонского и развитии Римской державы. На учеников обрушивался поток дат (в книге Ла Кроца — 750!), имен и подробностей:

— Что об Артаксерксе II знать должно?

— У него было 360 наложниц, с которыми прижил он 115 сынов...

⁵ См.: РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Ч. 1 № 1905. Л. 71; № 2179. Л. 3, 6.

— Какие беспутства объявляет особливо история о Калигуле?

— Оная сообщает, что он желал, чтоб римский народ имел одну голову, чтобы можно было отсечь оную одним ударом.

Древних деятелей сменяли герои Средневековья, за Карлом Великим шли вожди крестовых походов, венценосцы, их министры и отважные герои:

— Какой конец имела сия Орлеанская девица?

— Англичане, поймав ее в сражении, сожгли живую в 1431 г. как волшебницу⁶.

Перед взором школьника проходили Лютер и Генрих IV, Ришелье и «хитрейший похититель престола» Оливер Кромвель, возглавивший «злочищения» подданных против законного короля; испанские конкистадоры и даже их современник Вольтер. Учебники 1760-х годов уже включали и сведения из отечественной истории, излагаемые параллельно с основными событиями, происходившими в Европе, Азии и Америке или в дополнительном разделе. Источником их послужил «Краткий российский летописец» М.В. Ломоносова, выпущенный в 1760 году как пособие для академической гимназии. Эта книга имела успех — за два года вышли три издания общим тиражом шесть тысяч экземпляров⁷. Она была использована при подготовке второго издания учебника Г. Кураса (1762 год) и «Краткой всеобщей истории» Иеронима Фрейера (1769 год)⁸.

Но сжатый перечень имен князей и царей и наиболее известных событий их правления всё же не был настоящим учебником. Да и в общественном сознании история ещё не перешла из разряда государственно-прикладных дисциплин в сферу гуманитарных знаний, необходимых для каждого просвещённого человека и гражданина. В учебнике Де Лонэ изучение истории прямо объяснялось необходимостью «сим способом не только от подлого народа себя отличить, но и к правлению государства способными учинившись, другим людям путь к необходимой в житии человеческом мудрости собою показать».

В середине века шли знаменитые споры Ломоносова по «норманнской» проблеме, а собрание Академии наук в 1748 году обсуждало трудную задачу: как совместить славный поход Ермака в Сибирь с его, несомненно, разбойничьим прошлым. В итоге постановили: «благопристойность и некоторые политические опасности и предосторожности требуют, чтоб нечест-

⁶ Краткая универсальная история господина Ла Кроца. СПб., 1761. С. 91, 303.

⁷ См.: Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 6. М.; Л., 1952. С. 588.

⁸ См.: Володина Т.А. У истоков «национальной идеи» в русской историографии // Вопросы истории. 2000. № 11–12. С. 11–12.

Шляхетский корпус в Петербурге (б. Меншиковский дворец).
Гравюра с рисунка М. Махаева. XVIII в.

ным названием Ярмака не оскорблять», а сведения о его антигосударственном поведении следует «молчанием закрыть»⁹.

Научный противник Ломоносова профессор Академии наук и официальный историограф Герард Фридрих Миллер после бурных дискуссий сформулировал их главные расхождения в подходах: «Он хочет, чтобы писали только о том, что имеет отношение к славе. Не думает ли он, что от воли историка зависит писать, что ему захочется? Или он не знает, каково различие между исторической диссертацией и панегирической речью? Откуда он почерпнул это правило, будто следует умалчивать о том, что не относится к славе?.. Но ведь между славой и бесславием есть обширнейшее поле для истории, занимаемое большим количеством фактов и событий... Сюда относятся — происхождение племен, по большей части довольно тёмное, начало государства — с малого, дикие нравы предков, несчастные войны, притеснения от соседей, пороки отдельных лиц, иногда довольно губительные для государства, общественные бедствия и многое другое, что, по мнению историков, не имеет отношения ни к славе, ни к бесславию; об этом всё нельзя умолчать в истинном историческом повествовании». На полях протокола напротив этого места Ломоносов написал: «Я не требую панегирика, но утверждаю, что не терпимы явные противоречия, оскорбительные для славянского племени»¹⁰. Он как будто согласился с оппонентом, но оставил за собой право определять меру того, что может оскорбить национальное достоинство.

⁹ Из протоколов исторического собрания Петербургской Академии наук // Библиографические записки. 1861. № 17. С. 515–517.

¹⁰ Цит. по: Ломоносов М.В. Указ. соч. Т. 6. С. 67–68

Лишь несколько десятилетий спустя наставления по воспитанию детей будут указывать, что даже барышне необходимо «знать всеобщую историю, а паче своего отечества, лучшие и приличные полу вашему российские сочинения, дабы при случае не оказать себя невеждою»¹¹. В Екатерининское время проявившийся в обществе и поддержанный самой императрицей интерес к истории отечества проявлялся в самых различных формах: ставились «древнерусские» трагедии Сумарокова и Хераскова, издавались исторические источники («Повесть временных лет», Судебник 1550 года, «Русская Правда»), Академия художеств предлагала для конкурсных картин не мифологические сюжеты, а «Месть Рогнеды Владимиру». Появилось первое историко-филологическое общество при Московском университете — Вольное российское собрание. Вышла в свет «История Российская» В.Н. Татищева, а с 1770 года начал выпускать свою «Историю» М.М. Щербатов.

Но эти монументальные, написанные тяжёлым языком труды были непригодны в качестве учебных книг, и уже с 1770-х годов на книжный рынок начинают поступать произведения, рассчитанные на широкий круг читателей. В числе их авторов были профессиональный историк Август Людвиг Шлёцер, профессор философских, политических и исторических наук кадетского корпуса Христиан Безак, самоучка из разночинцев Иван Нехачин и прочие любители¹². Небольшие по объёму (100 — 250 страниц), изящно оформленные книжки можно сравнить с современными пособиями для абитуриентов; однако для систематического школьного курса они не годились, поскольку не имели единой периодизации, содержали разноречивой в хронологии и оценках событий и лиц.

Такая ситуация в столь важной «государственной» науке не могла устроить Екатерину II, для которой эта отрасль знаний стала серьезным увлечением. Его результатом явился «долг благодарного сердца» — так императрица называла несколько томов «Записок касательно Российской истории», доведённых ею до последней четверти XIII века¹³. Не вдаваясь в начавшуюся ещё в позапрошлом веке дискуссию об источниковой базе этого

¹¹ Карманная или памятная книжка для молодых девиц. М., 1784. С 4—5.

¹² См.: Богданович И.Ф. Историческое изображение России. СПб., 1777. Ч. 1; Шлёцер А. Перечень российской истории от кн. Рюрика до настоящего ныне времени. СПб., 1783; Безак Х. Краткое введение в бытописание Всероссийской империи. СПб., 1785; Кушелева Е. Историческая и хронологическая поколенная роспись всех в России владеющих великих князей, царей, императоров и императриц. СПб., 1785; Таблица российской истории в пользу юношества, а особливо российского. М., 1788; Мальгин Т. Зерцало российских государей. СПб., 1789.

¹³ См.: Сочинения имп. Екатерины II. СПб., 1901. Т. 8—10.

труда и соотношении в нём самостоятельных штудий императрицы и усилий её помощников — профессоров Московского университета А.А. Барсова и Х.И. Чеботарёва, можно утверждать, что «Записки» были обстоятельным и добросовестно выполненным сводом данных по русской истории¹⁴. При этом Екатерина, как и Ломоносов, твёрдо придерживалась схожего принципа исторических исследований: они «не могут иметь другого вида и цели, кроме прославления государства и дабы служить потомству предметом соревнования и зеркалом».

Исторические изыскания Екатерины начались как раз в то время, когда она приступила к осуществлению одной из самых важных своих реформ —

Василий Никитич
Татищев.
Гравюра А. Осипова.
XVIII в.

организации системы среднего образования. Созданная в 1782 году Комиссия об учреждении народных училищ во главе с бывшим фаворитом императрицы, а впоследствии первым министром народного просвещения П.В. Завадовским представила «Устав народным училищам в Российской империи» (СПб., 1786), разработала учебные планы четырехгодичных главных и двухгодичных малых народных училищ и занялась подготовкой необходимого для них комплекта учебников. Всеобщую историю начинали

¹⁴ См.: *Моисеева Г.Н.* Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII в. Л., 1980. С. 85–90; *Муравьёва Л.А.* Рукописи сочинения по истории России профессоров Московского университета А.А. Барсова и Х.И. Чеботарёва // Археографический ежегодник. 1982. М., 1983. С. 121–133; *Гаврилова Л.М.* Идеи «просвещенного абсолютизма» в русской официальной историографии II половины XVIII в. (сочинения Екатерины II по истории России): историография и источники. Л., 1983. С. 12–14.

изучать в третьем классе главных народных училищ, а отечественную — в последнем, четвёртом.

Видное место в комиссии занял приглашенный из Австрии сербский учёный и педагог Фёдор Иванович Янкович (1741 — 1814)¹⁵. В 1783 году он возглавил главное народное училище в Петербурге и разработал план «к сочинению российской истории». Императрица ознакомилась с ним, сочла «непорядочным» деление курса на две части (до и после 1462 г.) и вернула для согласования с только что вышедшими в «Собеседнике любителей российского слова» своими «Записками касательно российской истории»¹⁶.

К подготовке учебника Комиссия по учреждению народных училищ привлекла адъюнкта Академии наук Иоганна Готтильфа (Ивана Михайловича) Штриттера (1740 — 1801) — того самого, который не вполне удачно выступил на педагогическом поприще в академической гимназии. Штриттер уже зарекомендовал себя профессионалом, осуществив публикацию свода данных византийских историков о славянах¹⁷; после смерти помянутого выше Г.Ф. Миллера именно он возглавил архив Коллегии иностранных дел в Москве. Приняв предложение Комиссии, Штриттер с 1784 года стал регулярно присылать в Петербург свои «тетради», которые тут же переводились с немецкого на русский и были удостоены «собственным её величества чтением».

Несмотря на то, что в 1786 году при Комиссии был создан особый комитет для рассмотрения пособий под начальством бывшего кабинет-секретаря императрицы П.И. Пастухова, Екатерина лично «опробовала» подготовленные учебники¹⁸. Идеологически важный предмет особенно интересовал государыню — в 1785 году она посетила столичное главное народное училище и «сама по части Российской истории и географии изволила предлагать вопросы, делать возражения и тем поставила род диспута». Она ознакомилась и с материалами Штриттера и сочла нужным сделать замечания по начальному периоду русской истории, суть коих сводилась к тому, что в тексте будущего учебника не должно быть ничего, что могло послужить умалению достоинств государства и его правителей. Надлежало вычеркнуть

¹⁵ О его деятельности см.: *Воронов А.С.* Фёдор Иванович Янкович де-Мириево, или Народные училища в России при императрице Екатерине II. СПб., 1858; *Лециловская И.И.* Русско-сербские связи в области педагогики во второй половине XVIII в (Ф.И. Янкович де Мириево) // *Е.Р. Дашкова и эпоха Просвещения. Сборник статей по материалам X Дашковских чтений*, март 2004 г. М., 2005. С. 95-104.

¹⁶ См.: *Описание дел архива Министерства народного просвещения*. Пг., 1917. Т. 1. С. 101.

¹⁷ См.: *Штриттер И.М.* Известия византийских историков, объясняющие российскую историю древних времен и переселения народов. СПб., 1770—1775. Ч. 1—4.

¹⁸ См.: *Сборник материалов для истории просвещения в России*. СПб., 1893. Т. 1. С. 166.

Федор Иванович
Янкович де Мириево.
С портрета начала
XIX в.

«нелепые басни» о мести княгини Ольги древлянам. «Соблазнительно покажется всей России, — считала Екатерина, — еще примите толкование... о происхождении российского народа от финнов». Беспокоил императрицу и вопрос о политико-национальных симпатиях автора: «Господин Стриттер откуда уроженец? Конечно, он какую ни есть национальную систему имеет, к которой натягивает. Остерегитесь от сего»¹⁹.

Остерегаться надлежало и других иноземных авторов. В 1782—1783 годах вышли из печати «История России» француза П.Ш. Левека и «Естественная, нравственная, гражданская и политическая история древней и новой России» его соотечественника Н.Г. Леклерка. Оба автора жили в Петербурге, преподавали в Сухопутном шляхетском кадетском корпусе и отнюдь не были заурядными «клеветниками России». В изображении Левека древняя Русь имела с XI века почти такое же «феодальное правление», как и другие страны Европы; она не отставала от европейских государств и развивалась самостоятельно, без определяющего влияния извне. Новгородская «анархия» была для французского историка менее симпатична, чем закономерное утверждение самодержавной власти; недаром он проводил параллель между деятельностью Ивана IV и Людовика XI. Леклерк же считал, что «республика» существовала у славян и до призвания варягов, но раздоры заставили её граждан призвать правителей извне, что можно считать проявлением гражданской сознательности.

Но на современную им российскую действительность авторы, в русле просветительских взглядов, смотрели критически. Левек считал, что деспотизм Петра I мог быть оправдан лишь при условии, если бы он «заставил господ освободить своих крестьян». По его мнению, «русские сравниются со всеми свободными народами и превзойдут их, если только они

¹⁹ Цит. по: Старчевский А.В. Очерк литературы русской истории до Карамзина. СПб., 1845. С. 235—236.

когда-нибудь достигнут свободы». «Крестьяне верили, что пришло время установить равенство и уничтожить дворянство», — писал он о восстании Болотникова. Успехи Пугачёва в крестьянской войне он объяснял «ненавистью по отношению к дворянству и обещаниями уничтожить рабство»²⁰. Леклерк же пытался выступить в роли просвещённого наставника монархини и привести её к пониманию «здравой» государственной политики; в противном случае страна может «оказаться перед необходимостью перемены формы правления». Но при этом автор допускал очевидные ошибки, а порой и обидные суждения — например, утверждая, что православные монахи — «мужики без воспитания», священники прощают вора́м грехи за половину добычи, патриарх Никон «переменил все законы церковные» за деньги, полученные от польского короля, Россия до Петра I «не имела законов гражданских писанных» и т. д.²¹.

Императрица-историк сочла произведения французов «сотворениями пристрастными, ибо каждый лист свидетельством служит, с какою ненавистью писан»²². Она считала, что необходимо найти противоядие авторам, «унижающим российскую историю», «каковы, — писала она в 1783 году своему парижскому корреспонденту барону Мельхиору Гримму, — Леклерк и учитель его Левек, оба скоты и, не прогневайтесь, скоты скучные и гнусные»²³. Критика Леклерка стала отправной точкой работ выдающегося русского историка И.Н. Болтина, который опубликовал в 1788 году два тома «Примечаний на “Историю древняя и нынешняя России” господина Леклерка».

Но труд Штриттера всё же заслужил высочайшее одобрение. Екатерина отметила эрудицию автора, который «всячески старается дополнить историю российскую, и что полнее её ни единой нету». Она сочла справедливой критику в адрес собственных исторических изысканий, не преминув, впрочем, отметить главное, с ее точки зрения, их достоинство: «Я нашла во многом здравую критику «Записок касательно Российской истории», но что написано, то написано: по крайней мере, ни наука, ни государство во оных не унижено».

²⁰ См.: Шанский Д.Н. Французская историография феодальной России. М., 1991. С. 31–39; Сомов В.А. Книга П.Ш. Левека «Российская история» (1782 г.) и её русский читатель // Книга и библиотеки в России в XIV — первой половине XIX в. Л., 1982. С. 82–99; он же. Французская «Росси́ка» эпохи Просвещения и русский читатель // Французская книга в России в XVIII в. Л., 1986. С. 202–210.

²¹ Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка, сочиненныя генерал-майором Иваном Болтиным. СПб., 1788. Т. 1. С. 121, 131, 213–214, 539.

²² Екатерина II. Сочинения: В 12 т. Т. 8. СПб., 1901. С. 4.

²³ Письма Екатерины Второй к барону Гримму // Русский архив. 1878. Кн. 2. С. 88.

Работа шла медленно — автор добросовестно пытался создать прочную документальную базу и проверить источники; однако сам он за три года успел стать из коллежского асессора статским советником, то есть продвигнуться из VIII класса Табели о рангах в V класс. Но в 1789 году переписка Комиссии со Штриттером по не вполне понятным причинам прервалась на восемь лет. Сам автор в 1797 году уверял: «...о переводе и будущем издании трудов моих оставлен был без всякого уведомления и из сего заключить мог, что сочиненная мною Российская история здесь напечатана не будет»²⁴. Возможно, Комиссия просто не успевала справляться с массой переводных

Иван Никитич Болтин.
С портрета XVIII в.

работ, ведь одновременно готовилось более полусотни различных учебников. Или Завадовский и Екатерина рассматривали и другие варианты? Во всяком случае, уже при новом императоре в 1797 году Комиссия возобновила сотрудничество со Штриттером и предложила ему самому определить размер вознаграждения за свой труд. Опять в Петербург пошли посылки, и в августе 1800 года Павел I утвердил текст учебника, доведённый до конца XVIII века. Сам Штриттер успел увидеть напечатанной только первую часть своего труда — целиком он вышел уже после смерти автора от «параличного удара» в 1801 году²⁵.

Но трёхтомный труд для изучения в школе не годился. Основным учебником стала другая книга — «Краткая российская история» (СПб., 1799), составленная Янковичем на основе материалов Штриттера и выдержавшая

²⁴ РГИА. Ф. 730. Оп. 1. № 37. Л. 100–101 об.

²⁵ См.: История Российского государства, сочиненная статским советником и кавалером Иваном Стриттером. СПб., 1800–1802. Ч. 1–3.

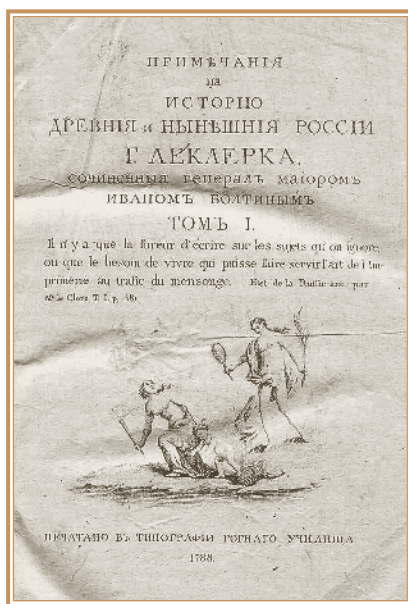
к 1821 году восемь изданий; по ней обучались и школьники, и учащиеся столичной учительской семинарии²⁶. Наиболее популярным учебником по всеобщей истории был перевод труда историка церкви и профессора Лейпцигского и Виттенбергского университетов Иоганна Матиаса Шрека (1733—1808) «Краткая всеобщая история» (М., 1787 и последующие издания), включавшего в том числе сведения о России.

Учебник Янковича во многом можно признать удачным: он был краток, насыщен фактами и имел чёткую структуру: каждый из пяти периодов делился на две части («О государях» и «Внутреннее состояние России»), а те, в свою очередь, на параграфы. Автор сознавал, что пишет не учёный труд, а книгу для детей, и стремился упростить текст, сделать его лёгким для восприятия и запоминания. Например, говоря о расселении восточных славян и их соседей и границах удельных княжеств, он ссылался на современные ему границы губерний.

Центральными событиями, отделявшими один период истории от другого, стали призвание Рюрика, татарское нашествие, начало правления Ивана III (1462), утверждение в 1613 году династии Романовых — вплоть до 1797 года. Новшеством для того времени было приложение карт. В каждом из пяти периодов учебник рассказывал «о внутреннем состоянии России» — территории, денежной системе, торговых связях. Так, например, в населении древней Руси автор выделял бояр, дворян, гостей, купцов, свободных и рабов с «особенными своими правами», говорил о создании училищ при Ярославе Мудром; при освещении последующих периодов речь шла о появлении на Руси вновь «римских и греческих художников», о Судебнике Ивана IV и Соборном уложении 1649 года, об устройстве московского войска, о географических открытиях Семёна Дежнёва и Витуса Беринга, о заведении полотняных и шёлковых «фабрик» при Петре I.

Основное же место в учебнике было отведено истории государства, представлявшегося автору изначально самодержавной монархией. Хотя и упоминалось о «пришествии» славян (правда, состоявшемся неизвестно когда и откуда), они считались исконными жителями Восточной Европы и представляли людьми высоких моральных качеств — были «благонравны, правдолюбивы, в словах и обещаниях тверды». В соответствии с мнением императрицы о недопустимости выведения происхождения русского народа «от финнов» вопрос об этнониме «Русь» не ставился. Учебник утверждал, что испокон веков «предел от Финляндии к востоку до Уралу и от

²⁶ См.: *Пеитич С.А.* Русская историография XVIII в. А., 1965. Ч. 2. С. 63-64; *Зябловский Е.* Историческая повесть об учительской семинарии и педагогическом институте. СПб., 1833. С. 31.

Обложка книги И.Н. Болтина «Примечания на историю древней и нынешней России Леклерка, сочинение Болтина». 1788 г.

Белого моря к югу до Двины и Полоцка до пришествия славян именовался Русь», а призванные в 862 году варяги («жители разных племён при Балтийском море») были «из поколения русского»²⁷.

Князь Олег в изложении Янковича «заводил города и учредил подати», он же основал Москву. Игорь умирал древлян и был ими убит, но его супруга Ольга «привела древлян в повиновение». Истинным же «самодержцем всея соединённых России» назывался князь Владимир I Святославич; все соседние державы желали его дружбы и предлагали вступить в союз, каждая ратуя за свою веру²⁸. Его правнук Владимир Мономах также изображался образцом правителя; легенда о получении им от византийского императора Алексея Комнина знаков царского достоинства связывала школьную историю, преподававшуюся в XVIII веке, с официальной московской политической теорией XVI столетия — «Сказанием о великих князьях Владимирских»²⁹.

Усобицы и появление в XII веке отдельных земель и княжеств однозначно трактовались как «упадок» державы, приведший её в «конечное

²⁷ См.: Краткая российская история, изданная в пользу народных училищ Российской империи. СПб., 1799. С. 2, 11. Еще один учебник, «Всеобщая история Шреккова» (Владимир, 1801. Ч. 2. С. 104), подчёркивал, что Владимир сделал Россию «страшную соседственным народам, привёл в почтение и у прочих европейских держав».

²⁸ См.: Краткая российская история. С. 22.

²⁹ См.: Там же. С. 38.

расстройство»³⁰. Оно было усугублено владычеством татар: науки и художества «исчезли совершенно», а князья устраивали в Орде «наговоры» друг на друга; только Церковь тогда «наслаждалась полной свободой». Восстановителем самодержавия, единства и независимости страны стал Иван III; он «распространил знатно российские пределы», укротил «жестокость и наглость» склонных к измене новгородских бояр. Новгород, в соответствии с концепцией самой Екатерины II, представал аномалией русской истории; «несогласия» постоянно «ввергали в междоусобия» его население. Таким же чуждым явлением выглядели и ведущие «распутное житие» на окраинах вольные казаки³¹.

Венчаный в качестве «царя и великого князя всея Руси» Иван IV «был строг и вспыльчив, что и подало причину к названию его Грозным: но при том справедлив, храбр, в вознаграждениях щедр и особенно старателен о просвещении и благоденствии России»³². Повествование о присоединении Казани и Астрахани и установлении отношений с Англией вплетены в рассказ о не совсем удачной Ливонской войне. Далее «Краткая история» перечисляла прочие заслуги Ивана Грозного: издание Судебника, начало торговли с Англией и Персией, учреждение книгопечатания, издание таможенного устава, военные преобразования, завоевание Сибирского ханства.

«Происками» овладевший престолом Борис Годунов вошёл в «школьную» историю как злодей и убийца царевича Дмитрия. Отмечалось, что появление самозванцев вызвало Смуту, которая прекратилась с восшествием на престол Романовых. Но чем ближе к современности, тем бледнее становится учебник; богатому источниками и событиями периоду с 1613 по 1797 год была отведена 41 страница, причём 35 из них посвящены правителям, а обзор «внутреннего состояния» (территория, вера, законы, войско, науки и художества, монеты, торговля) занимал всего пять страниц. В тексте шло сухое перечисление основных деяний государей, львиная доля которых относится к царствованию Петра I: войны, создание армии и флота, новые предприятия, учреждения и культурные новации, например введение нового летосчисления и основание Академии наук (учебник всеобщей истории утверждал, что в итоге российские подданные стали «сильнейшими и знатнейшими на земном шаре»³³). Про эпоху Екатерины II школьники могли узнать, что императрица привила себе оспу, много путешествовала, основала Воспитательный дом, провела секуляризацию церковных

³⁰ См.: Там же. С. 43; Всеобщая история Шреккова. Ч. 2. С. 192.

³¹ См.: Краткая российская история. С. 63, 111; Всеобщая история Шреккова. Ч. 2. С. 378.

³² Краткая российская история. С. 130; Всеобщая история Шреккова. Ч. 2. С. 380.

³³ См.: Краткая российская история. С. 163–172; Всеобщая история Шреккова. С. 403.

владений, приглашала на поселение в Россию иностранцев, учредила новые губернии и выиграла две войны с турками.

В официальном школьном курсе истории не было ничего, что могло бы каким-то образом умалить достоинства правителей и неуклонно поступательное развитие страны под их руководством. Не упоминались ожесточённая война между членами Московского великокняжеского дома во второй четверти XV века, опричнина Ивана Грозного, потрясавшие столицу или всю страну восстания 1547 и 1648 годов, движения Разина и Пугачёва, «дело» царевича Алексея. В учебнике не говорилось о Сергии Радонежском, церковном соборе 1551 года (хотя основание Свяжска, произошедшее в том же году, отмечается особо) и патриархе Никоне — по всей вероятности, чтобы лишний раз не подчёркивать роль Церкви во времена её относительной независимости. Нет даже упоминания о крепостном праве, зато провозглашается, что при Екатерине II «крестьянам доставлена большая удобность к скорейшей и выгоднейшей распродаже своих избытков распространением внутренней торговли» и ликвидацией внутренних «препон» — таможен.

Особую сложность представляло историческое описание тогдашней новейшей истории — XVIII века с его реформами, дворцовыми переворотами, не слишком привлекательными фигурами преемников Петра I и их фаворитами. Отсутствие героев и выдающихся деяний приходилось компенсировать изяществом стиля; так, о ничем не примечательной в качестве государыни Екатерине I сказано, что она правила, будучи «изнурена печалью по супруге своём».

Обычным приёмом служило умолчание — безличные формулировки о «вступлении на Всероссийский престол» соответствующего императора или императрицы без изложения обстоятельств, при которых оно происходило. Описание же ухода с политической арены фигур той эпохи отличалось «политкорректностью». Так, «запрещённый» при Елизавете Петровне малолетний император Иван Антонович уже присутствовал в учебниках истории в качестве государя, чьё правление «не долго продолжалось»; регента Бирона просто «удалили»; Пётр III естественным образом «скончался в июле 1762 г.», а Павла I постигла «скоропостижная кончина» в 1801 году³⁴.

Сочинение казённых учебников не исключало личной инициативы; стали издаваться пособия, написанные самими школьными учителями и просто любителями³⁵. Иные авторы стремились добиться высочайшего

³⁴ См.: Краткая российская история. С. 173, 177, 180; Всеобщая история Шреккова. С. 404, 416.

³⁵ См.: Нехачин И. Новое ядро российской истории. М., 1795. Ч. 1–2; [Ефремов Н.] Детская

одобрения. Отставной коллежский асессор и член Российской академии Тимофей Семёнович Мальгин в предисловии к третьему изданию своего труда сообщил, что удостоился монаршей милости «с пожалованием мне... не малые цены золотой с брильянтами табакерки, полученной мной с достодолжным благоговением»³⁶.

Иногда в комплекте с учебником предлагались исторические карты. Появились в продаже и своеобразные исторические игры: в набор входили десятки картинок — изображения рыцарского турнира, сражений, портреты Кольбера, Лютера, Кромвеля и даже сюжеты на тему американской революции, к которым ребенок должен был подобрать соответствующие названия³⁷.

Такие сочинения в целом соответствовали заданной концепции отечественной истории. Призвание варяжских князей считалось исходной точкой установления самодержавной монархии в России, и дальнейшие события оценивались с точки зрения их пользы или вреда для этого государственного устройства. Владимир Святославич и Ярослав Мудрый, несмотря на все заслуги, укорялись в «пагубных разделах» государственной территории, а восстановление «самодержавства» приписывалось Ивану III и его потомкам. При этом подчёркивалось, что великим князьям в XIII—XVI веках приходилось постоянно умирять «бешенство новгородского сумасбродства».

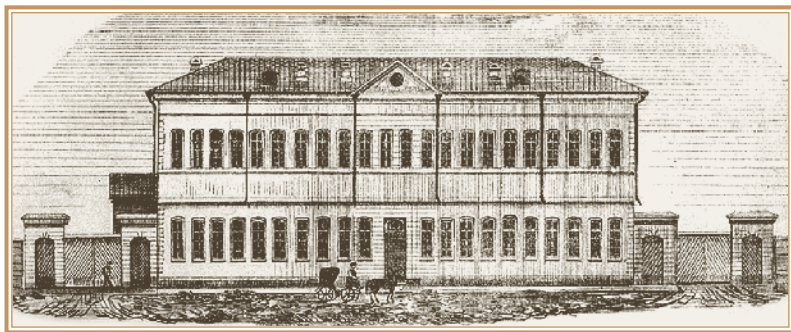
Апофеозом российского государства было представлено царствование Петра I; его деятельность, личность и даже «изящные телесные качества» в виде саженого роста заслуживали безусловного восхищения. «Невероятно скорые успехи» реформ и победоносные войны, по мнению авторов, помогли царю привести государство «в цветущее состояние» и искоренить «прежнее невежество». Внешняя и внутренняя политика Петра были продолжены его преемниками и достигли максимума успехов в царствование Екатерины II — «великой животворительницы России», правление которой расценивалось не иначе как «промысел Всевышнего».

Авторы пособий стремились разъяснить — а иногда и «откорректировать» — события, которые в официальных учебниках перечислялись кратко и невнятно. К примеру, предпринимались попытки разобраться в характе-

российская история, изданная в пользу юношества. Смоленск, 1797; Захарьин П.М. Новый синопсис. Николаев, 1798; Яковкин И.Ф. Летосчислительное изображение российской истории. СПб., 1798; Берлинский М. Краткая российская история. М., 1800.

³⁶ Мальгин Т. Зерцало российских государей с 862 по 1789 г. СПб., 1794.

³⁷ См.: Историческая игра для детей или новый и самый легчайший способ под видом забавы обучать детей истории. М., 1795.

Здание Главного народного училища в Иркутске.

ре Ивана Грозного, дававшего волю своему «крутому нраву». «Не бывает ли, — вопрошал один из сочинителей, — много и таких случаев, где мягкосердие больший вред причиняет?» Другой считал, что «поступки его (Ивана IV. — И.К.) извинительны, судя по обстоятельствам тогдашних времён, когда народ, находясь в глубоком невежестве, не выполнял своих обязанностей»³⁸. Однако при этом школьникам напоминали, что такая досадная черта есть «всеобщая во нравах, от татар прежде легко вкравшаяся, а не в природе россиян бывшая грубость». Масштабные бунты 1648, 1670–1671 и 1773–1774 годов проистекали якобы «от прежней смутности и внешнего злоковарства» или по вине самозванцев. Восстание Кондратия Булавина, по мнению автора «Русской истории» С.Н. Глинки, произошло «по подготовке Мазепы», а сам донской атаман являлся союзником турок³⁹. В учебнике Н. Ефремова осознавший своё противогосударственное поведение Стенька Разин «прибыл с повинной» к царю Алексею Михайловичу, но всё же был по заслугам казнён за «грабительства»⁴⁰. С другой стороны, благонамеренный школьник мог прочесть и про то, что погибший в 945 году в древлянских лесах князь Игорь был «корыстолюбив», а Иван Грозный «зашиб палкою» сына и наследника.

На первый план выдвигались победоносные войны, благо недостатка в них не было; если же они были не вполне успешными (например, поход русского войска 1042 года на Византию), это подавалось следующим образом: «Войско претерпело и от бури и сопротивления неприятельского урон, однако, всё преодолев, ознаменовали поход свой отличною храбростию россиян и победою греков, так и вождельнным возобновлением мира». Внутреннее же развитие отступало на второй план, здесь чаще

³⁸ Мальгин Т. Указ соч. С. 66; Нехачин И. Указ соч. Ч. 1. С. 98.

³⁹ Глинка С.Н. Русская история. М., 1823. Ч. 7. С. 63.

⁴⁰ Ефремов Н. Детская российская история, изданная в пользу обучающегося юношества. Смоленск, 1797. С. 157.

встречались ошибки и противоречия. Так, варяги — «руссы» именовались то «финнами», то сарматами, то славянами — потомками сарматов; Дмитрий Шемяка назывался сыном Василия II, а Борису Годунову приписывается введение «подушного оклада». В некоторых учебниках отсутствовали непереносимые для нынешней школьной программы Ледовое побоище и Куликовская битва, а «изящнейший государь» Александр Невский одобрялся именно за «союз» с татарами и подавление сопротивления новгородской «черни».

В учебниках не упоминались «кондиции», подписанные Анной Иоанновной, споры о престоле после смерти Петра I, перевороты 1762 и 1801 годов, зато утверждалось, что Пётр I на смертном одре «повелел» сделать императрицей Екатерину I; царевич Алексей оказал «скользость в неприличных поступках» и скончался «от внутреннего сокращения духа и тела»; Иван Антонович воцарился «беззаконно», а потому был «добродетельно заключён», а затем к всеобщему облегчению лишился «тягостной самому ему и ни к чему не способной жизни»; Пётр III, несмотря на успешное начало царствования, «слыша, что народ не доверяет его поступкам, добровольно отрёкся от престола и затем скончался в Ропше»⁴¹.

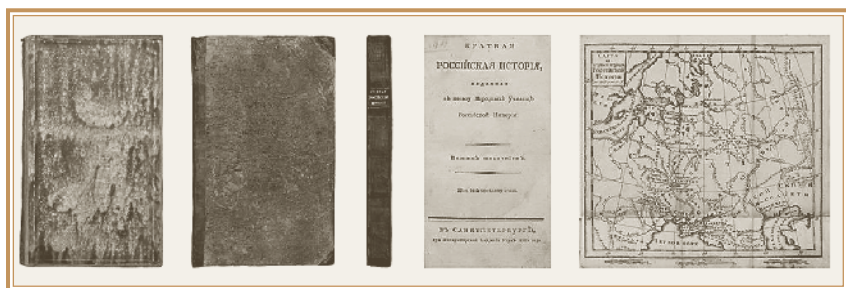
Столько же изысканно преподносились не слишком славные деяния — к примеру, разделы Польши. Школьникам объясняли, что Польско-Литовское государство «насиловательно и без всякого права» завладело исконно русскими землями и утвердило там «наиугнетательнейший аристократизм» и «необузданность» шляхты, поэтому по просьбе «любящих свое отечество» польских вельмож соседние государи были вынуждены ввести туда войска и поделить Речь Посполитую для предотвращения «беспокойств». Неблагодарные поляки ответили «заговором» 1794 года, подавление которого привело к тому, что, по уверению «Детской российской истории» (1797), «польская нация более не существует».

Не менее серьёзной правке подвергалась и всеобщая история. Потрясения конца XVIII века, несомненно, повлияли на трактовку английской революции как торжества «безначалия». А события Великой французской революции трактовались следующим образом: в ещё недавно счастливой стране собранные королём государственные чины «дошли даже до такого буйства и лютости, что попрали все божественные и человеческие законы и права, убили сего добродетельнейшего короля и его цветущее государство превратили в республику». Впрочем, это ещё не худший вариант; в других

⁴¹ Мальгин Т. Указ соч. С. 526; Нехачин И. Указ. соч. Ч. 2. С. 396, 417; Талызин М.И. Краткая история России с обозрением достопримечательных происшествий в некоторых других державах. СПб., 1815. Ч. 2. С. 238.

сочинениях можно было прочесть, что во Франции ничего особенного не произошло, а Людовика XVI сменил на троне Людовик XVII...

Лишь немногие учебники при Екатерине II позволяли узнать больше: в небольшой книге профессора Х. Безака отмечено, что князья получали престол не только по праву, но и «по избранию»; рассказывается о поместной системе, об освоении Сибири, о колебаниях «государственных чинов» при избрании Екатерины I и о её нарушенном завещании, о судьбе Меншикова, о попытке ограничения монархии в 1730 году, свержении Бирона, об убийстве Ивана Антоновича «через злодейство Василия Мировича»⁴².

Учебник
«Краткая
российская
история».
Составитель
Ф.И. Янкович.
1799 г.

Для таких случаев уже имелась цензура. В 1779 году из переводного учебника Г. Ахенваля были вычеркнуты «нежелательные» известия о событиях XVIII века⁴³. В 1796 году Тайная экспедиция Сената вела следствие по делу М. Антоновского: в его переводе немецкого сочинения «Новейшее повествовательное описание всех четырех частей света» (СПб., 1795) содержались упоминания о придворной борьбе в 1725 году, когда «большая часть народа желала иметь наследником Петра II, но сильнейшая сторона употребила к возведению на престол Екатерины, супруги Петра I»⁴⁴.

С литературой и театром было сложнее. Перед зрителями представляли сюжеты заговоров против жестоких монархов («Подложный Смердий» А.А. Ржевского, «Димитрий Самозванец» А.П. Сумарокова, «Борислав» М.М. Хераскова, «Рослав» П.А. Плавильщикова), заканчивавшиеся такими сценами: «..народ поспешно выбегает на театр с обнаженными кинжалами, предшествуют ему начальники». Разумеется, речь шла о правителях-тиранах,

⁴² См.: Безак Х. Краткое введение в бытописание Всероссийской империи. СПб., 1785. С. 154–156, 158, 160; Новейшее повествовательное описание всех четырех частей света. СПб., 1795. Ч. 2. С. 23–24, 140–142; Словарь исторический или сокращенная библиотека. М., 1791. Ч. 6. С. 97.

⁴³ См.: Шамрай Д. Из истории цензурного режима Екатерины II // ОР РНБ. Ф. 1105. № 40. Л. 194.

⁴⁴ См.: Семенников В.П. Из истории цензуры в екатерининскую эпоху // Русский библиофил. 1913. № 1. С. 67; РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. № 2889. Л. 13, 27.

к которым императрица себя причислить не могла, а потому ей приходилось разрешать к постановке сюжеты, на которые предупредительно обращала внимание цензура, к примеру, трагедию Я.Б. Княжнина «Владимир и Ярополк», где некий придворный утверждал: если государь

«...исступит из границ своих священных прав,
Тогда вельможей долг вернуть его в пределы»⁴⁵.

Екатерина пыталась предложить свою трактовку проблемы — также в художественной форме, в трагедии «Игорь» (1786). Сочинение императрицы было посвящено судьбе киевского князя, окружённого завистливыми и корыстными советниками. «Все между собой в ссоре, в несогласии... Одни других мне обносят непрестанно», — жаловался князь, но всё же попадал под влияние «ласкателей» и в результате отправлялся в роковой поход на древлян. Те, по мысли автора, уже готовы были покориться и молили только об уменьшении размера наложенной на них дани; но подстрекаемый советниками князь боялся, что его сочтут слабым правителем⁴⁶. Такая интерпретация летописного сюжета намекала на судьбу другого, но столь же слабого и неразумного монарха; возможно, поэтому пьеса так и осталась незавершённой.

Реформа Екатерины заложила основы среднего образования в стране. В классы набирались ученики одного возраста, уроки велись по одним программам и типовым государственным учебникам. Впервые появились такие сохранившиеся до нашего времени атрибуты школьной жизни, как настенная доска, классный журнал, обязательные экзамены и каникулы. За партами оказались тысячи учащихся из разных социальных слоёв. Но мечты императрицы о просвещённых, в том числе и в области истории, верноподанных оказались трудноосуществимыми. Власти, в канун Отечественной войны 1812 года обратившие внимание на состояние умов подрастающего поколения, нашли его неудовлетворительным. «В отечестве нашем далеко простёрло корни свои воспитание, иноземцами сообщаемое», — признал в 1811 году в докладе Александру I министр народного просвещения А.К. Разумовский, что грозило, по его мнению, «истреблением духа народного». Министр заверил, что изыщет все способы, чтобы в дальнейшем производить в учебных заведениях «истинных сынов отечества»⁴⁷.

Беспокойство министра имело под собой основания. «С родным отеческим краем, и не только с русской историей, но и с русской землёю,

⁴⁵ См.: Бочкарев В.А. Русская историческая драматургия XVII—XVIII вв. М., 1988. С. 129, 173, 207; Дризен Н.В. Материалы к истории русского театра. М., 1913. С. 103–105.

⁴⁶ См.: Екатерина II. Сочинения: В 12 т. Т. 3. СПб., 1901. С. 409–410, 432.

⁴⁷ Васильчиков А.А. Семейство Разумовских. СПб., 1880. Т. 2. С. 85–86.

Михаил Васильевич Ломоносов.
Гравюра Э. Фессара и К.А.Вортмана. 1757 г.

с русскими реками и морями был я знаком так мало, поверхностно, что если бы велели тогда описать битву русских с татарами на Куликовом поле, я охотнее согласился описать Пунические войны», — оценивал уровень своих знаний учившийся в 1790-х годах в Московском университете Ф.П. Лубяновский⁴⁸. Историк-дилетант, журналист и писатель С.Н. Глинка признавался, что после обучения в Кадетском корпусе был от русской истории «за тридевять земель». «Никакого понятия об истории России» не вынес из московского частного пансиона Ф. Кистера обучавшийся там по учебникам Шрека и Янковича молодой офицер В.В. Селиванов⁴⁹.

Список таких критических оценок можно увеличить. Дело здесь не только в нелюбви к отечественной истории и повальном увлечении всем иностранным. Само преподавание явно оставляло желать лучшего; к тому же в провинции и родители часто «не видели цели учения в высших классах

⁴⁸ Воспоминания Фёдора Петровича Лубяновского. М., 1872. С. 39.

⁴⁹ Селиванов В.В. Сочинения. Владимир, 1901. Т. 1. С. 336.

преподаваемого»⁵⁰. Народные училища, куда учеников приходилось в восьмидесятые годы вызывать через полицию (к примеру, в Тамбове, где тогда губернаторствовал искренний ревнитель просвещения Г.Р. Державин), часто не имели ни подготовленных преподавателей, ни учебных пособий, ни даже мебели⁵¹. Деятельность Комиссии Завадовского (за учреждение новых школ он получил орден Владимира 1-й степени и шесть тысяч душ⁵² — таковы парадоксы «внедрения» просвещения в конце XVIII века) улучшила дело с учебниками, хотя в начале XIX столетия их по-прежнему не хватало, — но не с учителями.

«Руководство учителям» народных училищ (СПб., 1783) требовало от педагогов благочестия, воздержанности от пьянства, грубости и «обхождения с непотребными женщинами». Учеников запрещалось бить за «худую память» и «природную неспособность» и ругать «скотиной» и «ослиными ушами»⁵³. Но, судя по мемуарным свидетельствам, учителя именно так себя и вели. Преподававший в московском пансионе профессор истории, географии и статистики Н.А. Бекетов «щипал стоящих на коленях за волосы... как кур щиплют, приговаривая при этом: “Полудурье, дурак, скаatina...”» Если господин профессор не дёргал учеников за волосы, то указкой «долбил по головам или хлопал по ладоням, отчего начинался страшный визг и писк»⁵⁴.

Не менее выразительны и портреты провинциальных вологодских педагогов. Один «был добр и невзыскателен; самым лучшим учеником у него считался тот, который отвечал заданную страничку не запинаясь, мерно останавливаясь на точках и запятых». Другой же, «когда был пьян, тогда всё перед ним трепетало. Тогда он обыкновенно, спросив кого-нибудь, становился перед ним, растарашив ноги, опершись кулаками об стол и выпучив глаза. Если ответ был удовлетворительным, он был спокоен; но если ученик запинаясь, тогда ругательства сыпались градом. “Чертова заслонка”, “филин запечной”, “кобылья рожа” и подобные фразы были делом обыкновенным. Дураком и канальей называл он в похвалу»⁵⁵.

⁵⁰ См.: Ламбоцкая Э.А. О школах Иркутской губернии // Вопросы истории школ Восточной Сибири. Иркутск, 1975. С. 19.

⁵¹ См.: Дубасов И.И. Первые опыты училищного дела в Тамбовском крае // Исторический вестник. 1893. №7. С. 157.

⁵² См.: Листовский И.С. Граф П.В. Завадовский // Русский архив. 1883. №3. С. 100.

⁵³ См.: Фельбигер И. Руководство учителям 1 и 2 классов народных училищ Российской империи, изданное по высочайшему повелению царствующей императрицы Екатерины Вторыя. СПб., 1783. С. 80, 83, 107.

⁵⁴ Цит. по: Селиванов В.В. Указ соч. С. 338.

⁵⁵ Цит. по: Автобиография Н.И. Иваницкого // Жуковский сборник. Вып. 8. М., 1909. С. 226–227.

Министр А.К. Разумовский был вынужден в 1814 году издать специальный циркуляр, в котором признавал, что вверенные ему учителя «обращаются в пьянстве так, что делаются неспособными к отправлению должности», и требовал, чтобы замеченные в этом «гнусном пороке» увольнялись «без аттестата, но сверх того еще опубликованы в ведомостях»⁵⁶.

Похоже, это не очень помогало: профессия была непрестижной, и выпускники учительской семинарии не всегда имели возможности для приобретения знаний и хороших манер. В 1783 году Комиссия Завадовского отмечала, что лучшие из её выпускников работе в школе предпочитали

Александр Петрович Сумароков.
Портрет работы А. Лосенко. XVIII в.

«гражданскую, выгоднейшую для них службу»⁵⁷. В начале XIX века жалованье уездного учителя (имевшего X класс по Табели о рангах) в Петербургском учебном округе составляла 60 — 100 рублей в год и практически всё уходило на питание⁵⁸. Для получения VIII класса, дававшего права потомственного дворянства, учителям приходилось служить от 22 до 36 лет.

Столь же рутинной оставалась и практика преподавания. Хотя Ф.И. Янкович настоятельно рекомендовал учителям пояснять учебник, а ученикам — не заучивать его текст, а пересказывать своими словами, официальное

⁵⁶ Васильчиков А.А. Указ. соч. С. 93.

⁵⁷ Доклады Комиссии об учреждении народных училищ Екатерине II // Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1867. Кн. 1. Смесь. С. 56.

⁵⁸ См.: Флит Н.В. Народное образование в России в начале XIX в. Автореф. канд. дисс. Л, 1988. С. 11.

«Руководство» требовало ответа наизусть по книге, чему в немалой степени соответствовала принятая во многих учебниках форма «вопрос — ответ». В школах царили «читка вслух» разделов учебника и последующая зубрежка: «Долбили наизусть указанные страницы слово в слово, часто бессознательно. Так учили и историю, и географию, и грамматику, и даже арифметику»⁵⁹. По традиции, утвердившейся ещё в петровские времена, за порядком в классах (к примеру, в гимназии Московского университета) даже в начале XIX века надзирали дежурные офицеры. Неудачников и шалунов в народных училищах одевали в «худые мужичьи кафтаны», для кадетских корпусов обычным наказанием служила порка. В таких условиях трудно было рассчитывать на сколько-нибудь серьёзное и вдумчивое усвоение бесконечного набора имён и дат, составлявшего основу учебников конца XVIII — начала XIX столетия. Очевидно, только появление в атмосфере общественного подъёма после войны 1812 года «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина было способно пробудить интерес к собственному прошлому и у школьников, и у их родителей.

⁵⁹ Кренке В.Д. Кадетский быт 20—30-х гг. // Исторический вестник. 1882. № 4. С. 122.

Ключевые слова:

Ф.И. Янкович, «Краткая российская история», Екатерина II, система среднего образования, учебники истории

Igor V. Kurukin

«SOLIDIFYING FOR THE YOUTH THE LOVE OF THE MOTHERLAND»:

Catherine II and teaching of Russian history in schools at the
end of the 18th-beginning of the 19th centuries.

At the end of the 18th century Catherine II's educational reforms gradually formed the national school network, within which the national history became very important in terms of raising an enlightened people.

The article covers the 18th century experience of teaching history, and describes the strong and the weak points of the first history textbooks. Due to the efforts of Catherine II and her colleagues within the Commission of National Schools under Pyotr Zavadovsky, they created the official history textbooks. These included «Short History of Russia» (St. Petersburg, 1799) by Austrian scientist and teacher F. I. Yankovich, and the main textbook on universal history was the translated work by Johann Matthias Schröckh, a Professor of Leipzig and Wittenberg universities — «Short Universal History» (published in Moscow, 1787).

The author shows how the main events and stages in Russian history have been described in the textbooks. The narrative was greatly influenced by the idea to strengthen autocratic monarchy in Russia, which was presented as the key moving factor in the development of the country. This position defined the selection and the descriptive angle of historical figures and their role in the textbooks. At the same time, at the end of the 19th early 20th centuries, alternative textbooks covering a wider range of historical analysis were published through private initiatives of professional historians, teachers and enlightened lovers of history. In general however, the historical education in schools was at the very beginning of the formative process. The knowledge benefits of history were not yet important within the conscience of the masses.

 Курукин Игорь Владимирович

доктор исторических наук, профессор кафедры истории России
средневековья и раннего нового времени Историко-архивного
института РГГУ

О.А. Сухова

ГУБЕРНАТОРЫ ПОВОЛЖЬЯ И УРАЛА

в начале XX века

воеобразие политической модели, присущей российской власти, как нельзя лучше отражает институт губернаторства, реставрация которого в XXI в. свидетельствует, с одной стороны, о прочно закрепившейся приверженности к автократическим принципам политического управления, а с другой — обрекает данную тему на постоянное и пристальное внимание со стороны самого широкого круга исследователей.

Историографическая традиция в деле изучения проблем местного управления в имперской России уходит своими корнями в публицистическую полемику между консерваторами и либералами относительно способов и возможностей реформирования системы. На рубеже XIX—XX вв. одним из ключевых становится вопрос о проявившемся противоречии между централизаторскими устремлениями определенных кругов бюрократии и партикуляризмом дворянства на местах. Очевидна и общая направленность рассуждений в сторону поддержки идей этатизма и укрепления административной машины, когда управление виделось много шире простого исполнения законов. Неудивительно, что вначале

проблемы становления и развития института губернаторства привлекали в основном правоведов¹.

Для исследователей этого периода становится явной растущая разобщенность, ведомственная раздробленность губернской администрации, превращение губернатора в ординарного, хотя и значимого чиновника Министерства внутренних дел, облеченного прежде всего властью полицейского надзора².

В советской историографии темы, связанные с проблемами местного управления в имперской России, и уж тем более с институтом губернаторства, длительный период относились к разряду табуированных, запретных, что отнюдь не способствовало их концептуализации хотя бы и в русле формационного подхода. Жестким водоразделом в развитии губернаторской тематики в это время выступила монография П.А. Зайончковского, ставшая сегодня классикой историографических обзоров³. Используемая автором методика комплексного анализа проблемы привела его к смелым выводам, выходявшим за рамки бытовавших идеологических штампов. Определенный скепсис исследователей начала 1980-х гг. вызвало исключение губернского предводителя дворянства из числа высших чиновников губернской иерархии, а также сомнения автора в буржуазном перерождении чиновничества в начале XX в.⁴ В дальнейшем исследование Зайончковского послужило отправной точкой для развития целого направления, поддержанного его учениками Н.П. Ерошкиным и А.Г. Захаровой. Особенно продуктивным становится обращение к анализу такого источника, как формулярные списки чиновников губернского управления, что в конечном счете позволило реконструировать обобщенный социально-исторический портрет российского губернатора, многим более широкий, чем заданные партийными штампами рамки образа невежественного и коррумпированного «царского сатрапа».

Возвращением к лучшим традициям дореволюционной историографии в их творческом развитии становятся работы П.Н. Зырянова. Так, в статье,

¹ См.: Корф С.А. Очерк исторического развития губернаторской должности в России // Вестник права. 1901. № 9; Гессен В.М. Вопросы местного управления. СПб., 1904; Блинов И.А. Губернаторы. Историко-юридический очерк. СПб., 1905; Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. СПб., 1910; Страховский И.М. Губернское устройство // Журнал Министерства юстиции. 1913. № 7–8; и др.

² Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. СПб., 1910. С. 219–220, 223–234.

³ Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978.

⁴ Зырянов П.Н. Социальная структура местного управления. 1861–1914 гг. // Исторические записки. Т. 107. М., 1982. С. 237.

посвященной анализу социальной структуры местного управления в 1861–1914 гг., помимо ожидаемой констатации продворянской ориентированности губернаторского корпуса, автор обращается к таким характеристикам данного института, как объективная ограниченность власти губернатора, его встроенность в административную систему в целом; общая архаичность губернского устройства (вслед за С.А. Корфом Зырянов развивает тезис о превращении губернского правления во вторую канцелярию губернатора⁵); разнородность местных органов власти и преследуемых ими целей; полицейский характер общей губернской администрации, еще более усилившийся в условиях революции⁶.

Стимулом для последующего развития методологии проблемы и определенным вызовом сложившемуся в отечественной историографии взгляду на институт губернаторской власти в России стала публикация в Москве одной из глав книги американского историка Р. Роббинса «The Tsar's Viceroy: Russian Provincial Governors in the Last of the Empire» (Ithaca; London, 1987)⁷. Непредвзятость анализа позволила автору одновременно дистанцироваться и от бесосновательной критики, и от апологетики системы управления в России позднеимперского периода. Особый интерес вызывает тезис Роббинса о противоречивой тройственности статуса российского губернатора. Первая и самая престижная роль, которую призван был сыграть глава местной администрации, — это личный представитель императора, его наместник, воплощение власти монарха на губернском уровне. В то же время, находясь за пределами обычной министерской иерархии, он призван был осуществлять общий надзор, выступать в роли «административного омбудсмана». И наконец, третья роль, полностью противоположная предыдущим, это должность главного губернского агента МВД, должность подчиненного, который пригуждался, что называется, на все случаи жизни в качестве высокопоставленного мальчика на побегушках⁸. Становится очевидным, что констатация синкретизма управления в данном случае выступает хорошим аргументом в пользу концепции сохранения архаичности политической культуры в эпоху либеральной модернизации.

В дальнейшем важным направлением историографии вопроса становятся исследования, вобравшие в себя опыт предшественников и вышед-

⁵ Корф С.А. Административная юстиция в России. Т. 2. СПб., 1910. С. 269.

⁶ Зырянов П.Н. Указ. соч. С. 283–297; Он же. В ответ на революционные потрясения: административные реформы начала XX в. // Административные реформы в России: история и современность. М., 2006.

⁷ Роббинс Р. Наместник и слуга // Отечественная история. 1993. № 1. С. 202–213.

⁸ Там же. С. 202.

шие на междисциплинарный уровень. В частности, историко-социологический анализ собранного банка данных на более чем 2000 губернаторов позволил Л.М. Лысенко сделать репрезентативную выборку и выявить основные тенденции эволюции кадрового корпуса губернаторов на протяжении XVIII — начала XX в. В частности, свидетельством неудач реформирования системы местного управления в начале XX в., частным выражением кризиса абсолютизма в России становятся такие процессы, как: уменьшение числа губернаторов с военными званиями; понижение класса гражданских и военных чинов губернаторов и одновременно с этим резкий рост числа придворных званий в этой среде; увеличение сменяемости и даже текучести губернаторских кадров, их постоянное перемещение «по горизонтали»⁹.

Всплеск интереса к губернаторской теме на региональном уровне был обусловлен возвращением к прежнему названию хозяина губернии, края, области. Появление целой плеяды новоиспеченных губернаторов сформировало совершенно определенный политический и социальный заказ на изучение исторического опыта реформ в системе местного управления и одновременно обнажило ставшие вновь злободневными вопросы эффективности властно-политического регулирования; взаимоотношений государственных структур и органов местного самоуправления; соотношения централизации (укрепление вертикали исполнительной власти) и децентрализации (развития федеративных отношений и т.д.)¹⁰. Наибольший интерес исследователей по-прежнему вызывают вопросы изучения социокультурных характеристик губернаторского корпуса и отдельных персоналий губернаторов¹¹. Естественным результатом последовательной концептуализации проблемы стало появление исследований обобщающего характера, выполненных на уровне кандидатских и докторских диссертаций¹².

⁹ Лысенко Л.М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII — начало XX в.). М., 2001. С. 182–201.

¹⁰ См., например: Алексушин Г.В. Самарские губернаторы: историко-краеведческие очерки. Самара, 1996; Савин О.М. Императоры и губернаторы. Пенза, 2006; Богатырёва О.Н. Эволюция системы местного управления в Вятской и Пермской губерниях (1861 — февраль 1917 г.). Екатеринбург, 2004; и др.

¹¹ Минаков А.С. Губернаторский корпус и центральная власть: проблема взаимоотношений (по материалам губерний Черноземного центра второй половины XIX — начала XX вв.). Автореферат дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2011. С. 22.

¹² Тюрин В.А. Губернская администрация и городское общественное управление в провинциальной России конца XIX — начала XX в. (Пензенская, Самарская, Симбирская губернии). Дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2004; Алексушин Г.В. Развитие губернаторской власти в России (1708–1917 гг.): исторический опыт и уроки. Дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2009; Минаков А.С. Губернаторский корпус и центральная власть: проблема взаимоотношений (по материалам губерний Черноземного центра второй половины XIX — начала XX в.). Дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2011 и др.

Итоги развития историографии вопроса были подведены в одной из работ орловского исследователя А.С. Минакова. Отметив серьезные достижения российской исторической науки за последние десятилетия в деле изучения персонального состава губернаторов, их социально-культурных характеристик, многовариативности способов формирования губернаторского корпуса, автор обращает внимание на слабую освещенность многих сюжетов в истории взаимоотношений центра и местных администраций¹³. По его мнению, одним из важных делопроизводственных звеньев, связывавших провинциальную, центральную и верховную власть, являлись всеподданнейшие отчеты губернаторов, что не позволяет согласиться с утверждениями о сомнительной достоверности последних¹⁴.

В зарубежной историографии проблемы управления в российской истории интерпретируются, как правило, с точки зрения сопротивляемости политической модернизации и архаичности политической культуры.

В свете очевидной потребности в обращении к историческому опыту реформирования системы управления в условиях появления новых вызовов, спровоцированных модернизационными процессами, представляется важным изучение прежде всего тех механизмов, что отвечают за адекватное взаимодействие власти и общества, за усиление гибкости и адаптационных возможностей политических институтов. В начале XX в. определяющим становится вопрос об эффективности традиционной модели управления в революционную эпоху.

Применительно к институту губернаторской власти необходимо учесть и охарактеризовать те вызовы, что поколебали и в конечном счете разрушили патриархальные основы власти. Самое существенное противоречие скрывается в результатах эволюции административной системы. Именно здесь проявилось глубинное рассогласование прежнего идеала власти и современной трактовки государственной службы. Представление о трехзвенной системе властной иерархии: император — наместник бога на земле, а губернатор — императора — нуждалось в постоянной подпитке ощущения мистической связи с особой его императорского величества. Между тем возможность непосредственных контактов к началу XX в. была суще-

¹³ Минаков А.С. Губернаторский корпус пореформенной России в современной историографии // Вопросы истории. 2009. № 7. С. 160—168.

¹⁴ Минаков А.С. Всеподданнейшие отчеты губернаторов как источник по изучению взаимоотношений центральной и местной власти в России второй половины XIX — начала XX в. // Отечественная история. 2005. № 3. С. 170—175; Он же. Губернаторский корпус пореформенной России в современной историографии // Вопросы истории. 2009. № 7. С. 166.

И.Ф. Кошко.
Пензенский
губернатор
в 1907-1910 гг.

ственно ограничена и осложнена бюрократической рутинной. Губернатор, желавший получить аудиенцию у царя, должен был испросить разрешение в Департаменте общих дел МВД, что, безусловно, позволяло министру контролировать интенсивность подобных встреч¹⁵. Даже в процедуре назначения губернатора (исключение составляло обсуждение кандидатур в пограничные регионы и на генерал-губернаторские должности) роль императора сводилась лишь к формальному подписанию высочайшей бумаги, подготовленной министром внутренних дел. Следовательно, наибольшим влиянием в формировании кадрового состава губернаторского корпуса обладал не император, а высокопоставленный чиновник МВД¹⁶. Так, после своего назначения пензенским губернатором И.Ф. Кошко отправляется в столицу — представиться министрам, побывать в разных департаментах, чтобы «познакомиться с положением губернии», и главное — добиться аудиенции у императора. «Если Столыпин не будет меня очень торопить, — напишет он позднее, — я бы очень желал представиться государю». Однако эта просьба не была услышана премьером. Сославшись на необходимость губернаторского присутствия на месте, он рекомендовал Кошко не задерживаться в Петербурге¹⁷.

¹⁵ Роббинс Р. Указ. соч. С. 203.

¹⁶ Минаков А.С. Губернаторский корпус пореформенной России: состав и механизмы формирования // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. 2012. № 1. С. 2—3. (Сер. «Гуманитарные науки»).

¹⁷ Кошко И.Ф. Воспоминания губернатора (1905—1914). Новгород — Самара — Пенза. СПб., 1916. С. 137.

Наместнический статус подтверждала и возможность представления всеподданнейшего отчета (тоже своего рода канала связи с монаршей особой). На особое значение отчетов как контактов губернатора с монархом указывает Роббинс¹⁸. Неслучайно губернаторы демонстративно шли на обнаружение некоторых царских замечаний к отчетам в обход существовавшего правительственного регламента, чем вызывали неудовольствие МВД и появление специальных циркуляров о необходимости соблюдения конфиденциальности¹⁹. В зависимости от личности губернатора, конкретной ситуации отчеты по своему содержанию могли иметь характер строго информационный, программный и личный. Немало губернаторов пыталось использовать свое право предоставления отчетов для разработки планов социально-экономического, культурного и даже политического развития губерний²⁰.

Однако исследователи отмечают стремление бюрократического центра свести значение годовых отчетов к минимуму, в чем чиновники центральных ведомств довольно преуспели²¹. Ведь главную роль в координации действий губернатора при составлении отчета играли циркулярные распоряжения МВД. А как можно было, например, отреагировать на указание центра из циркуляра № 4 от 22 января 1898 г., в котором сообщалось, что «на всеподданнейшем отчете о состоянии одной губернии его императорскому величеству благоугодно было начертать: «Слишком длинно!»? С другой стороны, не существовало каких-либо законодательных предписаний для губернатора относительно исполнения замечаний императора на отчетах²².

Показательны изменения, обусловленные обстановкой революционного времени: отчеты губернаторов потеряли и без того невысокую оперативность и стали более формальными, особенно в отношении сокрытия информации о причинах аграрных беспорядков и т.п. Тем самым становится очевидным, что всеподданнейшие отчеты перестали выполнять даже свою основную информационную функцию, не говоря уже о подтверждении высокого наместнического статуса губернаторов.

Следует отметить и увеличение документооборота в отношениях МВД и губернаторов: бумажный вал запросов и предписаний уже одним своим объемом претендует на положение фактора, существенно ограничивавшего наместнические притязания губернаторов. По данным И.М. Страховского,

¹⁸ Роббинс Р. Указ. соч. С. 203.

¹⁹ Минаков А.С. Всеподданнейшие отчеты губернаторов... С. 171.

²⁰ Роббинс Р. Указ. соч. С. 203.

²¹ Там же. С. 203–205.

²² Минаков А.С. Всеподданнейшие отчеты губернаторов... С. 171, 173.

Пенза.

Дом губернатора и здание Крестьянского поземельного банка. Начало XX в.

чиновника МВД, а затем вятского губернатора, в начале XX в. ежедневно на столе у начальника губернии скапливалось до 300–400 бумаг, требовавших прочтения и подписи. В сезон определения на должности учителей земских и городских школ губернатор должен был рассматривать до 100 кандидатов в день²³. Увеличение документооборота превращало губернатора лишь в соавтора принимаемых решений, делившего управленческие функции с чиновничеством различных рангов. В этом случае прерогатива утверждения, скажем, учителей фактически низводилась до полицейских структур, ответственных за выяснение политической благонадежности кандидатов²⁴.

Еще одну каплю дегтя в отношения губернаторов и центра добавляло отсутствие возможности принятия кадровых решений в деле назначения или хотя бы выдвижения кандидатур на должность вице-губернатора. По словам Кошко, «вице-губернатор официально подчинен губернатору и обязан исполнять все его законные распоряжения. Но эта подчиненность какая-то половинчатая: назначается он помимо губернатора, причем не принято даже запрашивать, нет ли со стороны последнего каких-либо возражений против предназначенного на эту вакансию, и, главное, всякие награды и поощрения назначаются ему самим министром без всякого ходатайства или представления от ближайшего его начальника, не всегда даже требовались аттестации об его службе»²⁵.

²³ Страховский И.М. Губернское устройство // Журнал Министерства юстиции. 1913. № 7–9. С. 105, 112–114.

²⁴ Зырянов П.Н. Социальная структура местного управления... С. 284.

²⁵ Кошко И.Ф. Указ. соч. С. 140.

Более того, как отмечает С.В. Любичанковский, большинство органов управления были введены в систему губернаторской власти таким образом, чтобы усилить их ведомственную подчиненность центральной власти. В этих условиях гарантия принятия нужного губернатору решения отсутствовала, а следовательно, степень управляемости всей системой самим губернатором была невысокой²⁶.

К тому же губернаторы были прекрасно осведомлены о существовании регулярного контроля над ними со стороны агентов Департамента полиции, более того, после 1905 г. этот контроль усиливается, и постепенно на каждого губернатора формируется соответствующее досье²⁷. В этих обстоятельствах всеобщее подозрение и доноительство чинов губернской администрации друг на друга становятся нормальной практикой. Так, Кошко был искренне уверен в том, что в бытность его в должности вице-губернатора в Самаре вновь назначенный губернатор В.В. Якунин «жаловался» на него в Петербург, а когда убедился в обратном, «был очень тронут» и остался последнему весьма признателен²⁸.

Пристально следили и за уфимским губернатором Б.П. Цехановецким. На систематичность наблюдений со стороны ряда служащих канцелярии указывает форма доклада на имя правителя канцелярии губернатора А.П. Лобунченко. МВД просто не могло не отреагировать на шквал обвинений в адрес губернатора: во время событий 18–19 октября 1905 г. в Уфе он «шествовал под развернутыми красными флагами», «снял шапку перед революционными знаменами», «удалил от должности чинов полиции, препятствовавших революционерам». В конце ноября 1905 г. Цехановецкого переводят из Уфимской губернии²⁹.

Наличие возможных осведомителей заставляло губернаторов более ревностно относиться к своей обязанности информировать МВД о любом более-менее стоящем происшествии в губернии. Революция вскрыла пороки административной системы и в деле передачи и хранения информации, так сказать, для внутреннего пользования. Так, Кошко в своих воспоминаниях сетует на многочисленные случаи утечки секретной информации и появления затем расшифрованных телеграмм не только в центральных, но и в местных оппозиционных газетах (например, текст телеграммы Столыпину о бездеятельности тюремного инспектора и бес-

²⁶ Любичанковский С.В. Мифы об эффективности местного государственного управления позднимперской России и их критика // Вестник ОГУ. 2006. № 7. С. 102.

²⁷ Роббинс Р. Указ. соч. С. 207.

²⁸ Кошко И.Ф. Указ. соч. С. 133.

²⁹ См.: http://ufagen.ru/ufa_history/ufa_artic/tsehanevskiy (дата обращения: 06.02.2013).

порядках в тюрьме): «Такие сюрпризы Петербург мне делал несколько раз»³⁰.

Намерение ужесточить контроль за губернаторами отнюдь не подкреплялось требованием повышения их ответственности. МВД проявляло завидную терпимость к проявлениям коррупционной составляющей в действиях высокопоставленных чиновников, реагируя только на подрыв государственной безопасности или основ государственной службы. Отчасти это объяснялось экономической независимостью губернаторов, обладавших собственными источниками дохода помимо государственного жалования. В связи с

Уфа, ул. Губернская.
Начало XX века.

чем губернаторский корпус отличала определенная кастовость, и нередко за серьезные нарушения действовавшего законодательства можно было получить назначение в Сенат³¹. Аналогичная ситуация была характерна и для низших звеньев местного управления. На материалах уральских губерний этот факт убедительно доказывает Любичанковский. По мнению автора, обычной практикой для губернских правлений как органов административной юстиции являлась интерпретация фактов коррупционной составляющей в пользу обвиняемого чиновника, к тому же в суд передавались дела преимущественно на низших, а не на высших чинов. Нередко вместо наказания применялось причисление уличенного в злоупотреблении служебным положением чиновника к штату губернских правлений, что было прямым нарушением закона³².

³⁰ Кошко И.Ф. Указ. соч. С. 107.

³¹ Роббинс Р. Указ. соч. С. 210.

³² Любичанковский С.В. Указ. соч. С. 104.

Представления самих губернаторов о содержании профессионального долга, как правило, не простирались далее патриархального идеала военной службы. Так, характеризуя И.Л. Блока, самарского губернатора и своего непосредственного начальника, погибшего от рук террористов, Кошко отмечал: «Все его распоряжения в области революционного движения были строго законны и спокойны. Какой-либо жестокости, неуместного для представителя власти издевательства он никогда не проявлял. Будучи лично мужественным человеком, честно исполнявшим свой долг, он требовал того же от подчиненных и глубоко презирал всякое влияние. «Если ты не одобряешь действия правительства, — говорил он всегда, — так выходи в отставку и делай и думай, что тебе угодно. А состоя на службе, получая жалование и перекидываясь на сторону врагов, человек совершает гнусную измену, которая претит всякому сколько-нибудь порядочному человеку»³³.

Таким образом, в начале XX века эволюция местного управления в России приобретает более стремительную динамику, существенные отличия можно обнаружить и в характере происходивших изменений. Серьезной проверкой на прочность губернаторского корпуса стала первая российская революция, добавившая к обострившимся противоречиям новые, не менее опасные вызовы. Со всей откровенной наготой кризисная ситуация проявилась в регионах, ставших эпицентрами революционного движения в империи, и, прежде всего, в Среднем Поволжье. Так, по данным В.Г. Тюкавкина, удельный вес выступлений средневожского крестьянства достигает 25,3 % от общего количества по стране или 5595 случаев, что автоматически перемещает регион на одно из лидирующих мест. По количеству крестьянских выступлений Среднее Поволжье уступало лишь Украине (6608 случаев)³⁴. Эта ситуация и объясняет выбор территориальных рамок исследования.

Основу источниковой базы сформировали архивные материалы: делопроизводственная документация канцелярии пензенского губернатора (документы вводятся в научный оборот впервые); периодическая печать; а также источники личного происхождения, в частности, воспоминания И.Ф. Кошко, занимавшего в революционную эпоху высшие должности в местном управлении рассматриваемого региона³⁵.

³³ Кошко И.Ф. Указ. соч. С. 76.

³⁴ См.: Тюкавкин В.Г. Историографические итоги изучения размаха крестьянского движения в период первой русской революции // Проблемы историографии и источниковедения истории трех российских революций. М., 1987. С. 32.

³⁵ Кошко И.Ф. Воспоминания губернатора (1905–1914). Новгород — Самара — Пенза. СПб., 1916.

И. А. Блок.
Самарский губернатор
в феврале — июле 1906 г.

В условиях тиражирования погромных настроений в крестьянской среде и вакханалии аграрного террора существенно изменилось содержание одного из важнейших направлений деятельности губернатора — охраны общественного порядка. Это сразу же отразилось на механизме сменяемости губернаторов. Так, до революции Поволжье считалось одним из привлекательных в смысле карьерного роста регионов, особенно если речь шла о Нижегородской губернии, где серьезным довеском к губернаторскому жалованию было добавочное содержание («чуть ли не 7 тысяч рублей»³⁶) за организацию ярмарочной торговли. Престижность службы можно измерить общим числом титулованных губернаторов. Так, по данным Лысенко, более всего князей и графов встречалось в столицах империи, много титулованных губернаторов было в Прибалтике, Поволжье и Новороссии³⁷. Конечно, при этом следует учитывать и удельный вес дворянского землевладения в рассматриваемых губерниях. Так, поздравляя Кошко с назначением на пост пензенского губернатора, Столыпин предупредил «счастливчика»: «Пензенская губерния — настоящее дворянское гнездо, и там придется считаться с дворянством, разумеется, не в ущерб делу и государственной пользе»³⁸.

Эта характерная особенность региона становится очевидной при сравнении с ситуацией в уральских губерниях. Здесь значение единоличной власти губернатора многократно возрастало по причине отсутствия в крае дворянского сословного управления. В Центральной России во всех списках губернского начальства губернский предводитель дворянства значился, как правило, на втором месте после губернатора. Наряду с губернатором он

³⁶ Там же. С. 129.

³⁷ Лысенко Л.М. Указ. соч. С. 226.

³⁸ Кошко И.Ф. Указ. соч. С. 137.

мог выполнять представительские функции, возглавляя различные присутствия, коллегии, комиссии³⁹.

Логично предположить, что в период революции именно дворянские губернии превратятся в очаги сплошной «сейсмической» активности. В 1905 г. относительная стабильность Поволжья была взорвана стихией крестьянского террора: тихая гавань превратилась для губернаторов в самое опасное место в империи. Поэтому столь долгожданное назначение на пост вице-губернатора Самарской губернии Кошко встретил с большой долей смятения: «...Судьба меня бросает в самое жерло беспорядков. Тут была опасность для жизни, и опасность для служебной карьеры»; «Еще так недавно, может быть, месяц или два тому назад, туда был назначен вице-губернатором некто г. Михайлов. И вот, значит, и он оставил уже службу, если меня туда назначили. Я не знал, какие причины были этой отставки, но было очевидно, что она явилась результатом трудности положения, так как по доброй воле место так скоро после назначения не оставляют»⁴⁰.

В условиях роста террористической активности чуть ли не важнейшим принципом сменяемости губернаторов становится их гибель от рук революционеров. Так, в 1905 г. было убито 20 губернаторов. В 1906 г. погибли тверской, самарский, симбирский, пензенский губернаторы, варшавский генерал-губернатор, петербургский градоначальник⁴¹. 25 января 1907 г. при выходе из театра был убит еще один пензенский губернатор — С.В. Александровский⁴².

По данным Л.М. Лысенко, за весь период существования института губернаторской власти средний срок службы начальника губернии не превышал трех лет. В 1905–1907 гг. стабильность губернаторского корпуса, и без того невысокая, была подорвана окончательно. Всего за годы революции в Пензенской, Самарской и Симбирской губерниях сменилось по три губернатора. Саратовской губернии в этом отношении «повезло» больше: здесь обошлось без убийств высших должностных лиц: в 1903–1906 гг. регионом управлял Столыпин, его преемником становится С.С. Татищев (1906–1910)⁴³.

«Смертельная текучка» повлекла за собой изменения принципов кадровой политики. Веками сложившаяся практика назначения на службу

³⁹ Богатырёва О.Н. Указ. соч. С. 160.

⁴⁰ Кошко И.Ф. Указ. соч. С. 37.

⁴¹ Шатохин И.Т. Губернаторы в Первой русской революции // Современные наукоемкие технологии. 2006. № 4. С. 103–104.

⁴² Пензенские губернские ведомости. 1907. 27 января.

⁴³ Лысенко Л.М. Указ. соч. С. 226, 318–319, 328, 330, 333.

Симбирск.
Дом губернатора. Начало XX в.

по протекции хотя отчасти и сохранилась, но утратила свое решающее значение. Так, описывая свой путь на вершину чиновничьей иерархии, Кошко пишет о томительном пятнадцатилетнем ожидании назначения на должность вице-губернатора. Столь длительный срок он объясняет привычностью практики nepотизма: «У них была протекция, у меня же ее не было». Кошко предстояло пройти унижительный путь личного ходатайства о содействии перед директором Департамента общих дел и министром внутренних дел, и «все говорили, это был единственно возможный и всеми практикуемый путь»⁴⁴. Революция бесцеремонно вмешалась в, казалось бы, естественный ход вещей и поубавила пыл многих чиновников приискивать себе губернаторскую должность путем протекции. Теперь критерием профпригодности могла стать готовность взять бразды правления в свои руки и не допустить погромов и беспорядков после террористического акта и гибели начальника губернии. На плечи вице-губернаторов ложилась и организация похорон первого лица. Так, Кошко получил губернаторское кресло всего через семь с половиной месяцев вице-губернаторства, хотя обычно этот срок составлял не менее трех лет: «Успех прямо необычайный, если принять во внимание, что у меня не было никакой протекции и что настало время, когда в выборе губернаторов нужно было быть особенно

⁴⁴ Кошко И.Ф. Указ. соч. С. 13–14.

разборчивым»⁴⁵. Между убийством самарского губернатора И.Л. Блока и назначением Кошко губернатором Пензенской губернии после смерти Александровского от рук террориста прошло полгода.

Появление манифеста 17 октября, даровавшего населению гражданские права и свободы, в прямом смысле застало губернаторов врасплох. Это был прямой вызов прежним идеалам государственной службы и управления. Никогда еще начальник губернии не был так подавлен и растерян. Благодаря действиям ряда губернаторов престиж государственной власти был низвергнут с пьедестала и смешан с грязью. Пермский губернатор А.П. Наумов принял участие в каком-то многолюдном шествии и к губернаторскому дому подошел вместе с революционно настроенной толпой, неся в руках переданный кем-то красный флаг. Уфимский губернатор Б.П. Цехановецкий, получив 18 октября официальную телеграмму с текстом манифеста, отдает распоряжение размножить этот исторический документ в губернской типографии для распространения среди населения. Весть о том, что губернатор раздает манифест, собрала у губернаторского дома огромную толпу, отмеченную красными флагами и опьяненную неведомыми доселе свободами. В ряде районов города стихийные манифестации переросли в столкновения митингующих с полицией и солдатами. Встречаются указания на то, что губернатор лично раздавал свежееотпечатанный текст манифеста и тем самым спровоцировал массовые беспорядки⁴⁶. Логичным итогом подобной манеры общения с народом стала заслуженная отставка губернатора. В общей сложности более 60 губернаторов не выдержали испытания революцией и лишились своих постов⁴⁷.

Непосредственное участие в борьбе с революционным движением в регионах становилось своего рода лакмусовой бумажкой, позволяющей определить стиль управления, а следовательно, и типологию кадрового состава губернаторского корпуса. По мнению Минакова, следует выделять четыре типа губернаторов: «профессионалы»; «либералы», «служакки» (наиболее распространенный) и «протезе»⁴⁸. Вместе с тем в общем ряду «губернаторов-профессионалов» следует особо отметить тех, кто выходил за рамки заданной модели и пытался апеллировать к либеральным ценностям, к взаимодействию с обществом, прибегая к репрессиям

⁴⁵ Там же. С. 130.

⁴⁶ См.: http://ufagen.ru/ufa_history/ufa_artic/tsehanevskiy (дата обращения: 06.02.2013); Шатохин И.Т. Указ. соч. С. 103–104.

⁴⁷ Минаков А.С. «Я — хозяин губернии» // Родина. 2009. № 1. С. 101.

⁴⁸ Минаков А.С. Губернаторский корпус пореформенной России... С. 4–5.

только в случае крайней необходимости. В средневожских губерниях к этому типу губернаторов следует отнести А.П. Энгельгардта, П.А. Столыпина, И.Ф. Кошко.

В результате прихода в региональные администрации чиновников, обладавших соответствующими компетенциями и имевших личный опыт борьбы с революционным терроризмом, качество губернского руководства, бесспорно, улучшилось, но и в этом случае сталкиваемся с появлением очередного противоречия: укрепление позиций группы профессиональных управленцев объективно ослабляло контролирующие функции министерства⁴⁹. К тому же изживание фаворитизма как системы выступает слабым аргументом в пользу повышения качества работы собственно государственного аппарата. Как определенная тенденция переход к «формальным» отношениям государя и сановников фиксируется

В.В. Якунин.
Самарский губернатор
в 1906-1910 гг.

исследователями с начала XIX в., что тем не менее не позволяет ее рассматривать в качестве фактора эволюции бюрократии в целом⁵⁰.

Впрочем, при всех изменениях традиционная модель развития карьеры и тип губернатора-«протезе» все же сохранялись. Так, после смерти Блока в Самарскую губернию был назначен В.В. Якунин. По словам Кошко, «он был председателем одесской земской управы, а потом одесским же уездным предводителем дворянства; особым умом и знанием дела будто бы не отличался, имел хорошие средства, жил широко и состоял в дружеских отношениях с Гербелем, тогдашним начальником главного управления по делам местного хозяйства, и с Д.Б. Нейдгартом, служившим одесским градоначальником. Эти лица будто бы и способствовали его назначению»⁵¹.

⁴⁹ Роббинс Р. Указ. соч. С. 209.

⁵⁰ Любичанковский С.В. Указ. соч. С. 103.

⁵¹ Кошко И.Ф. Указ. соч. С. 112–113.

Еще в 1876 г. с целью укрепления дряхлеющей властной вертикали губернаторам было предоставлено право издания обязательных постановлений, что оказалось весьма своевременным шагом, расширившим управленческий арсенал коронной администрации. В начале XX в. исследователи зафиксировали рост интенсивности издания обязательных постановлений, что объясняется как увеличением числа антиправительственных выступлений в империи, так и стремлением местных администраций использовать постановления как инструмент укрепления власти губернатора и повышения эффективности политического регулирования, особенно в вопросах охраны правопорядка. Вместе с тем анализ делопроизводственной документации вскрывает заметную инерционность принимаемых решений — признака, столь характерного для российской бюрократической системы в целом. Так, Минаков отмечает, что активизация антиправительственных выступлений в центрально-черноземных губерниях приходится уже на начало 1905 г. (в Тамбовской губернии рост оппозиционных настроений отмечен в январе, в Воронежской и Орловской — в феврале, в Рязанской — в марте). Между тем обязательные постановления по вопросам охраны правопорядка появились здесь только в декабре 1905 г.⁵²

В Пензенской губернии первое постановление подобного содержания появилось в феврале 1905 г. Беспокойство местных властей вызвал резкий рост спроса на оружие у местных торговцев и, соответственно, масштабов его применения вплоть до вооруженных нападений на городских и ночных сторожей, чем и объяснялась необходимость «воспреещения ношения оружия»⁵³. В общем контексте определения результативности принимаемых решений весьма показательной выступает сама процедура составления постановления.

Появлению документа предшествовал рапорт-ходатайство полицмейстера. Затем текст постановления с приложением специального донесения с обоснованием необходимости его принятия направлялся губернатором в МВД, что выступает свидетельством сохранения мелочной опеки над действиями местных администраций. Длительность бюрократической процедуры увеличивала дистанцию между подготовкой документа и реализацией принятых решений, что отнюдь не способствовало повышению оперативности управления.

⁵² Минаков А.С. Тематика обязательных постановлений губернаторов в начале XX в. (по материалам губерний Черноземного центра) // Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2011. № 1.

⁵³ Государственный архив Пензенской области (далее ГАПО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 7578. Л. 1–2.

Встреча Николая II в Пензе.
28 июня 1904 г. В числе встречающих губернатор С. А. Хвостов.

В августе 1905 г. губернатор С.А. Хвостов принимает постановление соответствующего содержания в отношении второго по величине города губернии — Саранска. Фактором дальнейшей радикализации общественных настроений становится забастовка железнодорожных служащих, и 13 октября губернатор подписывает очередное постановление о «воспреещении всяких собраний без разрешения на то полиции»⁵⁴. В «Пензенских губернских ведомостях» постановление было перепечатано несколько раз, начиная с 16 октября 1905 г. (отметим при этом, что текст манифеста появился в пензенских газетах только 19 октября 1905 г.). Вместе с тем в конце октября в канцелярию губернатора поступило письмо из Департамента полиции МВД о наличии противоречия текста августовского постановления губернатора и действовавших законов и карательных постановлений Уложения о наказаниях и Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Министерство потребовало приведения документа в соответствие с законодательством, что в условиях обнародования манифеста 17 октября вызвало замешательство и растерянность местной администрации. Разрешилась эта ситуация после принятия обязательного постановления (10 ноября 1905 г.), распространившего на территории губернии действие положения об усиленной охране, в связи с чем 14 ноября Хвостов отменил все свои прежние обязательные постановления, касавшиеся охраны правопорядка⁵⁵.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же. Л. 14–15.

Революционная эпоха требовала от местных властей куда больше оперативности в получении и передаче информации и распоряжений, жесткого единоначалия в управлении полицией и войсками, расквартированными в губернии, большей ответственности в принятии решений. Однако неповоротливая административная машина адаптировалась под новые вызовы крайне медленно и неохотно. Бумажная волокита, отсутствие согласованности в работе гражданских и военных властей приводили к резкому снижению эффективности управления, а нередко даже провоцировали массовые беспорядки. Сбои в работе политического механизма позволяет вскрыть служебная переписка должностных лиц Пензенской губернии относительно разгрома военнослужащими пивной лавки в Пензе и последовавшими вслед за этим столкновениями между населением и нижними чинами 31 августа — 5 сентября 1905 г. Информацию о погроме, произошедшем на Лекарской улице, пензенский полицмейстер сразу же направляет губернатору. В его рапорте сообщалось, что поведение расквартированных в городе военнослужащих и ранее оставляло желать много лучшего: «После девяти часов вечера собираются большой партией на тротуаре, производят пение и пляски, пристают к проходящим женщинам, а по городу ходят большими группами, нападая и громя дома терпимости; заводят на улице ссоры и драки. Проходящие войска также ведут себя неодобрительно, сего числа около 12 часов дня совместно с только что прибывшими на пополнение нижними чинами местного запасного батальона разгромили пивную лавку, причинив убытка свыше 400 руб., и разграбили пиво. Разгром лавки начала группа солдат проходящего эшелона, к ним сейчас же присоединилась громадная толпа необмундированных солдат 213-го батальона, бывших в большом количестве на Хлебной площади».

В целях прекращения беспорядков полиция обратилась к командованию Казачьего Уральского полка № 7, однако казачий патруль численностью всего 10 человек прибыл к месту происшествия только спустя 2,5 часа, несмотря на то что штаб полка находился рядом с местом разгрома, тут же были расквартированы и казаки, замеченные, кстати, в числе любопытствующей публики. Полицмейстер сетовал, что в последнее время его требования «казачьих патрулей в большинстве случаев встречают затруднения и остаются неудовлетворенными», и, несмотря на «почти ежедневные бесчинства солдат, призванных из запаса в местные батальоны, разгром лавок, базара, публичных заведений и буйства на улицах», начальник гарнизона и командиры частей отказывались сотру-

ничать с полицией, ссылаясь на то, что «оставшаяся в городе полусотня несет гарнизонную службу»⁵⁶.

Высшей точкой конфликта становится массовая драка, спровоцированная очередной попыткой грабежа со стороны нижних чинов. Толпа горожан, численность которой, по сведениям полиции, доходила до 2000 человек, «произвела буйство, бросая камнями, кирпичами и палками в нижних чинов и офицеров, которые находились или проходили по площади». Затем последовала попытка штурма казармы, где располагалась одна из частей местного гарнизона. Беспорядки были прекращены только с прибытием казаков: «При первом же натиске казаков и ударов плетью все бросились в разные стороны, остальные улицы очищались без всякого воздействия лишь при приближении казаков»⁵⁷.

В столь щекотливой ситуации Хвостов направляет письмо на имя начальника гарнизона Пензы «с требованием немедленно назначить военные патрули для наблюдения за порядком как днем, так и в особенности ночью, а в распоряжение полицмейстера назначить казаков на усиление полицейского дозора». Следует отметить, что начальник гарнизона генерал-лейтенант В.Я. Лисовский был чрезвычайно возмущен самим фактом вмешательства губернатора в действия военных властей. В своем ответном послании он потребовал от губернатора сатисфакции: «Ввиду этого обвинения Вами военного ведомства прошу сообщить мне: 1) в котором часу начался и когда закончился разгром, 2) кто требовал у войск содействия и сколько именно раз, 3) кому предъявлены были эти требования, 4) в котором часу были они предъявлены. Вообще, когда Вы обвиняете вверенные мне войска, то прошу излагать обвинение не кратко и бездоказательно, а подробно и приводя доказательства». Хвостов тут же затребовал от полицмейстера подробного ответа на поставленные вопросы и в ответном послании Лисовскому очень долго извинялся за свои действия⁵⁸. Характерно, что переписка по этому вопросу длилась две недели и в итоге не привела к желаемому разрешению конфликта: обе стороны остались при своих интересах.

Необходимо подчеркнуть и особую приверженность местных органов управления к письменному изложению просьб и распоряжений, это снимало вопрос о личной ответственности того или иного чиновника, но в экстренных случаях, когда телефонограммы попросту игнорировались, это лишь усугубляло ситуацию.

⁵⁶ Там же Д. 7611. Л. 1, 6–7.

⁵⁷ Там же. Л. 6–6 об.

⁵⁸ Там же. Л. 2, 8, 22.

К слову сказать, если Лисовский и намеревался сохранить свою позицию стороннего наблюдателя, не вмешивающегося без особой нужды в дела гражданских властей, то в этом отношении он мало преуспел: волею случая он стал одной из жертв революционного террора. 2 января 1906 г. начальник 78-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Лисовский был убит выстрелами из револьвера на одной из улиц Пензы. Террористы ошибочно приняли его за начальника Пензенского губернского жандармского управления генерал-майора Прозоровского⁵⁹.

Революция выставила счет действовавшей власти. В этих обстоятельствах губернаторы и вице-губернаторы оказались на переднем крае борьбы с противоправными действиями оппозиции, что потребовало от местной администрации более энергичных и самостоятельных действий без оглядки на МВД. Так, по словам Кошко, распоряжение о необходимости выездов на происшествия он получил сразу же, как вступил в должность самарского вице-губернатора: «И.А. Блок сказал, что каждый день что-либо в губернии случается, требующее выезда на место губернатора, и едва ли часто нам придется вместе находиться в Самаре⁶⁰».

Вскоре он получает распоряжение выехать в с. Кинель-Черкассы (13 тысяч жителей) для расследования очередного инцидента (был избит исправник и забросаны камнями стражники): «Губернатор решил отправить туда роту солдат Эстляндского полка и попросил меня выехать и принять необходимые меры для наведения порядка. Как следует действовать — мне не было дано инструкций, а спросить их самому было неловко»⁶¹. Единственной опорой порядка, по словам Кошко, оставались только армейские подразделения и казаки.

В Кинель-Черкассах вице-губернатор пробыл три дня, два из них ушло на проведение дознания, на следующий день по приказу вице-губернатора был созван сход. Первое испытание «беспорядками» Кошко выдержал с достоинством. Аресты подозреваемых были произведены в ночь перед созывом схода. Их сразу же отправили поездом в Самару. Действия представителя власти демонстрировали появление новых методов управления: выступая на сходе, вице-губернатор говорил об ответственности за антиправительственные выступления и о неотвратимости наказания. В то время как в обыденном сознании появление начальника губернии и представление о вещном выражении его власти обычно связывалось с массовой пор-

⁵⁹ Правительственный вестник. 1906. 24 августа.

⁶⁰ Кошко И.Ф. Указ. соч. С. 49.

⁶¹ Там же. С. 55.

Самара.
Дом губернатора. Начало XX в.

кой: «Пристав доложил мне потом, что среди сходочных усиленно шла молва о том, что будет порка, как это уже было испытано селом в прежние годы при приездах губернских властей»⁶².

Весьма показательно, что наиболее эффективным способом борьбы с «беспорядочным движением» представители местных властей безоговорочно называли использование казаков: «В течение двухлетнего прохождения войск через Пензу многократно приходилось иметь дело с бушующей толпой в несколько тысяч человек, и каждый раз толпа разбегалась от двух-трех десятков верховых нагайками»⁶³.

Практика командировок губернатора по вверенной ему губернии и ранее была делом довольно обыденным. В «мирное» время путешествие губернатора по городам и весям являлось необходимым условием персонификации власти и должно было способствовать укреплению имиджа губернатора и его наместнического статуса. О своих перемещениях по губернии губернаторы докладывали в министерство внутренних дел, а поездки могли длиться до месяца и более⁶⁴.

В начале XX в. ситуация изменилась: губернаторы лицом к лицу столкнулись с феноменом аграрного движения, что по большому счету и спровоцировало усиление полицейских функций губернского

⁶² Там же. С. 62–63.

⁶³ ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7611. Л. 6.

⁶⁴ Богатырёва О.Н. Указ. соч. С. 167.

управления. Особую остроту моменту добавляли массовость (численность населения в некоторых селах достигала 10 000 и более человек) и коллективный характер («всем миром») выступлений, опосредованный укорененностью общинных традиций. Первые признаки грядущего социального взрыва появились в 1902 г., и, что показательно, поводом к вспышкам массовой агрессии становятся некомпетентность и просчеты представителей власти на местах. Весьма характерным примером «беспорядочного» движения выступает крестьянское восстание в с. Хованщине Сердобского уезда Саратовской губернии. Отношения шеститысячного общества крестьян Хованщины с соседним помещиком Беклемишевым были крайне натянутыми на протяжении уже довольно длительного времени, однако непосредственно беспорядки спровоцировали действия станового пристава, который 29 июня 1902 г. произвел обыск в доме одного из жителей села и изъяс «запертый сундучок» с документами, якобы подтверждавшими права крестьянского общества на помещичьи земли. По сути дела речь шла о крупной афере и злоупотреблении доверием крестьян, с содержанием документов крестьяне знакомы не были, но искренне верили в свою правду. В результате вспышки насилия в Хованщине были избиты крестьянами становой пристав, волостной старшина, урядник, сотник и объездчик землевладельца Беклемишева, что и вызвало необходимость присутствия губернатора и войск в эпицентре беспорядков⁶⁵.

Из донесения губернатора Энгельгардта министру внутренних дел следует, что в Хованщину незамедлительно были отправлены две роты солдат. Сам губернатор в сопровождении и.д. прокурора Саратовской судебной палаты, следователя по особо важным делам и начальника Саратовского жандармского управления выехал к месту происшествия первым же поездом.

В целях выявления виновных в селе был созван сход, однако крестьяне отказались сотрудничать со следствием, мотивируя свое поведение решением общества о коллективной ответственности за содеянное. При натиске толпы в несколько сот человек применить обычные процессуальные нормы не представлялось возможным. По приказу губернатора основные зачинщики бунта в количестве 18 человек были окружены солдатами. Арестованных предполагалось отправить в с. Беково и далее в Саратов. Однако, как только «рота тронулась, вся толпа в несколько сот человек с бабами и детьми впереди бросилась на роту с угрозами и криками: «Все идем, пускай

⁶⁵ ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7334. Л. 5 об. — 10.

всех берут, не дадим их уводить, а в Бекове нас поддержат бековцы и на-рышкинцы»⁶⁶.

Всерьез опасаясь, что крестьяне спровоцируют солдат на применение оружия, Энгельгардт приказал разместить задержанных в здании, расположенном рядом с волостным правлением. По его словам, прибегнуть к наказанию розгами при столь возбужденном состоянии толпы, которая с кулаками и руганью нападала на солдат, было нецелесообразным: «Не помня себя, толпа могла броситься на солдат с палками и камнями, и если бы пришлось защищаться и отстреливаться, то несомненно оказалась бы

Саратов.
Дом губернатора. Начало XX в.

сотня убитых, большей частью женщин и детей, если же идти напролом и к толпе присоединились бы крестьяне многолюдных сел Бекова и Нарышкина, то убитых могло бы оказаться несколько сот человек». 4 июля прибыли казаки, и в считанные минуты толпа, не покидавшая площадь перед волостным правлением в течение нескольких дней, была рассеяна.

По сути дела, губернатор оправдывался перед МВД за проявленную нерешительность и «гуманность» по отношению к крестьянам: «...Выяснилось преимущество конных казаков перед пехотою. Если бы я не выждал времени и не вызвал казаков, отряд которых благодаря разрешению вашего высокопревосходительства был мною только что сформирован, я убежден, что беспорядок в с. Хованшине пришлось бы подавить ценою многих убитых и притом по преимуществу женщин, которых крестьяне постоянно выдвигали вперед...» Оказалось, что когда казаки разгоняли толпу, ими было

⁶⁶ Там же. Л. 10 об.

нанесено нагайками ударов более 250 лицам без вреда для здоровья. Подсчет сделан «по обнаруженным знакам». При наведении порядка казакам было запрещено трогать детей, а женщинам, «в случае крайности», наносить удары лишь сзади⁶⁷.

И все-таки пока подобные инциденты были скорее исключением, правилом они станут несколько позднее, в 1905–1906 гг. В феврале 1903 г. Энгельгардта на губернаторском посту сменил Столыпин. Будучи деятельным по своей природе человеком, Столыпин особое внимание уделял личному контролю за состоянием вверенной ему губернии. В ходе командировки в Царицынский уезд в июне 1904 г. он напишет жене, как ждали губернатора: «Народ местами грубоватый (там, где хохлы), а местами встречают на коленях»; «...Ждали тебя как царя»; «Ждали ведь они 25 лет, и я решил тут же на месте распорядиться, чтобы они знали, что могут доискаться правды»⁶⁸.

С 1904 г. он практически непрерывно находится в командировках по уездам губернии: 8–10 мая — Балашовский уезд, 19–20 мая — Аткарский, 29 мая — вновь Аткарский уезд, где с новой силой вспыхнули беспорядки, с 7 по 16 июня — Царицынский уезд, 7–14 июля — Саратовский и Вольский уезды, 22–24 сентября — Балашовский, Камышинский и Аткарский уезды. Интенсивность командировок резко возрастает в 1905 г. По неполным данным, только летом и осенью этого года Столыпин десять раз выезжал в пылающие уезды Саратовской губернии⁶⁹.

После гибели В.К. Плеве новый министр внутренних дел П.Д. Святополк-Мирский приостановил действие «Положения об усиленной охране», чем поставил губернаторов беспокойных губерний в крайне сложное положение. В условиях роста оппозиционных настроений и развернувшейся банкетной кампании Столыпин неоднократно обращался в МВД с просьбой продлить действия «Положения» и предоставить ему дополнительные полномочия для борьбы с революцией.

Персонификацию личной ответственности за все происходившее в губернии исследователи жизненного пути Столыпина усматривают в гибкой тактике применения методов убеждения и репрессий, в содержании обращений губернатора, регулярно появлявшихся на страницах «Губернских ведомостей». В частности, в своем объявлении от 6 марта 1905 г. он

⁶⁷ Там же. Л. 10 об. — 12.

⁶⁸ Цит. по: Столыпин. Переписка. М., 2004. Письма О.Б. Столыпину от 10 июня и 15 июня 1904 г.

⁶⁹ Кабытов П.С. П. А. Столыпин: Последний реформатор Российской империи. М., 2007. С. 113–115.

П.А. Столыпин.
Саратовский
губернатор
в 1903-1906 гг.

пообещал защитить земских служащих от революционно настроенных крестьян⁷⁰.

Столыпин становится политиком, интуитивно ощущавшим возможности управления деструктивными процессами: «Везде удалось выяснить зачинщиков и восстановить порядок: я просто потерял голос от внушений сходам, мои молодцы казаки сразу внушают известный трепет. Слава Богу, удалось арестами, без порки». В это время в губернии находилось: 44 роты, 2 эскадрона, 10 сотен, 2 пулеметных роты и батарея. Войска были размещены в стратегически важных пунктах и экономиях крупных латифундистов⁷¹.

Широкую известность получил так называемый Балашовский инцидент 21 июля 1905 г., когда Столыпину пришлось лично выводить из городской гостиницы земских врачей, которых ожидал самосуд разъяренной толпы. Пострадал и сам губернатор. 24 июля в «Саратовских губернских ведомостях» появилось специальное объявление: «Какие бы поводы ни выставлялись для такого самосуда, он является беззаконием и диким произволом, которого я не потерплю. Против виновных будет возбуждено преследование. В случае повторения подобного насилия оно будет прекращено военной силой».

14 октября Саратовская губерния была объявлена на положении «усиленной охраны». Войска и полиция заняли вокзал, оцепили места

⁷⁰ Там же. С. 121.

⁷¹ Там же. С. 125, 128.

возможного проведения митингов. Но ситуация продолжала ухудшаться. Катализатором роста радикальных настроений в городе становится манифест 17 октября, информацию о котором в городе получили на следующий день. Следует отметить, что еще до трагических событий, 15 октября в одном из своих писем к жене Столыпин отмечал: «В Саратове магазины заперты, на улицах патрули... Я не скрываю от себя трудности положения теперь и в Саратове... Теперь нужна большая осторожность и надо очень считаться с общественным настроением — в начале революций надо, наравне с твердостью, уметь вселить доверие всех слоев, не перешедших еще открыто на сторону противников правительства. Мне это тоже будет трудно после того, что меня так оболгали в Балашовском деле, но надеюсь на Божью помощь»⁷².

19 октября перепалка между митингующими рабочими и монархистами завершилась массовой дракой и перестрелкой. Привычные меры противодействия беспорядкам к успеху не привели. На Театральную площадь Саратова было стянуто до четырех рот солдат и казаков. Толпу удалось рассредоточить, но к вечеру в разных частях города начинаются погромы еврейских магазинов, была подожжена синагога. Привлечение дополнительных сил казаков, пехоты и полиции только активизировало погромы в других частях города. Наряд войск и полиции находился на улицах всю ночь до прихода новых сил, но это мало способствовало прекращению погромной вакханалии. Губернское руководство пребывало в растерянности. По мнению В.В. Хасина, губернские власти пытались манипулировать погромными настроениями в целях противодействия революции. Он приводит ряд свидетельств как бездействия властей, так и косвенного сочувствия погромщикам⁷³. Но вряд ли приведенные аргументы отражают преднамеренную стратегию провоцирования погромов. К тому же подобные настроения разделял и сам Николай II, носивший в петлице знак Союза русского народа. Нелишним будет напомнить, что практически все обвиняемые, проходившие по делу о саратовском погроме (а таковых насчитывалось всего около 20–30 человек), вскоре были помилованы императором.

Всего за 19–20 октября, по данным полиции, в разных местах города было убито 3 человека и 7 умерло в больнице (причем среди евреев погибших не оказалось), разгромлено 168 магазинов и квартир, ранено 124 че-

⁷² Цит. по: Столыпин. Переписка. М., 2004. Письма О. Б. Столыпину. 15 октября 1905 г.

⁷³ Хасин В.В. Погром 1905 года в Саратове: региональный аспект проблемы национально-государственного развития Российской империи. // Режим доступа: www.sgu.ru/files/nodes/10087/08.pdf Дата обращения: 16.01.13.

ловека. Ущерб, причиненный еврейской общине, составил около 1 миллиона рублей⁷⁴. С вечера 20 октября был установлен ежедневный наряд войсковых частей под руководством армейских офицеров, были приняты меры противодействия мародерству. А 24 октября, выступая на совместном заседании гласных губернского земства и городской думы, Столыпин заявил о необходимости установления взаимного доверия между обществом и администрацией и вместе с тем введения жестких санкций против участников противоправных действий, вплоть до применения огнестрельного оружия⁷⁵.

Столыпин мог назвать себя спасителем города, но, опасаясь нового погрома, он не имел возможности покинуть Саратов и принять непосредственное участие в подавлении русского бунта. Строки личной переписки губернатора все больше напоминают фронтовой дневник: «Пугачевщина растет — всё жгут, уничтожают, а теперь уже и убивают. Во главе шаек лица, переодетые в мундиры с орденами. Войск совсем мало, и я их так мучаю, что они скоро все слягут. Всю ночь говорим по аппарату телеграфному с разными станциями и рассылаем пулеметы. Сегодня послал в Ртищево 2 пушки. Слава Богу, охраняем еще железнодорожный путь». От природы наделенный стойкостью и твердостью характера, Столыпин тем не менее испытывал острое чувство собственного бессилия, бессилия власти остановить волну насилия и уповал лишь на время и локализацию революционного взрыва: «Быть может, это местное явление — всё сожгут, и пройдет»⁷⁶.

Стремительное распространение погромной эпидемии после событий 19–21 октября является серьезным аргументом в пользу концепции кризиса и едва ли не краха имперской системы местного управления. Слухи о саратовском погроме послужили мощнейшим катализатором для тиражирования радикальных настроений в соседних регионах, и города — центры средоточия губернаторской власти оказались в положении осажденных крепостей. Военной силы для подавления катастрофически не хватало. Да и что можно было противопоставить новой пугачевщине, если численность погромщиков во время вспышек массовой социальной агрессии достигала тысячи человек и более, а волна погромов накрывала сразу несколько уездов. Столыпин неоднократно обращался к командующему Казанским военным округом с просьбами направить в Саратовскую

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Саратовский листок. 1905. 26 октября.

⁷⁶ Цит. по: Столыпин. Переписка. М., 2004. Письмо О. Б. Столыпиной. 30 октября 1905 г.

губернию дополнительные контингенты войск⁷⁷. Помимо всего прочего, организация переброски войск была затруднена по техническим причинам и вследствие бюрократических проволочек. Так, ожидаемый как манна небесная батальон из Пензы прибыл в Саратовскую губернию лишь спустя неделю после погрома.

Для расследования возникших в губернии беспорядков и принятия немедленных мер для прекращения их в регион был командирован генерал-лейтенант В.В. Сахаров, назначенный командующим всеми войсками и полицией на территории Саратовской и Пензенской губерний⁷⁸. Появление бывшего военного министра в качестве главного организатора борьбы с революцией можно было расценить как проявление недоверия со стороны имперской администрации. Кроме того, его приезд обернулся дополнительной головной болью для губернаторов. Теперь в служебном распорядке дня, дела в котором были и так расписаны на 12–18 часов, нужно было отыскать время и силы для организации размещения, сопровождения и охраны высокопоставленного чиновника из Петербурга. Так, 11 ноября 1905 г. Хвостов обращается к начальнику станции Пенза с требованием подготовить экстренный поезд для поездки Сахарова в сопровождении губернатора по местам беспорядков. Тогда же была отправлена телеграмма исправнику в с. Головинщина Нижне-Ломовского уезда: «12 ноября рано утром будем [в] Воейково проездом [в] Большие Верхи Нарышкина. Предписываю немедленно озаботиться заготовкой [в] Воейкове двух хороших экипажей. В Каменке, Блиновке, Верхих созовите сходы. Войска передайте приставу, сами встретьте [в] Воейкове. Дайте знать предводителю Бибикову, земскому начальнику Ягодынскому»⁷⁹.

В своей практической деятельности губернаторы оказались подотчетны чрезвычайному уполномоченному императора и вынуждены были отчитываться еще и перед ним о положении дел в уездах губернии, испрашивать разрешения на применение войск в случае необходимости. В отправленной 5 ноября 1905 г. на имя Сахарова телеграмме пензенский губернатор Хвостов отмечал: «Выслать [из] Пензы нет возможности, так как остающихся едва достаточно охраны города. Прошу Ваше Высокопревосходительство разрешить имеющие прибыть из Казани две роты пехоты, полусотню уральцев немедленно выслать на

⁷⁷ Кабытов П.С. Указ. соч. С. 121.

⁷⁸ ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7619. Л. 1.

⁷⁹ Там же. Л. 13–14.

К.С. Старынкевич.
Симбирский
губернатор
в 1906 г.

места и, кроме того, приказать экстренно выслать [в] Пензу хотя бы два батальона»⁸⁰.

Двойственность ситуации несомненно вызывала натянутость и напряженность в отношениях посланника императора и губернаторов, что проявилось и в служебной переписке. В своем послании на имя пензенского губернатора от 10 ноября 1905 г. Сахаров попытался развеять сомнения и перераспределить ответственность: «Уведомляю Ваше Превосходительство, что к пользованию Вами в пределах вверенной Вам губернии всеми правами и обязанностями, указанными в «Положении об усиленной охране», с моей стороны препятствий не встречается»⁸¹.

22 ноября 1905 г. Сахаров погиб от рук террористов: он был застрелен в Саратове в губернаторском доме одной из участниц боевой организации партии эсеров А.А. Биценко, пришедшей к генералу на прием. На следующий день командующим всеми войсками и полицией на территории двух мятежных губерний был назначен генерал-адъютант К.К. Максимович. Меры по охране нового посланника «от могущего быть на него покушения» были многократно усилены. Тем самым результативность укрепления губернского управления высокопоставленным чиновником военного ведомства, впрочем, как и совместных поездок губернаторов и генералов по вверенным губерниям, представляется весьма сомнительной. В конце февраля 1906 г. в связи с постепенным снижением активности погромных

⁸⁰ Там же. Л. 6.

⁸¹ Там же. Л. 11.

выступлений полномочия Максимовича по принятию мер к прекращению возникших беспорядков были отменены царем⁸².

Таким образом, революция до крайней степени обнажила скрытые язвы архаичной политической системы. Сама сущность имперской системы управления при проекции на местный уровень порождала представления о тесной, почти родственной связи императора и губернаторского корпуса. Однако эти иллюзии разбивались о бюрократическую систему, с годами все более отвердевавшую. При этих обстоятельствах идее о возвращении наместнического статуса губернаторов, свойственного екатерининской эпохе, сформулированной в свое время Н.М. Карамзиным⁸³, воплотиться было не суждено.

Мелочная опека и регламентация деятельности губернаторов со стороны МВД, жесткая зависимость карьеры и nepотизм, синкретизм и параллелизм функциональных обязанностей представителей местной администрации, отсутствие возможности формирования собственной команды по-прежнему оставались характерными чертами регионального управления в России.

⁸² Там же. Д. 7620. Л. 1–2, 37.

⁸³ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 99–100.

Ключевые слова:

местное управление в России, губернаторский корпус, революция 1905–1907 гг., крестьянский террор

Olga A. Sukhova

GOVERNORS OF POVOLZHYE (VOLGA REGION) AND THE URALS

at the beginning of the 20th century

The article touches upon the problem of evolution of the local administrative subdivisions in the Russian Empire in the late imperial period. Analyzing the historiography of the problem, O.A. Suhova outlines the most important conclusions. These include disintegration and increased administrative miscommunication within the gubernatorial offices, and the transformation of the governors' position from a viceroyalty to an ordinary, though socially important official of the Ministry of Internal Affairs, primarily with executive police powers to control and monitor.

Among the most important factors that affected the status and the authority of the local governor were the following: cognitive dissonance between the current understanding of public service and the former idealistic image of governance, the formalization of the relationships between the Emperor and his local representatives; significant growth of the document flow; over-departmentalization of gubernatorial offices, lack of control and coordination within the whole system of administrative subdivisions; and overall syncretism and parallelism of the public authorities' actions. The nature of the imperial system of administration on the local scale created the notion of a close connection or even affinity between the emperor and the governors. However those illusions were crushed by stiffening bureaucracy. Home office management and regulation of all governor's actions, growth of an absolute correlation between nepotism and career growth, and little opportunity to create one's own team — became characteristics of local government which seemed more and more rudimentary in comparison with the fast moving social and economic modernization.

According to the author the First Russian revolution at the beginning of the XX century challenged the efficiency of traditional governmental systems and the structural strength of gubernatorial subdivisions. The revolution aggravated the hidden contradictions within the archaic political system. The long-established gubernatorial subdivision model of the empire showed low efficiency in suppressing the demolition attitudes and riot control. At the same time extreme circumstances facilitated the generation of a new type of governor — a qualified professional, with an active civil position, who was ready to communicate with the liberal community, and to take full responsibility for his decisions.

Сухова Ольга Александровна

доктор исторических наук,
Пензенский государственный университет

С.В. Любичанковский

УРАЛЬСКОЕ ГУБЕРНСКОЕ ЧИНОВНИЧЕСТВО

в годы правления Николая II*

а последние десятилетия практически все стороны жизни позднеимперской России стали подвергаться переоценке в исторической науке. Пристального внимания заслуживает и роль местной бюрократии в эпоху обострения социальной напряженности времени правления Николая II.

Ситуация конфликта, как призма, позволяет отчетливее проявиться многим скрытым от глаз внешнего наблюдателя процессам, происходящим в обществе этого периода. Реакция власти на экстремальные ситуации рубежа веков, ее поведение в условиях острых социальных конфликтов представляет большой интерес для исторического изучения. Насколько эффективны были действия местных властей по смягчению острых социальных конфликтов, коими была богата позднеимперская эпоха (голодные годы, революция и т.д.)? Постановка этого вопроса вполне корректна, и поиск ответа на него действительно является важным для развития науки.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Оренбургский край — трансграничный и поликультурный регион Российской империи»: научный (академический) сборник документов по истории Оренбургского края в дореволюционный период», проект № 12-31-01281/а2

Эта тематика уже прочно попала в научную разработку, и историками был сделан целый ряд интересных наблюдений и выводов. Хотя в последние два десятилетия в отечественной исторической науке начинает формироваться тенденция рассматривать взаимоотношения власти и общества как достаточно конструктивные. Однако у такого подхода — оценивать эффективность губернской администрации по ее умению смягчать острые социальные конфликты — есть и обратная сторона: данный подход в принципе не позволяет ответить на вопрос о причинах выявленной неэффективности. В самом деле, в условиях любой чрезвычайной ситуации (например, революции) местные органы управления попадают под усиленный контроль центра, который во многом задает рамки поведения, его установки становятся определяющими. Усиливаются и другие внешние по отношению к губернской администрации факторы влияния на ее поведение: политические силы, ангажированная пресса, противоречия в высшей бюрократической элите и т.д. и т.п. В результате становится очень сложно определить, связан ли тот или иной уровень эффективности деятельности губернской власти с ее внутренними характеристиками, либо ее поведение было обусловлено исполнительной дисциплиной? При этом нужно еще иметь в виду, что уровень подчинения внешнему влиянию зависит прежде всего от внутреннего состояния самой власти (от того, что обыватель называет «силой» власти).

Сложившаяся сегодня ситуация характеризуется явным «перекосом» исследовательского внимания в сторону изучения власти как одной из обязательных сторон конфликта, обычно противостоящей обществу. На наш взгляд, для адекватного понимания позднеимперской реальности существует методологическая необходимость дополнить эту картину изучением и другой, не менее важной ипостаси власти: не как репрессивного аппарата — обязательной стороны конфликта, а как социальной группы, в силу своей профессиональной специфики всегда испытывающей на себе возрастающую в обществе напряженность (то есть являющейся обязательным участником конфликта) и реагирующей на нее исходя из своих корпоративных интересов. Упрощенно говоря, предлагается рассматривать не только то, как власть на местах влияла на развитие конфликта, но и то, как социальный конфликт влиял на развитие власти на местах. Такой подход способен, во-первых, выявить внутренние потенции развития регионального аппарата управления и тем самым помочь понять причины тех или иных действий государственного аппарата по отношению к разворачивающемуся конфликту; во-вторых, выяснить новые причины той или иной динамики социального конфликта за счет изучения деятельности его обязательного участника.

Многие ведущие дореволюционные отечественные государственноведы обоснованно считали, что чиновничество можно и нужно рассматривать как самостоятельную и автономную социальную группу со своими специфическими интересами, отличными от интересов тех, кто уполномочил ее осуществлять управление¹. Вслед за ними исходим из того, что государственные служащие могут и должны рассматриваться как своеобразная социальная корпорация.

Рубеж XIX—XX вв. стал для Российской империи временем активного становления институтов гражданского общества. Этот процесс затронул и бюрократию, которая, как и любая длительно существующая профессиональная группа, уже обладала определенным уровнем внутреннего единства. Дальнейшая корпоративная самоорганизация (процесс осознания своей «особости» и сплочения для отстаивания собственных групповых интересов) могла идти двумя основными способами — путем развития нелегальных и легальных механизмов отстаивания своих корпоративных интересов.

Современная историография проблемы кризиса власти в годы правления Николая II

В настоящее время в отечественной исторической науке наметились три магистральных пути реализации тенденции усиления внимания к состоянию власти в позднеимперской России, которая проявилась еще в советский период.

Первое направление развивается непосредственно в русле классической для отечественной науки парадигмы — подвергнуть «чиновничий аппарат» специальному микроанализу. При этом сегодня аппарат государственного управления рассматривается уже как многоэлементная система и изучается по частям. В первую очередь подвергнут анализу высший уровень государственного аппарата, высшая царская бюрократия и ее отношения с придворной, военной, политической и общественной элитами накануне Февральской революции.

В современной историографии данного направления становится востребованным анализ функционирования института губернаторства, нарабатываются разные подходы к его изучению: социокультурный, управленческо-региональный, структурно-функциональный и др.² Одним из резуль-

¹ См., например: Ивановский В.В. Бюрократия как самостоятельный общественный класс // Русская мысль. 1903. Кн. 7. С. 1—23.

² Лысенко Л.М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII — начало XX в.). М., 2001; Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX — начала XX в. Омск, 2004; Западные окраины Российской империи. М., 2006; и др.

Губернатор (в 1905–1909 гг.) С.Д. Горчаков (третий слева)
и группа высших чиновников Вятской губернии.

татов этого процесса стало понимание того, что губернаторская власть в конце XIX — начале XX в. сама являлась сложной системой, для которой, наряду с единством, были характерны и внутренние противоречия, существенным образом оказывавшие влияние на ее развитие. Наука вплотную подошла к их изучению. Однако вопрос о наличии связи между состоянием местного аппарата управления и общим кризисом власти в России поставлен не был.

Прослеживая вектор развития «классического» направления современной историографии кризиса власти в предреволюционной России, можно сделать ряд выводов³.

Во-первых, приверженцы этого направления едины в своем исследовательском внимании к отдельным звеньям аппарата государственного управления Российской империи, реализуя микроисторический подход по отношению к конкретным группам учреждений и чиновников. Это обеспечивает высокую степень глубины анализа.

Во-вторых, среди приверженцев данного направления доминирует подход, согласно которому истоки революционных событий 1917 г. лежат в рамках периода участия Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917 гг.). Фактически утверждается, что война не просто «обострила» революционную ситуацию в стране, но и вызвала ее, в том числе и кризис власти.

³ Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917). М., 2004; Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004.

В-третьих, основной источниковой базой этих работ стали материалы высших и центральных государственных учреждений. Вывод о всеобъемлющем кризисе власти делается на основе именно их изучения. И это несмотря на то, что существует массив литературы по истории отдельных составных частей местного звена аппарата управления позднеимперской России.

Необходимость привлечения указанных наработок при изучении проблемы кризиса власти в предреволюционный период сегодня как никогда актуальна. Только после решения этой задачи станет возможным: 1) корректно оценить, насколько всеобъемлющим был кризис власти в названный период; 2) ответить на вопрос о том, когда именно кризис власти в Российской империи проявил себя, поскольку он мог постепенно «захватывать» разные уровни управления. Нет ничего невозможного в ситуации, когда в высшем звене государственного аппарата кризис возник в годы Первой мировой войны, а в местном — раньше или, возможно, позже. Знание об этом принципиально важно для определения времени возникновения и вектора развития кризиса власти (с верхних этажей на нижние или наоборот) в позднеимперской России. Без решения этой задачи, для чего сегодня есть все предпосылки, данное научное направление не сможет перейти на качественно иной (более высокий) уровень понимания проблемы кризиса власти в годы правления Николая II.

Второй магистральный путь реализации тенденции усиления внимания к состоянию власти в позднеимперской России связан в первую очередь с концепцией «системного кризиса Российской империи». Этот подход предполагает изучение государственных институтов через выявление отношения к ним населения. В рамках иллюстрации этого отношения, как правило, широко используются данные о неприятии российским обществом деятельности Г. Распутина, поведения императрицы Александры Федоровны, резко критическом отношении к «министерской чехарде». Однако следует признать, что общей картины отношения населения позднеимперской России к власти в настоящее время еще не создано, существующая — весьма фрагментарна.

Итак, сущность второго научного направления заключается в признании того, что субъективные ощущения населения не были напрямую связаны с реальным функционированием вертикали власти и под влиянием внешних раздражителей самого разнообразного характера могли неадекватно отражать объективную картину состояния позднеимперского аппарата управления. Причем истоки нарастания отрицательного отношения населения к власти авторы концепции не связывают только лишь с периодом Первой мировой войны. В годы этой войны Россия лишь перешагнула из кризиса

в катастрофу. На наш взгляд, в рамках представленной парадигмы сегодня уже нельзя ограничиться только лишь констатацией недовольства российских подданных частой сменой министров и губернаторов в военные годы, вмешательством «камарильи» в принятие ответственных государственных решений и т.п. Сама логика подхода заставляет перенести основной упор на изучение отношения населения к местной власти, поскольку большинство жителей России в тех конкретно-исторических условиях свое мнение о государственном аппарате формировало исключительно на основе личного общения с его представителями на местах (полицейскими урядниками, земскими начальниками и др.). Было бы странно, если бы отношение населения к власти определялось «министерской чехардой» в большей степени, чем загниванием местного аппарата, с которым это население непосредственно соприкасалось. Изучение данного вопроса является необходимым, хотя и весьма сложным делом. Дело в том, что традиционных источников (например, эпистолярных, тем более перлюстрированных) в этой сфере практически нет, и требуется поиск новых, нетрадиционных источников и методов их анализа (например, по изучению массовых слухов). На наш взгляд, пока не произойдет переориентации исследовательского внимания с проблемы отношения «образованного общества» к политике верховной власти на проблему отношения рядового большинства населения к конкретной деятельности местных властей, приверженцы концепции системного кризиса Российской империи просто не смогут двигаться дальше.

Наконец, третий магистральный путь реализации тенденции усиления внимания к состоянию власти в предреволюционной России представлен таким направлением, как «социальная история». Так, по мнению Б.Н. Миронова, кризиса власти (как, впрочем, и кризиса самодержавия вообще) в годы правления Николая II просто не было. В рамках такого подхода революционный взрыв объясняется субъективными ощущениями, которые противоречили объективному состоянию вещей — улучшению уровня жизни преобладающего большинства населения России⁴. Данный подход, с одной стороны, противостоит двум другим, обозначенным выше направлениям в непризнании наличия кризиса власти в Российской империи в начале XX в., но, с другой стороны, имеет общие грани с каждой из альтернативных концепций: Миронов признает в разворачивании революционного кризиса решающую роль субъективных ощущений населения; сосредоточивается на изучении объективных параметров функционирования

⁴ *Миронов Б.* Униженные и оскорбленные: «Кризис самодержавия» — миф, придуманный большевиками // *Родина*. 2006. № 1. С. 12–17.

аппарата государственного управления России, дабы показать несоответствие эмоционального восприятия людей и реальной действительности.

Подводя итоги, следует отметить, что для современной исторической науки характерно усиление исследовательского внимания к проблеме кризиса власти как одной из составляющих общего кризиса позднеимперской России. Свои истоки эта тенденция имела в поздней советской историографии. В условиях утвердившегося в отечественном научном сообществе методологического плюрализма последующее изучение названной проблемы пошло тремя путями: изучение качества работы конкретных звеньев государственного механизма путем микроисторического синтеза («классическое» направление); изучение качества работы государственных институтов через выявление отношения к ним населения (концепция «системного кризиса Российской империи»); изучение качества работы государственного аппарата путем анализа уровня должностных преступлений (в рамках «социально-исторической» концепции).

Первые два из вышеназванных научных направлений признают наличие кризиса власти в позднеимперской России, хотя расходятся в определении времени его возникновения; последнее направление отрицает само наличие такого кризиса.

Важно, что, несмотря на принципиальные различия, всех их сегодня объединяет общая задача — необходимость изучения местного звена аппарата государственного управления николаевской России. Логика развития *каждого* из выделенных научных направлений буквально требует обратить усиленное внимание именно на этот объект (созданными наработками лимитируются не подходы, а именно объект исследования). Уникальность современной историографической ситуации проблемы кризиса власти в поздней Российской империи заключается в том, что, о каком бы подходе к изучению вопроса ни шла речь, *только через изучение регионального материала возможно выйти на новые выводы в общероссийском масштабе*. Таким образом, именно анализ состояния местного управления является ближайшей задачей современной исторической науки. И решение этой задачи недавно началось⁵. Внимание исследователей было сконцентрировано в том числе и на проблеме проявлений кризиса власти в местном управлении России времен Николая II.

Таким образом, современная наука вплотную подошла к необходимости специального изучения губернского аппарата управления России в годы правления Николая II. Однако, несмотря на целый ряд исследований

⁵ Подробнее см.: Местное управление в пореформенной России: механизмы власти и их эффективность. Екатеринбург; Ижевск, 2010; Региональное управление и проблема эффективности власти в России (XVIII — начало XXI в.): сборник статей. Оренбург, 2012.

применительно к губернскому управлению поздней Российской империи, анализирующих стратегию и тактику власти в Уральском регионе⁶, необходим анализ тенденции развития уральского губернского чиновничества в указанный период. В то время в Уральский регион включали четыре губернии — Вятскую, Пермскую, Уфимскую и Оренбургскую. Европейская территория империи, несмотря на то что управлялась по единому стандарту, все же распадалась на несколько социокультурно разных макрорегионов, среди которых свое место занимал Урал. Изучение сразу четырех губерний позволяет понять, что из выявленных черт развития было местной особенностью, а что — общей тенденцией для всего огромного региона.

«Темная сторона» самоорганизации уральского чиновничества в конце XIX — начале XX в.

Классическим для чиновников, апробированным веками практики нелегальным механизмом достижения своих личных целей путем использования служебного положения являлась коррупция. Могла ли она стать основой группового сплочения? Это было вполне возможно при условии возникновения таких ее форм, которые «обслуживали» интересы большинства членов группы, а не только ее отдельных представителей.

Министерством юстиции Российской империи в исследуемый период велся статистический учет тех служебных преступлений, которые регистрировались судами⁷. Однако, взятые сами по себе, эти данные можно интерпретировать по-разному. Например, рост числа осужденных за должностные преступления лиц можно с равной степенью вероятности

⁶ Хафизова Р.И. Государственное управление в Уфимской губернии во второй половине XIX — начале XX в. Дисс. ... канд. ист. наук. Уфа, 1999; Ахтямов К.Ш. Органы административно-территориального управления на Южном Урале в 1881–1917 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2000; Трушков С.А. Администрация и полиция Вятской губернии второй половины XIX — начала XX в. Киров, 2003; Любичанковский С.В. Губернское правление в системе губернаторской власти в последнее десятилетие существования Российской империи (на материалах Урала). Екатеринбург, 2003; Богатырева О.Н. Эволюция системы местного управления в Вятской и Пермской губерниях (1861 — февраль 1917). Екатеринбург, 2004; Сичинский Е.П. Полиция Южного Урала в период кризиса самодержавия. М., 2005; и др.

⁷ Свод статистических сведений по делам уголовным, произведенным в [1892–1907] году в судебных учреждениях, действующих на основании уставов императора Александра II. СПб., [1896–1910]; Свод статистических сведений о подсудимых, оправданных и осужденных по приговорам судебных мест, судебно-мировых установлений и учреждений, образованных по законоположениям 12 июля 1889 года, за [1908–1913] год. СПб.; Пг., [1911–1916].

объяснить и усилением дисфункциональности аппарата управления, и улучшением качества работы судов, и расширением сферы действия законодательства, регулирующего данную область общественной жизни, и др. Каждая из интерпретаций будет вполне правомерной, хотя несложно заметить, что по своему содержанию они могут быть не просто различными, но и прямо противоположны друг другу. По нашим подсчетам, можно выделить не менее восьми сопутствующих факторов⁸, учет которых существенно важен для обоснованной интерпретации статистических данных.

Вместе с тем в современной научной литературе существует и другой подход, согласно которому уровень должностных преступлений, зафиксированный в министерской статистике, прямо пропорционален реальному уровню должностных преступлений и, следовательно, репрезентирует его. По Миронову, «показателем качества работы бюрократического аппарата может служить число случаев нарушения закона и инструкций со стороны чиновников. Естественно, истинное число должностных нарушений не может быть известно, но представление об этом дают данные о числе... государственных служащих, которые привлекались к уголовной ответственности за должностные преступления разными судебными учреждениями»⁹; на этой основе был сделан и общий вывод о том, что в конце XIX — начале XX в. доля должностных преступлений оставалась низкой и не имела тенденции к росту. Писатели и публицисты, пишет Миронов, «намеренно преувеличивали недостатки русской бюрократии», историки же «пошли на поводу» у них¹⁰.

Обратимся к официальным сведениям. С 1892 по 1902 г. количество осужденных за служебные преступления как в абсолютном, так и в относительном выражении было практически стабильным (рост в пределах 0,5%). В 1903–1907 гг. произошло падение показателей, также незначительное, в пределах 1,5%. Но на последнем этапе позднеимперского периода, в 1908–1912 гг., произошел серьезный рост соответствующих показателей: в абсолютных цифрах — более чем в 2,3 раза, в относительных — по-

⁸ Степень соответствия представленных данных базовым источникам; схема представления статистических данных; степень изменения методики получения статистических данных; степень изменения официальной номенклатуры служебных преступлений; степень изменения порядка производства дел о служебных преступлениях; степень объективности следствия и суда по делам о служебных преступлениях; общая численность преступлений; численность чиновничества.

⁹ *Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): В 2 т. 2-е изд., испр. Т. 2. СПб., 2000. С. 170.*

¹⁰ Там же. С. 171, 173.

чти в 1,5 раза. Среднестатистические показатели таковы: в 1892–1896 гг. среднегодовое число должностных преступлений составило 2732 (6,88% от общего количества преступлений), в 1898–1902 гг. — 3712,4 (6,92%), в 1903–1907 гг. — 3112,4 (5,52%), в 1908–1912 гг. — 7244,2 (8,14%). Причем показатель 1912 г. был таков, что по своему объему составил третье место среди других видов преступлений¹¹. Фактически за исследуемый период количество осужденных за служебные преступления выросло настолько, что составило почти десятую часть всех лиц, понесших наказание в судеб-

Оренбургский
окружной суд.
Конец XIX века.

ном порядке (в 1911 г. — 9,6%). Статистическая картина динамики судебных преследований за служебные преступления окружными судами Урала соответствовала общероссийским показателям. Таким образом, даже если рассматривать министерскую статистику в качестве прямого показателя уровня служебной преступности, то и в этом случае есть основания усомниться в правомерности вывода, согласно которому в начале XX в. «доля должностных преступлений оставалась низкой и не имела тенденции к росту»¹². Наоборот, названная тенденция имела место. Один наказанный за служебные преступления на каждые одиннадцать осужденных — это достаточно высокий уровень.

Однако даже если не принимать в расчет противоречивые интерпретации официальной статистики должностных преступлений, исследователь все равно столкнется с фундаментальным вопросом, решить который статистика, приведенная министерством, не позволяет в принципе. Ведь она

¹¹ Подсчитано по: Свод статистических сведений о подсудимых, оправданных и осужденных по приговорам судебных мест, судебно-мировых установлений и учреждений, образованных по законоположениям 12 июля 1889 года, за 1912 год. Пг., 1915. Общий обзор статистических сведений о подсудимых и осужденных. С. 6–7.

¹² Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи... Т. 2. С. 171.

учитывала только дела, переданные в суд. Но все ли зафиксированные административной преступлений доходили до суда?

Ключевую роль в принятии решения о судебном преследовании государственного служащего играло его начальство. В позднеимперской России, в соответствии с принципом «административной гарантии», не только предание суду должностного лица, но даже возбуждение следствия по совершенному им преступлению не могло иметь место без разрешения его непосредственного руководства. Система «административной гарантии» делала чиновника ответственным лишь постольку, «поскольку этого хочет начальство». Как же оно распоряжалось своей властью?

К сожалению, исследователи лишены возможности рассмотреть практику решения этого вопроса применительно ко всем губернским служащим без исключения — в связи с разной подчиненностью последних и разной степенью сохранности соответствующих комплексов источников в региональных архивах. Вплоть до последнего времени в науке считалось, что в архивах сохранились лишь отдельные дела такого рода, которые не несут какого-либо статистического потенциала, а могут выступать только в качестве иллюстративного материала. Сегодня стало ясным, что с такой оценкой согласиться нельзя. Дело в том, что во многих региональных архивах в достаточно полном объеме сохранились так называемые журналы общих присутствий губернских правлений — главных губернских коллегий, работавших непосредственно под председательством губернаторов. Статус этого учреждения был определен законодателем как «высшее в губернии место», а его власть — как «полицейская в высшем значении, то есть судебнополицейская»¹³. В его компетенции было рассмотрение вопросов о должностных преступлениях чинов местной уголовной полиции. Решение по этим делам оформлялось в «журналах» — мотивированных постановлениях общего присутствия. В каждом журнале излагалось существо дела и решение по нему. После утверждения журнала губернатором решение общего присутствия вступало в силу.

До настоящего времени этот массовый источник привлекался лишь в качестве иллюстрации, хотя по сути он относится к разряду массовых исторических источников. Таким образом, изученный репрезентативный корпус источников позволяет судить о практике административного расследования высшим уральским руководством должностных преступлений чинов полиции. С учетом того, что полиция представляла собой наиболее массовый

¹³ Свод законов Российской империи. Т. 2. Ст. 467.

сегмент бюрократического аппарата губернии, а также с учетом того, что губернатор осуществлял аналогичную деятельность и в отношении других местных чиновников, подчиненных иным губернским коллегиям ведомства МВД, данную практику можно оценить как доминирующую в регионе.

Основные характеристики этой практики расширились в течение исследуемого периода. Их анализ приводит к следующим выводам.

Во-первых, на протяжении всего рассматриваемого периода имело место стабильное преимущественное недопущение до суда дел, заведенных на полицейское руководство. По нашим подсчетам, среднегодовое количество дел о служебных преступлениях чинов полиции, рассматриваемых уральскими губернскими правлениями в 1892–1917 гг., равнялось 120. Из этого количества на долю чиновников в статусе станового пристава, равного ему или более высокопоставленного (вплоть до уездного исправника и городского полицмейстера) приходилось 15, то есть около 13%. Такое соотношение в целом отражало реальный количественный состав губернской полиции. Так, по четырем губерниям Урала количество стражников и урядников к 1914 г. не превышало 7,5 тысячи человек, тогда как становых приставов имелось чуть более 150, а вышестоящих полицейских чиновников, естественно, было еще меньше¹⁴. Однако из этого количества в суд передавалось в среднем не более трех дел в год, то есть 80% такого рода следственных проверок административная власть до суда не доводила. В результате руководство полицией нередко осуществляли лица с таким послужным списком, который не позволял состоять на службе в полиции в принципе. Приведем лишь один, но весьма яркий иллюстративный пример. Так, за полицмейстером города Вятки М.А. Вернеевым числились обвинения в нецелевом расходовании средств, несвоевременном представлении казенных сумм, оформлении фиктивных счетов. Однако он не был отдан под суд и не был уволен из органов внутренних дел, а был лишь переведен на равнозначную должность сарапульского уездного исправника. Уже на новой должности против него было возбуждено судебное преследование по обвинению в вымогательстве и коррупции. Только после этого обвиняемый уволился «по собственному прошению», причем получил из губернского правления отличный аттестат, где были отмечены все награды и благодарности, но не указаны его служебные проступки и проводимые в отношении него следствия¹⁵.

¹⁴ Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 102. Оп. 262. Д. 104. Л. 14–17; Д. 201. Л. 2–2 об.; Ф. 110. Оп. 11. Д. 182. Л. 29, 35; Д. 183. Л. 9 об.

¹⁵ ГАКО. Ф. 583. Оп. 103. Д. 197. Л. 30–32; Оп. 604. Д. 60. Л. 2–12; Оп. 605. Д. 1850. Л. 99–111 об.

Что же касается практики передачи в суд дел на нижестоящих полицейских чиновников, то она в позднеимперский период существенно поменялась: если в 1890-х — 1906 гг. количество переданных в суд дел варьировалось от 52 до 67%, то в период 1907–1913 гг. — уменьшилось до 13–18%. Иными словами, с течением времени нижние полицейские чины также стали «оберегаться» уральскими губернскими правлениями от судебного преследования. Достигалось это систематической интерпретацией фактов злоупотребления служебным положением в пользу обвиняемого чиновника.

Во-вторых, на протяжении всего рассматриваемого периода по отношению к полицейским чиновникам, вина которых была доказана, но которые при этом не были отданы под суд, имела место практика формализации наказания (она коснулась не менее 20% такого рода служащих, полицейских чинов любого должностного уровня, кроме стражников и урядников). Ее основным механизмом являлось причисление изобличенных в служебных преступлениях и проступках полицейских чиновников к штату губернских правлений — как бы в виде наказания. На это время чиновник лишался жалованья, однако у него продолжалась выслуга лет (были случаи, когда чиновники, прикрепленные к штату уральских губернских правлений за совершенные служебные преступления, производились в следующий чин, что было бы в принципе невозможно при ином юридическом оформлении наказания) и в формулярном списке появлялась запись о временном причислении в штат «высшего в губернии места» без уточнения причин данного перевода. Как правило, по истечении некоторого времени (в среднем от 1 месяца до 1,5 лет) данный чиновник возвращался губернским правлением к работе на прежнюю или аналогичную должность.

Можно со всей определенностью сказать, что данный вид наказания не был предусмотрен законом, более того, нарушал его. Дело в том, что согласно ст. 461 «Общего учреждения губернского» при губернском правлении могли числиться лица, претендующие на поступление в полицию, и исключительно «для испытания способностей и употребления по усмотрению кандидаты на полицейские места и желающие поступить к должностям по городской и уездной полиции», причем не более четырех месяцев. Иными словами, лица, уже служащие в полиции, тем более допустившие в период своей деятельности нарушения закона, под действие указанной статьи не попадали. О широком распространении данной практики не только на Урале, но и в России в целом свидетельствовало циркулярное письмо Департамента полиции губернаторам (1912 г.), в том числе оренбургскому губернатору Н.А. Сухомлинову, в котором выражалось возмущение та-

кими действиями. В циркуляре, в частности, указывалось, что «губернское правление является «высшим в губернии местом», а потому причисление к этому учреждению лиц, оказавшихся не соответствующими требованиям службы, представляется совершенно неудобным»¹⁶. Показательно, что, получив этот циркуляр, Оренбургское губернское правление, продолжая опекать соответствующих лиц, предупредило их о необходимости подать в двухнедельный срок прошение об отставке¹⁷, хотя циркуляром предусматривалась немедленная «выписка» таких чиновников из штата губернского правления. Также важно отметить, что подобная практика полностью

Николай Александрович
Сухомлинов,
генерал-лейтенант.
Оренбургский губернатор
и наказной атаман
Оренбургского
казачьего войска.
(1911–1915).

не прекратилась и после выхода в свет указанного циркуляра. В 1916 г., например, в штат Вятского губернского правления был зачислен котельнический уездный исправник, отстраненный от должности за истязания военнопленных¹⁸.

В-третьих, на протяжении всего рассматриваемого периода отношение губернских правлений к обвинениям против полицейских чиновников, как правило, зависело от органа, выдвинувшего обвинение. Заключение прокуратуры о виновности или невиновности того или иного служащего в абсолютном большинстве случаев дублировались правлениями в своих журналах без изменений. Исключения были чрезвычайно редки¹⁹. Обстоятельно проверялись обвинения, выдвинутые на страницах периодической печати и получившие широкий общественный резонанс. Так, корреспонденции, напечатанные в газете «Вятская речь», послужили основой для возбуждения многих следственных дел, в том числе по обвинению высших

¹⁶ ГАОО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 3360. Л. 40–40 об.

¹⁷ Там же. Л. 41–41 об.

¹⁸ ГАКО. Ф. 583. Оп. 175. Д. 83. Л. 10–11 об.

¹⁹ См., например: ЦГИА РБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 821. Л. 1, 23 об., 33 об.

полицейских чинов губерний²⁰. Но, в отличие от следственных материалов, инициированных прокурорскими работниками, такие дела, как правило, завершались опровержением выдвинутых обвинений или сравнительно мягким наказанием виновных. По-другому вели себя общие присутствия, если дело направлено было к ним от самих полицейских органов. В том случае, когда оно возбуждалось по жалобе частного лица, которую полиция обязана была передать в губернское правление, коллегия поручала выяснение обстоятельств дела непосредственному полицейскому начальнику обвиняемого. Результаты такого расследования в абсолютном большинстве случаев принимались правлениями без изменений. Чаще всего коллегия отказывала в передаче таких дел судебным властям. Нижние полицейские чины при этом оказывались в абсолютной зависимости от своего непосредственного начальства. Однако сами полицейские руководители в аналогичной ситуации находились в полной зависимости от губернского правления, которое проводило расследование уже собственными силами. Этот механизм обеспечивал значительную зависимость общей полиции от губернских правлений. Каждый чиновник на иерархической лестнице, являясь полновластным господином подчиненного, был одновременно бесправным слугой своего непосредственного начальника.

В-четвертых, начиная примерно с 1904 г., в практику административного процесса в качестве характерной черты входит передача судебным властям абсолютного большинства дел, в которых полицейский служащий обвинялся в том или ином нарушении субординации. В 1892–1903 гг. среднегодовое число преступлений такого рода составляло 20% от зарегистрированных, в 1904–1913 гг. — 24%, то есть серьезного роста не произошло (сам факт роста, видимо, должен быть связан с обострением социальной напряженности). Однако если до 1903 г. в суд передавалось от 26 до 31% такого рода дел, то в 1904 г. — 59%, а в целом за 1904–1913 гг. — 92%. При этом уже не имело значения, кто инициировал обвинение. Логика функционирования механизма взаимозависимости между губернскими правлениями и полицейскими управлениями, о котором было сказано выше, требовала от чиновника беспрекословного подчинения руководству в качестве важнейшего условия самосохранения в рамках этой системы.

Таковы были основные параметры, характеризующие практику административного расследования губернскими правлениями Урала служебных преступлений полицейских чиновников на протяжении исследуемого

²⁰ Вятская речь. 1909. 22 апреля. С. 2; 25 апреля. С. 2–3; 26 апреля. С. 2; 12 сентября. С. 3; 1913. 9 марта. С. 3; ГАКО. Ф. 583. Оп. 604. Д. 60. Л. 2; Оп. 172. Д. 88. Л. 25; Д. 94. Л. 1; Ф. 582. Оп. 149. Д. 45. Л. 83, 468 и др.; Оп. 151. Д. 34. Л. 53, 131, 155, 447; и др.

Пермский губернатор
А.В. Болотов .
1905-1909 гг.

периода. Для нас важно подчеркнуть, что *набор выявленных характеристик менялся с течением времени, причем в сторону расширения*. Исходной устойчивой практикой, корни которой, очевидно, уходили далеко за пределы позднеимперского периода, являлось систематическое «спасение» полицейского руководства от судебного преследования, смягчение административного наказания для лиц, совершивших должностное преступление, непоощрение жалоб на полицейских чиновников. Новациями, дополнившими эту картину и характеризующими качественное развитие ситуации в данной сфере в начале 1900-х гг., являлись передача судебным властям абсолютного большинства дел на должностных лиц, нарушивших в своей деятельности принцип иерархического подчинения вышестоящему начальству, а также, в межреволюционный период, складывание системы защиты от судебного преследования любого подведомственного должностного лица, вне зависимости от того, к высшему или нижнему рангу он относился.

Динамика процесса хорошо подтверждается данными о количестве дел о служебных преступлениях полицейских чиновников Вятской и Оренбургской губерний (общее количество дел о должностных преступлениях полицейских чиновников, рассмотренных этими губернскими правлениями, в 1892 г. равнялось 231, в 1904 г. — 249, в 1913 г. — 258), дошедших до суда²¹ (см. рис. 1). Наиболее яркая картина имела место в Вятской губернии. Так, если в 1892 г. Вятское губернское правление из 114 таких дел (100%),

²¹ Подсчитано по: ГАКО. Ф. 583. Оп. 605. Д. 1759, 1816, 1848; ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4204—4206, 4232—4233, 4241—4242. Данные по Уфимской и Пермской губерниям не включены в подсчет среднерегиональных значений в связи с тем, что в архивах журналы общего присутствия Уфимского и Пермского губернских правлений за 1892, 1904 и 1913 гг. не сохранились или сохранились только частично (за часть календарного года). Тем не менее анализ отдельных сохранившихся за эти годы дел о служебных преступлениях полицейских чиновников Уфимской и Пермской губерний позволяет предположить, что ситуация в этих губерниях была похожей на то, что происходило в двух других уральских губерниях.

рассматриваемых по 2-му столу (который специализировался на рассмотрении должностных преступлений полиции), передало в суд 80 (70,18%), то в 1904 г. из 128 дел было отправлено в суд 67 (52,34%), а в 1913 г. из 121 — только 17 (14,05%)²².

Все вышеизложенное, на наш взгляд, можно интерпретировать как последовательное формирование в исследуемый период устойчивого неформального объединения уральского чиновничества губернских правлений и общей полиции, основанного на коррупционном в своей основе механизме сокрытия должностных преступлений. Если применительно к концу XIX в. можно говорить о наличии лишь отдельных элементов неформального объединения губернского чиновничества, то применительно к концу периода — о становлении коррупционного неформального объединения как системы.

Проекты и попытки легальной корпоративной самоорганизации уральского чиновничества в конце XIX — начале XX в.

В конце XIX — начале XX в. в среде региональной бюрократии была предпринята попытка создания легальных корпоративных структур профсоюзного типа, легализующих «особость» чиновников как отдельной социальной группы.

Основой для активизации этих попыток именно в конце XIX — начале XX в., на наш взгляд, стал стремительный рост цен на товары и услуги первой необходимости, включая жилье и отопление, что непосредственно отражалось на благосостоянии чиновников. Годовой прожиточный минимум уральского губернского чиновника вырос с 210 руб. в 1894–1896 гг. до 409 руб. в 1902–1904 гг. и затем до 601 руб. в 1910–1912 гг. Принимая во внимание рост расходов при неизменности окладов, становится очевидным, что в исследуемый период материальное положение служащих губернских администраций неуклонно и планомерно ухудшалось, причем большая группа чиновников оказалась ниже черты прожиточного минимума. Если в 1890-х гг. экстремальным (ниже указанного выше прожиточного минимума) можно признать положение лишь рядовых писцов, да и то не всех, то перед революцией 1905 г. таковой же была ситуация для 18% должностных лиц «высшего в губернии места» — губернского правления, а перед повышением зарплаты в 1912 г. в аналогичной ситуации находилось

²² Подсчитано по: ГАКО. Ф. 583. Оп. 605. Д. 1759, 1816, 1848.

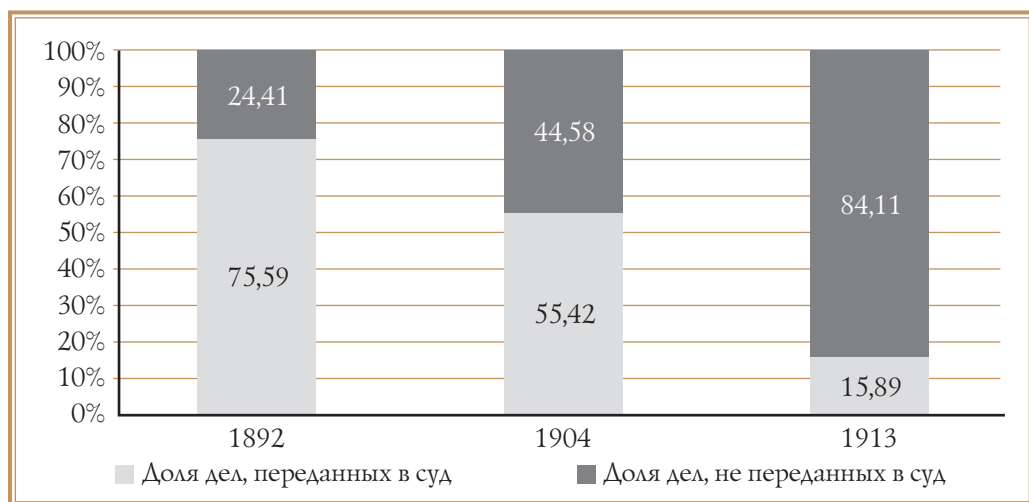

Рис. 1. Соотношение дел о должностных преступлениях полицейских чинов в Вятской и Оренбургской губерниях в 1892–1913 гг.

уже 14 человек, или 42,40% от штатного состава²³. Эта ситуация мотивировала чиновников к отстаиванию своих интересов.

Дополнительным фактором, подталкивающим чиновничество к необходимости создавать свои корпоративные структуры вне государственного аппарата, являлся процесс нарастающей критики бюрократии со стороны общественности. Особенно ярко это проявилось в период революции 1905 г.

Важным отражением попыток создания собственных легальных корпоративных структур являлась разработка вопроса о создании «чиновничьих клубов» в местной уральской печати. Речь идет об уральских «губернских ведомостях», создаваемых при соответствующих губернских правлениях руками их должностных лиц среднего звена. Ярким примером могут служить материалы неофициальной части «Вятских губернских ведомостей». Вятка была центром одной из европейских недворянских губерний, то есть территории, где основная часть дворян получила свои сословные права путем государственной службы, а не по наследству. Вследствие этого позиции чиновничества данной губернии в источниках выражены более четко, чем это имело место на многих других территориях империи. В условиях «чиновничьего» характера Вятской губернии газета стала рупором интересов государственных служащих, в той степени, в какой это было возможно в до-революционной России.

²³ Подробнее см.: Любичанковский С.В. Губернский чиновник в условиях российской действительности конца XIX — начала XX вв. // Человек в экстремальных условиях: историко-психологические исследования: материалы XVIII Международной научной конференции. СПб., 2005. Ч. 1. С. 305–309.

С 1897 г. в названном издании регулярно помещались материалы с призывом к объединению губернских чиновников. Например, в статье «Большой почин» пропагандировалась идея учреждения «общества взаимного вспомоществования чиновников г. Вятки». Критиковалось «отсутствие солидарности не только между чиновниками различных ведомств, но даже в одном учреждении... вместо желательного братского общения их на почве общих интересов». Казалось бы, речь идет о вполне объяснимом желании создать общий денежный фонд для помощи нуждающимся коллегам. Однако этим идея не ограничивалась. Указывалось, без объяснения мотивов, что «новое общество, помимо своей симпатичной цели, должно служить связующим звеном между чиновниками различных ведомств»²⁴. В другой заметке говорилось о том, что живущий в губернском городе чиновник средней руки... не что иное, как интеллигентный пролетарий», и он просто обязан объединиться с коллегами в своеобразный профсоюз, по примеру Австро-Венгрии, и только в этом случае он сможет благополучно существовать²⁵. Годом позже в статье «Нечто о чиновничьем вечере» чиновники позиционировались как «целый класс людей», который незаслуженно забыт государством с точки зрения организации его досуга. Призывалось создать клуб, по примеру благородного общественного собрания, который бы объединил «всех чиновников города... в один товарищеский кружок»²⁶. В 1904 г. в заметке «Клуб чиновников» поддерживалась идея создания «Всероссийского союза чиновников» и предлагалось на местном уровне создать Вятский клуб чиновников. При этом особо подчеркивалось, что можно было бы, в принципе, присоединиться к действующему яхт-клубу, но он «принимает в число своих членов людей всякого звания, что придает ему вид всесословного клуба», а это, указывал автор, для губернских служащих неприемлемо (!)²⁷.

В оренбургских чиновничьих кругах в конце XIX в., при губернаторах В.И. Ершове и Я.Ф. Барабаше, также обсуждалась «симпатичная мысль учреждения в Оренбурге, изобилующем правительственными и общественными учреждениями, особого клуба для лиц, служащих в этих учреждениях» — «Клуба канцеляристов». Замысел его создания, датируемый 1896 г., родился в редакции «Оренбургских губернских ведомостей», то есть в среде служащих местного губернского правления. Целью объявлялось создание «центра объединения чиновников разных ведомств»²⁸.

²⁴ Вятские губернские ведомости. 1897. № 90. С. 7-8.

²⁵ Приложение к Вятским губернским ведомостям. 1899. № 130. С. 2.

²⁶ Там же. 1900. № 35. С. 3.

²⁷ Там же. 1904. № 136. С. 3.

²⁸ Подробнее см.: Иванов Н. Забытое начинание (Нечто по поводу мечтаний о «Канцелярском клубе») // Оренбургский листок. 1899. № 4. С. 2-3.

Владимир Иванович Ершов,
генерал-майор.
Оренбургский губернатор
и наказной атаман Оренбургского
казацкого войска (1892–1899).

Яков Федорович Барабаш,
генерал-лейтенант.
Оренбургский губернатор
и наказной атаман Оренбургского
казацкого войска (1899–1906).

На наш взгляд, эти материалы свидетельствуют о попытках самоорганизации уральского губернского чиновничества на рубеже XIX–XX вв. в направлении создания определенных общественных структур, которые отстаивали бы их интересы вне государственного аппарата.

Однако ни одна из этих и многих других подобных попыток не увенчалась успехом. Призывы так и остались только призывами. После 1904 г. на Урале они вообще перестали появляться, по всей видимости, ввиду отсутствия позитивной практической реакции со стороны руководства государства.

Таким образом, если коррупционный механизм развития корпоратизма уральского губернского чиновничества последовательно развивался и к окончанию Первой русской революции показал признаки оформления в систему, то попытка создания легального механизма отстаивания групповых интересов в виде своеобразной профсоюзной сети дала сбой и в качестве системного элемента местного бюрократического корпоратизма так и не оформилась.

Есть ли основания для экстраполяции полученных результатов?

Изучение ситуации на Урале позволяет поставить вопрос: являлась ли активизация процессов корпоратизма местного чиновничества уникальной особенностью этого региона или же подобное явление было характерно и для других территорий позднеимперской России? Точный ответ мог бы дать только проведенный по тем же методикам сравнительный анализ, однако в условиях отсутствия аналогичных исследований по другим регионам

империи реализовать его в настоящее время не представляется возможным. Именно поэтому в заголовок данного раздела вынесен несколько иной вопрос — есть ли основания для экстраполяции сделанных на уральском материале выводов на чиновничество позднеимперской России в целом?

При выяснении характерных черт реализации принципа «административной гарантии» в других регионах империи естественной является опора на материалы сенаторских ревизий — формы чрезвычайного надзора за местной властью.

В позднеимперский период в регионах были проведены не менее 14 сенаторских ревизий, в том числе и знаменитая ревизия Н.П. Гариным Московского управления (1908), зафиксировавшая коррупционную в своей основе систему круговой поруки полицейских чиновников и высшего московского руководства — «рейнтботовщину» (от имени московского градоначальника А.А. Рейнбота). Сенатор Гарин сформулировал основной свой вывод так: «...Победное возвращение в Москву полицейской взятки произошло во времена генерала Рейнбота не от одного слабого его надзора за подчиненными, но и под развращающим влиянием его личного примера и вследствие вполне сознательного с его стороны попустительства указанному злу»²⁹. Иными словами, был сделан вывод о поощрении руководством градоначальства должностных преступлений³⁰.

Обратим внимание только на те ревизии, которые были направлены на изучение губернской власти (а не городской, судебной, военной и т. п.). Таковых в исследуемый период было проведено три — Бакинской губернии (1905 г.; сенатор А.М. Кузьминский), Туркестанского края (Сыр-Дарьинская, Ферганская, Самаркандская, Семиреченская, Закаспийская области; 1908–1910 гг.; сенатор граф К.К. Пален), Привислинского края (Варшавская, Плоцкая, Люблинская губернии; 1909–1910 гг.; сенатор Б.Д. Нейдгарт). Причем только последняя была инициирована на основании информации о коррумпированности местного чиновничества. Остальные две ревизии были проведены с целью выяснения причин армяно-азербайджанского конфликта 6–10 февраля 1905 г. и для передачи Туркестанского генерал-губернаторства из ведения Военного министерства в ведение МВД³¹.

²⁹ Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 1393. Оп. 1. Д. 41. Л. 3 об.

³⁰ Подробнее см.: Дело бывшего московского градоначальника Рейнбота и его помощника Короткого. СПб., 1911.

³¹ РГИА. Ф. 1334. Оп. 1. Д. 1. Л. 3; Ф. 1535. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–5; Ф. 1276. Оп. 20. Д. 48. Л. 72–73.

Организация государственной власти на указанных территориях имела свою специфику. Где-то большим влиянием пользовался магистрат, где-то — канцелярия генерал-губернатора, где-то — старшины аулов. Однако центральное звено системы административного управления было идентичным во всех ревизуемых районах. Оно представляло собой цепочку «губернатор — губернское (областное) правление — городская и уездная полиция». Важно отметить, что такая же система действовала и в уральских губерниях. Все это создает поистине уникальную исследовательскую ситуацию, позволяющую без всяких «натяжек» сопоставить данные сенаторских

В.Г. Перов. Сын дьячка, получивший первый чин. Литография.
1861 г.

ревизий с результатами изучения материалов первичного делопроизводства уральских губернских учреждений.

Какие же выводы были сделаны в сенаторских отчетах?

Изучение материалов ревизии Бакинской губернии показало, что сенатор Кузьминский счел нужным уделить проблеме качества расследования должностных преступлений особое внимание. Он констатировал, что местное губернское правление систематически брало под свою защиту полицейских чиновников, обвиняемых в совершении служебных преступлений. В своем отчете ревизор написал, что правление «не проявляет интереса и стремления к разоблачению и искоренению злоупотреблений, совершаемых подведомственными ему лицами». В этом учреждении, отмечалось далее, «существует весьма заметное тяготение в пользу прекращения возникающих против полицейских чинов обвинений и невозбуждения против

них преследования даже при наличии таких данных, которые делают вполне вероятным факт преступного деяния и виновность должностного лица в совершении оногo»³². Например, по жалобе на вымогательство взятки околоточным надзирателем правление прекратило дело только потому, что истец не мог указать точное место жительства своих свидетелей. В других случаях, когда дело не представлялось возможным замять, правление всячески затягивало расследование. «Немало примеров, — писал сенатор, — когда губернское правление постановляет о возбуждении уголовного преследования против должностных лиц полиции 3–6 лет спустя после принесения жалобы на их действия». Кроме того, правление практиковало незаконное «прекращение многих дел по обвинению разных должностных лиц» под видом амнистии. Так, положения манифеста от 11 августа 1904 г., которые могли «иметь применение лишь в смысле сокращения срока наказания», послужили для этих учреждений предлогом для закрытия целого ряда таких дел. Административные расследования по жалобам на действия чинов полиции отдавались правлением в руки их непосредственных начальников или сослуживцев, которые были «связаны с ними общностью интересов» и поэтому стремились «не к выяснению истины, а к сокрытию и извращению действительных обстоятельств события». Именно подобная позиция, по оценке Кузьминского, обусловила фактическую «безнаказанность чинов полиции за совершаемые ими преступные деяния и главным образом за взяточничество, чем преимущественно и объясняется огромное распространение, которое оно получило в Бакинской губернии»³³.

Что же касается практики административного расследования должностных преступлений в самих местных полицейских структурах, то и здесь полиция губернии всячески тормозила производство дел «по жалобам на неправильные или преступные по службе действия» своих сотрудников. «Переписки эти, — отмечал Кузьминский, — даже в тех случаях, когда они возникают по предписаниям губернатора или губернского правления, большею частью не получают немедленного исполнения и остаются продолжительное время — иногда в течение нескольких месяцев, одного года и даже больше — без движения»³⁴.

Ревизия областей Туркестанского края позволила сенатору К.К. Палену сделать вывод о том, что «наиболее слабую стороною деятельности губернаторов оказалось совершенное почти отсутствие контроля над подчинен-

³² Там же. Ф. 1535. Оп. 1. Д. 1. Л. 315 об. — 316.

³³ Там же. Л. 317 об.

³⁴ Там же. Л. 265.

ными». Оно выражалось в первую очередь в «снисходительном, иногда до крайности, отношении областной власти к должностным преступлениям и недочетам ее служащих»³⁵. Именно в этих условиях становилось возможным, например, что дело по обвинению одного из участковых приставов в избиении волостного управителя «пролежало... без всякого движения в течение полутора лет», после чего было просто прекращено властью Сыр-Дарьинского губернатора³⁶.

Оценивая деятельность местных областных правлений в качестве органов административной юстиции, сенатор отметил, что в их работе имело место «очень снисходительное» отношение к должностным преступлениям. Вопреки требованиям закона, большинство подобных дел, несмотря на доказанную вину чиновника, решалось не в судебном, а в административном порядке, что и позволяло правлениям принимать самое активное участие в их рассмотрении. Возбужденные по жалобам на действия чиновников дела «настолько затягивались, что многие из них, за смертью обвиняемых, пришлось направить на прекращение». Если же дело о служебном преступлении доходило до этапа назначения наказания, то последнее отличалось неоправданной мягкостью. Чаще всего это были «замечания» и «строгие замечания», вынесение которых не было сопряжено с материальной ответственностью или понижением в должности³⁷. Более того, одного пристава, который в 1907–1908 гг. «за целый ряд проступков и преступлений по службе» был восемь раз привлечен к ответственности, Самаркандское областное правление через одиннадцать дней после очередного предания суду повысило в должности³⁸.

Местная полиция также не принимала «своевременно мер к расследованию» должностных преступлений среди своих служащих, в результате чего истину становилось выяснить, как дипломатично высказался сенатор, «затруднительно»³⁹.

Ревизующий Привислинский край Нейдгарт отметил следующие характерные черты административного расследования губернскими властями должностных преступлений своих подчиненных.

Губернаторы, по оценке сенатора, имели «поразительно снисходительное отношение... к нарушителям служебного долга»⁴⁰. Так, например,

³⁵ Там же. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 438. Л. 15.

³⁶ Там же. Д. 415. Л. 8.

³⁷ Там же. Л. 61–62.

³⁸ Там же. Л. 41 об.

³⁹ Там же. Д. 64. Л. 20 об.; Д. 46. Л. 25–25 об.; Д. 438. Л. 15 и др.

⁴⁰ Там же. Ф. 1334. Оп. 1. Д. 17. Л. 3.

Люблинский губернатор сделал официальный выговор местным жандармским чинам за то, что они попытались «производить расследование о деятельности администрации»⁴¹. Эти и другие выявленные ревизией факты заставили Нейдгарта признать перед императором, что «за весьма редкими исключениями служебные преступления остаются безнаказанными»⁴².

Анализируя положение местных губернских правлений, ревизор отметил одну общую тенденцию в их деятельности, напрямую относящуюся к проблеме «административной гарантии». Она заключалась в том, что «многие дела о неправильных по службе действиях... должностных лиц по году и более оставались без движения, а учинившие неблаговидные и даже преступные действия продолжали исполнять свои должностные обязанности. В некоторых случаях очевидно преднамеренное затягивание дел бесполезной перепиской имело следствием невозможность привлечения виновных к уголовной ответственности за истечением давности»⁴³.

Особенностью ревизии Привислинского края было то, что у нее изначально была по отношению к полиции установка, сформулированная самим Нейдгартом так: «Очевидная недостаточность получаемого ими (полицейскими чиновниками. — С.Л.) содержания, не дающая возможности существовать, побуждала не останавливать внимания сенаторской ревизии на мелких, с корыстными целями, нарушениях обязанностей полицейской службы, и посему ревизующий сенатор вначале предполагал вовсе не затрагивать ревизией действий этих чинов»⁴⁴. Тем не менее, приступив к конкретной работе на месте, ревизорам пришлось пересмотреть свои позиции. В частности, Нейдгарт прямо указал на то, что местной полиции было присуще «покрывательство» должностных преступлений своих сотрудников. Суд и наказание следовали за служебными преступлениями лишь «в виде исключения». Ревизия связала возможность существования такой порочной системы с несовершенством действовавшего законодательства, согласно которому возбуждение уголовного преследования по должностным преступлениям целиком зависело от начальства обвиняемых⁴⁵.

Таким образом, в сенаторских ревизиях начала XX в. было уделено значительное внимание практике административного расследования должностных преступлений чиновников, что объясняется крайней остротой этой проблемы. Все три ревизии эту практику оценили крайне нега-

⁴¹ Там же. Л. 7 об.

⁴² Там же. Д. 3. Л. 15 об.

⁴³ Там же. Д. 1. Л. 68.

⁴⁴ Там же. Л. 72.

⁴⁵ Там же. Д. 3. Л. 15 об.; Д. 17. Л. 9—9 об., 15 об.

Вятка. Спасская улица.
Начало XX века.

тивно. Тот факт, что данный вопрос систематически поднимался на самом высоком уровне (отчет сенатора императору), говорит о значимости этой проблемы в общегосударственном масштабе. Действительно, наличие стойкого неформального объединения чиновничества, которое всячески старалось не допустить наказания своих участников за должностные преступления, обесценивало принцип ответственности чиновника за незаконные действия. Он заменялся принципом преданности начальству и, более широко, своей корпорации. Это не могло не вести к потере обратной связи с населением. Согласно данным ревизий, названная проблема была характерна и для самых высших звеньев губернских администраций, подвергнутых проверке. Причем ситуация в регионах была настолько однотипной, что сенаторы даже описывали ее в схожих выражениях. Сравните, например: «Поразительно снисходительное отношение... к разрушителям служебного долга» (из отчета Нейдгарта)⁴⁶ и «Снисходительное, иногда до крайности, отношение... к должностным преступлениям» (из отчета Палена)⁴⁷.

К сожалению, материалы сенаторских ревизий не позволяют оценить динамику выявленного ими процесса сокрытия служебных преступлений от суда (это не входило в задачи соответствующих комиссий), но зафиксированный ими его качественный уровень уже на тот момент времени являлся крайне высоким. Эту оценку сделали сами ревизоры. Так, например,

⁴⁶ Там же. Д. 17. Л. 3.

⁴⁷ Там же. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 438. Л. 15.

сенатор Кузьминский написал в своем отчете Николаю II: «Если даже считать приведенные примеры лишь частными случаями, не определяющими самую систему... то все же система, допускающая одну возможность такого рода отклонений от правильного порядка, должна быть признана совершенно несостоятельной и заслуживает полного осуждения»⁴⁸. Эта оценка соответствовала именно той стадии развития процесса сокрытия должностных преступлений полиции руководством губернских правлений, которая, исходя из анализа уральского материала, хронологически привязана к периоду после Первой русской революции и обозначена в качестве сложившегося системного коррупционного механизма корпоративной самоорганизации.

Важно подчеркнуть, что изученные Сенатом территории были весьма различны по уровню своего социально-экономического, политического и культурного развития. С одной стороны, это сильные в индустриальном отношении, с развитой частной собственностью, католические по духу польские земли, являющиеся к тому же одним из крупнейших в Российской империи и Восточной Европе университетским центром. С другой стороны, это аграрные, по преимуществу мусульманские земли Азербайджана и Средней Азии, с присущими им в то время феодальными пережитками, патриархальными особенностями общественной организации. Обозначенные регионы даже в географическом плане были весьма отдалены друг от друга, между ними отсутствовала общая граница. Ревизовали их также абсолютно разные по составу комиссии. Тем не менее выявленные сенаторами негативные характеристики, присущие практике административного расследования должностных преступлений чиновников, носили однотипный характер.

Все вышеизложенное, на наш взгляд, позволяет сделать обоснованный вывод, что коррупционный механизм развития корпоративной самоорганизации в среде регионального чиновничества, основанный на порочной реализации принципа «административной гарантии», не являлся особен-

⁴⁸ РГИА. Ф. 1535. Оп. 1. Д. 1. Л. 312 об. Исследователи, изучавшие материалы сенаторских ревизий 1860–1880-х гг., коснувшихся целого ряда губерний (Владимирской, Калужской, Самарской, Саратовской, Киевской, Черниговской, Воронежской, Тамбовской, Костромской, Казанской, а также одной из уральских губерний — Пермской), не отметили среди их результатов выводов о массовом сокрытии должностных преступлений (Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х гг. М., 1964. С. 238–244; Дружинин Н.М. Сенаторские ревизии 1860–1870-х гг. (к вопросу о реализации реформы 1861 г.) // Исторические записки. Т. 79. М., 1966. С. 139–175). Это позволяет констатировать углубление данного процесса с течением времени.

ностью Уральского региона, а был характерен и для других территорий империи⁴⁹ в исследуемый период.

При выявлении наличия либо отсутствия стремления позднеимперской бюрократии к созданию легальных корпоративных структур естественным является обращение к периоду Первой русской революции, поскольку ситуация крайнего обострения социальной напряженности объективно провоцировала каждую страту общества к быстрейшему осознанию собственных групповых интересов, сплочению для их отстаивания.

Вообще следует отметить, что революция 1905 г. несла в себе огромный антибюрократический запал. Долгое время он фактически затушевывался в советской исторической науке, поскольку его признание в определенной степени шло бы вразрез с господствующей классовой интерпретацией общественного конфликта. Если и говорилось о недовольстве общества властью, то преимущественно речь шла о недовольстве политикой самодержавия, а не будничной, «неполитической» работой государственного аппарата. Однако анализ документов позволяет утверждать, что антибюрократическая составляющая революционных событий тех лет была достаточно сильна.

Например, об этом говорят материалы перлюстрации, в частности, из писем за 1905⁵⁰ и 1906⁵¹ гг., составленные в канцелярии министра внутренних дел. Для создания этого комплекса документов использовался единый принцип — переписка должна была анализировать «общее положение родины», содержать обобщения. Анализ содержания и характера формулировок этих писем позволяет сделать вывод, что часть населения была крайне недовольна эффективностью и методами работы аппарата государственного управления вообще и местного в частности. Ни в одном из подвергнутых анализу эпистолярных источников не дается их положительная или хотя бы нейтральная характеристика. Отрицательные же отзывы стабильно присутствуют в письмах на протяжении всего периода 1905–1906 гг.: «Все требуют освобождения от гнета и произвола бюрократии... От всех комиссий никто проку не ждет, потому что все они состоят из бюрократов, которые будут защищать свои интересы до последней возможности»⁵²; «Бюрократии, очевидно, трудно расстаться со своими теплыми местечками;

⁴⁹ Нельзя не отметить в этой связи работу польского историка А. Швалбы о феномене коррупции в пореформенной России, в которой сделан вывод о том, что именно результатом «бушующей в 1914–1917 гг. коррупции» был «паралич центральных органов управления», способствовавший революционным событиям 1917 г. (*Chwalba A. Imperium korupcji w Rosji w Krolestwie Polskim w latach 1861–1917. Krakow, 1995*).

⁵⁰ РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1978–1979.

⁵¹ Там же. Д. 1980–1982.

⁵² Там же. Д. 1978. Л. 157.

бюрократия близорука и неимоверно эгоистична»⁵³; «...Вырвать власть из рук жадного чиновника»⁵⁴; «Беззаконничать чиновникам довольно»⁵⁵; «Народ... потребует от вас, чтобы вы... освободили его от чиновничьей банды, доведшей государство до банкротства, а народ до нищеты»⁵⁶ и др. Большое внимание уделялось критике произвола представителей губернской администрации, с которых «отчасти снята маска служения государству, более или менее прояснилось, что не они служат государству, а что государство служит им»⁵⁷. В вину местным государственным структурам ставились чаще всего произвол и использование чиновниками служебного положения в корыстных целях, а также отсутствие координации деятельности губернаторов и центра и сознательное искажение в выгодном для местных властей свете информации, предназначенной для вышестоящего начальства. Возможность революции напрямую связывалась с наличием этих недостатков в местном управлении.

Бесспорно, что перлюстрации подвергались в первую очередь письма тех лиц, которых власти подозревали в нелояльности к режиму. Не подлежит сомнению и то, что социально-политический контекст эпохи, к которой относятся эти письма (революция), не мог не способствовать радикализации настроений в обществе и усилению критического восприятия существующих недостатков. Все это так, и это только провоцировало чиновничество к дальнейшему групповому сплочению для самозащиты. С другой стороны, если бы проблема качества работы аппарата государственного управления в центре и на местах не была бы так актуальна, вряд ли бы ее обсуждали так активно. Из рассмотренного перлюстрированного материала отчетливо видно, что авторов писем этот вопрос волновал ничуть не меньше, чем крестьянский, рабочий или национальный.

Вполне естественно, что реакцией чиновничества на предъявленные к нему со стороны общества претензии стала попытка самоорганизации на легальной основе для защиты от общественного недовольства, для отстаивания собственных позиций и интересов. Благоприятными условиями для сплочения были четко обозначившиеся в стране в период революции процессы создания многочисленных профессионально-политических организаций — различного рода «союзов»: железнодорожников, учителей, приказчиков, инженеров, работников печатного дела, контор-

⁵³ Там же. Д. 1979. Л. 24.

⁵⁴ Там же. Д. 1981. Л. 7.

⁵⁵ Там же. Л. 41.

⁵⁶ Там же. Л. 145.

⁵⁷ Там же. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1980. Л. 18 об.

щиков, медицинского персонала и т. д. Структурно они были объединены в так называемый Всероссийский союз союзов — объединение профессиональных политических союзов в России в 1905–1906 гг., которое включало двадцать всероссийских союзов и около сорока местных отделений, насчитывало (без Всероссийского крестьянского союза) 135 тысяч членов.

Одним из таких объединений стал Всероссийский союз служащих в правительственных учреждениях. Он возник в Санкт-Петербурге после

А.И. Лебедев. Губернский секретарь в отставке по болезни.

Литография. 1880 г.

выхода в свет знаменитого Октябрьского манифеста Николая II и просуществовал до декабря 1905 г., то есть всего несколько недель, затем был запрещен. В своем составе он объединял не более сотни человек. Тем не менее, на наш взгляд, само появление первой в истории России всероссийской чиновничьей «профессионально-политической» организации являлось знаковым событием в истории страны и ярким примером того, что попытки создания легальных механизмов корпоративной самоорганизации не являлись особенностью одного лишь Уральского региона. Более того, можно констатировать, что в 1905 г. в Петербурге фактически реализовали идею

создания «Всероссийского союза чиновников», высказанную еще в 1904 г. и получившую положительный отклик в том числе и на Урале. Так, в официальной газете «Вятские губернские ведомости» была поддержана идея создания всероссийской чиновничьей организации и сформулировано предложение создать ее Вятское отделение⁵⁸.

17 ноября 1905 г. на заседании общего собрания петербургского отдела был принят устав Союза⁵⁹. В нем выдвигались три тактические задачи: во-первых, «изменение приказных порядков и приемов деятельности правительственных учреждений на началах права и в интересах всего народа»; во-вторых, «отстаивание начал законности в области взаимных служебных отношений»; в-третьих, «защита неотъемлемых прав личности служащего как полноправного гражданина». В уставе была предложена строгая иерархичная структура организации Союза: «кружки» в государственных учреждениях — городские и уездные отделы — губернские организации — всероссийские съезды. Бюджет Союза предусматривалось пополнять из отчислений, делаемых местными отделами в размере, установленном всероссийским съездом⁶⁰.

В декабре 1905 г. петербургским отделом Союза был принят еще один программный документ, в котором развивались положения устава. Он получил название «Всероссийский союз служащих в правительственных учреждениях как союз профессионально-политический»⁶¹. В нем в режиме прокламации конкретизировалась идеология созданной организации.

В частности, констатировалось «огромное, первостепенное значение того или иного отношения к коренному переустройству государственной жизни России со стороны лиц, являющихся непосредственными участниками правительственного механизма». Иначе говоря, подчеркивался мощный потенциал Союза.

Указывалось, что целью Союза является объединение не всех служащих вообще, а только тех, кто не заинтересован в сохранении «приказных распорядков». Иными словами, речь шла об исключении из числа потенциальных членов крупных начальников, которым была удобна выстроенная в империи авторитарная модель управления, при которой подчиненные должны были им подчиняться беспрекословно во всех вопросах, вплоть до разрешения на брак.

⁵⁸ Подробнее см.: Клуб чиновников // Приложение к Вятским губернским ведомостям. 1904. № 136. С. 3.

⁵⁹ ГАРФ. Ф. 518. Оп. 1. Д. 65. Л. 2.

⁶⁰ Там же. Л. 2 об.

⁶¹ Там же. Л. 13.

В документе утверждалось, что во главу угла Союз не ставит «частные интересы служащих в правительственных учреждениях, частные интересы данной профессии», а «эти интересы подлежат прежде всего оценке с точки зрения идейной, с точки зрения того, насколько они вытекают из правильной постановки государственной службы как службы народу». Далее в тексте уточнялось, решение каких именно проблем Союз считает принципиально важным с «идейных» позиций. Речь шла, во-первых, об «унижающей и убивающей всякое живое отношение к делу зависимости служащего от произвола начальства... той зависимости, которая позволяет начальству по своей единоличной прихоти в любой момент, в случае личного нерасположения, выбрасывать подчиненного со службы»; во-вторых, об «искусственной пропасти, создаваемой самим законом и тщательно оберегаемой свыше», между служащими «по определению от правительства» и «по вольному найму»; в-третьих, о «невозможном материальном положении... всех низших служащих, этих главнейших тружеников правительственного механизма», обрекающем их на самые тяжелые условия существования, в то время как «те, кому так или иначе удалось проложить себе дорогу на высшие должности, пользуются многотысячными окладами, наряду с всевозможными льготами по службе». Из вышеизложенного становится очевидным, что политические интересы Союза, несмотря на попытку на словах отмежеваться от преследования «узкопрофессиональных нужд чиновничества», все же были направлены именно в сторону решения корпоративных задач. Необходимость их решения подавалась как благо для всего общества.

Таким образом, речь шла о создании союза чиновников, добывающегося благоприятного для себя решения как узкокорпоративных, так и в широком смысле политических вопросов и, в этой связи, потенциально противостоящего проводимой самодержавием в исследуемый период политике; иными словами, Союз сеял раскол внутри государственного аппарата империи.

В связи с этим становится понятной и объяснимой та жесткая реакция, которая последовала на создание Союза от официальных властей. В отличие от многих других всероссийских союзов «профессионально-политического» рода, эта организация просуществовала менее двух месяцев (если считать от принятия устава до официального запрета, то ровно четыре недели). Председатель Совета министров С.Ю. Витте в специальном циркуляре обратил внимание соответствующего начальства на «образ действий некоторых лиц, состоящих на государственной службе и своим отношением к происходящим событиям нарушающих основные начала служебной дисциплины». Четко указывалось, что «должностным лицам, как состоящим на

государственной службе, так и вольнонаемным, воспрещается всякое участие в политических партиях, обществах и союзах»⁶². Следствием данного распоряжения стало отобрание у всех государственных служащих соответствующих подписок в непринадлежности к указанным организациям.

Важно отметить, что политические симпатии упраздненного Союза были, в общем и целом, связаны с кадетской партией. Однако было бы неоправданным упрощением ситуации сводить ее исключительно к борьбе конституционных демократов с правительством. Важнейшим аспектом являлась легальная постановка чиновничеством среднего звена своих групповых задач и попытка добиться их решения путем политической борьбы, с опорой на те силы, которые были согласны признать и учитывать их корпоративные интересы. Дополнительным аргументом в пользу того, чтобы не рассматривать возникшую всероссийскую чиновничью организацию в качестве исключительно своеобразного «филиала» кадетской партии, помимо представленного выше анализа ее программы и устава, является также содержание «запретительного» правительственного циркуляра. В нем чиновникам было отказано в праве состоять в любом политическом объединении, в том числе монархического верноподданнического толка. Это показывает, насколько важным для власти являлось недопущение вообще любой, а не только оппозиционной профессионально-политической самоорганизации чиновничества.

В постреволюционный период, вместе с падением накала социальной напряженности, условий для повторных попыток легализоваться в качестве политической силы у бюрократии уже не было. Однако государственные служащие продолжили требовать создания собственных специальных корпоративных структур профсоюзного толка: в 1912 г. в империи впервые появился и специальный общероссийский печатный орган, поддерживавший подобные идеи объединения, — «Вестник чиновника»⁶³. Показательно, что он просуществовал чуть более года и был закрыт в 1913 г. как не пользующийся поддержкой правительства, хотя редакция газеты не предоставляла своих страниц представителям политической оппозиции.

В позднимперский период ни одной легальной специализированной корпоративной структуры, даже профсоюзного характера, у российского чиновничества не появилось, несмотря на то что такие требования систематически высказывались как перед и во время, так и после революции

⁶² ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 798. Л. 3.

⁶³ Вестник чиновника. Еженедельный, беспартийный, иллюстрированный, общественно-экономический и литературно-политический журнал, посвященный интересам состоящих на государственной службе. 1912-1913 гг.

1905 г. Это не могло не обусловить углубление неформального коррупционного объединения губернского чиновничества, о факте которого уже было сказано выше.

Все вышеизложенное, на наш взгляд, позволяет сделать вывод, что попытки создания легального (как и нелегального) механизма развития корпоративной самоорганизации в среде чиновничества, *также не являлись особенностью Уральского региона*. Итак, в конце XIX — начале XX в. в среде уральского губернского чиновничества происходил процесс становления и развития корпоративной самоорганизации. Двумя его основными составляющими, во многом взаимодополняющими друг друга, являлись формирование нелегального (коррупционного) и легального (профсоюзного) механизмов отстаивания бюрократических корпоративных интересов. Уже к окончанию Первой русской революции первый из названных механизмов, основанный на массовом сокрытии должностных преступлений от суда, приобрел характеристики системного фактора, тогда как второй натолкнулся на противодействие со стороны официального правительства и был фактически свернут. На наш взгляд, есть ряд весомых оснований экстраполировать данные результаты на чиновничество других регионов поздней Российской империи, что отражает происходивший в этой среде процесс корпоратизации, оказавший влияние на развитие позднеимперской государственности.

На рубеже XIX—XX вв., на фоне и в контексте серьезного обострения социальной напряженности, в Российской империи отчетливо прослеживалась тенденция сплочения чиновничества как определенной корпорации. Исходной точкой данного процесса явилось недовольство чиновничества среднего звена (главным образом регионального, вплоть до уровня столоначальников) своим социальным статусом, материальным положением. На практике были представлены попытки реализации названной тенденции разными путями: от неформального коррупционного объединения до создания своеобразной профсоюзной сети. Правительство проигнорировало объективный статус чиновничества как страты, имеющей специфические интересы, и не позволило ему создать свои легальные неполитические организации. Напротив, у общественности сформировалось отношение к «бюрократии» именно как к независимой общественной силе, причем негативно влияющей на модернизацию российского социума. Сложившаяся ситуация провоцировала ускорение процесса самоосознания чиновничеством своих специфических корпоративных интересов и необходимости их отстаивания. В результате в 1905 г., в условиях апогея противостояния, чиновничество открыто попыталось стать политической силой. После последовавшей в этом вопросе неудачи, в условиях отсутствия легальных

способов защиты своих интересов, в позднеимперской России окончательно оформилось в качестве системного фактора неформальное объединение губернского чиновничества, целенаправленно защищавшее и укреплявшее свое место в общественной системе коррупционным путем. Этот социальный феномен в межреволюционный период 1907–1917 гг. стал самодовлеющим фактором, во многом определявшим ситуацию на местах и в рамках вертикали власти в целом. С таким состоянием власти страна вступила в мировой военный конфликт.

Ключевые слова:

чиновничество, Российская империя, Урал, коррупция, гражданское общество, государственность

Sergey V. Lubichankovsky

GUBERNATORIAL ADMINISTRATION OF THE URAL

during the reign of Nickolay II

The article analyses the late-empire period evolution of gubernatorial administrations in the Ural region of Russia. The author comes to a conclusion that at the end of the 19th and early 20th centuries, certain self-organizing processes took place within the state offices. Illegal (corruption, bribery) and legal (labor unions) tools in order to support and promote public service and bureaucracy corporate interests were developed. Dissatisfaction of the middle management (bureaucracy) with the social status and reduced circumstances was the starting point for the evolution process. The situation was exacerbated by the social attitudes, in which bureaucracy negatively affected the modernization of Russian society, especially evident in 1905.

By the end of the first Russian revolution the mechanics of bureaucratic corruption in Urals, based on covering of illegal actions acquired characteristics of a well structured, self-organizing system. The legal labor unions faced contractions from government and all of their initiatives were almost shut down. As a result within the governmental system, for not having any legal instruments, informal coalition which protected and strengthened the social position of state officers by means of corruption appeared.

 Любичанковский Сергей Валентинович

доктор исторических наук, профессор Оренбургского государственного
педагогического университета

В.Д. Лебедев

ПАДЕНИЕ МОНАРХИИ В РОССИИ

и великие князья Павел Александрович и Дмитрий Павлович

а свою историю династия Романовых дала немало неординарных и ярких деятелей, много сделавших для России, для ее развития и процветания.

Роль великих князей и княгинь в политической жизни Российской империи в период правления последнего императора Николая II (с 1894 по 1917 г.) — сложная и многогранная научная проблема, которая уже несколько десятилетий интересует историков, как в России, так и за рубежом. Ими написано множество монографий и статей. В советской историографии в связи с революционными событиями 1917 года в Петрограде описывалось участие великих князей в заговоре против царя¹. В исследованиях, посвященных, прежде всего, великому князю Николаю Михайловичу Романову, утверждается, что он находился в самом центре заговора против императора и координировал основные направления оппозиционного натиска, поскольку Николай Михайлович был убежден, что монархия — «прочитанная страница»

¹ Подробнее см.: *Петрова Е.Е.* Император Николай II и великокняжеское окружение накануне Февральской революции. Некоторые проблемы историографии // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX—XX веков. М., 1999. С. 123—129.

Революция в Петрограде.
Февраль 1917 г.

истории². На страницах многих изданий пишется о том, что конфликт между великими князьями и царской семьей созрел задолго до Февральской революции, что существовала некая единая великокняжеская фронда. При этом, как правило, ссылаются на факты переговоров великих князей с монархом в конце 1916 — начале 1917 г., во время которых они пытались убедить его пойти на уступки Государственной думе, отстранить от двора Г.Е. Распутина и провести реформы в государстве. Между тем следует подчеркнуть, что с самого начала своего правления Николай II позволял своим родственникам письменно или устно высказываться о путях развития страны. Так, один из них, великий князь Александр Михайлович, писал письма политического характера на протяжении 25 лет, иногда даже спорил с императором, но из этого факта никак нельзя усомниться в его верности престолу.

Потомки Романовых неоднократно высказывались о роли своих предков в событиях 1916—1917 гг., считая точку зрения о конфликтах в семье до

² Письма великого князя Николая Михайловича к Ф. Масону // Книга в России. Проблемы источниковедения и историографии. Сборник научных трудов. СПб., 1991. С. 67—78; Коцюбинский Д.А. Великий князь Николай Михайлович — координатор «штурма власти». К постановке проблемы // Политическая история России первой четверти XX века. Памяти профессора В.И. Старцева. СПб., 2006. С. 206.

революции неубедительной. По их мнению, ошибкой последнего монарха стало учреждение Думы и ее последующий роспуск, а также недооценка революционеров. Ряд представителей династии, например княгиня Мария Владимировна, добавляют, что современный юбилей — праздник не только самих Романовых, но и тех, кто чтит национальные традиции³. Некоторые Романовы, например князь Николай Романович, ссылаются на документы, которые в России неизвестны. За последние годы полемика вокруг этой ситуации в какой-то мере утратила академический характер и стала общественно-политической.

Правомерно ли утверждать, что великих князей использовали для подготовки переворота с целью свержения Николая II, а их действия были следствием политической безграмотности и неопытности? Следует ли считать их деятельность накануне Февральской революции 1917 г. предательством по отношению к последнему императору?

К началу XX в. общее количество представителей Дома Романовых было весьма многочисленным и составляло около 300 человек, из них по мужской линии 94 (если отсчитывать количество потомков императора Павла I в шести поколениях). Особенно стремительно увеличилась семья при императоре Николае I, у которого родились три сына и четыре дочери. Они и были основателями пяти основных ветвей фамилии: Александровичи от императора Александра II, Константиновичи от великого князя Константина Николаевича, Николаевичи от великого князя Николая Николаевича старшего, Михайловичи от великого князя Михаила Николаевича и герцоги Лейхтенбергские от великой княгини Марии Николаевны⁴.

О многих великих князьях на самом деле известно мало. К таковым можно отнести младшего сына императора Александра II (1818–1881, император с 1855 г.) и императрицы Марии Александровны великого князя Павла Александровича, расстрелянного со своими двоюродными братьями в 1919 г., и внука монарха, великого князя Дмитрия Павловича. Последний получил известность как участник убийства Г.Е. Распутина⁵. О великом князе Павле Александровиче в литературе упоминали редко и, как правило, в контексте истории политического террора. Каких-либо

³ Подробнее см.: *Думин Ст.* Романовы. Императорский дом в изгнании. М., 1998; *Наша газета (Женева)*. 2012. 5 декабря; *Имперский журнал*. 2013. 26 января; Государственный архив Российской Федерации (далее ГА РФ). Ф. 645. Оп. 1. Д. 792.

⁴ *Кузьмин Ю.А.* Российская императорская фамилия (1797–1917). Библиографический справочник. Изд. 2. СПб., 2011. С. 12–14.

⁵ Подробнее см.: *Буранов Ю.А., Хрусталева В.М.* Романовы. Гибель династии. М., 2000; *Юдин Е.Е.* Юсуповы и Николай II (1890–1916) // *Вопросы истории*. 2009. № 7. С. 132–133.

работ, где целенаправленно изучали их жизнь, общественно-политические воззрения и деятельность, обнаружить не удалось. Исключением является труд З.И. Беяковой⁶. Основное внимание в ее книге сосредоточено на семейной жизни великого князя, его характере, поведению во время событий Февральской революции. Однако государственное и общественное служение великого князя Павла Александровича и его сына, великого князя Дмитрия Павловича, в литературе не исследовано. Именно этой теме, необходимой для понимания их роли в событиях Февральской революции, посвящена настоящая статья.

Великий князь
Павел Александрович.
1892 г.

Источниками для данной темы стали документы ГА РФ, главным образом из личных фондов императоров Александра III (ф. 677) и Николая II (ф. 601), а также великого князя Павла Александровича (ф. 644). Кроме того, использованы воспоминания знавших их лиц: дочери великого князя, великой княгини Марии Павловны, его двоюродного брата, великого князя Александра Михайловича, генералов Н.А. Епанчина, А.И. Спиридовича и др.

Судя по литературе, великий князь Павел Александрович Романов был весьма далек от политики. Так, по словам З.И. Беяковой, великий князь никогда не интересовался ей, ответственных постов не занимал, служил, пока позволяло здоровье, воспитывал детей⁷. Его сын, великий князь Дмитрий Павлович, до войны был известен только тем, что стал председателем

⁶ Беякова З.И. Великие князья Алексей и Павел Александровичи. Дворцы и судьбы. СПб., 1999.

⁷ Там же. С. 121.

Первой русской олимпиады в Киеве (1913 г.). Именно Дмитрию Павловичу было суждено участвовать в убийстве Г.Е. Распутина, что, согласно мнению большинства специалистов, стало одной из причин падения монархии и соответственно развала страны. В то же время известно, что историки оценивают это событие по-разному, часто исходя из собственных представлений о личности погибшего и о степени его влияния на военные и политические события предреволюционной России. Одни считают, что политической программы у него не было, а только вера в народного царя, вследствие чего он и стал объектом для антидинастической пропаганды⁸. Другие — Распутин был влиятельным лицом, сведущ в политических вопросах, а его убийство спланировано и организовано английской разведкой. Сделан вывод, что при исследовании данного вопроса нельзя ссылаться на опубликованную в 1920-х годах переписку императора Николая II с императрицей Александрой Федоровной⁹.

Такое суждение является ошибкой — сверка с подлинниками писем показала точность передачи опубликованного текста, и не имеет никакого значения, был ли переводчик масоном или нет, равно как и партийная принадлежность главного редактора издания. Подобные взгляды лишь напрасно запутывают проблему. Решить ее можно путем тщательного изучения роли всех лиц, принимавших участие в убийстве, их связей с заговорщиками, отношением к войне и поведением во время революции. Следует отметить, что такая мысль уже прозвучала и раскрыта в одном из исследований, посвященных взаимоотношению князей Юсуповых с правящей династией¹⁰. Однако роль других участников этой акции в полной мере еще не изучена. Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим биографии великих князей.

Великий князь Павел Александрович родился 21 сентября 1860 г. в Царском Селе. С рождения его зачислили на военную службу прапорщиком. В 1876 г. стал поручиком. Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. находился при Императорской главной квартире в Болгарии. После войны продолжал военную службу, занимал различные посты в гвардии, в частности, в 1896 г. его назначили командовать 1-й гвардейской кавалерийской дивизией, в 1897 г. получил звание генерал-адъютанта, а еще через год он стал командиром гвардейского корпуса.

Знавшие его современники считали великого князя неплохим человеком, но бесцветным и не способным в деловом отношении. Генерал Н.А. Епанчин

⁸ Буранов Ю.А., Хрусталеv В.М. Указ. соч. С. 189.

⁹ Мультатули П.В. Кругом измена, трусость и обман: Подлинная история отречения Николая II. М., 2012. С. 102–134.

¹⁰ Юдин Е.Е. Указ. соч. С. 132.

Великий князь
Дмитрий Павлович.
1910 г.

вспоминал, что великий князь «был мягкого, обходительного нрава, не позволял себе никаких резких выражений и поступков, но, если так можно выразиться, был человек бесцветный, и, безусловно, можно сказать, что он не был интриганом»¹¹. Аналогичные оценки давал генерал А.А. Брусилов¹². Примечательно, что его одинаково характеризуют военные и государственные деятели, не только занимавшие разные должности, но и придерживающиеся противоположных взглядов. Так, великий князь Александр Михайлович вспоминал: «Дядя Павел, великий князь Павел Александрович, был самым симпатичным из четырех дядей царя, хотя и был несколько высокомерен — черта характера, заимствованная им у брата Сергея благодаря их близости. Он хорошо танцевал, пользовался успехом у женщин и был очень интересен в своем темно-зеленом с серебром доломане, малиновых рейтузах и невысоких сапожках гродненского гусара. Беззаботная и счастливая жизнь кавалерийского офицера его вполне удовлетворяла, великий князь Павел никогда не занимал ответственного поста»¹³. По словам министра финансов С.Ю. Витте, великий князь Павел Александрович был «человек недурной, но совсем ничтожный»¹⁴. Документы, сохранившиеся в личных фондах семьи Романовых, показывают, что великий князь не был заметной политической фигурой. Следствием этого стало то, что историографии о нем как таковой нет. Что касается его общественной деятельности, то о нем мало говорили даже при жизни. Это подтверждает

¹¹ Епанчин Н.А. На службе трех императоров. Воспоминания. М., 1996. С. 219.

¹² Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 2001. С. 189.

¹³ Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. М., 2004. С. 136.

¹⁴ Витте С.Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 1. С. 201.

свидетельство основателя и председателя Императорского Палестинского общества В.Н. Хитрово. Вскоре после убийства императора Александра II великие князья Сергей и Павел Александровичи и их кузен Константин Константинович отправились в паломническую поездку в Святую землю¹⁵. После поездки Хитрово направил письмо начальнику Русской духовной миссии архимандриту Антонину: «Ради Бога, сообщите мне: и какое впечатление вынесли великие князья из Палестины, и какое произвели на Вас? Какой результат их пребывания в особенности для Вас и Ваших учреждений? Ведь это стыд и позор: русские великие князья едут в Иерусалим, пребывают там две недели — и в русских газетах ни полслова, точно запрещено об этом говорить. Это не выдумка, а факт. Об австрийском принце чуть-чуть не следили за каждым шагом, а о русских только и было известие: выехали из Пирея в Яффу, вернулись в Пирей из Яффы»¹⁶. Однако следует признать, что общественное мнение воспринимало князя несколько односторонне.

Оценивая жизнь великого князя Павла Александровича, ее нельзя назвать, как это сделал великий князь Александр Михайлович, беззаботной и вполне счастливой. Ему пришлось пережить многие испытания: смерть родителей в молодом возрасте, в том числе убийство отца, и смерть любимой супруги сразу после рождения Дмитрия Павловича в 1891 г., затем, в 1902 г., — морганатический брак с О.В. Пистолькорс и, как следствие, увольнение со всех должностей и изгнание из страны. Лишь в 1905 г. его простили, разрешили вернуться в Россию и восстановили в звании. Еще один тяжелый удар судьбы — убийство в 1905 г. старшего брата, великого князя Сергея Александровича, с которым они были очень близки. После смерти родителей братья часто вместе проводили время, путешествовали, общались, после второго брака Павла Александровича именно великий князь Сергей Александрович со своей супругой, великой княгиней Елизаветой Федоровной, взяли на себя заботу о воспитании его детей: Марии и Дмитрия.

Обстоятельства семейной жизни выработали в Павле Александровиче совершенно определенные личные и деловые качества. Прежде всего, они закалили характер, выработали в нем сильные черты и сформировали мировоззрение. Это, в свою очередь, предопределило его поступки в годы Первой мировой войны и революции.

Архивные документы, в частности письма императорам Александру III и Николаю II, как и его дневниковые записи, свидетельствуют, что семейные вопросы занимали очень важное, подчас главное место в его жизни. Отличитель-

¹⁵ Бутова Р.Б. Паломничества царской семьи в контексте русской дипломатии на Ближнем Востоке // Российская история. 2010. № 2. С. 101.

¹⁶ Хитрово В.Н. Собрание сочинений и писем. М.; СПб., 2012. Т. 3. С. 130.

Коронационные торжества. Генерал-губернатор Москвы великий князь Сергей Александрович (справа), рядом с ним — великий князь Павел Александрович.
Май 1896 г.

ная черта документов — полное отсутствие каких-либо амбиций, в том числе протекций, касающихся личного продвижения по службе или карьеры какого-нибудь другого лица. Единственное исключение из этого правила — многочисленные просьбы простить его брак с разведенной женщиной и допустить ее ко двору¹⁷. Вместе с тем автор никогда ни о ком плохо не писал. В этом смысле авторы воспоминаний, когда говорили об отсутствии у князя желания заниматься политикой или вести какие-то интриги, не грешили против истины.

Князь был всегда предан монарху и присяге. Более того, трагическая кончина отца и старшего брата пробудила в нем религиозные чувства. Это подтверждает вышеупомянутая история посещения Святой земли, частые посещения церкви, участие в благотворительности¹⁸. В дневнике великого князя Дмитрия Павловича сохранилась запись от 7 октября 1907 г., что перед панихидой его отец выступил с речью о Палестинском обществе, где назвал погибшего брата венценосным мучеником¹⁹. То, что основная часть писем Павла Александровича посвящена семейным делам, не означает, что он относился к военной службе и к вопросам текущей политики формально. В его личном фонде сохранились объемные донесения военных агентов: в Брюсселе и Гааге — подполковника Е.К. Миллера и в Лондоне — полковника Н.С. Ермолова. Документы являются весьма ценным источником по истории Англо-бурской

¹⁷ ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1320. Л. 14–18, 35–35 об.; Ф. 677. Оп. 1. Д. 952, 953.

¹⁸ Великий князь Сергей Александрович Романов: биографические материалы. М., 2009. Кн. 3. С. 55.

¹⁹ ГА РФ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 384. Л. 81 об.

войны 1899–1900 гг., так как содержат подробные сведения о родах войск, участвовавших в сражениях, об их численности, вооружении, материально-техническом обеспечении и пр.²⁰ Можно предположить, что великий князь как генерал от кавалерии заинтересовался этой войной не случайно. Россия к тому времени не вела никаких войн уже более двадцати лет. Чтобы знать характер современных сражений, следовало изучать чужой опыт. Греко-турецкая война 1897 г. и Испано-американская война 1898 г. не могли заинтересовать его, поскольку их исход, особенно во второй кампании, предопределил военно-морской флот. В Южной Африке ситуация была иная. В первом же докладе от 3 августа 1899 г. Ермолов писал: «Буры не знают пехоты. Они знают только ездящую пехоту и артиллерию... Пехоте бороться с ними трудно: англичанам надо иметь много кавалерии и ездящей пехоты»²¹. Сохранилось также свидетельство, что великий князь интересовался не только чисто военными вопросами, но и хорошо разбирался в делах международной политики. Во время командировки в Болгарию генерал Н.А. Епанчин находился под начальством великого князя и часто общался с ним. «Я обратил внимание на то, что великий князь Павел Александрович дал в немногих словах верную характеристику князя Фердинанда, двуличие которого не все у нас признавали среди тех, кому следовало бы это знать; также не обращали должного внимания на его австро-германское направление, явно враждебное России; а великий князь Павел Александрович был исключением в этом отношении, и его слова о князе Фердинанде не раз вспоминал во время командировки в Болгарию»²². Каким образом великий князь разобрался и столь верно оценил политика, и зачем его отправили в Болгарию, неизвестно. Тем не менее, из разных источников видно, что великий князь внимательно отслеживал и анализировал текущие политические и военные события и старался поддерживать вверенные ему воинские подразделения в боеспособном состоянии. Важно подчеркнуть, что великий князь, хотя и не занимался политикой, умел осмысливать ее с точки зрения военной стратегии очень точно. При этом поступками и манерой поведения в высшем свете он ничем не выдавал этих качеств, и этим произвел обманчивое впечатление на современников. Особенно ярко эти черты характера проявились во время Первой мировой войны.

Великий князь из-за слабого здоровья и преклонного для действительной военной службы возраста не смог сразу приступить к своим обязанностям. Императорский указ находится при царской Ставке «во время пред-

²⁰ Там же. Д. 29, 30.

²¹ Там же. Д. 29. Л. 4.

²² Епанчин Н.А. Указ. соч. С. 220.

стоящего пребывания на театре военных действий», полученный от командующего Императорской главной квартирой графом В.Б. Фредериксом, был подписан только 17 августа 1914 г., т.е. через месяц после начала войны²³. Однако обострение хронической болезни не давало ему возможности постоянно исполнять обязанности. Тем не менее, Павел Александрович старался внести вклад в победу. Приведем его слова, сказанные в письме Николаю II от 24 ноября 1915 г.: «Об одном тебя умоляю: не ставить на мне крест. Бог даст... буду в состоянии послужить тебе и Родине в рядах дивной, горячо мной любимой армии»²⁴. В этом же письме князь пишет, что радуется и гордится назначением его на должность Верховного главнокомандующего. Написано это было в крайне тяжелый момент, когда армия уже потерпела тяжелое поражение на Северо-Западном фронте, а в правительственных кругах и в Думе уже пытались вмешиваться в решения императора с целью воспрепятствовать уходу великого князя Николая Николаевича с поста главнокомандующего. Между тем не только Павел Александрович, но и военные специалисты считали, что «окружение вел. князя и его ближайшие сотрудники слабее сотрудников государя»²⁵. Его состояние вызывало беспокойство у императрицы, которая незадолго до этого, 13 ноября 1915 г., отправила супругу такое письмо: «Тебе придется подумать о заместителе Павлу, потому что, если он даже и выздоровеет, то, во всяком случае, не может быть и речи о том, чтобы он служил на театре войны»²⁶. И все же она была едва ли не единственной из окружения императора, кто ценил деловые качества великого князя. «...Павел пил чай у меня, — писала она, — и мы с ним долго беседовали. Что ж, я думаю, он действительно будет полезен, он вполне здраво смотрит на вещи»²⁷. Как бы то ни было, ему было позволено продолжать службу, причем в его обязанности входило ведение кандидатских списков на должности от командиров полков и выше²⁸. Очевидно, что при таких обязанностях легко было нажить влиятельных врагов. Об этом периоде в жизни князя вспоминал генерал А.И. Спиридович: «В Мисхоре жил недолго, отдыхая после командования корпусом, вел. кн. Павел Александрович с супругой. Спросив по телефону, когда могу представиться, я был приглашен к чаю. Вел. князь казался усталым, но готовился вновь работать по инспекции

²³ ГА РФ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 37. Л. 1.

²⁴ Там же. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1320. Л. 38–38 об.

²⁵ Свечин М. Записки старого генерала о былом. Ницца, 1964. С. 110.

²⁶ Переписка Николая и Александры Романовых, 1914–1915 гг. М.; Пг., 1925. Т. III. С. 455.

²⁷ ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1151. Л. 259; см. также: Переписка Николая и Александры Романовых, 1916–1917 гг. М.; Л., 1927. Т. V. С. 10.

²⁸ ГА РФ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 48. Л. 1.

гвардии»²⁹. Таким образом, оценивая роль великого князя в событиях Первой мировой войны и последовавшей революции, необходимо делать скидку на его слабое здоровье, физическую и психологическую усталость. Несмотря на эти обстоятельства, его довоенная деятельность дала высокие результаты.

Тщательная подготовка к войне, постоянные учения кавалерийских войск накануне ее положительно сказались на результатах боевых операций. Это подтверждают рапорты командира Гродненского полка генерала А. Винекена и начальника Отдельной гвардейской кавалерийской бригады Свиты Его Величества генерал-майора Маннергейма, направленные великому князю. Приведем цитату из описания боя под Яновым в августе 1914 г.: «Если при чрезвычайно трудной обстановке действия полка в день 30 августа вылились в стройную операцию, то я должен отнести это не только к тому стремлению к взаимной выручке, которое присуще гродненским гусарам, а в значительной степени к блестящему руководству командующего полком полковника Головина, умелые и всегда своевременные распоряжения которого связывали между собой эск[адро]ны, разбросанные на большом пространстве, направляя их все к одной общей цели — неотступное и навязчивое преследование отходившего противника». Столь же удачны были военные операции полка в районе Язовец-Усечко 7 сентября 1915 г.³⁰, и это после тяжелейших поражений российских войск в мае того же года. В случае поражений, а сейчас выявлен один такой эпизод, великий князь Павел Александрович получал для расследования необходимые документы³¹. Такие материалы опровергают бездоказательные утверждения А.А. Брусилова, будто великий князь в военном деле ничего не понимал³². Сохранился приказ №0193 от 10 октября 1916 г. о выговоре командиру 1-го гвардейского корпуса генералу П. Потоцкому и начальнику 10-й сибирской стрелковой дивизии генералу Елчанинову, а также материалы расследования по факту издания такого приказа, подписанного Брусиловым.

Каких-либо данных об изменении его политических воззрений во время войны не обнаружено. Его дочь, великая княгиня Мария Павловна, вернувшись с фронта, писала, как в тылу «все без исключения жаловались, критиковали, ужасались... я всегда с радостью возвращалась в свою больницу или в дом своего отца в Царском Селе. По крайней мере, казалось, что его поддерживают мужество, мудрость и умение абстрактно мыслить.

²⁹ *Спиридович А.И.* Великая война и Февральская революция, 1914–1917 гг. Нью-Йорк, 1960. Кн. 2. С. 139.

³⁰ ГА РФ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 39. Л. 4–5 об., 13.

³¹ Там же. Д. 38. Л. 24; Д. 48. Л. 5–7 об., 8, 12.

³² *Брусилов А.А.* Указ. соч. С. 189.

В Ставке. За обеденным столом сидят слева: великий князь Павел Александрович, великий князь Дмитрий Павлович, Николай II, граф В.Б. Фредерикс, в центре стола — цесаревич Алексей Николаевич.
1915 г.

Настроения толпы оставляли его равнодушным»³³. И все же место и роль великого князя Павла Александровича в исторических событиях Февральской революции нельзя в полной мере определить, не имея представления о судьбе его сына, великого князя Дмитрия Павловича.

Великий князь Дмитрий Павлович родился 6 сентября 1891 г. в с. Ильинском Звенигородского уезда Московской губернии. Вскоре после его рождения скончалась его мать, великая княгиня Александра Георгиевна. Как и других великих князей, его воспитывал штат наставников, благодаря которым он получил всестороннее образование. На наш взгляд, следует опровергнуть получившую распространение в интернете и в литературе легенду, что смерть Александры Георгиевны и повторное бракосочетание отца психологически отдалили от него сына и старшую дочь, великую княгиню Марию Павловну. Хотя с 1902 г., в связи с высылкой Павла Александровича из России, детей взяли в императорскую семью, а затем — к Сергею Александровичу и Елизавете Федоровне, великий князь с детства уважал отца, всегда был очень близок с ним, и эта привязанность сохранялась при любых ситуациях. Вот что он писал во время высылки отца из России в 1902 г. (24 октября): «Дорогой Папа, благодарю Тебя за чудное письмо. Скажи, у Ольги Валерьяновны есть дети? Они будут жить с нами. Я бы ужасно хотел хоть на несколько дней приехать к тебе... Я надеюсь, что дядя Ники (т.е. Николай II. — В.А.) Тебе позволит скоро

³³ Мария Романова. Воспоминания великой княжны. Страницы жизни кузины Николая II, 1890–1918. М., 2006. С. 222.

вернуться»³⁴. Эту черту характера он сохранил, когда уже стал взрослым, и она сыграла большую роль в судьбе не только их личной, но и всей династии.

Дмитрий Павлович, писал морской офицер Г.К. Граф, длительное время служивший у великого князя Кирилла Владимировича, «как и большинство Романовых, был очень красив, строен и утонченно породист». По его словам, князь «является незаурядной личностью. Он был умен, обладал большой долей здравого смысла, но и обладал известным авантюризмом. Он был замечен всюду, где ни появлялся»³⁵. От отца он воспринял любовь к военной службе, особенно к кавалерии, и, как уже выше отмечалось, к спорту. Вот как описывает великий князь Гавриил Константинович принятие присяги (1912 г.): «6 января, в день крещенского выхода, присягали великий князь Дмитрий Павлович и князь С.Г. Романовский герцог Лейхтенбергский. Как всегда, семейство собралось в комнатах Их Величеств. После обедни Дмитрий и Сергей присягали сперва как члены императорского дома, а затем — как офицеры. Дмитрий присягал под Конногвардейским штандартом, а Сергей — под Андреевским флагом флотского экипажа, стоявшего в Петербурге... Дмитрий сиял от радости быть флигель-адъютантом»³⁶. С самого начала войны великий князь участвовал в боях на Западном фронте. В письмах к своей сестре, великой княгине Марии Павловне, он сообщал о них, например о сражении при Каушине, в котором было убито более половины офицеров конной гвардии. Во время одного из них он был награжден за спасение раненого солдата³⁷. Как получилось, что офицер с такими высокими личными и деловыми качествами и столь далекий от политики оказался замешанным в политическом убийстве, а его отец подписал письмо с просьбой смягчить его участь?

До войны великий князь Дмитрий Павлович действительно политикой не интересовался. В письмах или дневниках он никогда не касался политических вопросов, даже единственное сохранившееся письмо императору, посланное во время войны (24 декабря 1914 г.), имеет лично-бытовой характер³⁸. Правда, со своим отцом он все-таки разговаривал о политических проблемах. Так, в одном из его писем от 23 апреля 1917 г. он напоминает Павлу Александровичу: «Потом другая мысль мне покоя не дает. В дни старого режима, в дни того, что теперь принято называть “прогнившим строем”, мы часто и откровенно

³⁴ ГА РФ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 170. Л. 8.

³⁵ Граф Г.К. На службе Императорскому Дому. 1917–1941. Воспоминания. СПб., 2004. С. 510.

³⁶ Великий князь Гавриил Константинович. В мраморном дворце: Воспоминания. 2-е изд. М., 2005. С. 137–138.

³⁷ Мария Романова. Указ. соч. С. 168, 183.

³⁸ ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1248. Л. 35–36 об.

говорили с тобою! Ты отлично знал мои взгляды, которые шли прямо против того, что тогда говорилось. Мы все приходили к убеждению, что “старый режим неминуемо должен привести к финальной катастрофе” — так и случилось!»³⁹ Однако о своем предполагаемом участии в убийстве Распутина он ему все же не сообщил. Не исключено, что он так поступил, понимая, что Павел Александрович плохо себя чувствовал. Во всяком случае, Мария Павловна пишет, что они с братом потом очень волновались, как объяснить больному Павлу Александровичу факт убийства. Собственно, великий князь Распутина лично не убивал, на его руках не было крови, он лишь вывез на личном автомобиле убийц к Петровскому мосту, куда сбросили тело Распутина⁴⁰.

Организаторы преступления, скорее всего, понимали, что проще привлечь к этой акции молодого и неопытного в политических интригах офицера, чем пожилого князя, знавшего особенности политической жизни в течение почти 40 лет. По-видимому, в своих предположениях не ошибались, поскольку Павел Александрович называл поступок сына опасным и непродуманным со всех точек зрения⁴¹. Факт письменной просьбы смягчить наказание сыну и не отправлять его в Персию нельзя трактовать как попытку оказания политического давления. Письмо носило личный характер и было продиктовано страхом за судьбу Дмитрия Павловича⁴². Как показали последующие события, ссылка спасла жизнь великому князю. О безуспешных попытках Павла Александровича спасти трон в феврале—марте 1917 г., хотя бы путем политических компромиссов, подробно писали в литературе⁴³. Он оказался среди тех редких общественных и военных деятелей, которые пытались остановить массовую клевету в прессе относительно царской семьи. Это подтверждает его переписка с редакцией французской газеты «Аргюс»⁴⁴.

Представляется, что не лишено оснований мнение, согласно которому Дмитрия Павловича втянули в преступление по его неопытности и легкомыслию⁴⁵. Во-первых, Мария Павловна писала о Распутине: «Я очень много слышала о нем, но ни отец, ни брат, ни я никогда не видели его»⁴⁶. Отметим

³⁹ Там же. Ф. 644. Оп. 1. Д. 170. Л. 57—57 об.; Красный архив. М., 1928. Т. 5 (30).

⁴⁰ *Пуришкевич В.М.* Убийство Распутина (из дневника). М., 1990. С. 141; *Князь Феликс Юсупов.* Мемуары в двух книгах. М., 2011. С. 212.

⁴¹ *Мария Романова.* Указ. соч. С. 279.

⁴² ГА РФ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 53.

⁴³ *Белякова З.И.* Указ. соч. С. 123—124; *Скорбный путь Романовых // Архив новейшей истории России.* М., 2001. Т. 3. С. 36—37, 41—42.

⁴⁴ ГА РФ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 61. Л. 1. Автор благодарит Е.А. Рейдик за перевод с французского языка текста документа.

⁴⁵ *Граф Г.К.* Указ. соч. С. 511.

⁴⁶ *Мария Романова.* Указ. соч. С. 244.

также, что в семье Романовых почти никто не знал о предстоящем покушении. Те из них, кто сочувственно отнесся к убийству, узнали об этом задним числом. Примечательно, что даже супруга князя Ф.Ф. Юсупова, одного из главных организаторов акции, княгиня Ирина Александровна Романова, узнав о намерениях уничтожить Распутина, попросила мужа не лезть в «разные грязные истории»⁴⁷.

То, что преступление было совершено не по его инициативе, подтверждают, хотя и косвенно, воспоминания Ф.Ф. Юсупова. По его словам, великий князь вроде бы «давно подумывал об убийстве», но способа осуществить этого не представлял. Во всяком случае, этот разговор инициировал автор воспоминаний. Поскольку они не содержат намека на покаяние, в данном случае эти строки вызывают доверие⁴⁸. Мотивы его поступка видны из строк его письма Павлу Александровичу из Персии от 23 апреля 1917 г.: «Помнишь, как я был, сам того не зная, — прав, когда умолял Ники не брать командование армиями, относиться с бóльшим доверием к народному представительству и обращать больше внимания на общественное мнение, говоря, что в противном случае — все рухнет! Наконец, последним актом моего пребывания в Петр[огrade] явилось *вполне сознательное* и продуманное участие в убийстве Распутина — как последняя попытка дать возможность государю открыто переменить курс, не беря на себя ответственности за удаление этого человека. (Аликс (т.е. Александра Федоровна. — В.Л.) ему это бы не дала сделать.) И даже это не помогло, и все осталось по-прежнему, если не стало еще хуже! Так вот какая мысль мне не дает покоя. Видя, что творится кругом, неужели старое правительство было право, когда в основу всей своей политики (против которой я так восставал) клало идею о том, что мы, русские, не доросли до “свободы”»⁴⁹. Помимо побудительных причин, автор подчеркивает, правда запоздало, мысль о правоте старого правительства.

Как и отец, столь же предан престолу был и великий князь Дмитрий Павлович: 14 января 1917 г. он пишет: «Вот говорят же “Велик Бог земли русской”. Он видит все. Он знает, что кто бы ни сделал это дело (убийство Расп[утина]), эти люди искренно, горячо, страстно любят Россию, свою родину. Люди эти, любя Россию, горячо преданы своему государю»⁵⁰. Когда 5 марта того же года он получил телеграмму от брата, отрекшегося императора, великого князя Михаила Александровича с вопросом о возвращении в Петроград, великий князь ответил так: «Тебе известно, что мой отъезд в Персию был вызван волей

⁴⁷ Юдин Е.Е. Указ. соч. С. 134.

⁴⁸ Князь Феликс Юсупов. Указ. соч. С. 180.

⁴⁹ ГА РФ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 170. Л. 57 об. — 59.

⁵⁰ Там же. Л. 24—24 об.; см. также: Юдин Е.Е. Указ. соч. С. 133.

Наследник цесаревич Алексей Николаевич и великий князь Дмитрий Павлович.
1915 г.

Твоего брата. Без категорического указания оставить место своего пребывания не считаю возможным. От кого получу эти указания — не знаю»⁵¹.

Таким образом, молодой офицер-фронтовик был втянут в политический заговор, который сыграл столь значимую роль в судьбе не только династии Романовых, но и в падении Российской империи. Его нельзя считать участником заговора против главы государства. Настоящие организаторы переворота — руководители Прогрессивного блока и военно-промышленных комитетов — старались использовать любой повод для имитации политического и экономического кризиса. Сейчас уже опубликовано множество свидетельств, что, несмотря на забастовки в Петрограде, на фронте и в провинции обстановка была спокойной. В одном из них, в частности, говорилось: «Мы, находясь на фронте, можем засвидетельствовать, что в солдатской массе не замечалось какого-либо брожения. Но в офицерскую среду, особенно в гвардии, имевшей больше связей со столичными кругами, доходили сведения о желании некоторых слоев русского общества, включая и близких трону, и лиц императорской фамилии, о даровании ответственного министерства»⁵². Об абсолютном равнодушии крестьянства к столичным проблемам писала летом 1916 г. и Мария Павловна: «Крестьяне ничего не знали о внутренней политике, о Думе, и это их не интересовало... Старая поговорка “Милостив царь, да не милостив псарь” прекрасно иллюстрирует представления народа о власти»⁵³.

Заговорщики любили использовать довод о недовольстве народа для политического давления на монарха. Однако этого оказалось недостаточно.

⁵¹ ГА РФ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 170. Л. 44–44 об.

⁵² Свечин М. Указ. соч. С. 129.

⁵³ Мария Романова. Указ. соч. С. 248.

Другим способом организовать политический кризис стало распространение слухов о связях императрицы и Распутина с германской разведкой. Это позволяло внести раскол в царскую семью и ее ближайшее окружение и тем самым лишить монарха, без того чрезвычайно загруженного делами на фронте, какой-либо поддержки и опоры в обществе.

Кроме того, заговорщики решили использовать молодого человека из царской семьи для убийства, что действительно внесло конфликт и растерянность в Дом Романовых. Так, великий князь Андрей Владимирович записал в дневнике от 4 января 1917 г.: «Вообще мы переживаем странное время. Самые обыкновенные вещи истолковываются наизнанку. Написали мы Ники о смягчении участи Дм[итрия] Пав[ловича], а истолковали что-то вроде семейного бунта. Как это произошло, совершенно непонятно. Сидишь у себя смирно дома, а говорят, что бойкотируешь Кутайсова⁵⁴. Почему это все, кому это нужно. Не без цели хотят всю семью перессорить, а главное — поссорить с государем. Это очень серьезно, и нам надо принять меры, чтобы государь знал нас, как мы ему преданы»⁵⁵.

Быстро принять решение, как надо бороться с заговорщиками и революционерами, Николай II не смог. «В обращении с ними нужна решительность, особенно теперь», — писала ему Александра Федоровна, на что последовал такой ответ: «Ты пишешь о том, чтобы быть твердым — повелителем, это совершенно верно. Будь уверена, я не забываю, но вовсе не нужно огрызаться на людей направо и налево. Спокойного резкого замечания или ответа очень часто совершенно достаточно, чтобы указать тому или другому его место»⁵⁶. И такая позиция последнего императора стала одной из главных причин падения монархии. Все попытки великого князя Павла Александровича найти какой-то компромисс с руководством Думы и ее председателем, другие его действия были неудачны и лишь подчеркивали политическую беспомощность династии Романовых во время Февральской революции 1917 года.

⁵⁴ К.П. Кутайсов — полковник артиллерии и депутат IV Государственной думы.

⁵⁵ ГА РФ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 35. Л. 22 об.

⁵⁶ Скорбный путь Романовых... С. 25, 26.

Ключевые слова:

политический кризис, монархия, заговор, великие князья, Первая мировая война, Февральская революция

Vladimir D. Lebedev

OVERTHROW OF THE MONARCHY IN RUSSIA

and the Grand Dukes Pavel Alexandrovich
and Dmitriy Pavlovich

he article is dedicated to the personal and political life of the Grand Dukes Pavel Alexandrovich and Dmitriy Pavlovich, and their relation with the Emperor Nikolay II. The focus is upon the role of the Dukes in the political life of the country before the 1917 revolution. The author analyses the biographies of the Grand Dukes, the processes which formed their attitudes toward military service, monarchy, society and world-outlook. Special attention was paid to the extraordinary concurrence of circumstances that led to the participation of Dmitriy Pavlovich in the murder of G.E. Rasputin.

 Лебедев Владимир Дмитриевич

кандидат исторических наук, ведущий специалист отдела изучения
и публикаций документов Государственного архива Российской
Федерации

А.Н. Закатов

СТАНОВЛЕНИЕ ДИНАСТИИ РОМАНОВЫХ В ИЗГНАНИИ

Монархический государственный строй, основанный на патерналистских ценностях, нерасторжимо связан с династичностью и наследственностью¹. Даже в тех монархических государствах, где оставались сильными республиканские традиции выборности (например, Западная и Восточная Римская империя, Священная Римская империя германской нации, Речь Посполитая), наблюдается устойчивая тенденция в стремлении закрепить власть за определенным родом².

¹ «Повсюду, где состояние народных идеалов допускает возникновение монархии, — пишет Л.А. Тихомиров, — сама собой возникает идея династичности. <...> Династичность наилучше обеспечивает постоянство и незыблемость власти и ее обязанность выражать дух истории, а не только личные особенности государя» (Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. СПб, 1992. С. 438—439).

² В некоторых случаях эта цель была достигнута (династия Палеологов в Восточной Римской империи, династия Габсбургов в Священной Римской империи). В Речи Посполитой только династия Ваза удалось продержаться в двух поколениях и в лице трех представителей — короля Сигизмунда III и его сыновей Владислава IV и Яна II Казимира. Но на закате этого государства в конце XVIII в. наиболее здравомыслящие политики в целях его спасения предлагали отказаться от выборности и вернуться к наследственности королевской власти.

В подавляющем же большинстве монархий династии стали неотъемлемой частью государственного устройства. Принадлежность любому царственному дому таких признаков, как выполнение государственных функций, наличие законодательной базы и внутреннего распорядка, штата вспомогательных учреждений, бюджета и делопроизводства, позволяет сказать, что каждый из них представлял собой уникальную институцию — единственный род, обладающий рангом государственного учреждения, из среды которого в том или ином определенном законом порядке наследования происходили носители верховной власти.

И в тех странах, где династии существуют непрерывно с момента основания государства, и в тех, где происходила смена династий (порой неоднократно), бережно хранится принцип непрерывности преемственности. Даже в условиях отсутствия писаного закона о престолонаследии при воцарении новой династии всегда изыскивались те или иные правовые обоснования, связывающие ее с династией предыдущей. С появлением же законов о престолонаследии, четко регламентирующих правопреемство, надобность в поисках легендарных или дискуссионных аргументов отпадает, так как сами юридические акты всегда указывают тот род и того его конкретного представителя, которые наследуют в случае угасания прежнего царствующего дома.

Обладая историческим континуитетом, каждая династия помимо своих политических управительных функций играет роль сакрального символа в системе традиционалистских представлений и ценностей. Царственный дом, связывающий многие эпохи, является живым воплощением и хранителем системы религиозных и мирских представлений, составляющих идею монархии.

Поэтому лишение династий управительной власти и статуса государственного учреждения не упраздняет их бытия в качестве особых исторических институций — корпораций, обладающих несомненной преемственностью с момента возникновения на основе своих внутренних исторически сложившихся правовых установлений, идей и социокультурных традиций³.

С точки зрения монархического менталитета престол существует всегда и не может пустовать. Умирает конкретный государь, но государь вообще не может умереть никогда. В начале эпохи революций законные наследники

³ Аналогично Церковь, независимо от отношения к ней государства, сохраняется не только в религиозном понимании как мистическое Тело Христово, но и как историческая институция со своим каноническим правом, иерархией, таинствами, обычаями и обрядами.

низложенных и казненных монархов немедленно принимали титул короля в изгнании, следуя девизу «Король умер, да здравствует король!». Эти акты получали международное признание. В XVII в. в Англии сыну Карла I Карлу II, а в XIX в. во Франции брату Людовика XVI и дяде Людовика XVII Людовику XVIII удалось вернуться на престол, причем счет лет их царствований велся не от реального воцарения, а от момента смерти предшественника.

В XIX и XX вв. был свергнут целый ряд царственных домов. Отрешение их от власти и правовое оформление этих процессов происходили по-разному. Некоторые династии смирились с произошедшим, некоторые в течение того или иного времени продолжали активную борьбу за восстановление монархии. Но ни одна династия не самоупразднилась и не отказалась от по крайней мере своей исторической миссии хранительницы национально-государственных традиций.

В России на протяжении всей ее истории существовало три династии — Рюриковичей (21 поколение), Годуновых (2 поколения) и Романовых (на настоящий момент 13 поколений).

Дом Рюриковичей был призван на княжение в Новгород старейшинами славянских племен в 862 г. и правил до 1598 г. С конца XIII — начала XIV в. из него выделилась линия Даниловичей⁴, восстановившая централизованное Русское государство, освободившая страну от татаро-монгольской зависимости и провозгласившая преемственность России по отношению к Римской государственности.

Предпоследний государь из этой линии Иоанн IV Грозный завершил правовое оформление суверенитета Руси, официально приняв в 1547 г. титул царя. Но с кончиной его бездетного сына Феодора I царский дом Рюриковичей угас. Потомки других ветвей Рюрикова рода, состоявшие в дальнем кровном родстве с Даниловичами, уже не воспринимались как «принцы крови», правомочные к наследованию. Собор 1598 г., основываясь на религиозно-правовых представлениях того времени, призвал на царство шурина Феодора I — Бориса Феодоровича Годунова, почитаемого «в брата место» почившего государя⁵.

⁴ Потомков младшего сына св. Александра Невского — св. князя Даниила Московского.

⁵ Престолонаследие по свойству за неимением близких кровных родственников в условиях отсутствия писаного закона было присуще не только России, но и некоторым другим христианским государствам. Например, на тех же правовых основаниях еще в 1066 г. унаследовал престол последний англо-саксонский король Англии Гаральд, шурина короля Эдуарда III Исповедника, тестя киевского великого князя Владимира II Мономаха

Дом Годуновых не удержался у власти по многим причинам. Но главной из них было эффективное использование Лжедмитрием I стихийной приверженности русского народа принципу династичности⁶.

Разоблачение самозванца и его гибель не предотвратили эскалации разрушительных процессов. Попытка установить выборную монархию по образцу Речи Посполитой в лице Василия Шуйского потерпела крах⁷. Только после победы II Ополчения созванный в Москве Великий собор 1613 г. положил конец Смуте, применив при поиске законных преемников дома Рюриковичей тот же принцип, что и Собор 1598 г.⁸

Император
Николай II
с семьей.

Потомства шурина Феодора I Бориса Годунова более не существовало. Предыдущий царь Иоанн IV был женат первым браком на Анастасии Романовне Захарьиной-Юрьевой. Ее брат — увековеченный в народных песнях и сказаниях благочестивый царский шурин Никита Романович — оказался бы теперь в том же положении преемника царской власти, что и Борис Годунов в 1598 г. Но он скончался еще в 1586 г. Его старший сын Федор Романов, двоюродный брат Феодора I, был насильственно пострижен

⁶ «Легенда одержала победу над действительностью тем, что смутила общественное сознание призраком легитимизма и дала в то же время опасное знамя в руки всех элементов населения, недовольных своим положением» (Три века. Исторический сборник / Под ред. В.В. Калаша. М.: Изд. И.Д. Сытина, 1912. В 6 т. Т. 1. С. 15).

⁷ Василий Шуйский был низложен и насильственно пострижен в монашество, а власть временно перешла к Семибоярщине.

⁸ Повесть о Земском соборе 1613 г. // Вопросы истории. 1985. Май. С. 94—95).

в монашество при Борисе I, подозревавшем Романовых в стремлении к власти. Наследником этой линии преемников дома Рюриковичей стал 16-летний сын Ф.Н. Романова Михаил. Никаких личных заслуг, за которые его могли бы «избрать», у него в тот момент не существовало. Но именно на него, как на легитимного наследника, указывал патриарх Гермоген сразу после гибели Ажедмитрия I. И именно его имя примирило все партии, участвовавшие в Великом соборе 1613 г.⁹

Утвержденная грамота Великого собора 1613 г. недвусмысленно обосновывала права дома Романовых на его родстве по женской линии с домом Рюриковичей¹⁰. Исторический континуитет был обеспечен.

Первые цари дома Романовых придерживались установившейся при Василии II Темном традиции престолонаследия по прямой нисходящей мужской линии. Император Петр I в 1722 г. издал именной указ «О праве наследия престолом»¹¹, согласно которому царствующий монарх имел полномочие назначить наследника по своему выбору. Этот акт породил нестабильность в передаче верховной власти, и его следствием стала эпоха «дворцовых переворотов». По словам В.О. Ключевского, император Петр I, своим указом от 5 февраля 1722 г. «лишив верховную власть правомерной установки <...> погасил и свою династию как учреждение; остались отдельные лица царской крови без определенного династического положения»¹². Попытки установления стабильного престолонаследия¹³ не увенчались успехом вплоть до воцарения императора Павла I.

Еще в бытность наследником великий князь Павел Петрович вместе со своей супругой великой княгиней Марией Федоровной создал акт о наследовании всероссийского императорского престола, датированный 4 января 1788 г. В день своей коронации 5 апреля 1797 г. государь обнародовал этот акт и ввел его, таким образом, в законную силу.

В России с тех пор утвердилась австрийская система престолонаследия, основанная на праве мужского первородства с переходом наследования в женскую линию после пресечения последней династической мужской

⁹ «Русский народ истосковался по законном, «природном» Государе и убедился, что без него не может быть порядка и мира на Руси» (Иоанн (Максимович), еп. Происхождение Закона о престолонаследии в России. Подольск, 1994. С. 43–44).

¹⁰ Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова. С предисловием С.А. Белокурова. М., 1906.

¹¹ РГАДА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 13. Л. 1–1 об.; Полное собрание законов Российской империи. № 3893.

¹² Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. IV. М., 1937. С. 272.

¹³ «Тестамент» императрицы Екатерины I (Полное собрание законов Российской империи. № 5007), проекты династического законодательства при Екатерине II.

линии. Главной целью акта Павла I, провозглашенной самим августейшим законодателем, является принцип: «Дабы государство не было без наследника. Дабы наследник был назначен всегда законом самим. Дабы не было ни малейшего сомнения, кому наследовать. Дабы сохранить право родов в наследствии, не нарушая права естественного, и избежать затруднений при переходе из рода в род»¹⁴.

Дополненный в 1820 г. Александром I, исключившим из состава императорского дома и из порядка престолонаследия потомство от морганатических (неравнородных) браков¹⁵, и кодифицированный в 1832 г. при Николае I, акт Павла I обеспечил стабильность верховной власти в течение всего XIX в. и позволил сохраниться Российскому императорскому дому как исторической институции после революции. «Император Павел I, — пишет Л.А. Тихомиров, — создал точнейший законный порядок, не допускающий уже никаких перетолкований и не оставляющий места никакому выбору между несколькими лицами царствующего дома»¹⁶. Отныне очередность наследования прав и обязанностей императоров всероссийских была определена вплоть до самого младшего представителя младшей линии династии. В случае ее полного пресечения в мужском поколении закон столь же точно указывал очередность перехода наследия в родственные иностранные династии по женской линии.

Согласно определению Энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона, в Российской империи Российский императорский дом представлял собой «особый класс, преимущества которого обуславливаются или тем, что его члены, при известных условиях, могут быть призваны к наследованию престола, или же тем, что они связаны браком с лицами, имеющими или могущими иметь право на престол»¹⁷.

На момент революции 1917 г. Российский императорский дом состоял из 61 особы мужского и женского пола. В период между февралем и октябрём 1917 г. он пополнился родившимся 17/30 августа 1917 г. князем императорской крови Владимиром Кирилловичем, который стал последним членом династии, появившимся на свет на территории Российской империи.

¹⁴ Полное собрание законов Российской империи. № 17910. Одновременно с актом о престолонаследии 5 апреля 1797 г. было утверждено «Учреждение об императорской фамилии», впоследствии составившее раздел 2 «Основных законов». Новая редакция «Учреждения» была утверждена императором Александром III Миротворцем 2 июля 1886 г. В издании Свода законов 1906 г. «Учреждение» содержится в статьях 126–223.

¹⁵ Полное собрание законов Российской империи. № 28208

¹⁶ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. СПб, 1992. С. 443

¹⁷ Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. СПб., 1893. Т. XXVII. С. 118–121

2/15 марта 1917 г., в условиях начавшейся 23 февраля в Петрограде революции, император Николай II, блокированный заговорщиками на станции Дно, подписал манифест об отречении от престола за себя и за наследника цесаревича Алексея Николаевича в пользу следующего в порядке престолонаследия своего брата великого князя Михаила Александровича¹⁸. 3/16 марта 1917 г. великий князь Михаил Александрович под давлением председателя Государственной Думы М.В. Родзянко и депутата А.Ф. Керенского подписал акт, согласно которого он не отрекался от своих прав на престол, но откладывал принятие верховной власти и декларировал, что готов принять ее только в том случае, «если такова будет воля великого народа нашего, которому и надлежит всенародным голосованием через представителей своих в Учредительном собрании установить образ правления и новые основные законы государства Российского»¹⁹.

Документ, подписанный великим князем Михаилом Александровичем, с точки зрения действующего законодательства не имел никакой юридической силы, так как находился в прямом противоречии с главой второй Свода законов Российской империи «О порядке наследия престола»²⁰ и статьей 53²¹. Но он создал сложную с моральной точки зрения ситуацию. Другим членам династии, следующим за ним в порядке наследования, показалось неэтичным подвергать сомнению волеизъявление старшего в династическом смысле лица, в пользу которого отрекся император Николай II, и реализовать собственные права. Таким образом, акт Михаила Александровича на время фактически парализовал дальнейшее действие закона о престолонаследии. Остальным великим князьям не оставалось ничего, как солидаризироваться с ним по формуле, предложенной великим князем Николаем Михайловичем: «Относительно прав наших, в частности и моего на престолонаследие, я, горячо любя свою Родину, всецело присоединяюсь к тем мыслям, которые выражены в акте отказа великого князя Михаила Александровича»²².

В течение полугода Россия оставалась формально монархией с вакантным престолом. 1/14 сентября 1917 г. председатель Временного прави-

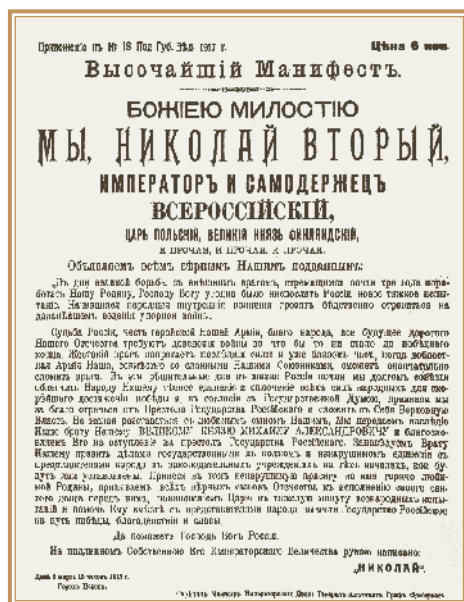
¹⁸ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2101-6. Л. 1; Вестник Временного правительства. 1917. 5 марта. № 1 [46].

¹⁹ Биржевые ведомости. № 16120. 1917. 5 марта.

²⁰ Статьи 25–39.

²¹ Статья 53: «По кончине императора наследник его вступает на престол силою самого закона о наследии, присваивающего ему сие право. Вступление на престол императора считается со дня кончины его предшественника». Отречение императора в данном случае, несомненно, может быть приравнено к кончине, так как в обоих случаях происходит «невозвратное» устранение государя от верховной власти.

²² Биржевые Ведомости. № 16134. 1917. 14 марта; ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1263. Л. 3.

Манифест
об отречении
императора
Николая II.

тельства А.Ф. Керенский, не дожидаясь решения Учредительного собрания, провозгласил республиканский образ правления²³. 25 октября / 7 ноября 1917 г. в результате очередного переворота в Петрограде к власти пришла партия большевиков. Началась Гражданская война, в результате которой к 1920 г. на большей части территории бывшей Российской империи установился тоталитарный террористический коммунистический режим.

В 1918–1919 гг. в Советской России были казнены двенадцать членов Российского императорского дома мужского пола²⁴ и шесть — женского, в том числе две урожденные иностранные принцессы²⁵ и четверо урожденных членов императорского дома²⁶. За пределами России оказалось

²³ ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 170. Л. 13.

²⁴ Император Николай II Александрович (1868–1918), наследник цесаревич и великий князь Алексей Николаевич (1904–1918), великий князь Михаил Александрович (1878–1918), великий князь Павел Александрович (1860–1919), великий князь Николай Константинович (1850–1918), князь императорской крови Иоанн Константинович (1886–1918), князь императорской крови Константин Константинович (1890–1918), князь императорской крови Игорь Константинович (1894–1918), великий князь Дмитрий Константинович (1860–1919), великий князь Николай Михайлович (1859–1919), великий князь Георгий Михайлович (1863–1919), великий князь Сергей Михайлович (1869–1918).

²⁵ Императрица Александра Феодоровна (урожденная принцесса Гессен-Дармштадтская) (1872–1918), великая княгиня Елисавета Феодоровна (урожденная принцесса Гессен-Дармштадтская) (1864–1918).

²⁶ Великая княжна Ольга Николаевна (1895–1918), великая княжна Татиана Николаевна (1897–1918), великая княжна Мария Николаевна (1899–1918), великая княжна Анастасия Николаевна (1901–1918).

двадцать членов дома Романовых мужского пола²⁷ и двадцать четыре особы женского пола, в том числе семь урожденных принцесс европейских домов, вышедших замуж за членов императорского дома²⁸, и семнадцать урожденных великих княжон и княжон императорской крови, вступивших в равнородные или морганатические браки²⁹. В условиях эмиграции импера-

²⁷ Великий князь Кирилл Владимирович (1876–1938), князь императорской крови (с 1924 г. — наследник цесаревич и великий князь) Владимир Кириллович (1917–1992), великий князь Борис Владимирович (1877–1943), великий князь Андрей Владимирович (1879–1956), великий князь Дмитрий Павлович (1891–1942), князь императорской крови Всеволод Иоаннович (1914–1973), князь императорской крови (с 1939 г. — великий князь) Гавриил Константинович (1887–1955), князь императорской крови Георгий Константинович (1903–1938), великий князь Николай Николаевич Младший (1856–1929), великий князь Петр Николаевич (1864–1931), князь императорской крови Роман Петрович (1896–1978), великий князь Михаил Михайлович (1861–1929), великий князь Александр Михайлович (1866–1933), князь императорской крови Андрей Александрович (1897–1981), князь императорской крови Феодор Александрович (1898–1968), князь императорской крови Никита Александрович (1900–1974), князь императорской крови Димитрий Александрович (1901–1980), князь императорской крови Ростислав Александрович (1902–1977) и князь императорской крови Василий Александрович (1907–1989).

²⁸ Вдовствующая императрица Мария Феодоровна (урожденная принцесса Датская) (1847–1928), великая княгиня Мария Павловна Старшая (урожденная принцесса Мекленбург-Шверинская) (1854–1920), великая княгиня Елисавета Маврикиевна (урожденная принцесса Саксен-Альтенбургская) (1857–1927), великая княгиня Анастасия Николаевна (урожденная княжна Черногорская) (1867–1935), великая княгиня Милица Николаевна (урожденная княжна Черногорская) (1866–1951), великая княгиня Мария Георгиевна (урожденная принцесса Греческая) (1876–1940), великая княгиня Виктория Феодоровна (урожденная принцесса Саксен-Кобург-Готская и Великобританская и Ирландская) (1876–1936), княгиня императорской крови Елена Петровна (урожденная принцесса Сербская) (1884–1962).

²⁹ Великая княгиня Мария Александровна герцогиня Эдинбургская и Саксен-Кобург-Готская (1853–1920), великая княгиня Ольга Николаевна королева Эллинов (1851–1926), великая княгиня Анастасия Михайловна великая герцогиня Мекленбург-Шверинская (1860–1922), великая княгиня Ксения Александровна (1875–1960), великая княгиня Ольга Александровна (1882–1960), великая княгиня Елена Владимировна принцесса Греческая (1882–1957), великая княгиня Мария Павловна Младшая (1890–1958), княгиня императорской крови Татiana Константиновна (в монашестве игумения Тамара; 1890–1970), княжна императорской крови Вера Константиновна (1906–2001), княгиня императорской крови Марина Петровна (1892–1981), княгиня императорской крови Надежда Петровна (1898–1988), княгиня императорской крови Нина Георгиевна (1901–1974), княгиня императорской крови Ксения Георгиевна (1903–1965), княгиня императорской крови Ирина Александровна (1895–1970), великая княгиня Мария Кирилловна принцесса Лейнингенская (1907–1951), великая княгиня Кира Кирилловна принцесса Прусская (1909–1967) и княгиня императорской крови Екатерина Иоанновна (1915–2007).

торский дом пополнился двумя особами мужского пола³⁰ и двумя особами женского пола.³¹

Несмотря на все революционные потрясения, факт продолжения существования Российского императорского дома как исторической институции не подвергался сомнению. Правда, в некоторых особенно политизированных публикациях встречались выражения вроде «бывший великий

Дом инженера Н. Ипатьева в Екатеринбурге, где в ночь с 16 на 17 июля 1918 г. была расстреляна царская семья.

князь», «бывшая династия» и т.п. Но с юридической точки зрения не только монархисты, но даже большевики признавали, что дом Романовых сохраняет статус особой институции.

В Советской России не было принято закона об изгнании главы династии и его прямого наследника, как, например, во Франции. Все попавшие в руки большевиков члены императорского дома просто были казнены. Но существовало несколько юридических актов советской власти, относящихся к Российскому императорскому дому как к исторической институции.

13 июля 1918 г., за три дня до расстрела царской семьи в Екатеринбурге, В.И. Ульянов (Ленин) подписал декрет Совета народных комиссаров

³⁰ Великий князь Михаил Павлович принц Прусский (род. 1943; супруг великой княгини Марии Владимировны), являвшийся членом российского императорского дома с 1976 г. до развода в 1985 г., и великий князь Георгий Михайлович (род. 1981).

³¹ Великая княгиня Леонида Георгиевна (урожденная княжна Багратион-Мухранская-Грузинская; 1914-2010), глава Российского императорского дома великая княгиня Мария Владимировна (род. 1953).

«О конфискации имущества низложенного российского императора и членов императорского дома».

Проект декрета обсуждался на заседании СНК еще 2 июля; было решено передать его на рассмотрение в комиссию при СНК, а в случае единогласного решения председателю СНК В.И. Ленину подписать его от имени СНК. Декрет был принят комиссией 4 июля и утвержден СНК.

Согласно декрету «всякое имущество, принадлежащее низложенному революцией российскому императору Николаю Александровичу Романову, бывшим императрицам Александре и Марии Федоровнам Романовым и всем членам бывшего российского императорского дома, в чем бы оно ни заключалось и где бы оно ни находилось, не исключая и вкладов в кредитных учреждениях как в России, так и за границей» (п. 1), было объявлено достоянием РСФСР.

Далее в декрете указывалось, что «под членами бывшего российского императорского дома подразумеваются все лица, внесенные в родословную книгу бывшего российского императорского дома: бывший наследник цесаревич, бывшие великие князья, великие княгини и великие княжны и бывшие князья, княгини и княжны императорской крови» (п. 2).

Все лица и учреждения, знающие о месте нахождения имущества, указанного в статье 1 декрета, были обязаны в двухнедельный срок со дня опубликования представить соответствующие сведения в Народный комиссариат внутренних дел. За умышленное несообщение указанных в настоящей статье сведений виновные подлежали ответственности как за присвоение государственного достояния (п. 3). Уполномоченные РСФСР за границей были обязаны немедленно по опубликовании декрета приложить все старания к получению сведений о месте нахождения имущества членов императорского дома, а находящиеся за границей российские граждане — обязаны представить известные им сведения о местонахождении этих имуществ соответственным уполномоченным РСФСР (п. 4). Имущества членов императорского дома, находящиеся в пределах Российской Социалистической Советской Федеративной Республики, кроме денежных ценностей, должны были поступить в ведение Комиссариата внутренних дел, денежные ценности — сдаваться в казначейства или в учреждения Народного банка. Имущества же, находящиеся за пределами РСФСР, в том числе и в заграничных банках, предполагалось передать в ведение уполномоченных РСФСР (п. 5)³².

³² Декреты советской власти. Т. 3. М., 1964. С. 13–14.

Несмотря на слова «низложенный» и «бывший», декрет СНК от 13 июля 1918 г. признает существование императорского дома и династического права (на основании которого осуществляется внесение в Родословную книгу). Члены династии лишались всех имущественных прав не за какие-то преступления, а за сам факт принадлежности к императорскому дому.

Что гораздо важнее, признание существования императорского дома зафиксировано и в двух первых Конституциях РСФСР, причем еще более определенно (без термина «бывший», который, при желании, можно толковать вольно и расширительно).

Статья 65 Конституции РСФСР 1918 г., принятой Пятым Всероссийским съездом советов 10 июля 1918 г., гласит, что «не избирают и не могут быть избранными, хотя бы они входили в одну из вышеперечисленных категорий: <..> д) служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений, а также члены царствовавшего в России дома».

Прошлое время относится к утраченному династией статусу царствующего, но сам дом существует, а его члены дискриминируются в области избирательного права именно за членство в нем. На морганатических и незаконнорожденных потомков членов Российского императорского дома, не принадлежащих к нему в силу династического права, эта статья не могла распространяться. Если бы они и оказались в какой-нибудь иной категории «лишенцев», то это были бы уже другие юридические основания.

Та же норма сохраняется в Конституции РСФСР 1924 г., принятой Двенадцатым Всероссийским съездом советов 11 мая, в статье 69: «Не избирают и не могут быть избранными, хотя бы они и входили в одну из перечисленных категорий: <..> д) служащие и агенты бывшей полиции, отдельного корпуса жандармов и охранных отделений, члены царствовавшего в России дома, а также лица, руководившие деятельностью полиции, жандармерии и карательных органов».

В Конституции РСФСР 1937 г., декларировавшей всеобщее избирательное право, царствовавший дом более не упоминался. Но из этого следует лишь то, что его члены, теоретически, получили право избирать и быть избранными. Конечно, в 1937 г. не было ни одного члена императорского дома, проживавшего в СССР или обладавшего гражданством СССР. Но таковых не было и в 1924 г., тем не менее царствовавший дом упоминался в конституции.

В дальнейшем никаких актов с упоминанием Российского императорского дома советская власть уже не принимала. Однако его упоминания в двух первых конституциях достаточно, чтобы утверждать, что коммунистический режим не подвергал сомнению продолжение существования

династии как исторической институции и не пытался законодательно объявить ее несуществующей.

Бытие императорского дома не просто как совокупности родственников, но как исторической семейной корпорации обеспечивает династическое право.

Династическое право представляет собой корпус законов и династических актов, регламентирующих состав царственного дома, порядок наследования главенства, вероисповедание глав и членов дома, статус браков членов дома, титулование и использование династической символики и прочие права и обязанности членов дома.

В монархических государствах династическое право является частью государственного права и находится во взаимосвязи с другими законодательными актами. Также династическое право каждой страны всегда остается взаимосвязано с династическим правом других стран.

В условиях лишения династии политической власти династическое право перестает быть государственным, но сохраняет свою силу для создавшей его институции. Оно в любом случае применяется в той части, которая затрагивает внутренние обычаи и традиции династии. В той части, которая касается исполнения государственных функций, династическое право не применяется, так как входит в противоречие с действующим законодательством республиканского государства³³.

Право интерпретации и определения порядка применения династического законодательства, а также его изменения и дополнения в части, относящейся к внутренним обычаям и традициям династии, всегда принадлежит лично главе царственного дома. Ограничение этого права существует только в том случае, если изменения тех или иных норм династического права касаются государственных законов или вызывают дополнительные расходы из государственного бюджета, что имеет смысл и значение только

³³ Так, правила наследования главенства, вопросы статуса браков и принадлежности к дому, титулование и использование символики могут приниматься или не приниматься во внимание республиканской властью, но не могут быть запрещены (как не может быть государственного вмешательства в вопросы принадлежности к церкви, ее возглавления и титулования ее духовенства). В случае установления официальных взаимоотношений между царственным домом и государственной властью династическое право не может игнорироваться (как не может игнорироваться каноническое право во взаимоотношениях светского государства и церкви). Что касается исполнения государственных функций, предоставления в пользование государственного имущества, финансирования из государственного бюджета и т.п. вещей, то в этой части нормы династического права применяться не могут в связи с тем, что династия в республиканском государстве не является государственным учреждением.

Великий князь
Кирилл Владимирович.

в монархических государствах и не может быть актуальным в государствах с республиканской формой правления³⁴.

Но кто же стал законным главой Российского императорского дома?

После расстрела летом 1918 г. императора Николая II, наследника цесаревича и великого князя Алексея Николаевича и великого князя Михаила Александровича, то есть всего мужского потомства императора Александра III, старшей линией дома Романовых стал род следующего сына императора Александра II — великого князя Владимира Александровича, скончавшегося в 1908 г.

У великого князя Владимира Александровича было четверо сыновей — Александр, Кирилл, Борис и Андрей, а также дочь Елена. Первенец Александр скончался в младенчестве. Поэтому после смерти отца старшим в этой династической линии стал великий князь Кирилл Владимирович, родившийся в 1876 г.

С детства Кирилл Владимирович получил военно-морское образование и прошел весь положенный путь, начиная от чина мичмана. Боевое крещение он получил во время Русско-японской войны. 31 марта 1904 г., в момент взрыва эскадренного броненосца «Петропавловск», капитан 2-го ранга великий князь

³⁴ В Основных государственных законах Российской империи это положение было сформулировано в разделе втором «Учреждение о императорской фамилии» в 125-й статье: «Учреждение об императорской фамилии (ст. 126—223 и приложения II—IV и VI), сохраняя силу законов основных, может быть изменяемо и дополняемо только лично государем императором в преуказываемом им порядке, если изменения и дополнения сего Учреждения не касаются законов общих и не вызывают нового из казны расхода (выделено мной. — А.З.)».

Кирилл Владимирович стоял на капитанском мостике рядом с вице-адмиралом С.О. Макаровым и каким-то чудом избежал смерти, в то время как почти вся команда погибла. Особый религиозный символизм этого события заключался в том, что спасение Кирилла произошло в день памяти небесного покровителя императорской династии — священномученика Ипатия Гангрского³⁵.

В 1905 г. Кирилл Владимирович вступил в брак с принцессой Великобританской и Ирландской, герцогиней Саксен-Кобург-Готской Викторией-Мелитой (после принятия православия — Викторией Феодоровной). Брак этот вызвал неудовольствие императора Николая II и императрицы Александры Феодоровны, в первую очередь из-за того, что принцесса Виктория-Мелита прежде состояла в браке с великим герцогом Эрнестом-Людвигом Гессен-Дармштадтским (братом Александры Феодоровны), с которым развелась. Кроме того, Кирилл и Виктория обвенчались в Баварии без высочайшего соизволения, нарушив тем самым статью 183 Основных государственных законов³⁶. Это вызвало наказание: увольнение Кирилла Владимировича со службы, его высылку за границу и временный отказ признать брак. Первоначальное эмоциональное намерение Николая II лишить кузена прав престолонаследия³⁷ не соответствовало Основным законам и не было реализовано³⁸. Спустя менее двух лет после венчания Кирилла Владимировича и Викторией Феодоровной император сменил гнев на милость, признал их брак и именным указом Правительствующему сенату от 15 июля 1907 г. повелел сопричислить супругу и потомство великого князя Кирилла к Российскому императорскому дому³⁹. Правовой статус линии Кирилловичей тем самым был определен четко и бесповоротно. Личные отношения между императорской семьей и великокняжеской четой полностью восстановились⁴⁰.

³⁵ Как известно, именно в костромском монастыре св. Ипатия был призван на престол первый царь из дома Романовых Михаил Феодорович.

³⁶ Статья 183: «На брак каждого лица императорского дома необходимо соизволение царствующего императора, и брак, без согласия сего совершенный, законным не признается».

³⁷ Резолюция на журнале высочайше учрежденного совещания для рассмотрения вопроса о возможности признания брака его императорского высочества великого князя Кирилла Владимировича с бракоразведенною супругою великого герцога Гессен-Дармштадтского Мелиттой (заседание 4 декабря 1906 г.): ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2141. Л. 8.

³⁸ Мемория высочайше учрежденного Особого совещания для обсуждения вопросов, касающихся устранения его императорского высочества великого князя Кирилла Владимировича от престолонаследия (заседание 29 января 1907 г.): ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2139. Л. 119–127.

³⁹ Собрание узаконений 1907 г. июля 20, отд. I, ст. 956; РГИА. Ф. 1276. Оп. 3. Д. 961. Л. 5.

⁴⁰ «Когда я вернулся на Родину и всем распрям пришел конец, — вспоминает Кирилл Владимирович в своих мемуарах, — они с государыней (Николай II и Александра Феодоровна. — А.З.) были бесконечно добры ко мне и Даки» (Кирилл Владимирович. Моя жизнь на службе России. СПб.: Лики России, 1996. С. 214; Даки — семейное имя Викторией Феодоровны).

Во время Февральской революции 1917 г. великий князь Кирилл Владимирович, командовавший гвардейским экипажем, совместно с великим князем Павлом Александровичем предпринимал политические маневры, чтобы «всячески, всеми способами сохранить Ники (императора Николая II. — А.З.) на престоле»⁴¹. Эти попытки не увенчались успехом⁴². 8/21 марта 1917 г., в день ареста Временным правительством Николая II и членов его семьи, Кирилл Владимирович подал в отставку.

В июне 1917 г. великий князь принял приглашение своего друга генерала П. фон Эттера и приехал в Великое княжество Финляндское вместе с беременной женой и дочерьми Марией и Кирой. 17/30 августа у Кирилла Владимировича и Виктории Феодоровны родился сын Владимир.

В годы Гражданской войны императорский дом избежал участия в братоубийстве. Подавляющее большинство членов династии устранилось от этого по принципиальным соображениям, руководствуясь духом, выраженным в стихотворении М. Волошина «Гражданская война»:

«А я стою один меж них
В ревущем пламени и дыме
И всеми силами своими
Молюсь за тех и за других».

Но и в тех редких случаях, когда члены императорского дома высказывали намерение принять участие в борьбе с большевизмом⁴³, их порыв был отвергнут антимонархически настроенными руководителями Белого движения.

Это не означало, что дом Романовых полностью самоустранился от происходящего в России. Великий князь Кирилл Владимирович, например, обсуждал положение с генералом бароном К.Г. фон Маннергеймом, направлял своего представителя Бера к белому генералу Н.Н. Юденичу⁴⁴, связывался с командующим германской Восточной армией генералом Р. фон-дер Гольцем⁴⁵. Находясь в Финляндии и подвергаясь реальному

⁴¹ Переписка великого князя Павла Александровича с великим князем Кириллом Владимировичем (ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2098).

⁴² Подробнее см.: *Закатов А.Н.* Император Кирилл I в февральские дни 1917 года. М.: Новый век, 1998.

⁴³ Великий князь Андрей Владимирович, сразу получивший отказ, и герцог Сергей Георгиевич Лейхтенбергский, некоторое время прослуживший в Вооруженных силах Юга России, но уволенный из-за подозрительности генерала барона П.Н. Врангеля.

⁴⁴ Революция и Гражданская война в описания белогвардейцев. М., 1991. С. 319.

⁴⁵ История дипломатии. / Под ред. акад. В.П. Потемкина. М.; Л., 1945. Т. 2. С. 362; *Goltz von der.* Meine Sendung in Finland und im Balticum. Leipzig, 1920. S. 92, 190.

риску стать жертвой красного террора⁴⁶, Кирилл Владимирович не воспользовался несколькими предложениями выехать в Западную Европу⁴⁷. Причиной этому было желание находиться поближе к России и оперативно принять участие в событиях внутри страны, если бы такой шанс представился.

Бессмысленно моделировать, как поступил бы великий князь Кирилл, если бы итоги Гражданской войны оказались иными. Во всяком случае, он вполне отдавал себе отчет, что Белое движение не является монархическим, и не ожидал, что победа белых приведет к восстановлению монархии. Понимал он также, что и возвращение в обозе иностранных интервентов не приведет ни к чему хорошему⁴⁸. Целью контактов великого князя с германскими и финляндскими военачальниками и русскими белыми вождями был общий анализ ситуации и стремление, в случае возникновения возможности, по мере сил способствовать умиротворению страны и восстановлению законности.

Осенью 1919 г. великий князь Кирилл с семьей перебрался в Борго. 25 апреля 1920 г. они выехали через Германию в Швейцарию, в Цюрих,

⁴⁶ Великий князь Георгий Михайлович, также живший в Финляндии, был арестован, препровожден в Петроград и расстрелян в порядке «красного террора». 9 февраля 1918 г. красный отряд обыскивал имение «Хайко». По некоторым данным, аресту Кирилла Владимировича воспрепятствовал один из большевиков — матрос, служивший под командой великого князя на «Олеге» и сохранивший к нему добрые чувства.

⁴⁷ 27 февраля такое предложение поступило от консульства Франции, а чуть позднее — от короля Швеции Густава V.

⁴⁸ Уже в эмиграции Кирилл Владимирович выпустил обращение «К верноподанным русским людям» от 1/14 января 1925 г.: «Среди русских людей вновь распространяются слухи о готовящемся вооруженном проникновении в Россию остатков добровольческих военных организаций при поддержке некоторых иностранных государств. Сим объявляю всем моим верноподанным, что, предоставляя каждому поступать по своей совести в законном стремлении к восстановлению на родине нарушенного права и порядка, я ни в коем случае не могу стать на точку зрения тех вождей, которые сочли бы возможным поддаться искушению воевать со своими соотечественниками, опираясь на иностранные штыки, — как бы еще ни заблуждались в данное время русские народные массы. Под лозунгом борьбы с большевиками вожди эти принесли нашему Отечеству порабощение его самобытности, расхищение его природных богатств, а может быть, и отторжение еще новых областей и оттеснение от выходов к морям. Недалек час Суда Божия, и построенное на песке здание узурпаторской власти рухнет под напором пробуждающегося народного самосознания. Всякое несвоевременное вмешательство в работу по спасению России и восстановлению в ней исторического правового строя только помешает мне в выполнении моего долга перед Родиной, отдалит заветный час ее освобождения и будет ей стоить новых кровавых жертв, бедствий и губительного разочарования, а также углубит взаимную ненависть» (АРИД. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1).

где постоянно проживала мать великой княгини Виктории Феодоровны великая княгиня Мария Александровна, вдовствующая великая герцогиня Саксен-Кобург-Готская. Вскоре в Европе появились спасшиеся из Советской России мать великого князя Кирилла Владимировича великая княгиня Мария Павловна и его братья великие князья Борис и Андрей. 6 сентября 1920 г. Мария Павловна скончалась в Контрексвилле, а 24 октября того же года в Кобурге умерла великая княгиня Мария Александровна. Спустя несколько месяцев, в апреле 1921 г., семья Кирилла Владимировича переселилась в Канны.

В течение всего этого периода Кирилл Владимирович не проявлял общественно-политической активности и не занимался публичной деятельностью. Для принятия верных решений нужно было изучить обстановку и понять, в чем может заключаться его роль. Тем временем в эмиграции происходил процесс идейного брожения и попыток самоорганизации.

С 29 мая по 7 июня 1921 г. в баварском городке Бад-Рейхенгалль прошел так называемый Съезд хозяйственного восстановления России. Это было достаточно представительное по эмигрантским меркам собрание (106 делегатов из Европы и САСШ).

В дальнейшем политическая линия, избранная Рейхенгалльским съездом, окажется в противоречии с легитимистским движением. Но в ходе работы этого собрания большинство его участников не подвергало сомнению принцип легитимитета. А.Ф. Трепов недвусмысленно утверждал, что «Россия должна быть монархией и что императором должен быть законный государь из дома Романовых»⁴⁹. Ему вторил А.М. Масленников: «Царь должен быть из дома Романовых на основании законов о престолонаследии»⁵⁰. Постановление съезда было, по крайней мере в теории, абсолютно легитимистским: «Единственным путем к возрождению великой, сильной и свободной России является восстановление в ней монархии, возглавляемой законным монархом из дома Романовых, согласно Основным законам Российской империи»⁵¹.

21 ноября — 3 декабря 1921 г. в Сремских Карловцах состоялся I Всезарубежный собор, положивший начало существованию Русской православной церкви за границей. Этот Собор принял и обнародовал официальное послание «Чадам Русской православной церкви, в рассеянии и изгнании сущим», содержащее призыв к восстановлению в России православной

⁴⁹ ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 5. Л. 328 об.

⁵⁰ ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 5. Л. 330 об.

⁵¹ ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 5. Л. 331.

легитимной монархии⁵²: «И ныне пусть неусыпно пламенеет молитва наша — да укажет Господь пути спасения и строительства родной земли; да даст защиту вере и церкви и всей земле русской, и да осенит он сердце народное; да вернет на всероссийский престол помазанника, сильного любовью народа, законного православного царя из дома Романовых»⁵³.

Таким образом, оба наиболее значимых собрания представителей русской эмиграции в 1921 г. высказались за реставрацию монархии и возведение на престол законного императора, указанного незыблемыми Основными законами Российской империи, не оставляющими места «никакому выбору между несколькими лицами царствующего дома»⁵⁴.

Великий князь Кирилл Владимирович был старшим из выживших в революционной буре членов династии. Но в 1920–1921 гг. это еще не было доподлинно известно. Оставалась неясной судьба императора Николая II, цесаревича Алексея Николаевича и великого князя Михаила Александровича⁵⁵. Более того, до некоторых пор многие не знали и о судьбе Кирилла Владимировича, его сына и братьев. Известно, что в 1920 г. один из будущих ярких лидеров легитимистского движения генерал В.В. Бискупский вел в Берлине переговоры с великим князем Дмитрием Павловичем (следующим за Владимировичами в очереди престолонаследия) о провозглашении им себя главой династии, так как предполагалось, что потомков великого

⁵² Послание было принято соборным большинством в 51 голос во главе с председателем Собора митрополитом Антонием (Храповицким). 33 члена Собора во главе с архиепископом Евлогием (Георгиевским), явно не осведомленные о содержании Утвержденной грамоты Великого поместного церковного и земского собора 1613 г. и обстоятельствах ее принятия, не возражая против основополагающих принципов православного учения о богоустановленности и сакральности царской власти, воздержались при голосовании, подав особое мнение: «Мы, нижеподписавшиеся, заявляем, что данная большинством Отдела духов[ного] возрождения России постановка вопроса о монархии с упоминанием при том и династии носит политический характер и как таковая обсуждению Церковного собрания не подлежит; посему мы в решении этого вопроса и голосовании не считаем возможным принять участие» (Деяния Русского всезарубежного собора, состоявшегося 8–20 ноября 1921 г. (21 ноября — 3 декабря) в Сремских Карловцах в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. — Сремски Карловци: Српска манастирска штампарија. 1922. С. 50). Несмотря на свое «особое мнение», указанные члены Собора лишь воздержались при голосовании, а не стали голосовать против принятия текста Послания, так как (исключительно по своему неведению) возражали лишь против предложенной православно-легитимистской постановки вопроса, но не против вопроса как такового.

⁵³ Деяния Русского всезарубежного собора, состоявшегося 8–20 ноября 1921 г. (21 ноября — 3 декабря) в Сремских Карловцах в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. — Сремски Карловци: Српска манастирска штампарија. 1922. С. 50–52.

⁵⁴ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. СПб, 1992. С. 443.

⁵⁵ В том числе и для самого Кирилла Владимировича.

Великий князь
Михаил
Александрович.

князя Владимира Александровича постигла та же страшная участь, что и потомков императора Александра III. Поэтому, чтобы понять логику развития событий, нам необходимо вкратце рассмотреть вопрос о том, кто мог тогда почитаться легитимным государем с точки зрения Основных законов⁵⁶.

До тех пор, пока смерть Николая II, его сына и брата не была удостоверена и засвидетельствована их преемником, они с юридической точки зрения считались живыми. Если бы они действительно выжили, то Николай II оставался бы главой династии и, в случае восстановления легитимной монархии, мог бы вернуться на престол, так как его отречение не было обращено должным образом в закон и поэтому являлось юридически ничтожным. Если бы он подтвердил свое отречение, то главой династии стал бы цесаревич Алексей Николаевич. Хотя в акте Николая II от 2 марта 1917 г. отречение было сделано и от его имени, это противоречило закону, допускающему лишь персональное отречение. Только с 30 июля / 12 августа 1920 г. цесаревич Алексей мог бы отречься самостоятельно, так как с этого момента наступало его династическое совершеннолетие.

Если бы Николай II и Алексей Николаевич подтвердили отречение, законным и бесспорным главой императорского дома стал бы великий князь Михаил Александрович. Он был женат мorganатическим браком, поэтому его сын не принадлежал к династии и не обладал правами на престолонаследие. Наследником Михаила Александровича в этом случае был бы его

⁵⁶ Мы не рассматриваем здесь различные политические гипотезы того времени, основанные не на законах, а на субъективных взглядах, побуждениях и толкованиях.

двоюродный брат Кирилл Владимирович. Теоретически, Михаил Александрович еще имел возможность расторгнуть морганатический брак и вступить в брак династический. Тогда его потомство от этого супружества продолжило бы линию наследования.

Все эти умозрительные построения могли иметь место тогда, когда сохранялась вера в спасение хотя бы кого-то из потомков Александра III. Но все они были казнены (сначала Михаил, а потом Николай II и Алексей). Поэтому в силу статей 27–29 Основных государственных законов Российской империи⁵⁷ 4/17 июля 1918 г. императором всероссийским стал Кирилл I. Но сам он об этом еще не знал, и ему предстоял достаточно долгий путь, чтобы принять принадлежащий ему титул и сопряженные с ним права и обязанности.

Вопросы престолонаследия уже довольно активно обсуждались в эмигрантской среде. Большинство публикаций (как легитимистских, так и антилегитимистских) было непрофессионально, поверхностно и политически ангажировано. Первым серьезным трудом, посвященным престолонаследию, стала написанная осенью 1921 г. книга выдающегося правоведа — помощника статс-секретаря по Отделению Свода законов Государственного совета Российской империи сенатора Н.Н. Корево «Императорский всероссийский престол. Наследование престола по Основным государственным законам. Справка по некоторым вопросам, касающимся престолонаследия»⁵⁸.

Тщательно и добросовестно рассмотрев все статьи и акты, касающиеся наследования престола, Н.Н. Корево подвел итог: «Итак, вопрос о наследовании престола разрешается Основными законами, согласно которым все члены императорского дома, без различия пола, имеют право на наследование престола, кроме тех, чье свободное, собственноручно подписанное отречение от права на престол утверждено императором, обращено им в закон и обнародовано. Мужеские лица мужеских поколений императорского дома имеют преимущественное право пред женскими и наследуют по праву первородства. Состав императорского дома определяется обнародовываемыми во всеобщее сведение высочайшими манифестами и имен-

⁵⁷ Статья 27: «Оба пола имеют право к наследию престола, но преимущественно принадлежит сие право полу мужескому по порядку первородства; за пресечением же последнего мужеского поколения наследие престола поступает к поколению женскому по праву заступления». Статья 28: «Посему наследие престола принадлежит прежде всех старшему сыну царствующего императора, а по нем всему его мужескому поколению». Статья 29: «По пресечении сего мужеского поколения наследство переходит в род второго сына императора и его мужеское поколение; по пресечении же второго мужеского поколения наследство переходит в род третьего сына и так далее».

⁵⁸ Корево Н.Н. Императорский всероссийский престол. Наследование престола по Основным государственным законам. Справка по некоторым вопросам, касающимся престолонаследия. 2-е изд. М.: Литера-2000, 2001.

ными указами и Родословною книгою императорского дома, содержание которой, в отношении всех мужеских поколений и части женских, совпадает с упомянутыми манифестами и указами. Родословная книга показывает, кто является старшим мужеским лицом императорского дома от старшего мужеского поколения и, следовательно, кто является законным наследником императорского всероссийского престола и правителем государства при безвестном отсутствии его императорского величества государя императора»⁵⁹. В самом тексте книги Н.Н. Корево не упоминалось имени этого лица, но в прилагаемой генеалогической таблице указывалось, что таковым является Кирилл Владимирович. Сенатор Н.Н. Корево убедительно доказал, что именно великий князь Кирилл обладает бесспорными правами на главенство в династии во время «безвестного отсутствия» представителей старшей ветви и тем более в случае их смерти.

Но ни открытых, ни скрытых противников легитимного принципа эта книга не убедила. Не имея возможности опровергнуть доводы сенатора Н.Н. Корево и не найдя в своей среде никого, кто мог бы конкурировать с ним по компетентности и авторитетности, они просто игнорировали его «Справку» или давали по ее поводу неадекватные и голословные комментарии. Политическая активность антилегитимистов нарастала, хотя Кирилл Владимирович еще молчал, и вообще было неизвестно, что он будет делать и какую позицию займет.

Против прав Кирилла Владимировича выдвигалось три основных довода: эмоционально-политический, церковно-канонический и юридический.

Эмоционально-политический довод заключался в том, что будто бы в феврале — марте 1917 г. великий князь, придя в Государственную Думу во главе Гвардейского экипажа, изменил присяге и поддержал революционеров, а поэтому «не достоин» занять престол. Вопрос о действиях великого князя во время Февральской революции подробно разобран в другой работе⁶⁰. Объем данной статьи не позволяет воспроизвести здесь даже сокращенную версию этого исследования, но мы можем отметить, что при рассмотрении всего доступного комплекса исторических источников становится совершенно очевидным, что никакой измены присяге не было. Имела место попытка (совместно с великим князем Павлом Александровичем) найти компромиссное военно-политическое решение революционного кризиса и сохранить на престоле Николая II. Миф о ношении Кириллом Владимировичем «красного банта» полностью опровергается

⁵⁹ Там же. С. 87.

⁶⁰ *Закатов А.Н.* Император Кирилл I в февральские дни 1917 года. М.: Новый век, 1998.

свидетельствами очевидцев и публикациями, современными событию. И, самое главное, даже если признать действия великого князя Кирилла Владимировича ошибочными и дискуссионными, на его правах престолонаследия они не могли отразиться никоим образом. Чтобы это понять, достаточно вспомнить пример Александра I, который бесспорно был причастен к заговору против своего отца и, косвенно, к его убийству, но стал законным императором и вошел в историю с прозванием «Благословенный».

Церковно-канонический довод, приводивший многих в смущение, заключался в том, что Кирилл Владимирович был женат на своей двоюродной сестре, что, якобы, запрещено 54-м правилом VII Вселенского собора⁶¹.

Относительно этого довода разъяснение дал первоиерарх Русской православной церкви за границей митрополит Антоний (Храповицкий), несколько позднее описываемых в данной статье событий, но еще в то время, когда он сам не перешел окончательно на легитимистские позиции. В своем письме от 20 июля 1926 г. графу Ю.П. Граббе митрополит Антоний подробно осветил обсуждаемую тему: «Любезный граф Юрий Павлович! Вы меня спрашивали, откуда я узнал о том, что брак с двоюродной сестрой не является прямым нарушением канонов Вселенских соборов. Конечно, как епископ я должен был бы это знать смолоду, но признаюсь, что из всех церковных вопросов я всегда меньше всего интересовался вопросами о браке, так как в семилетнем возрасте решил быть монахом и никогда от этого решения не отставал. Еще в ранней юности я знал о существовании церковно-государственного закона, запрещающего брак с двоюродной сестрой, и был уверен, что это основано на прямом запрещении Вселенских Соборов. Но вот, совсем недавно, наш русский лучший канонист профессор Суботицкого университета С.В. Троицкий заявил мне, что в постановлениях Вселенских и Поместных соборов такого воспреещения нет. Воспреещенная для брака степень родства изложена в 54-м правиле VI Вселенского собора, и я действительно, внимательно читая это правило, усмотрел, что там подобного воспреещения нет, хотя, как я слышал еще раньше, а припомнил только теперь, некоторые канонисты стараются доказывать, будто упоминаемое в правилах слово «эскадельфи» означает не только племянницу, но и двоюродную сестру⁶². Об этом слове много писал покойный профессор Моск[овской] дух[овной]

⁶¹ Это был не первый брак с такой степенью родства в Российском императорском доме. Дочь императора Павла I великая княгиня Екатерина Павловна была поочередно замужем за двумя своими двоюродными братьями — сначала за принцем Георгием Ольденбургским (в 1809-1812), а затем за королем Вюртембергским Вильгельмом I (с 1816). Оба этих брака были высочайше дозволены и одобрены.

⁶² Между дядей и племянницей существует третья степень родства, а между двоюродными братом и сестрой — уже четвертая.

академии Лавров, впоследствии архиепископ Литовский Алексей. Но вопрос остается открытым, даже более — каноника остается при убеждении, что в Правилах соборных нет воспрещения жениться на двоюродной сестре. Конечно, отсюда еще довольно далеко до признания дозволенности такого брака *ipso jure*⁶³, но, думается, нет препятствий к разрешению его архиерейской властью. Поэтому я раскаиваюсь в том, что даже в частных письмах вопрошающим меня лицам, например афонским монахам, я признавал брак с двоюродной сестрой безусловно незаконным»⁶⁴.

Юридический довод основывался на вольной расширительной трактовке статьи 185 Основных законов Российской империи: «Брак мужеского лица императорского дома, могущего иметь право на наследование престола, с особою другою веры совершается не иначе, как по восприятию ею православного исповедания». Поскольку и мать Кирилла Владимировича великая княгиня Мария Павловна Старшая, и его супруга великая княгиня Виктория Феодоровна приняли православие после заключения брака, то есть были неправославными на момент вступления в брак, — утверждали противники государя, — его права на престол могут быть опротестованы.

Это «перевернутое» толкование статьи 185 основано на недобросовестном или непрофессиональном разрыве с юридическим и историческим контекстом. С точки зрения враждебных Кириллу Владимировичу толкователей, раз статья 185 требует от особ императорского дома, «могущих иметь право на наследование престола», вступать в браки только с уже принявшими православие, то не исполнившие этого требования теряют права на престол. Такая поверхностная трактовка, не основанная даже на тексте самой статьи 185, тем более не выдерживает критики при полноценном знакомстве с законодательством во всей его полноте и с имеющими правовое значение историческими источниками и прецедентами.

Нетрудно заметить, что статья 185 относится не к правам на престол членов императорского дома, а к их бракам и не содержит никакой санкции, то есть не говорит, что влечет за собой вступление члена династии, «могущего иметь право на наследование престола», в брак с иноверной особой, если он все-таки состоялся.

Не вступление в брак с православной особой дает право престолонаследия, а наоборот, возможность иметь это право является причиной предъявления императором условий, содержащихся в статье 185.

⁶³ В силу самого закона (лат.).

⁶⁴ Письмо митрополита Антония (Храповицкого) графу Ю.П. Граббе от 20 июля 1926 (Белград) // Письма блаженнейшего митрополита Антония (Храповицкого). Джорданвилл: Свято-Троицкий монастырь, 1988. С. 172. Письмо № 32.

Что касается потомства от такого брака, то даже при самом предвзятом и натянутом толковании статьи 185 невозможно не признать, что в ней отсутствует какое-либо упоминание потомства и его прав⁶⁵.

Является ли это неким пробелом в законодательстве, недоговоренностью, которую можно интерпретировать в разные стороны? никоим образом. Всё проясняется в сопоставлении с остальными статьями закона и династическими актами, касающимися вероисповедания прямых и потенциальных наследников и их супругов.

Во-первых, все без исключения члены Российского императорского дома⁶⁶ имеют право на престолонаследие⁶⁷.

Во-вторых, статья 184 разрешает членам императорского дома вступать в брак с неправославными: «По соизволению царствующего императора члены императорского дома могут вступать в брак как с особами православного исповедания, так и с иноверными»⁶⁸.

В-третьих, закон предусматривает даже такую ситуацию, когда лицо, до которого дошло престолонаследие, само на тот момент не является православным, и тогда «наследующему лицу предоставляется избрать веру и престол и отречься вместе с наследником от другой веры и престола, если таковой престол связан с законом⁶⁹; когда же отрицания от веры не будет, то наследует то лице, которое за сим ближе по порядку»⁷⁰. Ясно, что у такого лица родители были бы также неправославными. Кроме того, о супруге данного лица в статье 35 ничего не говорится, то есть требования обязательного принятия ею православия нет.

⁶⁵ Факт подписания 24 августа 1911 года княжной императорской крови Татианой Константиновной (дочерью великого князя Константина Константиновича и великой княгини Елисаветы Маврикиевны, сохранявшей лютеранское исповедание до своей смерти) акта о ее отречении от «принадлежащего ей как члену императорского дома права на наследование императорского всероссийского престола» лишний раз свидетельствует, что абсолютно никакого ущерба династическим правам потомства статья 185 не предусматривает.

⁶⁶ Кроме добровольно отрекшихся в силу статей 37 и 38.

⁶⁷ Статьи 25, 27–33 и 126.

⁶⁸ Статья 184 имеет ссылку на источник — Акт от 18 августа 1721 г. (Полное собрание законов Российской империи. Т. VI. СПб., 1830. № 3814 «Послание Святейшего правительствующего синода к православным о беспрепятственном вступлении в брак с иноверными»). Это послание содержит ряд примеров допустимости и богоугодности браков с иноверцами начиная с Ветхого Завета; в частности, приведены примеры, показывающие приемлемость таковых браков для православных государей: «Иоанн Ласкаръ, царь греческий, имел жену королевну сицилийскую, латинского исповедания. Андроник Палеолог поял себе в жену королевну гишпанскую».

⁶⁹ Слово «закон» здесь употребляется в значении «вероисповедание».

⁷⁰ Статья 35 Основных государственных законов Российской империи.

Всё это говорит о том, что требование статьи 185 не безусловно и относится не ко всем членам императорского дома (по определению имеющим право на наследование престола), а к более узкому кругу лиц, «могущих», по мнению дающего разрешение на брак царствующего императора, это право реализовать в обозримом будущем.

Как понять различие между «имеющими право» и «могущими иметь право»? Никакой казуистики тут нет. Принципиальное право на престолонаследие имеют все члены династии, но непосредственное право на престол может иметь только одно-единственное лицо. Принципиальное право дано всем членам императорского дома по праву рождения, а непосредственное право есть возможность, которой обладают только наследники престола. Статья 185 гласит как раз об этой возможности. Стоит заметить такую немаловажную деталь, что лицо, к которому обращено требование статьи 185, указано в единственном числе.

Выдающийся русский правовед профессор А.Д. Градовский писал (как раз по поводу супружества отца великого князя Кирилла Владимировича): «Брак великого князя Владимира Александровича с принцессой Мекленбург-Шверинской, ныне великой княгиней Марией Павловной, не принявшей православие, должен дать повод к тому толкованию, что принятие православной веры требуется от иноверных особ женского пола только в случае вступления их в брак с лицом, имеющим непосредственное (выделено мной. — А.З.) право на престолонаследие»⁷¹.

Таким образом, статья 184 разрешает всем членам императорского дома вступать в браки с лицами любого вероисповедания, а статья 185 содержит особые повышенные требования к лицу или (если такова будет воля царствующего императора) к ограниченному кругу лиц, обладающих непосредственной возможностью наследования престола.

До издания акта 5 апреля 1797 г. имели место следующие прецеденты.

Лютеранское вероисповедание сохранила супруга царевича Алексея Петровича, урожденная принцесса Шарлота-Христина София Брауншвейг-Вольфенбюттельская, но он не переставал быть вплоть до своей кончины надеждой и знаменем консервативных сил. Их сын император Петр II происходил, таким образом, от православного царевича и лютеранской принцессы.

Царевна Анна Иоанновна, бывшая в супружестве с лютеранином герцогом Фридрихом-Вильгельмом Курляндским, стала императрицей Анной I.

⁷¹ Градовский А.Д. Начала русского государственного права. Т. I. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1875. Отд. 3 «Учреждение об императорской фамилии». § 159.

Император Иоанн VI был сыном православной великой княгини Анны Леопольдовны и лютеранина принца Антона-Ульриха Брауншвейг-Беве́рн-Люнебургского и внуком православной царевны Екатерины Иоанновны и лютеранина герцога Карла-Леопольда Мекленбург-Шверинского.

Император Петр III (родоначальник Голштейн-Готторпской линии дома Романовых, от которого произошли по прямой линии все последующие императоры и главы династии в изгнании) был сыном православной цесаревны Анны Петровны и лютеранина герцога Карла-Фридриха Голштейн-Готторпского.

Родители царствующей императрицы Екатерины II Великой, матери императора Павла I, конечно же, оба были лютеранами.

После издания акта 1797 г.⁷² в брак с католичкой графиней И. Грудзинской вступил цесаревич Константин Павлович, что не лишило его прав престолонаследия⁷³. Особы императорского дома женского пола, заключившие браки с инославными государями и принцами, не утрачивали своих прав⁷⁴, и их инославное потомство в силу статьи 35 остается в очереди российского престолонаследия.

То есть нет абсолютно никаких оснований полагать, что существуют некие духовные препятствия для наследования престола членами дома Романовых, вступившими в равнородные браки с инославными.

Тем более не может существовать никаких ограничений для православных детей от таковых браков. Сама мысль об этом с точки зрения верующих является кощунственной по отношению к таинству крещения, ибо при такой позиции отрицается очистительная сила благодати Святого Духа, в любом случае снимающая с крещаемого все грехи.

Что же касается юридической стороны дела, в связи с различными изменениями, вносимыми в законодательство, необходимо изучить вопрос более подробно.

⁷² Но до издания Свода законов Российской империи.

⁷³ Цесаревич Константин добровольно отрекся от своих прав на престолонаследие спустя два года после вступления во второй брак. А потомство от этого брака, если бы оно было, не могло бы наследовать престол не из-за католического вероисповедания матери, а только из-за ее неравнородности.

⁷⁴ Некоторые великие княжны и княжны императорской крови подписали при вступлении в брак акты отречения от прав престолонаследия, что было вызвано теми или иными политическими соображениями. Эти отречения были, во-первых, добровольными, во-вторых, не распространялись на потомство, и в-третьих, самое главное, только подчеркивали, что не может быть и речи о каком-то «автоматическом» лишении прав на наследование престола по какой бы то ни было причине.

После издания Свода законов Российской империи в царствование Николая I, в который рассматриваемые нами статьи 184 и 185⁷⁵ вошли, соответственно, под номерами 141 и 142, из особ Российского императорского дома мужского пола в равнородные браки с неправославными вступили великие князья Владимир Александрович, Константин Константинович, Сергей Александрович и Кирилл Владимирович. Супруги Владимира Александровича, Сергея Александровича и Кирилла Владимировича приняли православие спустя то или иное время после заключения брака⁷⁶, а супруга великого князя Константина Константиновича великая княгиня Елисавета Маврикиевна осталась лютеранкой и умерла в этом исповедании⁷⁷.

Абсолютно ясно, что целью статьи 185 является обеспечение православноности супруги будущего императора. К кому применять, а к кому не применять эту статью, определяет царствующий император, без дозволения которого ни один брачный союз членов императорского дома законным не признается. Это вопрос очень важный, но он не имеет какого-то сверхмистического значения и остается внутренним делом династии.

При нормальном течении дел статья 185 на практике создает достаточные условия, чтобы будущая императрица была православной уже на момент вступления ее супруга на престол. Если же, в силу экстремальных событий, императором (главой династии) становится более отдаленный в порядке престолонаследия член императорского дома, имеющий неправославную супругу, то это положение оказывается временным, а для следующих поколений наследников вновь применяется статья 185.

Таким образом, с правовой точки зрения статья 185 может являться основанием для отказа в соизволении царствующего императора на брак члена Российского императорского дома с неправославной особой до ее

⁷⁵ Как в последнем издании Свода законов 1906 года.

⁷⁶ Супруга великого князя Сергея Александровича великая княгиня Елисавета Феодоровна причислена Русской православной церковью к лику святых. К сожалению, у этой супружеской четы не было потомства. Но если бы оно было, вряд ли у кого-нибудь повернулся язык отрицать его права на том основании, что *святой* Елисавете Феодоровне потребовалось некоторое время, чтобы осознанно, убежденно и искренне принять православие. Нет оснований для применения двойных стандартов и к великим княгиням Марии Павловне Старшей и Виктории Феодоровне.

⁷⁷ Трое ее сыновей были казнены большевиками в Алапаевске 5/18 июля 1918 г. и в 1981 г. прославлены в лике святых Русской православной церковью за границей. Старший из них — князь императорской крови Иоанн Константинович — незадолго до мученической кончины принял сан и стал православным священнослужителем. Бесспорно, что, если бы до кого-то из Константиновичей дошла очередь престолонаследия, это лицо законно возглавило бы Российский императорский дом, несмотря на неправославное исповедание их матери.

перехода в православие, но не лишает прав престолонаследия ни тех членов императорского дома, которые вступили в браки с неправославными по соизволению царствующего императора, ни тем более их потомство.

Понимая полную юридическую несостоятельность прямой фальсификации смысла статьи 185, противники Кирилла Владимировича пошли по пути искусственного запутывания ситуации в расчете на то, что большинство людей не склонно к изучению тонкостей права. Так возникли две фантастические теории: 1) о некоем «передвижении в очереди престолонаследия» и 2) о якобы имевшем место тайном отречении великого князя Владимира Александровича от прав престолонаследия за себя и за свое потомство.

Первая теория была придумана приват-доцентом М.В. Зызыкиным и сформулирована в его брошюре «Царская власть и закон о престолонаследии в России»⁷⁸, написанной по заказу непредрешищев. М.В. Зызыкин пытался обосновать, что потомство членов дома Романовых от браков с особами, не принявшими православие до вступления в супружество, не лишается прав совершенно, но «отодвигается в очереди», пропуская вперед младших родственников, рожденных от православных матерей.

Разумеется, ни в законах, ни в правоприменительной практике эта теория не имеет ни малейшего основания и, главное, не могла бы иметь по определению. Ведь целью Акта о престолонаследии 1797 г. является «дабы не было ни малейшего сомнения, кому наследовать», а если бы законы предполагали «передвижения в очереди», то всё российское престолонаследие превратилось бы в неразрешимую головоломку.

Сочинение приват-доцента М.В. Зызыкина тем не менее произвело впечатление на многих людей, в том числе вполне искренних. Митрополит Антоний (Храповицкий), увлеченный тогда совершенно антилегитимистскими идеями произвольно объявить наследником кого-нибудь из младших членов династии, 4/17 сентября 1924 г. сгоряча написал М.В. Зызыкину письмо с восторженным отзывом о его брошюре. Изошренная фальсификация показалась неким юридическим обоснованием династического непредрешищевства⁷⁹. Но митрополит Антоний, после первоначального эмоционального

⁷⁸ Зызыкин М.В. Царская власть и закон о престолонаследии в России. София, 1924. С≈87–91, 142–149, 157–159.

⁷⁹ Эта теория создавала предпосылки для так называемого широкого легитимизма, позволяющего его сторонникам считать, что они привержены Соборной клятве 1613 г. на верность дому Романовых, но при этом избавлены от долга служить конкретному законному государю, поскольку его личность будто бы не определена точно из-за неких неясностей в законодательстве. Такая позиция, при ее внешней комфортности, безосновательна и, по сути, лицемерна, так как неизбежно превращает Соборную клятву 1613 г. и Основные законы в фикцию и делает монархическую идею отвлечен-

порыва, пожелал досконально разобраться в столь важном вопросе. Поэтому в январе 1925 г. он поручил будущему архиепископу Иоанну (в миру Михаилу Борисовичу Максимовичу) подготовить историко-правовую справку о российском престолонаследии. Этот труд был завершен в августе того же года, представлен митрополиту и напечатан в кратком изложении в эмигрантской прессе. Его полный текст опубликован в 1936 г.

Досконально проанализировав весь путь развития системы наследования престола, М.Б. Максимович пришел к однозначно легитимистским выводам. Он не замалчивал имевшие место сомнения в вопросах престо-

Великий князь Владимир Александрович.
1890 годы.

лонаследия, но характеризовал их как имевшие место в прошлом и уже преодоленные: «Обманувшие царский дом и русский народ люди не смогли удержать власть в своих руках, так ее взяло новое правительство, так же самочинно возникшее, но более организованное, чем первое. Русский народ подвергся неслыханному еще дотоле унижению и порабощению, и еще в сравнительно лучших условиях оказались те русские люди, которым удалось убежать из родной земли, залитой кровью. При таких обстоятельствах взоры большинства, естественно, обратились к основе могущества и благоденствия Руси — ее царской власти. Однако первое время (выделено мной. — А.З.) не было достоверных известий о сосланных в глубь России

ной абстракцией, уничтожая главный принцип православной монархии — взаимного служения государя и народа. Сам М.В. Зызыкин в конце жизни убедился в ложности своей теории и выразил чувства преданности сыну императора Кирилла Владимировича легитимному главе дома Романовых великому князю Кирилловичу.

членах царской семьи. Кроме того, не представлялось сначала (выделено мной. — А.З.) вполне ясным толкование 185-й статьи «Учреждения об императорской фамилии», и ввиду этого неизвестно было (выделено мной. — А.З.), кто же является законным главой Руси».

Не называя имен, М.Б. Максимович совершенно недвусмысленно опроверг домыслы М.В. Зызыкина, пытавшегося интерпретировать российское законодательство с помощью совершенно чуждых ему построений из области германского частного права: «В связи с вопросом о престолонаследии за границей возникла довольно обширная литература, причем некоторые при толковании Российского закона о престолонаследии стали пользоваться законами и правилами, существующими по этому вопросу в иностранных государствах. Последнее является совершенно недопустимым, ибо порядок наследования верховной власти в России выработался исторически, покоится на чисто русских основах и в целом является вполне русским по духу. Поэтому при толковании его должно пользоваться исключительно русскими источниками права».

Высказывая мнение о возможности редактирования Основных государственных законов в будущем и даже указывая на некоторые несовершенные, с его точки зрения, нормы, касающиеся императорской фамилии, М.Б. Максимович остается убежденным легитимистом: «Никакие изменения или произвольные толкования не могут иметь места, и исторический российский закон, получивший свое начало вместе с началом объединения Руси, действителен в том виде, в каком находился в день страшного преступления — лишения законного царя принадлежащей ему власти. Россия несет и будет нести тяжелые последствия этого преступления, пока власть в ней не перейдет опять в руки того, кто самим Промыслом сделан ее объединяющим главою, опорой и хранителем ее благосостояния. А таковым является старший по первородству член царского рода (выделено мной. — А.З.)⁸⁰. Пренебрежение тем законом, который выработан собирателями Руси и осенен благословениями ее святых заступников и святителей, было причиной многих печальных последствий, а в дальнейшем будет источником новых потрясений и волнений, ибо русский народ во все эпохи стремился к своему законному царю, только под властью которого Русь всегда обретала успокоение и благоденствие»⁸¹.

⁸⁰ М.Б. Максимович абсолютно четко формулирует единственное основание для возглавления императорского дома, подчеркивая, что все попытки предъявить какие-либо иные условия к православному члену династии, достигшему такового старшинства, не имеют никаких законных оснований.

⁸¹ *Иоанн (Максимович), архиеп.* Происхождение закона о престолонаследии в России. Подольск, 1994. С. 78–80.

М.Б. Максимович, следуя букве и духу законов о престолонаследии, засвидетельствовал, что старший по первородству православный член дома Романовых является законным государем без каких бы то ни было дополнительных условий и ограничений, независимо от вероисповедания своих родителей и любых иных обстоятельств. Таковым после физического уничтожения всего мужского потомства императора Александра III стал старший из оставшихся в живых внуков императора Александра II Кирилл Владимирович.

Вторая антилегитимистская фальсификация заключалась в легенде о некоем «тайном» отречении великого князя Владимира Александровича перед вступлением в брак с герцогиней Марией Мекленбург-Шверинской от прав престолонаследия за себя и за свое потомство.

Начиная с 1920-х гг. легитимисты, не имея в своем распоряжении полного корпуса исторических источников, в ответ на это предположение ограничивались резонным и, в общем, достаточным указанием на то, что никаких «тайных отречений» российское законодательство не допускало в принципе.

Добровольное отречение любого члена императорского дома получало правовое значение только после обнародования и тогда признавалось уже «невозвратным»⁸². Без обнародования любой акт, резолюция, письмо и т.п. оставались лишь мнением, проектом, заготовкой документа, однако сами по себе еще не имели юридической силы.

Ныне все точки над «і» в отношении толкования статьи 185 в целом и относительно брака великого князя Владимира Александровича и прав его потомства в частности окончательно расставлены после того, как член Геральдического совета при президенте Российской Федерации, известный ученый-генеалог, кандидат исторических наук С.В. Думин ввел в научный оборот ранее неопубликованный и неизвестный широкому кругу исследователей династический акт 16 августа 1874 г.⁸³

Вот его полный текст: [Л. 1] «Разрешив сыну моему великому князю Владимиру Александровичу вступить в брак с ея великогерцогским высочеством герцогинею Мариею Мекленбург-Шверинскою и изъявляя согласие, чтобы ея высочество герцогиня Мария, по особым семейным ея обстоятельствам, не была обязана при предстоящих обручении и браке воспринять православное исповедание, — я признал за благо установить в настоящем семейном акте, для неперменного в будущем исполнения, следующие в отношении // [Л. 1 об.] сего брака правила. 1. Если, по неисповедимой воле Божией, наследие

⁸² Ст. 38 Основных государственных законов Российской империи.

⁸³ Думин С.В. Брак великого князя Владимира Александровича и семейный акт 16 августа 1874 г. // Летопись историко-родословного общества в Москве. 2009. Вып. 14/15 (58/59). С. 186–199.

престола перешло бы к сыну моему великому князю Владимиру Александровичу, а супруга его до того времени оставалась в лютеранском исповедании, то сын мой великий князь Владимир Александрович, по разуму статьи 142-й Основных законов, не иначе может получить право на престолонаследие, как по восприятии его супругою православного исповедания⁸⁴. 2. Если бы супруга великого князя Владимира Александровича, при переходе к нему права престолонаследия, не восприяла // [Л. 2] православного исповедания; то он должен быть признаваем добровольно отрекшимся от означенного права, с точным соблюдением постановлений, содержащихся в статьях 15-й⁸⁵ и 16-й Основных законов⁸⁶. 3. Если бы, по неисповедимой воле Божией, супруга великого князя Владимира Александровича, не восприяв православного исповедания, кончила жизнь прежде перехода к нему права престолонаследия, то, за прекращением его брака с лицом иноверного исповедания, он сохраняет право на наследование престола. 4. В случае, указанном выше в статье 2-й об отречении великого князя Владимира // [Л. 2 об.] Александровича, равно если бы, по неисповедимой воле Божией, великий князь Владимир Александрович кончил жизнь до восприятия супругою его православного исповедания, — дети, от брака сего рожденные, сохраняют все права престолонаследия, членам Императорского дома принадлежащие, по порядку, установленному в Основных законах. Александр⁸⁷. Цесаревич Александр⁸⁸. Владимир⁸⁹. С.-Петербург, 16 августа 1874 г.»⁹⁰.

⁸⁴ Ст. 142 Основных законов по «Сводам» 1842 и 1857 гг. гласит: «Брак мужеского лица императорского дома, могущего иметь право на наследование престола, с особою другой веры совершается не иначе, как по восприятии ею православного исповедания (ст. 40 Основных государственных законов)». По «Своду» 1892 г. это ст. 141, по изданию 1906 г. — ст. 185 (изменилась только ссылка в тексте на статью, определявшую господствующее положение в Российской империи Православной церкви; в своде 1906 г. это ст. 42).

⁸⁵ Ст. 15 по изданиям 1842 и 1857 гг. (в изд. 1906 г. ст. 37): «При действии правил, выше изображенных о порядке наследия престола, лицу, имеющему на оный право, представляется свобода отречься от сего права в таких обстоятельствах, когда за сим не предстоит никакого затруднения в дальнейшем наследовании престола».

⁸⁶ Ст. 16 по изданиям 1842 и 1857 гг. (в издании 1906 г. это ст. 38). «Отречение таковое, когда оно будет обнародовано и обращено в закон, признается потом уже невозвратным». Курсив наш (А.З.): мы отметили очень важное обстоятельство, касающееся возможных отречений от права престолонаследия: юридическую силу они обретали только после официального обнародования (через указ Сенату или манифест).

⁸⁷ Император Александр II.

⁸⁸ Наследник цесаревич и великий князь Александр Александрович, будущий император Александр III.

⁸⁹ Великий князь Владимир Александрович.

⁹⁰ РГИА. Ф. 468. Оп. 46. Д. 63.

Великий князь Владимир Александрович с семьёй.

Особая статья (*article séparé*) брачного контракта, подписанного представителями императора Александра II (отца жениха) и великого герцога Мекленбург-Шверинского Фридриха-Франца II (отца невесты) в Петербурге еще 30 июля (12 августа н. ст.) 1874 г., гарантировала, что «*Son Altesse Grand-Ducale Madame la Duchesse Marie, devenue par Son mariage Grande Duchesse de Russie, ne sera gênée en rien dans l'exercice du culte Evangélique-Luthérien, dans lequel Elle est née et a été élevée*» («Ее великогерцогское высочество государыня герцогиня Мария, став в результате своего брака великой княгиней Российской, не будет иметь никаких препятствий в отправлении евангелическо-лютеранской религии, в которой она родилась и была воспитана»). При этом оговаривалось, что великая княгиня Мария Павловна будет присутствовать на православных церемониях вместе с супругом, а дети от этого брака будут воспитаны в православной вере, в соответствии с законами Российской империи («*ils seront élevés dans la religion orthodoxe, conformément aux lois de l'Empire de Russie*»⁹¹).

Из династического акта 16 августа 1874 г. проистекают нижеследующие неоспоримые выводы.

1. Отречение (окончательное или условно-предварительное) члена Российского императорского дома от принадлежащего ему от рождения права на наследование престола может быть только добровольным и не может быть по какой бы то ни было причине «автоматическим».

⁹¹ РГИА. Ф. 468. Оп. 46. Д. 93. Л. 7–7 об.

2. Право определения, к кому применять, а к кому не применять действие статьи 185, принадлежит исключительно царствующему императору как главе Российского императорского дома.

3. Давая разрешение на брак с иноверной особой члену Российского императорского дома, не обладающему непосредственным правом на наследование престола, глава императорского дома может взять с него письменное обязательство исполнить определенные условия в том случае, если ему все-таки суждено будет унаследовать права и обязанности главенства в императорском доме.

4. Целью статьи 185 является обеспечение православного исповедания императрицы-супруги. В связи с этим царствующий император может предъявить члену Российского императорского дома следующие требования: вступивший в брак с инославной особой, не принявшей православное исповедание и после заключения брака, в случае перехода к нему прав престолонаследия обязан либо обеспечить переход своей супруги в православие, либо подтвердить свое персональное добровольное отречение, которое никоим образом не касается его потомства, рожденного и воспитанного в православии.

5. Сам по себе брак с инославной принцессой не лишает члена Российского императорского дома прав на престолонаследие и не побуждает его отречься добровольно. В случае принятия супругой православия после заключения брака или смерти инославной супруги до перехода к нему этих прав вопрос просто отпадает и данный член династии становится главой императорского дома без всяких условий и оговорок.

6. Статья 185 никоим образом и ни при каких обстоятельствах не затрагивает право на наследование престола потомством от браков членов Российского императорского дома с инославными принцессами: «Дети, от брака сего рожденные, сохраняют все права престолонаследия, членам императорского дома принадлежащие, по порядку, установленному в основных законах».

Применительно к линии Владимировичей дело обстояло следующим образом. Если бы престолонаследие дошло до великого князя Владимира Александровича, то он должен был либо убедить свою супругу великую княгиню Марию Павловну принять православную веру, либо подтвердить свое добровольное обязательство окончательно отречься⁹². В этом случае императором стал бы его сын великий князь Кирилл Владимирович.

⁹² Фамильный акт 16 августа 1874 г. не был обнародован именно потому, что великий князь не отрекся окончательно, а лишь добровольно обязался отречься при оговоренных в акте условиях.

Когда в 1905 г. по поручению императора Николая II секретное совещание обсуждало вопрос, какие санкции можно применить к великому князю Кириллу Владимировичу в связи с заключением им брака без высочайшего соизволения, никто не подвергал ни малейшему сомнению наличие прав престолонаследия ни у великого князя Владимира Александровича, ни у великого князя Кирилла Владимировича⁹³.

После того как великая княгиня Мария Павловна 10 апреля 1908 г. приняла православие, Семейный акт 16 августа 1874 г. в отношении линии Владимировичей утратил актуальность, так и не вступив в силу. Но он сохранил свое значение для правильного понимания брачного законодательства Российского императорского дома в целом и в особенности порядка применения статьи 185.

Таким образом, положение великого князя Кирилла Владимировича как законного главы дома Романовых и, следовательно, императора де юре было неоспоримо. Субъективно те или иные события и поступки в его жизни и в жизни его предков могут вызывать огорчение или сожаление⁹⁴, но они не создавали никаких юридических и канонических препятствий для наследования им прав и обязанностей императоров всероссийских в соответствии с Основными законами Российской империи.

Но юридическая бесспорность вопроса о престолонаследии не устраивала самые разнообразные течения в эмиграции. Парадоксальным образом некоторые монархические деятели и организации оказались более враждебны принципу легитимизма, чем откровенные противники монархии. Уже на Рейхенгалльском съезде проявилось достаточно причудливое сочетание еще существовавшего признания необходимости легитимизма и желания игнорировать долг монархистов признавать волю законного государя и следовать ей. Исходя из логики собственных официальных постановлений, участники съезда должны были бы обратиться к старшему в порядке престолонаследия члену императорского дома, местопребывание которого известно, и вместе с ним выработать дальнейшую линию деятельности. Но съезд образовал Высший монархический совет (ВМС), претендующий на диктаторское руководство всем монархическим движением и ищущий возможности уклониться от подчинения кому бы то ни было. В дальнейшем

⁹³ «Великий князь Кирилл Владимирович в порядке наследия престола занимает среди членов императорского дома четвертое место» (ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2139). Четвертое место — после наследника цесаревича и великого князя Алексея Николаевича (1), великого князя Михаила Александровича (2) и великого князя Владимира Александровича (3).

⁹⁴ Как и у любого другого члена династии.

идеология и методы ВМС эволюционировали в откровенном противоречии с легитимистскими декларациями Рейхенгалльского съезда. В первые годы ВМС возглавлял видный правый деятель Российской империи Н.Е. Марков⁹⁵. Он тогда являлся сторонником популистского и демагогического лозунга, что «царь нужен не только законный, но и желанный».

Конечно, для того чтобы законный царь мог вернуться на престол, необходимо, чтобы этого пожелал народ. Это объективная данность, с которой бессмысленно спорить, независимо от политических убеждений. Однако в устах монархистов такой лозунг становился по меньшей мере бессмысленным, а в своем логическом развитии превращался в оправдание измены. С точки зрения монархического мировоззрения, безусловно, для того чтобы законный царь стал «желанным» всем народом, людям, разделяющим монархические убеждения, нужно объединяться вокруг него и всеми способами укреплять его авторитет, а не противодействовать ему и дискредитировать его. Но в кругах, возглавляемых ВМС, «законность» и «желанность» на практике все более и более противопоставлялись друг другу, начали возникать всякие дополнительные условия, требования от законного государя «чистоты», «непорочности» и «святости» и прочие уловки, оправдывающие неподчинение любому легитимному главе династии, кто бы им ни стал.

Удобной фигурой для противодействия легитимистскому движению оказался великий князь Николай Николаевич Младший. Этот честолюбивый военачальник, бывший верховный главнокомандующий, пользовался популярностью в военной среде и имел определенный авторитет в международных кругах. В феврале 1917 г. он поддержал заговор против Николая II и вместе с другими командующими фронтами направил ему телеграмму с требованием отречения. В эмиграции Николай Николаевич стал играть роль «вождя», не принимая, впрочем, на себя никакой конкретной ответственности. В порядке престолонаследия Николай Николаевич находился на отдаленном месте (до революции на 16-м, а после истребления оставшихся в России членов дома Романовых на 8-м), но рассчитывал, что его «призовет Россия» и он станет либо нелегитимным императором, либо пре-

⁹⁵ В 1926 г. Н.Е. Марков сложил с себя полномочия председателя ВМС, в 1927 г. покинул эту организацию, постепенно перешел на позиции легитимизма и возглавил Комитет призыва к объединению вокруг главы Российского императорского дома. Новый председатель ВМС А.Н. Крупенский являлся активным противником легитимизма. В 1929 г. ВМС на некоторое время подчинился Кириллу Владимировичу, но это оказалось чисто политическим маневром, без идейных обоснований и внутреннего убеждения. В 1932 г., под предлогом несогласия с Новогодним обращением императора в изгнании, ВМС вернулся в стан оппозиции императорскому дому. Окончательный переход ВМС к легитимизму состоялся в 1938 г., после смерти Кирилла Владимировича

зидентом. Вокруг него стали группироваться самые разнообразные группы и лица, объединенные идеологией «непредрешенчества».

Эта идеология имела логичный фасад и противоречивое содержание. С главным лозунгом «непредрешенчества», гласящим, что судьбу России и определение ее государственного строя можно решить только в самой России и невозможно «предрешать» в эмиграции, трудно не согласиться. Но дальше начинался распад логических связей.

Эмиграция стремилась к «освобождению России от большевизма», после чего стало бы возможным свободное народное волеизъявление. Для того чтобы обладать силой для участия в «освобождении», эмиграции было необходимо объединиться. Но на какой основе? Одного лишь «антибольшевизма» явно не хватало, и это красноречиво показала Гражданская война. Нужна была некая идейная основа, объединяющая, по возможности, все политические силы — от правых до умеренно-левых. С точки зрения легитимистов, естественным центром единения является законный глава императорского дома. Он стоит вне любых партий, не будучи обязан своим положением ни одной из них. Его личностные качества, известность, популярность и т.п. играют второстепенную роль. Самое главное, что он по природе своего статуса может эффективно выполнять функцию арбитра. В эмиграции он оставался бы живым символом исторической России и центром притяжения диаспоры. Если же обстоятельства сложились бы благополучно для антибольшевистского сопротивления и эмиграции удалось бы вернуться в Россию, то в случае восстановления монархии он взойшел бы на престол и продолжал свое арбитражное служение в масштабах всей страны, а в случае установления республиканского строя остался бы главой исторической институции, пользующейся уважением и занимающей свое место в общественной жизни страны.

Такая постановка вопроса о «непредрешенчестве» с политической точки зрения была бы более последовательной. Любому главе династии, скорее всего, не оставалось бы ничего иного, как согласиться на такие условия, не отказываясь от монархических убеждений, но умерив монархическую риторику. И только в случае проявления с его стороны явного неблагодария, если бы он отверг такого рода «непредрешенчество» и стал настаивать на обязательном полном подчинении себе как политическому лидеру, для «непредрешенческих» организаций было бы допустимо искать иных «вождей». Тогда с главой династии остались бы только легитимисты, и их можно было бы упрекать, что они превратили общенациональную идею в узкое партийное направление.

Но на практике «непредрешенчество» пошло по совершенно иному пути. Во-первых, оно не принимало во внимание внепартийную суть

монархической идеи и рассматривало монархическое движение как одну из политических партий. Во-вторых, даже в этом качестве монархическое направление подвергалось в рамках «непредрешенчества» совершенно необъяснимой дискриминации. Именно на выражение монархических убеждений накладывались какие-то особенные ограничения, а уж верность легитимному главе династии вообще воспринималась как нечто преступное. Никаких вразумительных и аргументированных объяснений этому не приводилось.

«Непредрешенчество» имело несколько уровней. Либеральные и умеренно-левые непредрешенцы продолжали следовать установкам Февральской революции и Белого движения периода Гражданской войны. В правых кругах было модно заявлять о личной приверженности монархическому принципу и тут же доказывать, что России нужен не монарх, а «вождь». При чем сначала этот «вождь» рассматривался вроде бы как своего рода предтеча законного царя, но очень скоро оказывалось, что на самом деле он мыслится как совершенно самостоятельная альтернатива, противопоставляемая легитимному государю. Особенно показательно в этом смысле творчество И.А. Ильина — главного и наиболее талантливого идеолога «Белой идеи»⁹⁶.

Генерал барон П.Н. Врангель также считал монархизм одним из партийных политических направлений: «Будучи сам монархистом и прослужив 20 лет в императорской армии и состоя в свите государя, я могу лишь сочувствовать монархическим убеждениям господ офицеров, однако участие чинов армии в работе политического характера допустить не могу»⁹⁷.

Высший монархический совет пропагандировал «непредрешенчество» в рамках династии. Это идейное течение было наиболее вредоносным для монархического движения, так как при видимой твердой приверженности монархическому мировоззрению разрушало его в самой сердцевине

⁹⁶ В 1920–1930 гг. И.А. Ильин придерживался антилегитимистских взглядов и являлся одним из главных апологетов «непредрешенчества» и вождизма. Пытался оспорить права Кирилла Владимировича на престол. При этом крайне отрицательно относился и к Высшему монархическому совету. В 1934-м подвергся гонениям со стороны нацистских властей, в 1938-м при помощи С.В. Рахманинова переехал из Германии в Швейцарию. В конце жизни раскаялся и изъявил верноподданнические чувства и преданность главе Российского императорского дома великому князю Владимиру Кирилловичу и его августейшей семье (см., например, его письма великому князю Владимиру Кирилловичу: *Ильин И.А. Собрание сочинений. Письма. Мемуары* (1939–1954). М.: Русская книга, 1999. С. 137–151). Скончался в Швейцарии. В 2007-м перезахоронен на кладбище московского Донского монастыря.

⁹⁷ Русская военная эмиграция 1920–1940-х гг. Документы и материалы. Т. 2 «Несбывшиеся надежды... 1923 г.». М.: Триада-Х, 2001. С. 123; ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 437. Л. 99–100. Указания генерала П.Н. Врангеля о недопустимости участия чинов Русской армии в политической работе. № 03738. Сремски Карловцы, 10 сентября 1923 г.

Великий князь
Николай Николаевич
в форме лейб-гвардии
Гусарского полка.

не — отношении к законному государю и служению ему. «Династическое непредрешичество» обезглавливало монархическое движение не только тактически, но и стратегически и действительно превращало монархизм из системы духовных и государственных ценностей в одну из партийных доктрин, к тому же примитивного погромно-черносотенного толка⁹⁸.

Великий князь Николай Николаевич в силу особенностей своего положения и характера стал на некоторое время ключевой фигурой для «непредрешицев». Он принадлежал к предпоследней из младших династических линий и не имел потомства, что делало его приемлемым для политических сил, прохладно относящихся к идее восстановления монархии. С другой стороны, многие эмигранты относились к Николаю Николаевичу с уважением, чтя в нем старшего по возрасту члена династии и военного деятеля. Действительно, в личном плане он был более известен, чем Кирилл Владимирович.

Для роли «вождя» эта совокупность факторов была подходящей. Если бы Николай Николаевич был способен хотя бы декларативно признать основанное на законе династическое главенство Кирилла Владимировича, то конструктивный компромисс между основными эмигрантскими течениями был бы достигнут. Кирилл Владимирович с самого начала своей общественной

⁹⁸ Об этом брезгливо и возмущенно писал И.А. Ильин, несмотря на общую с ВМС ориентацию на великого князя Николая Николаевича (см., напр.: *Ильин И.А. Собрание сочинений: Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906–1954)*. М.: Русская книга, 2001. «Развал «Монархического совета». С. 470–474; *Ильин И.А. Собрание сочинений: Дневник. Письма. Документы (1903–1938)*. М.: Русская книга, 1999. С. 221).

деятельности постоянно проявлял готовность предоставить Николаю Николаевичу широкие полномочия в военной, политической и даже династической сферах. Единственной неприкосновенной областью оставался пункт о главенстве в императорском доме и правах на престол в случае восстановления монархии, ибо этот вопрос в силу самого закона не должен был зависеть от чьей бы то ни было воли⁹⁹. Как верно отмечал Л.А. Тихомиров, когда в системе монархической государственности «принцип личных достоинств берет, по каким бы то ни было причинам, верх над незыблемостью династического права и когда, стало быть, принцип легитимности подрывается в нации — монархия, в сущности, становится уже невозможной и во всяком случае теряет возможность развивать свои самые лучшие силы и стороны»¹⁰⁰. Но Николай Николаевич решил действовать по принципу «либо всё, либо ничего» и бездарно растратил впустую остатки своего личностного общественно-политического потенциала, существенно помешав Кириллу Владимировичу, но не создав никакой альтернативной цельной и хоть сколько-нибудь созидательной идейно-политической модели.

Но вернемся к последовательному описанию событий. Мы перешли к аналитическим и теоретическим рассуждениям, оставив Кирилла Владимировича в период начала его временного проживания на Лазурном берегу Франции. На тот момент прошло всего около полугода после окончания Гражданской войны на основной территории России, когда в ноябре 1920 г. потерпевшая поражение армия генерала П.Н. Врангеля эвакуировалась из Крыма. Но на Дальнем Востоке еще догорали искры белого сопротивления. После разгрома красными адмирала А.В. Колчака, атамана Г.М. Семенова и генерала барона Р.Ф. Унгерна-фон-Штернберга там доживало последние месяцы Временное дальневосточное правительство. Изначально оно представляло собой широкую межпартийную коалицию, действовавшую под защитой японских оккупационных воинских частей. В 1921 г. Временное дальневосточное правительство установило связь с Высшим монархическим советом. Будучи солидарным с ВМС, оно по его подсказке обратилось за «руководством» к вдовствующей императрице Марии Феодоровне и великому князю Николаю Николаевичу¹⁰¹.

⁹⁹ В том числе и самого Кирилла Владимировича, обязанного либо принять права и обязанности, либо отречься от них, но не имеющего права произвольно передать статус главы императорского дома какому бы то ни было лицу.

¹⁰⁰ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. СПб., 1992. С. 440–441.

¹⁰¹ Ввиду начавшихся летом 1922 г. переговоров Японии с РСФСР и марионеточной про-советской Дальневосточной республикой о выводе японских войск и внутренних смут белое дальневосточное правительство, руководимое братьями С.Д. и Н.Д. Меркуловыми, вместе с назначенным ими командующим войсками генералом М.К. Дитерихсом,

В то время Высший монархический совет проявлял подчеркнутое внешнее уважение к Кириллу Владимировичу. Председатель ВМС Н.Е. Марков переписывался с великим князем на предмет организации благотворительных акций¹⁰². Во время пребывания в Кобурге и Мюнхене Н.Е. Марков докладывал Кириллу Владимировичу о положении на Дальнем Востоке России.

В ноябре 1921 г. Н.Е. Марков получил письмо председателя Владивостокской городской думы Н.А. Андрушкевича, который сообщал о росте монархических настроений и намерениях Совета съезда несоциалистического населения установить монархический строй на контролируемой антикоммунистическими силами территории Дальнего Востока. Совет намеревался направить делегацию в составе генерал-лейтенанта Н.А. Лохвицкого и члена народного собрания С.П. Руднева к вдовствующей императрице Марии Феодоровне. По существовавшему тогда замыслу, схема восстановления монархии предполагалась такой: «Созывается церковный собор. Церковный собор, соединяясь с Народным собранием и представителями от городов и волостей, образует учредительный съезд. Учредительный съезд избирает государем Приамурским, блюстителем престола всероссийского одного из великих князей. Всеобщее желание видеть [им] великого князя Александра Михайловича»¹⁰³.

8/21 ноября 1921 г. Н.Е. Марков направил великому князю Кириллу Владимировичу письмо. Этот документ и вся последующая переписка является весьма любопытным памятником эпохи и демонстрирует неприглядную роль ВМС в провоцировании раскола, который нанес огромный ущерб русской эмиграции.

Н.Е. Марков, обращаясь к Кириллу Владимировичу, начал с вполне правильного недоумения по поводу совершенно революционных и абсолютно незаконных способов «восстановления монархического строя», подобных описанному Н.А. Андрушкевичем: «Я уже докладывал вашему императорскому высочеству, что другая часть населения выставляет там кандидатуру

пытаясь найти выход из создавшейся ситуации, создали так называемый Земский собор (22 июля — 10 августа 1922 г.), провозгласивший принадлежность верховной власти дому Романовых, но занимавший расплывчатые позиции в отношении законного престолонаследия, сходные установкам ВМС. 8 августа «Земский собор» избрал «Главой Приамурского государственного образования» генерала М.К. Дитерихса, именуемого также «Правителем» и «Воеводой земской рати». 17 октября 1922 г. Временное дальневосточное правительство прекратило свое существование, а остатки белых сил во главе с генералом М.К. Дитерихсом эвакуировались из Владивостока.

¹⁰² Например, в письме Н.Е. Маркова на имя великого князя Кирилла Владимировича от 23 ноября 1921 г. идет речь о возглавлении великой княгиней Викторией Феодоровной «дел благотворения и помощи русским колониям» (АРИД, Ф. 8. Оп. 1. Д. 6).

¹⁰³ АРИД, Ф. 8. Оп. 1. Д. 6.

великого князя Дмитрия Павловича, именуя его «законным наследником всероссийского престола». Из всего вышеизложенного Вы изволите усмотреть, что стихийный порыв в сторону монархии ширится и воздымается, но что вместе с тем разброс мыслей, малое знакомство с законами и лицами, влияние вредных слухов, широкое распространение отрицательных характеристик по отношению к одним и такое же, быть может, несправедливое распространение похвал и возвеличивающих отзывов по отношению к другим — всё это, вместе взятое, создает в стихийно растущем монархическом движении не только массу встречаемых течений, но целые водовороты¹⁰⁴. Требуется чрезвычайная энергия и упорство, чтобы все-таки провести государственный корабль в гавань Закона и Легитимизма¹⁰⁵.

Из этой точной оценки должно было бы проистекать обращение к старшему в порядке первородства члену династии за руководством, чтобы избежать дальнейшей «анархизации» монархического движения. Вместо этого Н.Е. Марков попытался внушить великому князю мысль, что только ВМС способен командовать монархистами: «В настоящее время Высший монархический совет является единственной организацией, как-никак объединяющей и пока удерживающей руководство всеми этими разнообразными течениями монархической мысли и монархического действия. По несчастному стечению обстоятельств, немедленное возглавление монархического движения лицом императорской фамилии является невозможным¹⁰⁶. А между тем это необходимо, как воздух для дыхания. Поэтому все силы наши мы напрягаем к тому, чтобы всячески ускорить и подготовить эту минуту, когда кончится, наконец, монархическое безгололье и во главе своих верных монархистов наконец-то станет великий князь»¹⁰⁷.

«Необходима сильнейшая пропаганда, необходимо всеми видимое оказательство благодетельных трудов и всех видов помощи, оказываемых сверху, оттуда, куда взоры стремятся с надеждой, откуда ждут действенного выступления на спасение великой Родины. Умоляю ваше императорское высочество не отказываться от нашей единодушной просьбы и выступить на путь активной помощи и благотворения тем, кто работает на восстановление трона законного монарха всероссийского»¹⁰⁸.

¹⁰⁴ К сожалению, именно ВМС оказался главным источником всех этих негативных явлений. — А.З.

¹⁰⁵ АРИД, Ф. 8. Оп. 1. Д. 6.

¹⁰⁶ Никаких аргументов, подкрепляющих это утверждение, Н.Е. Марков не приводит.

¹⁰⁷ Имя этого «великого князя» Н.Е. Марков предусмотрительно не называет, предоставляя гадать, имеет ли он в виду адресата или кого-то другого, удобного ВМС.

¹⁰⁸ АРИД, Ф. 8. Оп. 1. Д. 6.

Этот пафос приходит к неожиданной развязке. Оказывается, весь коктейль из частично правильных, а частично весьма спорных тезисов и лозунгов был изготовлен для того, чтобы великий князь Кирилл Владимирович предоставил обещанную им помощь газете «Новое время» не напрямую, а через представителя ВМС П.В. Скаржинского! Расписав на целую страницу «преимущества» такого способа передачи денег, Н.Е. Марков как бы мимоходом возвращается к теме «установления монархического строя»: «Не благоугодно ли будет вашему императорскому высочеству прислать изложение Вашего взгляда на дальневосточное предприятие?»¹⁰⁹

Из письма Н.Е. Маркова явственно следует, что ВМС намеревался, называя вещи своими именами, водить за нос наиболее влиятельных членов императорского дома, шантажируя их шансами других «претендентов», выкачивая из них денежную помощь, но при этом действуя абсолютно самовольно и видя в позиции даже старшего члена династии лишь ни для кого не обязательное «изложение взгляда».

Кирилл Владимирович не отличался жестким характером и был способен к серьезным компромиссам. Но письмо Н.Е. Маркова дало ему четкое представление, что если и дальше предоставлять ВМС неограниченную свободу действий, то монархическое движение будет полностью дезориентировано. 22 декабря 1921 / 4 января 1922 г. великий князь ответил на письмо председателя ВМС. В рескрипте великий князь заявил о своем намерении реализовать свои династические права¹¹⁰ и дал понять, что готов к диалогу, обсуждению кандидатуры условного «государя Приамурского» и учету пожеланий различных монархических сил, но на законных и разумных основаниях: «В письме Вашем от 8/21 ноября 1921 г., — писал Кирилл Владимирович, — Вы сообщаете о приезде в начале января депутации от Временного дальневосточного правительства, имеющей целью представиться ее императорскому величеству вдовствующей императрице Марии Феодоровне и вместе с тем, остановясь в Берлине, переговорить с Высшим монархическим советом. Депутация эта, по Вашим словам, имеет полномочия просить одного из великих князей возглавить монархическое движение в Восточной Сибири с титулом государя Приамурского и блюстителя всероссийского престола.

Что касается блюстительства престола, то сим объявляю, что ныне, вследствие продолжающейся неизвестности о судьбе государя императора, наследника цесаревича Алексея Николаевича и великого князя Михаила Александровича, являясь старшим в роде нашем, а если кончина выше меня

¹⁰⁹ АРИД, Ф. 8. Оп. 1. Д. 6.

¹¹⁰ Будучи готовым немедленно признать старших в порядке престолонаследия мужских потомков императора Александра III, если кто-то из них выжил.

стоящих особ императорской фамилии подтвердится, то и ближайшим к праву престолонаследия, — я сие право старшинства по долгу перед Богом и Родиной решил осуществить и лично возглавить все русское монархическое движение, объединив вокруг себя всех верных присяге, династии, послушных Основным законам и любящих Отечество русских людей. Оповещаю о сем решении в лице Вашего Высший монархический совет, ожидаю в дальнейших его действиях полного согласования с моими указаниями.

По вопросу о Восточной Сибири сообщаю Вам, что принципиально нахожу полезным возглавить монархическое движение в вышеупомянутом крае одним из великих князей по моему выбору и назначению, с правами и званием, присущими наместнику законного носителя верховной власти в Российской империи.

Да благословит Бог нашу общую работу на восстановление разоренной и поруганной бунтарями против священной власти помазанника Божия Родины нашей и да пошлет вновь ей ту державную мощь и благоденствие, коими она пользовалась под скипетром дома Романовых и хоругвью нашей Православной церкви.

Буде же Всеблагому и Милосердному промыслу Божьему угодно было¹¹¹ ошастлиивить нас сохранением жизни государя императора, наследника цесаревича Алексея Николаевича и великого князя Михаила Александровича, либо одного из них, я, при радостном известии об их появлении, первый немедленно встану в ряды верноподданных и положу к их стопам всё мною в отсутствие их совершенное»¹¹².

Ответом на это законное и вполне оправданное с политической точки зрения решение стали саботаж и противодействие ВМС.

Продолжение в следующем номере.

¹¹¹ Так в тексте.

¹¹² *Граф Г.К. Августейший блюститель государева престола государь великий князь Кирилл Владимирович. Мюнхен, 1922. С. 23–24.*

Ключевые слова:

дом Рюриковичей, дом Годуновых, дом Романовых,
акт о наследовании всероссийского императорского престола,
династический акт 16 августа 1874 г., великий князь Кирилл Владимирович

Alexander N. Zakatov

THE HOUSE OF ROMANOV DURING THE FIRST YEARS AFTER THE REVOLUTION OF 1917

The article examines the historical significance and the background of the proclamation dated September 13th 1924 in which the Grand Duke Kirill Vladimirovich of Russia accepts the title of the Russian Emperor in exile.

The author analyses the legal and socio-cultural basis of the Imperial House of Russia in the first years after the revolution of 1917. The article highlights the questions connected to Romanov's family's self-identification within the circumstances of political deprivation (political disenfranchisement) as a historical institution, the social and the political life of the family and their close surroundings in the context of the events which took place at that time in Russia.

The article provides information on the historical and the legal background and the significance of the fact that the Grand Duke Kirill Vladimirovich accepted the Emperor's title in exile, as well as on Russian legitimist and traditionalist relationships with other political trends in immigration.

The first part of the article describes the circumstances of the House of Romanov from 1917 until the beginning of 1922.

Закатов Александр Николаевич

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории
и культуры Московского государственного университета геодезии
и картографии

О.В. Агафонов

ДИНАСТИЯ РОМАНОВЫХ И ДОНСКИЕ КАЗАКИ:

ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ЗНАМЕНА И ШТАНДАРТЫ

В отношении Романовых к донским казакам известно много. Но каждый раз новые факты раскрывают их с неожиданной стороны. Обращение к проблеме знамен и штандартов высвечивает деятельность монархов под углом их личного участия в разработке образцов регалий для казаков, позволяет увидеть результаты их творческого труда и воплощение идей.

Романовы обратили внимание на донских казаков, когда на «Соборе всей Русской земли» атаман Ф. Межаков в решающий момент подал «писание о природном царе» и тем во многом способствовал избранию царем Михаила Федоровича. В ответ «правительство нового русского царя признало за казаками права служилого сословия и наладило ежегодную присылку царского жалованья».¹ На поступившее вслед за этим обращение о присылке донским казакам знамени, для обозначения их нового статуса, последовало положительное решение.

¹ См: Ключевский В.О. Курс русской истории. Полное издание в одном томе. М., 2011. С. 546; Мининков Н.А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов-на-Дону, 1998. С. 90.

Знамя было изготовлено по указу царя Михаила Федоровича в Оружейном приказе и отправлено на Дон «в нижние и верхние юрты» в марте 1614 года. По указаниям царя за основу было выбрано знамя, подобное Царским знаменам, большого размера (не менее 300 см в длину и 180 см в ширину). Оно имело вид клина, состоящего из прямоугольной середины и пришитого к ней прямоугольного треугольника, длинной стороной вниз (т.н. знамя с откосом). Для изготовления использовалась дорогая иностранная ткань с цветочным рисунком: полотнище — камка кармазинная (малиновая), опушка — камка адамашка лазоревая (светло-синяя). К знамени пришивался узкий, длинный мешочек с завязками для одевания на древко. Важной принадлежностью считалось навершие, в виде трубки с позолоченным шаром, увенчанным православным крестом, которое покрывалось золотом или серебром.

В центре полотнища писался золотыми красками «орел пластаной, золотной на обе стороны, а по середине орла, в клейме, Государев образ на коне колет змия, около звезды; а на кайме писано по серебру места [текст пожалования], государева полная титла, а меж подписи травы писаны золотом». Следует заметить, что знамя с полным царским титулом выдавалось самым крупным войсковым частям. Из сопроводительной царской грамоты мы узнаем, что это знамя, по современным критериям, имело статус боевого знамени: «...Мы вас пожаловали, послали к вам наше жалованье, наше царское знамя, с атаманом с Игнатием же Бедрищевым; и вам бы с тем знаменем против наших недругов стоять и на них ходить, над ними промышляти, сколько милосердный Бог помочи подаст, и к нам Великому Государю, по началу и по обещаю, службу б свою и раденье совершали»².

Необычность знамени — в размещении на нем государственного двуглавого орла. В это время использовалось изображение орла, с опущенными вниз крыльями, с двумя венцами, соединенными православным крестом о двух степенях. На груди орла — щит с изображением всадника-змееборца. Применение этого вида двуглавого орла длилось недолго и поэтому знамя с таким рисунком оказалось единственным и неповторимым. Более того, мы обнаруживаем первое в истории России официальное знамя с изображением государственного геральдического знака (золотого двуглавого орла), к тому же на красном поле. Этот факт еще не оценен в должной мере специалистами, но связь с современной государственной символикой России отчетливо прослеживается.

Практику пожалования знамен вольным казакам продолжил царь Алексей Михайлович. По примеру предшественника, он награждал казачье

² Яковлев Л. Русские старинные знамена. Ч.I. Опыт исторического исследования о русских старинных знаменах. М. 1865. С. 86.

войско только царскими знаменами, которые в свою очередь стали разделяться по статусу. Донскому войску жаловались царские знамена, по образцу Ертаульного (по-современному — разведывательного) полка. Каждое знамя строилось по именному указу, в котором подробно расписывались конструкция, цвет, материалы и изображения на полотнище, а также знаменные принадлежности. Изготовление поручалось мастерам Оружейной палаты. Перед вручением «построенное» знамя обязательно представлялось на одобрение царю.

Такое знамя в 1646 г. было пожаловано донским казакам за разгром войск крымского царевича Донат-Гирея Нурадына, сделавшего набег в 1645 г. на донские земли. В сопутствующей грамоте в общих словах указывалось: «И мы Великий Государь и великий Князь Алексей Михайлович, всея Руси Самодержец вас атаманов и казаков и все Донское войско и вольных людей [что] нам Великому государю служите и над Крымскими и над Нагайскими людьми, которые нам Великому Государю непослушны, промышляете не щадя голов своих; жалуем, милостиво похваляем и станичников ваших атамана Наума Васильева со товарищи пожаловав нашим Царским жалованьем, велели отпустить к вам на Дон, незадержав, а с ним велели послать к вам наше Царского Величества знамя».³ Таким образом, из текста видно, что второе войсковое казачье знамя было наградным.

Первое наградное войсковое казачье знамя, внешне похожее на знамя 1614 года, описано так: «...середина камка кармазин травная, опушка камка адамашка зеленая травная, на знамени писано золотом — в середине орел большой, в орле клеймо: Царь на коне колет Змия. На кайме надпись: «ПОВЕЛѢНІЕМЪ ВЕЛИКАГО ГОСУДАРЯ ЦАРЯ И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА ВСЕЯ РУСИІ САМОДЕРЖЦА И МНОГИХЪ ГОСУДАРСТВЪ ГОСУДАРЯ И ОБЛАДАТЕЛЯ ПИСАНО СІЕ ЗНАМЯ НА ДОНЪ ДОНСКИМЪ АТАМАНОМЪ И КАЗАКОМЪ ЛѢТА ЗРНД.».⁴

Таким образом, и на знамени царя Алексея Михайловича главным символом был золотой двуглавый орел в современной версии (увенчанный тремя коронами) на красном поле. Как считали дореволюционные донские историки, тем самым царь Алексей прямо сказал всем недругам: «Донцы — войско России».⁵

³ Николаев Н.Г. Исторический очерк о регалиях и знаках отличия русской армии. Т. I. Великокняжеский и царский периоды. СПб. 1898. С. 139.

⁴ Яковлев А. Русские старинные знамена. Ч.II. Подробная опись русских старинных знамен. М. 1865. С. 87.

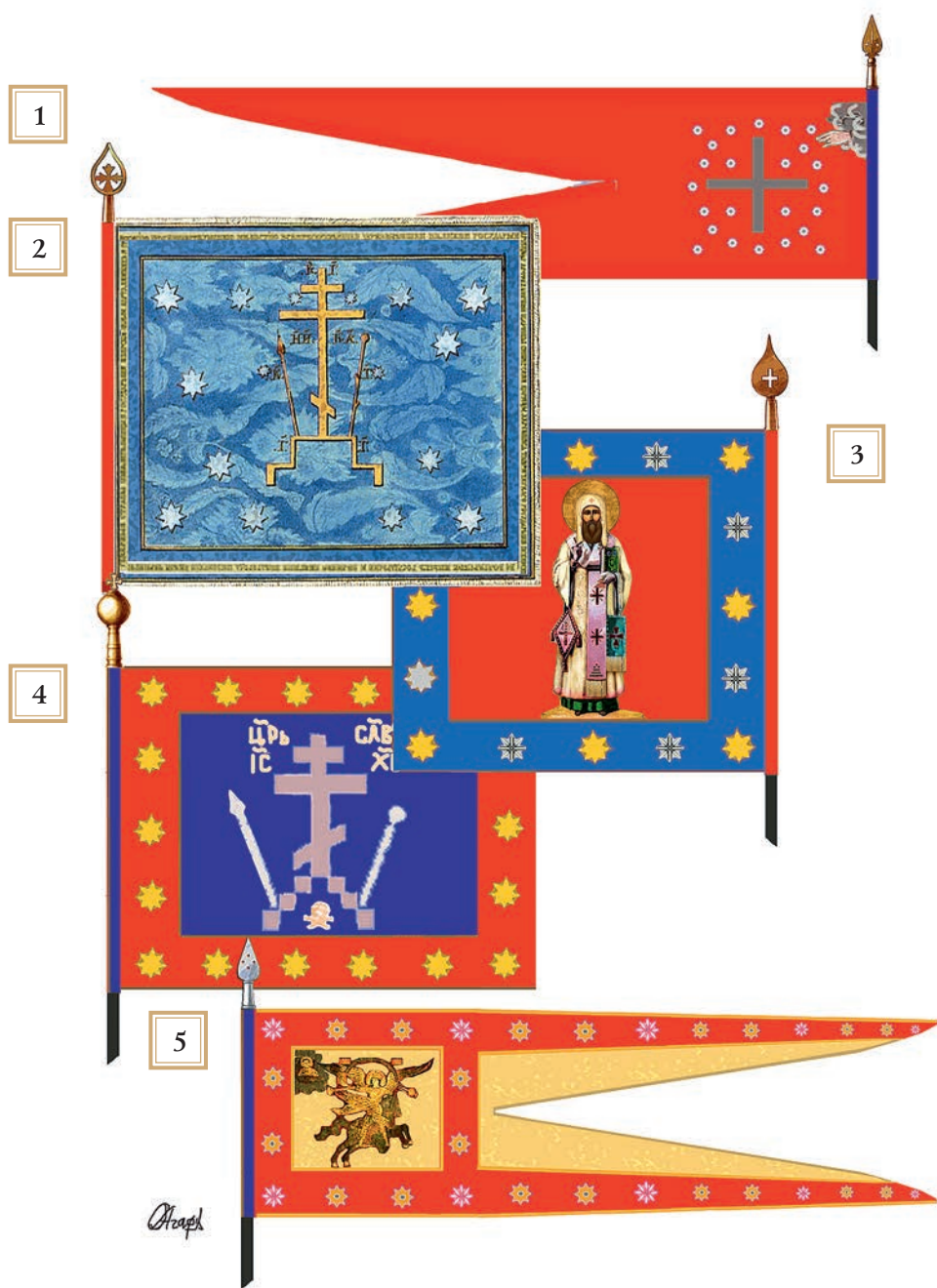
⁵ Пудавов В.М. История войска Донского и старобытность начал казачества. Ч II. Новочеркасск, 1898. С. 30.

1. Войсковое казачье знамя 1614 г.*

2. Войсковое казачье знамя 1646 г.

3. Войсковое казачье знамя 1679 г.

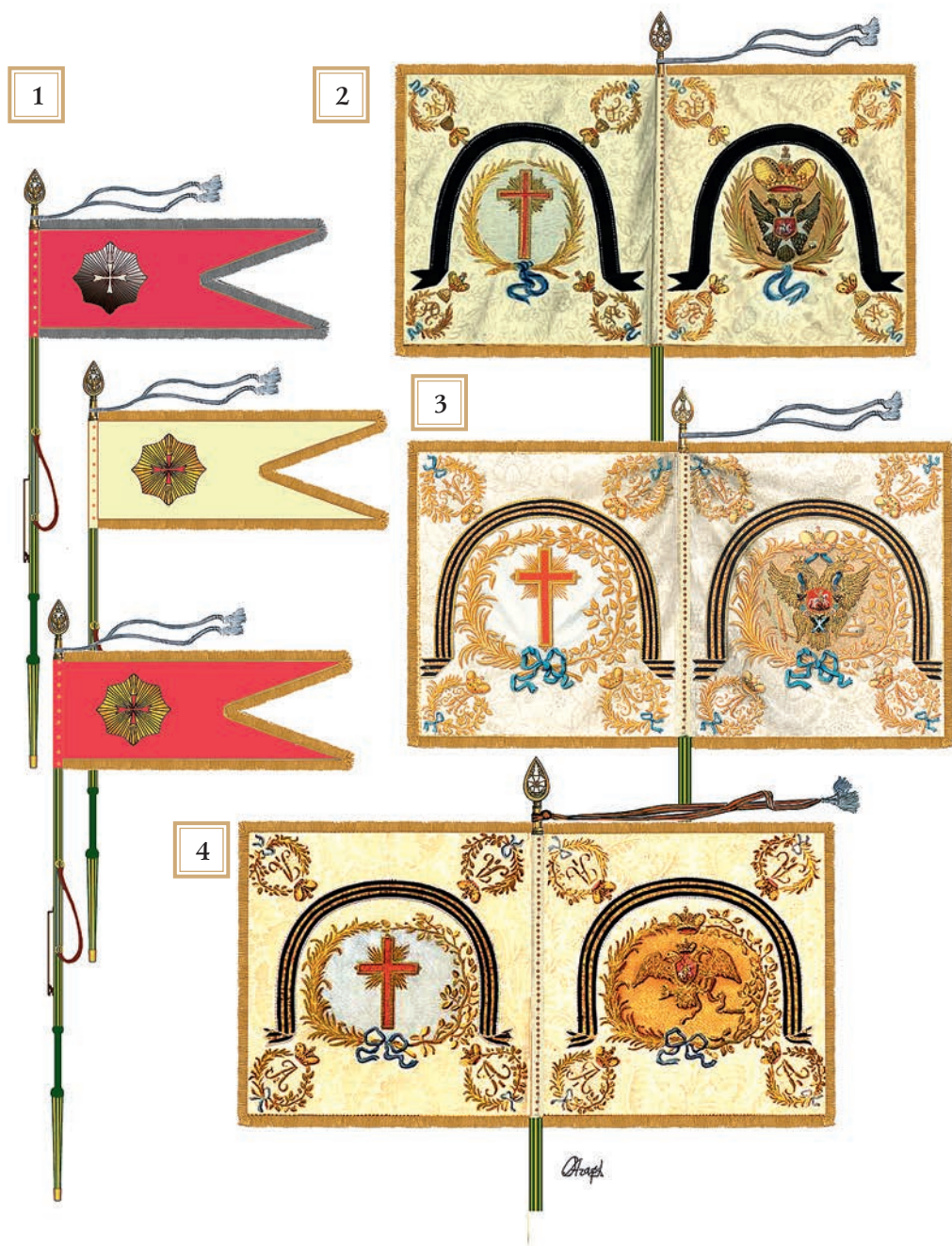

Агафонов

1. Казачий бунчук 1711 г.
2. Войсковое казачье знамя 1706 г.
- 3.-4. Казачьи знамена (станичные) 1711–1720 гг.
5. Казачий бунчук образца 1712 г.

1. Войсковое казачье знамя 1744 г.
2. Войсковое казачье знамя 1775 г.
3. Войсковое казачье знамя 1795 г.
4. Казачьи бунчуки походные образца 1792 г.
5. Знамя казачье полковое походное образца 1792 г.

1. Штандарты 1-го, 2-го и 3-го эскадронов Лейб-гвардии Казачьего полка.
2. Войсковое казачье знамя 1800 г.
3. Войсковое казачье знамя 1811 г.
4. Георгиевское Войсковое казачье знамя 1817 г.

1

2

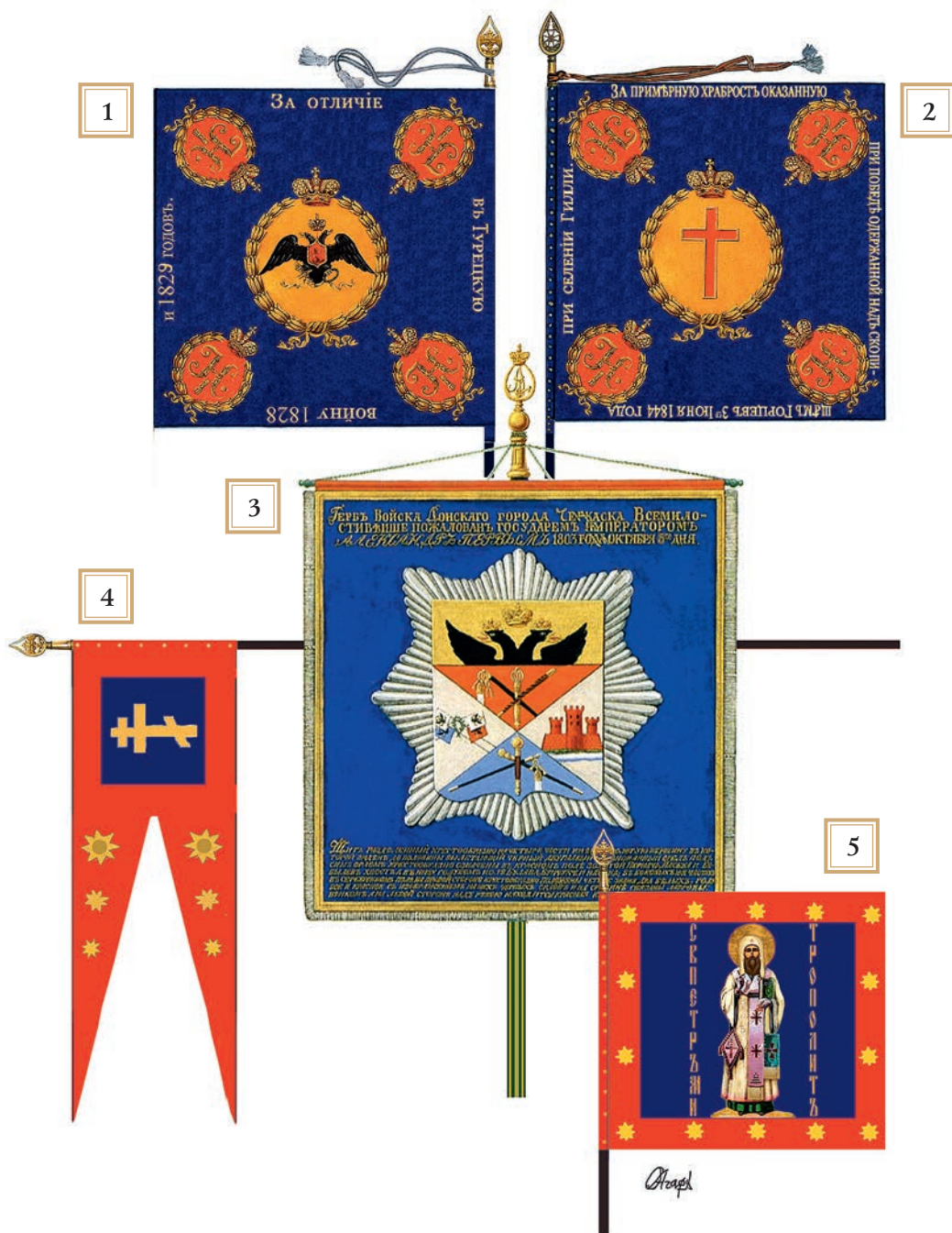
3

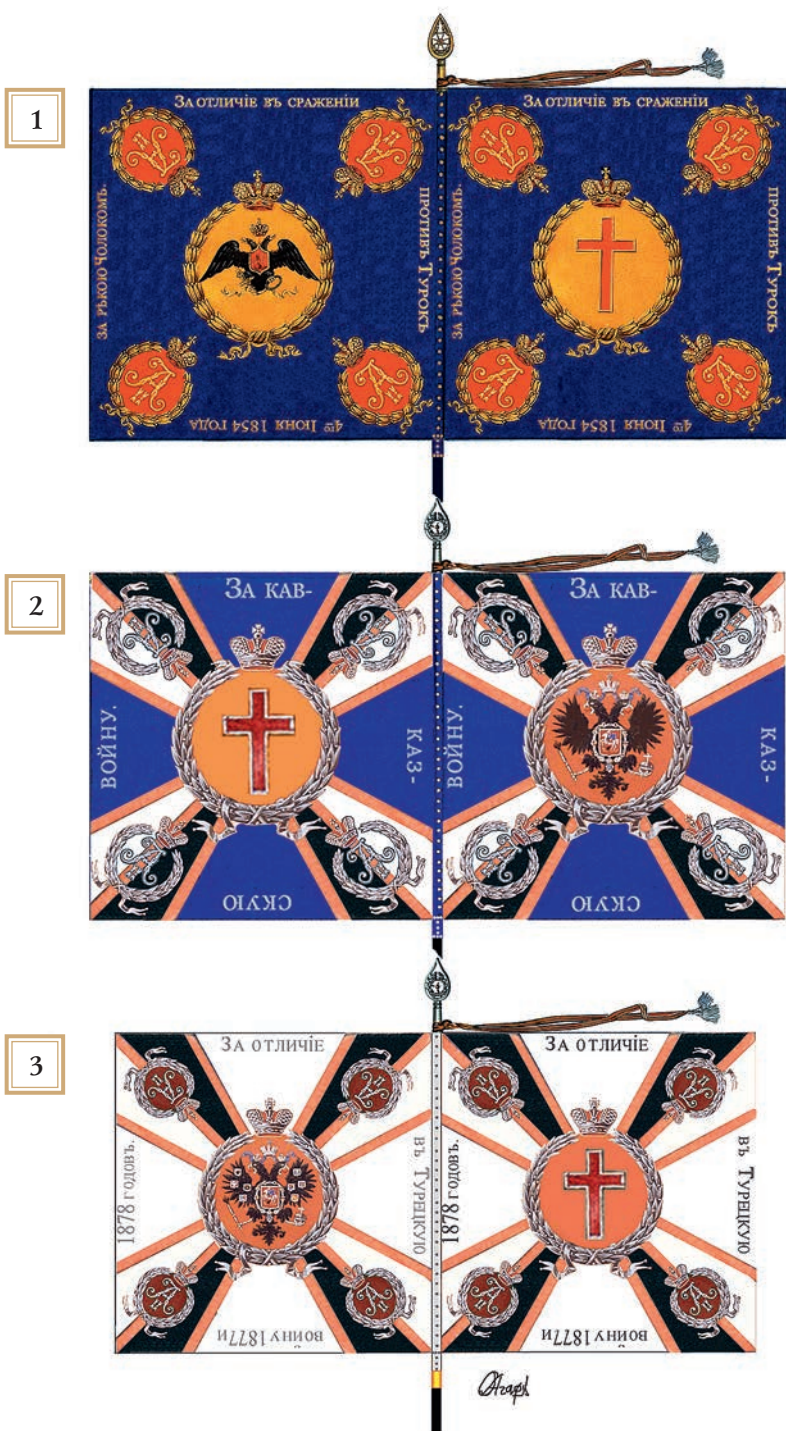
4

1. Георгиевское знамя Донского казачьего Сысоева полка.
2. Георгиевское знамя Войска Донского Атаманского полка.
3. Георгиевский бунчук Войска Донского Атаманского полка.
4. Георгиевское знамя Донского казачьего Дячкина полка.

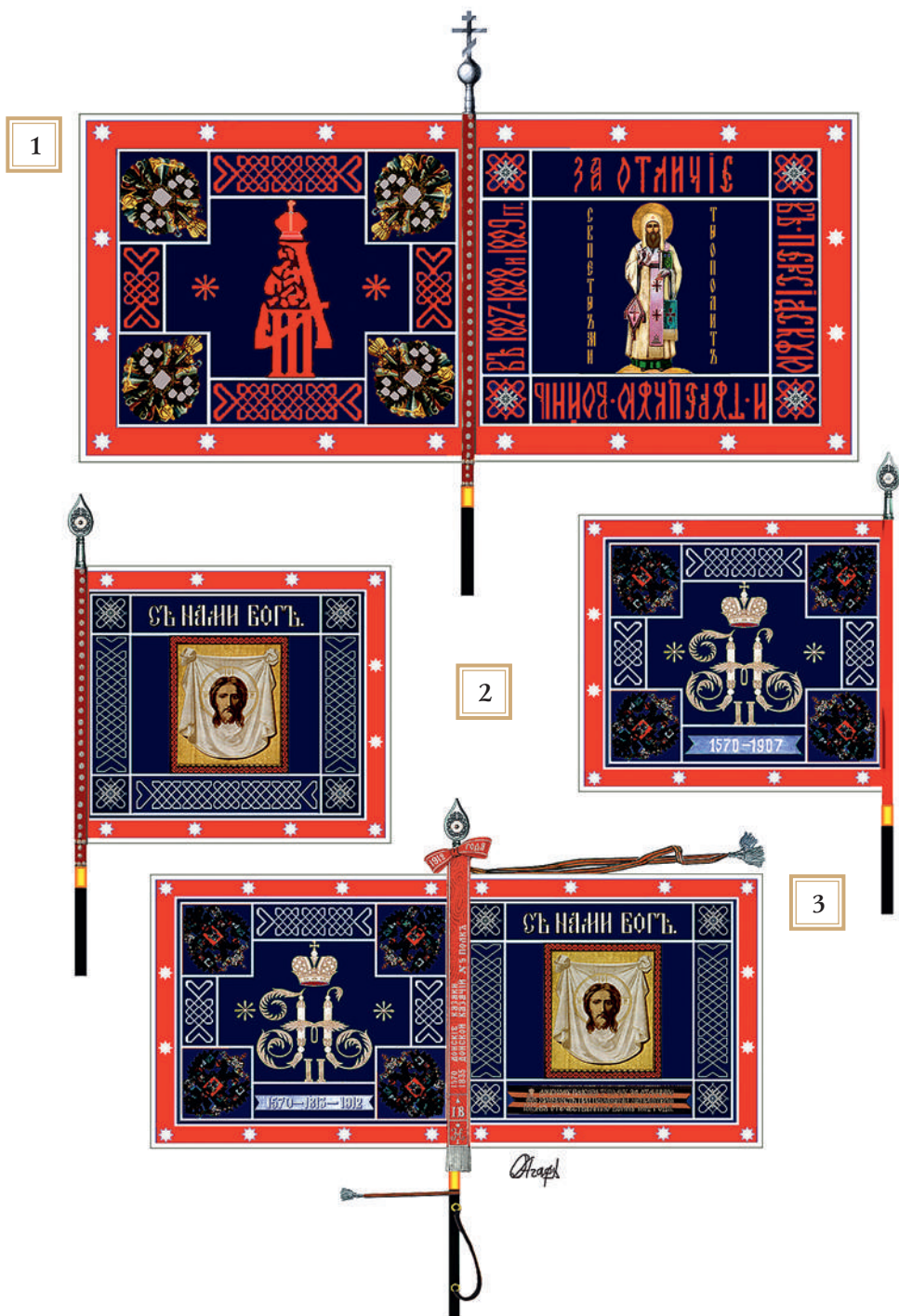
1. Простое знамя образца 1831 г. (подполковника Бакланова полка).
2. Георгиевское знамя образца 1831 г. (Донского 38-го полка).
3. Возобновленное в 1833 г. знамя с гербом Черкасска.
4. Простой казачий бунчук образца 1831 г.
5. Простое знамя (походное) донского полка образца 1831 г.

1. Георгиевское знамя Донского казачьего 11-го полка образца 1855 г.

2. Георгиевское войсковое знамя образца 1857г.

3. Георгиевское войсковое знамя образца 1876 г.

1. Образец знамени для Донского казачьего № 15 полка, утвержденный в 1882 г.
2. Юбилейные Георгиевские знамена образца 1900 г.
3. Юбилейное Георгиевское знамя 5-го Донского казачьего войскового атамана Власова полка, с юбилейной Александровской лентой, георгиевскими лентами и темляком.

Получив такую поддержку, донские казаки, быстро восполнив потери, усилили натиск на своих противников и вскоре снова отличились, на этот раз в боях на Азовском и Черном море. В 1673 г. последовал именной царский указ: «...взять из Казенного приказа в Оружейную палату на знамя полковое Донскому Атаману и всему войску тафт разных цветов белой 10 аршин, алой 4 аршина, черной 2 аршина и по Государеву Цареву и великого Князя Алексея Михайловича всея Великая и Малыя и Белыя России Самодержца указу Казначей Афонасию Самойловичу Нарбекову да дьяку Федору Максиму учинить о том по указу великого Государя».⁶

Удивительно, но приказание царя исполнено не было — казначей просто не выдал необходимое количество указанных тканей. На Дон было отослано уже заготовленное по наряду Стрелецкого приказа прямоугольное знамя «из задних палат» — более низкого ранга.

Из переписки по этому делу известно, что «знамя послано середина тафта червчатая, кайма тафта белая, длиною по верхней кайме четыре аршина без двух вершков, шириною три аршина без двух вершков, кайма шириною шесть вершков». В середине, сверху под каймою написан золотой крест, под крестом в клейме золотой лев с серебряным мечом; клеймо обведено ветвью с листьями, около клейма десять веточек. Кайму украшают 8 репьев, между которыми 8 веток. Знамя расписывал золотом и серебром живописец Иван Безминов. По воле обстоятельств, лев с мечом стал еще одним геральдическим символом войска Донского с середины XVII века, а знамя — первым наградным знаменем за морские заслуги.⁷

Самоотверженные ратные труды казаков по достоинству оценил царь Федор Алексеевич. В январе 1679 г. Донскому войску «за отражение турок и крымцев» во время Чигиринских походов было пожаловано царское (большое полковое) знамя, изготовленное по именному царскому указу в Оружейной палате. Судя по сохранившемуся подробному описанию, оно выделяется по своему содержанию, красоте и сложности исполнения. Знамя прямоугольное с откосом было внушительных размеров, в длину верху — около 400 см, в длину внизу — около 100 см, в длину по откосу — около 300 см, в ширину — около 190 см. Полотнище сделано из лазоревой тафты, кайма из алой тафты, роспись — золотом, серебром и чернилами, а также дорогими красками (бакан и ярь веницейские). Знамя в откосе украшено 26 серебряными большими и средними звездами; на кайме, с лицевой

⁶ Яковлев Л. Указ. соч. С. 91.

⁷ Там же.

стороны — 76 такими же звездами, с обратной стороны — росписью цветочным орнаментом.

В центре полотнища с обеих сторон нарисован серебряный крест о пяти степенях, с тростью и копьем; с правой стороны размещено изображение золотого солнца с лучами, с левой — серебряного месяца. Над крестом сделана надпись серебром и золотом в две строки: «ИІСУСЪ НАЗАРЕНИНЪ ЦАРЬ ІУДЕЙСКІЙ» и «ИІСУСЪ ХРИСТОСЪ».

В подножии креста на первой и второй степени — надписи золотом, с каждой стороны креста размещены по 3 серебряных клейма, в которых чернилами написаны религиозные тексты. На обратной стороне надписей в клеймах нет, остальные надписи все сохранены.⁸

Таким образом, впервые на войсковом знамени появляется изображение восьмиконечного креста «с подножием» (крест на Голгофе). По мнению современных историков, крест на знамени обозначал русское православное государство, т.е. в какой-то степени заменял государственный герб — двуглавого орла.⁹ Принадлежности к знамени также соответствовали высокому царскому рангу: гротик «прорезной посеребрен, медный вток, древко с яблоком тощее расписано красками», мешочек для одевания на древко — красный.

В 1695 г. перед Азовским походом по указу великих государей Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича было пожаловано Войску Донскому новое знамя — «середина в тафте белой, опушка в тафте красной; на нем писан золотом орел двоеголовый».¹⁰ Рисунки знамени не сохранились, неизвестно было ли оно изготовлено. Как свидетельствуют документы, на Дон, по указу царей Иоанна и Петра Алексеевичей от 6 февраля 1695 г., отправили нужное для пошива количество разноцветной ткани: «...послать на Дон, к Донским атаманом и казаком, к войсковому атаману ко Фролу Минаеву и ко всему Войску Донскому, на войсковое знамя пять аршин тафты белой, да пять аршин тафты же красной ... из Казенного приказа».¹¹

Кроме войсковых знамен жаловались, но очень редко, походные знамена. Они имели вид традиционных казачьих хоругвей («хорунг») — с прямоугольным полотнищем и пришитыми к нему длинными треугольными косицами или «хвостами». В центральной части, как правило, наносились изображения святых или креста. На дорогах хоругвях могла нашиваться

⁸ Яковлев А. Указ. соч. С. 91-92.

⁹ Вилинбахов Г.В. Русские знамена. СПб., 2005. С. 51.

¹⁰ Яковлев А. Указ. соч. Ч. I. С. 89.

¹¹ Акты, относящиеся к истории Войска Донского. Сост. Лишин А.А. Т. 1. Новочеркасск, 1891. С. 172.

Вынос сохраненных старинных донских знамен на площадь перед Вознесенским войсковым кафедральным собором в Новочеркасске в 1918 г.

кайма. При царе Петре I казачьи знамена такой конструкции стали официально называть бунчуками. По-видимому, переименование было вызвано поиском «военного» термина для традиционных казачьих знамен. Сохранилось интересное разъяснение генерал-лейтенанта В.Д. Иловайского по поводу «петровского» нововведения: «...Бунчук имеет большое подобие принятой нашею грековосточною церковью хоругви или победного знамени. С некоторым основанием можно судить, что предки наши как благоговейно преданные вере, подражали сему священному примеру, тем более, что и самое изображение на бунчуках ликов святых соответствует хоругви...».¹²

На Азовские походы царь Петр I пожаловал донским казакам 26 бунчуков красного и синего цветов без изображений на полотнищах. Они изготавливались на месте, ткань в войско была отправлена с атаманом зимовой станицы Борисом Даниловым и есаулом Обросимом Савельевым.¹³

После овладения Азовом и стабилизации положения на южном направлении Петр I награждал донских казаков войсковыми знаменами нового образца — только прямоугольными. Представление о них можно составить по рисунку знамени, пожалованному в 1706 г. войску Донскому за заслуги в обеспечении внутренней безопасности государства.

Знамя с наиболее распространенным в последней четверти XVII в. религиозным сюжетом — в центре прямоугольного светло-синего (лазоревого) полотнища золотой восьмиконечный крест с подножием, с тростью

¹² РГВИА. Ф.499. Оп.13. Д.60. Л. 21 об.

¹³ Акты, относящиеся к истории Войска Донского... Т.1. С. 172.

и копьем; рядом литеры I, С, Х, С, Н, И, К, А., означающие «Иисус Христос победил». По всему знамени нарисованы 12 больших и 4 малых серебряных звезды. По периметру полотнища надпись: «НАШЕГО ВОЙСКА ДОНСКОГО АТАМАНАМЪ И КАЗАКАМЪ ЗА МНОГІЕ И ВѢРНЫЕ ИХЪ СЛУЖБЫ А ОСОБЛИВО КОТОРЫЕ УЧИНЕНЫ ВЪ 1705 ГОДУ ВО ВРѢМЯ АСТРАХАНСКАГО ВОЗМУЩЕНІЯ ВЪ ВѢЧНУЮ И НЕСМЕРТЕЛЬНУЮ ПАМЯТЬ.»¹⁴

Значимость награждения усиливалась одновременным дарованием похвальной царской грамоты, писанной на пергаменте, с красочными гербами, с государственною печатью, в большом серебряном вызолоченном ковчеге. Специально для грамоты был изготовлен жестяной ящик «добротоу немецкого мастерства, который сделан в виде якобы серебряный».¹⁵

С этим знаменем были отправлены 6 других прямоугольных знамен с изображениями святых: Иоанна Златоуста; Антония и Феодосия Печерских; Сергия Радонежского Чудотворца; пророка Илии; Иисуса Навина на коне; Кирилла Белозерского. Они рисовались на красных и лазоревых полотнищах золотыми красками.¹⁶ В войске эти знамена были зачислены в разряд станичных.

Следует отметить, что Петр I за 20 лет пожаловал Донскому войску 36 станичных знамен, 10 бунчуков и 2 значка. Регалии посылались на Дон еще 4 раза.

В 1711 г. войско Донское получило 10 прямоугольных знамен, с новыми изображениями святых: Спаса Нерукотворного; Знаменія Пресвятыя Богородицы; Архистратига Михаила; митрополита Петра; митрополита Алексія; митрополита Иоанна; митрополита Филиппа; великомученика Димитрія Солунскаго; Апостолов Петра и Павла, Апостола Андрея Первозваннаго. По документам прослеживается их отличие от прежних знамен: полотнища с широкими каймами (у красных — лазоревые, у лазоревых — красные). По краткому описанию, составленному войсковым атаманом графом М.И. Платовым, хранившемся в делах Комитета о привилегіях войска Донскаго, у них также были «кругом каймы писанные золотом в 2 ряда и меж каймами звезды и репья». В этой же партии прибыли 3 бунчука. По замечанию М.И. Платова, «на бунчуках рука бла-

¹⁴ Статистическое описание земли Донских казаков, составленное в 1822-32 годах.

Сост. Сухоруков В.Д. Новочеркасск, 1891. С. 242; Карта и рисунки к Статистическому описанию земли войска Донскаго. Рисунок 5.

¹⁵ Статистическое описание земли Донских казаков... С. 242.

¹⁶ Николаев Н.Г. Исторический очерк о регалиях и знаках отличія русской армии. 1725-1801 гг. Выноски. Т. I. СПб., 1898. С. 40.

гословляющая из облака, да в середине кресты и звезды, а каем и звезд не написано».¹⁷

В 1712 г. для отправки на Дон изготовили 8 знамен и 3 бунчука по образцу предыдущих, а также 2 значка. Сохранился документ с перечислением изображений и отметкой: «По сей вышеписанной описи знамени и бунчуки и значки Василей Жадаев принял и расписался». Согласно документу, на знаменах были сделаны изображения Спаса Нерукотворного, Знамения Богородицы, Иоанна Предтечи, Николая Чудотворца, Сергия [Радонежского] Чудотворца, пророка Илии, Иоанна Воина, Феодора Стратилата. Бунчуки были украшены изображениями святых всадников — Архистратига Михаила, Димитрия Солунского, Георгия Победоносца.¹⁸ Значки были белого цвета, с одной косицей, с изображением «герба Государева» и рисованным сложным растительным орнаментом. Описание, оставленное М.И. Платовым, позволяет дополнить эти сведения важными, не отмеченными в исторической литературе, деталями: «...вокруг всех знамен, бунчуков и значков, обведены были каймы в 2 ряда, между ними звезды и репья писанные золотом и серебром. И на тех знаменах и бунчуках образа и кресты писаны на обеих сторонах».¹⁹

В 1716 г. снова были посланы 6 знамен, о которых известно, что три были с полотнищами лазоревого цвета и широкими каймами красного цвета с Божественными образами, а три — с «изображениями на всех серебром Животворящий крест Господен», с красными полотнищами и лазоревыми каймами. Все знамена украшены в каймах «звездами и репьями, шитыми золотом и серебром», а каймы обведены золотыми полосами. Одновременно были отправлены 2 бунчука из камки желтого цвета: на первом — образ святого великомученика Георгия, на втором — образ святого страстотерпца Иоанна Воинственника, с каймами, в каймах звезды и репья, писанные золотом и серебром.²⁰

В 1720 г. в войско Донское были доставлены новые регалии. Об этом в архивных делах сохранилась важная запись: «Государственной коллегии иностранных дел от 16 марта 1720 г. предписано было в Москве ассесорам Шафирову и Ларионову послать к войску Донскому клейноды, сделав оные точно такие же, каковы в 1716 году отправлены были шесть знамен и два бунчука, которые окончились работою через три месяца и 17 июля для доставления войску Донскому отданы зимовой станицы есаулу Ивану

¹⁷ РГВИА. Ф. 499. Оп. 13. Д. 60. Л. 26.

¹⁸ Акты, относящиеся к истории Войска Донского... Т. 1. С. 271.

¹⁹ РГВИА. Ф. 499. Оп. 13. Д. 60. Л. 26 - 26 об.

²⁰ Николаев Н.Г. Указ. соч. Т. II. Выноски. СПб., 1899. С. 38.

Васильеву».²¹ Эти знамена подвели черту под регалиями, полученными донскими казаками от царей Романовых.

В конце 1721 г. Петр I был провозглашен императором, а государство Российское — империей. Как известно, образование Российской империи сопровождалось введением новых символов и знаков. Был взят курс на придание знаменам светского характера. Донские казаки сразу ощутили на себе эти перемены.

В 1722 г. войско Донское первым из всех удостоилось чести получить новое императорское знамя. Оно примечательно и тем, что впервые на нем встречается многоцветное изображение герба Российской империи.

Знамя 1722 г. послужило образцом для последующих знамен и поэтому представляет особый интерес. Его прямоугольное полотнище из белой камки, с обшивкой с трех сторон серебряным шнуром, с одинаковым изображением на лицевой и оборотной сторонах. В центре, со смещением вверх, размещено изображение черного двуглавого орла под тремя коронами, с поднятыми вверх крыльями, с золотыми клювами и лапами, скипетром и синей державой, с золотыми украшениями. На груди орла красный щит с многоцветным изображением Георгия Победоносца; щит окружен золотой цепью с орденом Андрея Первозванного, в каждом звене цепи по одной букве орденского девиза «ЗА ВѢРУ І ВѢРНОСТЬ». По сторонам орла с левой стороны нарисованы многоцветные гербы: Московский, Владимирский и Казанский; с правой стороны — Киевский, Новгородский и Астраханский.

Ниже герба расположены полукругом серебряные пальмовые и золотые масличные ветви, в углах — четыре синих клейма (щита), с золотой каймой, с серебряными лапчатыми крестами в центре, около которых надпись: «КРЕСТОМЪ ТВОИМЪ, ХРИСТЕ, ХВАЛИМСЯ И СВЯТОЕ ВОСКРЕСЕНИЕ ТВОЕ ПОЕМЪ И СЛАВИМЪ», около клейм, расположенных в нижних углах, по две серебряные восьмилучевые звезды. По краям полотнища в золотой раме надписи серебряными литерами: с лицевой стороны — полного императорского титула, с оборотной — «ВЕРНЫМЪ ПОДДАННЫМЪ ВОЙСКУ ДОНСКОМУ ЗА ОКАЗАННУЮ ИХЪ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ СО ШВЕДАМИ СЛУЖБУ И ДЛЯ УЧИНЕННАГО СЪ КОРОНОЮ ШВЕДСКОЮ ВЕЧНАГО МИРА.».²²

Следующее войсковое знамя донские казаки получили от императрицы Анны Иоанновны. В январе 1733 г. она пожаловала за подвиги в персидскую войну знамя, по образцу знамени 1722 г., но без клейм и звезд. Военной

²¹ РГВИА. Ф. 499. Оп. 13. Д. 60. Л. 26 об. — 27.

²² Статистическое описание земли Донских казаков... С. 243; Карта и рисунки к Статистическому описанию... Рисунок 6.

коллегии было специально указано сделать из «остаточной казацкой сумы без излишеств» знамя, на котором в середине «изобразить живописью государственный герб, а по полям написать Ея Императорскаго Величества высокий титул золотыми словами, а по титулу, что Ея Императорское Величество пожаловали тем знаменем войско Донское за их верные службы в нынешнем 1733 году». Знамя, аналогичное этому, но с надписью на оборотной стороне золотыми литерами — «ВЕРНЫМЪ ПОДДАННЫМЪ ВОЙСКУ ДОНСКОМУ, ЗА ОКАЗАННУЮ ИХЪ СЛУЖБУ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ СЪ ТУРКАМИ.», было пожаловано в 1743 году.²³

При императрице Анне Иоанновне в казачьи войска стали отпускать полковые и сотенные знамена (бунчуки) в больших количествах, в основном вышедшие из употребления царские стрелецкие знамена, прапора и значки «на манер с казачьими». Был определен десятилетний срок службы этих знамен и порядок их выдачи. Знамена, по ходатайствам войсковых атаманов, после положительного решения монарха выписывались Военной коллегией со складов Москвы или С.-Петербурга. Но, в отличие от армейских частей, власти рассматривали выдачу знамен казакам не как замену истрепанвшейся и отслужившей срок амуниции, а как форму поощрения за «верные службы» при наличии документально зафиксированных заслуг.

Самое большое количество бунчуков было отправлено донским казакам. Первоначально в 1730 г., рассмотрев ходатайство донского войскового атамана Андрея Лопатина, по именному указу «..приказали для случающихся воинских потреб отпустить к ним на Дон из имеющихся в Мундирной конторе старых живописных 12 прапоров...».²⁴ В 1738 году было указано «в оное Войско для всегдашних походов отпустить ныне из имеющихся в Санктпетербургском магазейне старых 76 сотенных значков, которые и отпущены, а достальное в требуемое двусотное число значки, ежели имеются в Москве, отпустить из военной конторы».²⁵ Через два года они были получены, но в каком количестве, неизвестно.

Императрица Елизавета Петровна в 1744 г. наградила донских казаков за подвиги в период Шведской войны новым знаменем, не похожим на прежние — «по особливо учиненному в Военной коллегии рисунку».

Знамя квадратное, со сторонами 213 см, полотнище из белой камки с трех сторон обшито золотой бахромой. В центре — государственный герб, над крыльями орла два золотых лапчатых креста в кругах, с надписью

²³ Николаев Н.Г. Указ соч. Т. II. С. 89, 93-94

²⁴ Там же. С. 89.

²⁵ Акты, относящиеся к истории Войска Донского. Сост. Лишин А.А. Т. II. Ч. I. Новочеркасск, 1894. С. 188.

«КРЕСТОМЪ ТВОИМЪ ХРИСТЕ ХВАЛИМСЯ И СВЯТОЕ ВОСКРЕСЕНИЕ ТВОЕ ПОЕМЪ И СЛАВИМЪ: ТЫ БО ЕСИ БОГЪ НАШЪ, ВЪ ТРОИЦЕ СВЯТОЙ СЛАВИМЫЙ». По краям знамени на лицевой стороне написан полный титул императрицы, на оборотной стороне сделана надпись: «ДАНО СИЕ ЗНАМЯ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ВЕРНЫМЪ ПОДДАННЫМЪ ВОЙСКУ ДОНСКОМУ ЗА ОКАЗАННУЮ ИХЪ ВЪ МИНУВШУЮ ПОСЛЕДНЮЮ СЪ ШВЕДАМИ ВОЙНУ СЛУЖБУ И ДЛЯ УЧИНЕННАГО СЪ КОРОНОЮ ШВЕДСКОЮ ВЕЧНАГО МИРА. ЛЕТА ОТЪ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА 1744, ГОСУДАРСТВОВАНИЯ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА 3 ГОДА.».²⁶

С большим пониманием и участием императрица отнеслась к беде, вскоре случившейся на Дону. Взамен сгоревших 12 августа 1744 г. во время пожара в Черкасске знамен она повелела изготовить их точные копии:

«... На голубой камке, вместо данного в 706 году, с изображением Честного Животворящего Креста Христова, за службу, учиненную в возмущение астраханское.

На белой камке, вместо данного в 722 году тафтяного белого с гербом его императорского величества императора Петра Великого, и написано около того герба полный титул его императорского величества и притом изъяснено, что дано оное знамя Донскому войску ради учинения с короною Шведскою вечнаго мира.

На белой же камке, вместо данного в 733 году с государственным гербом, а по полям написан титул ея императорского величества, блаженные памяти государыни императрицы Анны Иоанновны, а по титулу, что её императорское величество пожаловала тем знаменем войско Донское за их в том 733 году верные службы и для учиненного с его шаховым величеством персидским мирного трактата.

На белой же камке, вместо данного в 740 году с государственным же гербом и с титулом её императорского величества, блаженные памяти государыни императрицы Анны Иоанновны и что её императорское величество пожаловала войско Донское тем знаменем за оказанные их службы в минувшую с турками войну.

На белой же камке написано вновь против того, как в 744 году сделано было с государственным гербом и с высочайшим её императорского величества государыни императрицы Елисаветы Петровны титулом...».²⁷

Все копии войсковых знамен делал мастер Иван Поспелов «на добрых голевых камках живописным добрым же мастерством и на оное написа-

²⁶ Там же. С. 96.

²⁷ Там же. Выноски. С. 34.

ние употреблены краски добрые золото червонное, а не двойники и не серебро, булавы и копья медные золоченые, древки и на обшивку сукно оное доброе».²⁸ По завершении всей работы в 1746 г. знамена были отправлены из Москвы в Черкасск с атаманом донской зимовой станицы Сидором Себрековым.

В этом же году Иван Пospelов изготовил высочайше назначенные войску Донскому 50 новых походных знамен и 50 бунчуков с изображениями Святых угодников, мучеников, евангелистов, архангелов. Полотнища и кайма у них были обратных цветов — красные и синие, на кайме нарисованы золотые звезды. После строгой приемки всю продукцию забрал и доставил на Дон на пяти почтовых подводах старшина Степан Ефремов.

По указанию императрицы к концу июля 1747 г. «за счет денег из воинской суммы» были заново сделаны (возобновлены) 36 знамен, 10 бунчуков и 2 значка, пожалованные Петром I. Для доставки всей продукции на Дон потребовались три ямские подводы.²⁹

В 1757 г. войсковой атаман рапортовал, что «после бывшего в 1744 году сильного в Черкасском пожара, построенные от Военной конторы походные знамены и бунчуки, за всегодними, при командируемых в службу Ея императорскаго величества командах употреблениями, так обветшали, что в ныне отправленные команды с крайнею нуждою набрать и оные едва уже починкою исправить могли...».³⁰

По указанию императрицы были назначены к выдаче новые 50 знамен и 50 бунчуков. Их изготовил живописный мастер Василий Волохов, под контролем атамана зимовой станицы Леонтия Лукьянова. В 1758 году в войско Донское успешно прибыл долгожданный обоз. Доставленные знамена повторяли предыдущие образцы, но по цветовой гамме и рисункам были намного разнообразнее: полотнище полностью белое; синее с алой или желтой каймой; красное с зеленой или желтой каймой, зеленое с алой каймой. Бунчуки были без каймы — белые, красные, синие, желтые, пурпурные, с золотыми и серебряными кантами. На всех знаменах и бунчуках помещались изображения звезд и святых, из которых чаще повторялись образы Андрея Первозванного, Сергея и Николая Чудотворцев, архистратига Михаила, Димитрия Солунского, Иоанна Воина, Никиты, Феодора Стратилата и Александра Невского.³¹

²⁸ Николаев Н.Г. Указ соч. Т. II. С. 98.

²⁹ Акты, относящиеся к истории войска Донского. Сост. Лишин А.А. Т. II. Ч. II. Новочеркасск, 1894. С. 452.

³⁰ Там же. С. 788.

³¹ Акты, относящиеся к истории войска Донского... Т. II. Ч. II. С. 785-786.

Обратим внимание, что монаршая дочь Петра I пожаловала донским казакам самое большое количество регалий: 142 знамени, 110 бунчуков и 2 значка. Со всеми ранее полученными святынями войско как бы обретало постоянный походный Иконостас в бескрайней степи. С казаками незримо присутствовали все Святые воины, целители, евангелисты, а также рать архангелов с небесными предводителями. Неудивительно, что настойчиво утверждалось представление о Донском крае, как Богом хранимой земле — оплоте Православия на рубежах мусульманского мира.

При императоре Петре III единственные, кто получил в войско знамена, были волжские казаки.

Императрица Екатерина II возобновила практику высочайших пожалований знамен донским казакам за их воинские подвиги. Уже в 1764 г. она наградила Донское войско за отличие в Семилетнюю (Прусскую) войну знаменем, похожим на данное в 1744 г. «за шведскую кампанию». Полотнище делалось из белого штофа и обшивалось с трех сторон серебряной бахромой. На груди черного двуглавого орла размещался красный щит с золотым вензелем императрицы. По краям полотнища наносилась надпись золотыми литерами: «ДАНО СІЕ ЗНАМЯ ЕЯ ІМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ВЕРНЫМЪ ПОДДАННЫМЪ ВОЙСКУ ДОНСКОМУ ЗА ОКАЗАННУЮ ІМЪ ВЪ МИНУВШУЮ ПРУССКУЮ ВОЙНУ СЛУЖБУ. ЛЕТА ОТЬ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА 1764, ГОСУДАРСТВОВАНІЯ ЕЯ ІМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕЙ ГОСУДАРЫНИ ВТОРОЙ ІМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРІНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ.». Это знамя было отправлено на Дон с атаманом зимовой станицы Иваном Харитоновым.³²

В 1775 г. последовало новое награждение — за отличие в Турецкую войну. Наградное знамя изменилось, стало более светским и красочным. Известно, что в его разработке и изготовлении принимал участие всемогущий фаворит императрицы генерал-фельдмаршал и кавалер князь Потемкин Таврический, который даже выдал кредит на 1150 рублей.

Новое знамя значительно уменьшилось в размерах: полотнище было квадратное, из белого штофа, со сторонами около 115 см, с красной каймой, обведенной снизу золотым узором. Около каймы сделан узор из золотых и зеленых веток. На лицевой стороне в центре — государственный герб, на оборотной — золотой вензель императрицы в желтом овальном медальоне, окруженный зелеными пальмовыми и масличными ветвями. Над ме-

³² Николаев Н.Г. Указ соч. Т. II. С. 119; Карта и рисунки к Статистическому описанию... Рисунок 10.

дальном восходящее золотое солнце и большая корона. Под ветвями вышита надпись: «НАШЕМУ ВЕРНОЛЮБЕЗНОМУ ВОЙСКУ ДОНСКОМУ ЗА ХРАБРЫЕ И МУЖЕСТВЕННЫЕ ПОДВИГИ ВО ВРЕМЯ МИНУВШЕЙ ВОЙНЫ СЪ ТУРКАМИ. ДАНО ВЪ 10 ДЕНЬ ИЮЛЯ 1775 ГОДА.».³³ Примечательно, что это знамя послужило образцом для армейских знамен, которые стали выдаваться только с 1780 года.

В 1795 г. Екатерина II приняла решение увековечить подвиги донских казаков на юге — под Очаковым и Измаилом, а также на севере — на финском побережье против шведов. Для этого изготовили и вручили Донскому войску два белых знамени, по образцу знамени 1722 года, но без синих клейм и серебряных звезд. Также изменилась форма знамен — из квадратных они стали прямоугольными: в длину около 285 см (4 аршина), в ширину 213 см (3 аршина). Изготовление знамен обошлось в сумму 945 рублей, при этом использовались дорогие ткань, краски, золото, серебро и другие материалы.

Глубокий смысл пожалования раскрыт в надписи, выполненной серебром на оборотной стороне знамен: «ПОВЕЛЕНИЕМ ДАНО СИЕ ЗНАМЯ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ВЕРНЫМЪ ПОДДАННЫМЪ ВОЙСКУ ДОНСКОМУ ЗА ОКАЗАННУЮ ИХЪ СЛУЖБУ ВО ВРЕМЯ ОКОНЧЕННЫХЪ ШВЕДСКОЙ И ТУРЕЦКОЙ КОМПАНИИ ХРАБРЫЕ И УСЕРДНЫЕ ПОСТУПКИ НА ВЕЧНУЮ И ВЪ ПОТОМСТВЕННЫЕ РОДЫ ВОЙСКА ДОНСКОГО СЛАВУ ЛЕТА ОТЪ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА 1795 Г., А ЦАРСТВОВАНИЯ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА 33-е». О значимости пожалования также свидетельствовали дорогие знаменные принадлежности — гротик медный золоченый с вензелем императрицы, шнуры и кисти серебряные, древко зеленое, мешочек красный.³⁴

Следует отметить, что при Екатерине II получить знамена стало сложно. Даже после положительного решения императрицы продолжалась переписка с войском, от которого требовали дополнительных обоснований. В середине февраля 1769 г. в Военную коллегию поступила «отписка войска Донского», в которой сообщалось, что «при нынешних расквартированихъ остается крепких знамен самое малое число, без которых обойтись, по нынешнему военному времени, никак невозможно», а поэтому войсковой атаман просит «вновь из воинской суммы походных с разными изображениями на камках или других каких шелковых материях бунчуков — 100, знамен — 50».³⁵

³³ Там же. С. 121; Карта и рисунки к Статистическому описанию... Рисунок 11.

³⁴ Там же. С. 125.

³⁵ Там же. С. 119.

Постановление «об отпуске знамен» было утверждено Сенатом, деньги отправлены в Московскую военную контору, которой указано было знамена и бунчуки изготовить с подряда, приислав мастеров. Подряд был выполнен полностью, в количестве, запрошенном донским начальством, и вся изготовленная продукция отправлена на Дон.³⁶

В 1782 г. донской войсковой атаман Д.И. Иловайский ходатайствовал о снабжении войска новыми знаменами, так как имевшиеся в наличии «от частого употребления по службе пришли уже в сущую неисправность». Потребность в знаменах стала сказываться еще и потому, что формировались 40 полков «по причине бунтующих крымцев и ногайцев». На каждый полк, состоящий из пяти сотен, Иловайский определял по 2 знамени и 3 бунчука, всего — 80 знамен и 120 бунчуков. При этом предлагалось изготовить знамена «с разными живописными изображениями и для лучшей прочности — из хороших ординарных штофов, а не из нынешней камки, коя весьма скоро является обветшалою».³⁷

Однако указанное ходатайство не было удовлетворено, что и побудило в 1788 и 1791 годах периодически ставить вопрос о критическом состоянии походных знамен и бунчуков в полках Донского войска. Рассмотрев последнее ходатайство атамана в конце ноября 1792 г., Правительствующий Сенат и лично императрица Екатерина II признали необходимым срочно изготовить запрошенное количество знамен и бунчуков и выделить на их изготовление 4 тысячи рублей из казны.³⁸

В соответствии с высочайшим указанием, в конце того же года (30 декабря) Военная коллегия постановила: «приискать мастеровъ и сделать вновь подрядомъ разными живописными по материи, называемой ординарнаго штофу, изображениями изъ разных того штофа цветовъ на число 50 полков, полагая противу прежнихъ примеровъ, на каждой полкъ знаменъ по два, бунчуковъ по три, всего знамен сто, а бунчуковъ сто пятьдесятъ, чтобъ из числа означенныхъ знаменъ и бунчуковъ, ради полковъ, при которыхъ походные атаманы находятся, было каждахъ по десяти белыхъ, чтобы сими знаменами можно было атаманскому от другова полку, коемъ будетъ полковникъ, на деле и при особыхъ случаяхъ иметь свое различие.»³⁹

Особо оговаривалось: «И как в прежних годах показанные знамена и бунчуки строены были в Москве, под смотрением нарочно присланных от Войска Донскаго старшин, то и ныне к строению оных отправить от оног

³⁶ РГВИА. Ф. 499. Оп. 13. Д. 60. Л. 30.

³⁷ Николаев Н.Г. Указ соч. Т. II. С. 121

³⁸ РГВИА. Ф. 499. Оп. 13. Д. 60. Л. 31 об.

³⁹ Там же. Л. 31 об., 32.

Войска в Москву, кого по рассмотрению оного Войскового Гражданского Правительства, надлежит».⁴⁰

Рисунки для знамен и бунчуков были привезены премьер-майором войска Донского Бобриковым, а подряд на их изготовление был отдан за 3500 руб. живописному мастеру Ивану Колпашникову, который выполнил работу к середине 1794 г. Тогда же изготовленные знамена и бунчуки были отданы присланному за ними с Дона старшине Андрею Саринину и быстро доставлены в войско.⁴¹

Перед отправкой был составлен реестр всей продукции, который сохранился в архивных документах. Согласно ему, знамена и бунчуки делались только двухцветные, в сочетании цветов: синего с красным, синего с желтым, синего с белым и желтого с красным. При этом полотно знамени и бунчука были одного цвета (например, синие) а кайма знамени и косицы бунчука другого цвета (например, красные). Кайма знамени и косицы бунчука покрывались изображениями звезд. На полотнищах рисовались как старые, так и новые святые — пророки, евангелисты и мученики. На знаменах лик Христа Спасителя повторялся 24 раза, Божией Матери — 24 раза, Иоанна Крестителя — 17 раз, Св. Николая — 17 раз. На бунчуках наиболее распространенными были рисунки святых: Архистратига Михаила — 8 раз; Георгия Победоносца — 7 раз; Димитрия Солунского — 7 раз, Архистратига Гавриила — 5 раз, Федора Стратилата — 5 раз, Никиты — 5 раз, Евстафия — 5 раз, Федора Тирона — 5 раз, Пантелеймона — 5 раз, князя Александра Невского — 4 раза.⁴²

В итоге при императрице Екатерине II донские казаки получили 151 знамя и 250 бунчуков.

Император Павел I повысил статус каждого знамени до воинской святыни и приказал, чтобы оно находилось в строю бессрочно. Знамя становилось символом Веры, Царя и Отечества, «так как было установлено освящение знамен и все вновь поступающие на службу или удостоенные повышения по ней должны быть приводимы к присяге...» Перед вручением знамени обязательно представлялось для осмотра императору и только после его одобрения отправлялось по месту назначения.⁴³

Сам император внес изменения в изображения на войсковом казачьем знамени — отменил написание полного императорского титула и даты

⁴⁰ Акты, относящиеся к истории войска Донского. Сост. Лишин А.А. Т. III. Новочеркасск, 1894. С. 214.

⁴¹ РГВИА. Ф. 499. Оп. 13. Д. 60. Л. 30.

⁴² РГВИА. Ф. 499. Оп. 13. Д. 60. Л. 9-10.

⁴³ Николаев Н.Г. Указ соч. Т. II. С. 176, 179.

пожалования знамени. Вместо них предписано наносить надпись отличия и размещать девизы (кому положено). Был установлен новый способ крепления к древку — не мешочек, а широкий запас, одного цвета с полотнищем и крепко пришитый к нему. Он обертывался вокруг древка, а затем возле шва прибывался гвоздиками с медными позолоченными шляпками. Регламентации подверглись основные элементы знамени — полотнище, навершие, древко, гвозди, шнуры с кистями. Старые знамена со своими конструктивными особенностями были решительно сняты с производства.

Эти указания нашли воплощение в новом образце знамени для Донского казачьего войска, который отличался от прежних знамен меньшими размерами, новым содержанием, но при этом сохранял оригинальность и самобытность. В нем нашло совмещение и светское (государственное) и религиозное (православное) начало. Пожалованное 15 февраля 1800 г. Донскому казачьему войску простое знамя служило примером для последующих донских войсковых знамен вплоть до 1856 г.

Оно было изготовлено заранее (в 1799 г.) из дорогой белой ткани, расшито шелковыми, золотыми и серебряными нитками. Полотнище имело прямоугольную форму, длинной стороной вверх, обшивалось золотой бахромой. На лицевой стороне — золотой медальон с вышитым двуглавым орлом под большой золотой короной, с серебряным мальтийским крестом на груди и с многоцветным изображением Георгия Победоносца в красном щите, окруженный золотым венком из пальмовых ветвей, перевязанных внизу светло-синей лентой. С обеих сторон над медальоном свисающая черная лента мальтийского ордена с серебряной надписью в центре: «ВЕРНО ПОДДАННОМУ ВОЙСКУ ДОНСКОМУ ЗА ОКАЗАННЫЯ ЗАСЛУГИ ВЪ ПРОДОЛЖЕНИИ КАМПАНИИ ПРОТИВУ ФРАНЦУЗОВЪ 1799 ГОДА.». На оборотной стороне нашивался серебряный медальон с золотым крестом в сиянии (крест святого царя Константина), окруженный золотым венком из пальмовых ветвей, перевязанных внизу светло-синей лентой. На обеих сторонах в углах золотые двойные вензеля императора Павла I, окруженные золотыми пальмовыми ветвями, с двумя золотыми коронами — российской и мальтийской (гроссмейстерской), как в полках Гвардии. Навершие — позолоченное копьеобразное, с двойным вензелем Павла I; древко штандартное, окрашенное зеленой краской.⁴⁴

В кавалерийских частях сохранилось употребление бунчуков. На их основе были сделаны штандарты Лейб-гвардии Казачьего полка, который

⁴⁴ Статистическое описание земли Донских казаков... С. 248; Карта и рисунки к Статистическому описанию... Рисунок 18.

24 мая 1799 г. был расширен до трехэскадронного состава. Его эскадронам в июне были пожалованы три штандарта: белый с золотой бахромой и в центре малиновый крест в золотом сиянии — в лейб — эскадрон, малиновый с серебряной бахромой и белым крестом в серебряном сиянии — во второй эскадрон, малиновый с золотой бахромой и малиновым крестом в золотом сиянии — в третий эскадрон. Навершия в виде копья с двуглавым орлом, древко зеленое, штандартное.⁴⁵

Александр I уже в самом начале правления проявил заботу о донских казаках — приказал заменить все «обветшавшие» старинные регалии, копии которых были сделаны в 1747 г. Следует учитывать, что в начале XIX века замена знамен «почиталась видом отличия».⁴⁶

По этому вопросу 16 апреля 1803 г. министр военных сухопутных сил С.К. Вязмитинов сделал доклад Александру I и приложил подробную записку о пожалованных донским казакам «обветшавших» знаменах. По итогам аудиенции, Коммисариатской экспедиции 9 мая было предписано, «чтобы она высочайше апробованные Войску Донскому знамена и бунчуки кому следует препоручила вновь построить с теми изображениями и надписями, какия в помянутой, высочайше апробованной, записке назначены, употребляя деньги из суммы, остающейся в департаменте Коммисариатском от неполного комплекта войск, со всемерным сбережением оной от излишних расходов...».⁴⁷ В июле на высочайшее рассмотрение были представлены проекты рисунков двух знамен — лазоревого 1706 г. и белого 1744 г., при этом к надписям на оборотной стороне полотнища был добавлен текст «лета Господня 1803, а Государствования Нашего третьяго», навершия изображены с вензелем Александра I в копье.

Утверждение рисунков состоялось 1 августа, что послужило основанием для начала крупномасштабной работы по изготовлению копий 6 войсковых знамен, 30 старинных малых станичных знамен, 2 бунчуков и 2 значков. Стоимость одного знамени составила 416 руб. 50 коп., бунчука и значка — 460 руб. Все копии были изготовлены за счет государственной казны и обошлись в сумму 17575 руб. В середине следующего года они были отправлены войсковому атаману генерал-лейтенанту М.И. Платову.⁴⁸

В 1803 г. также было пожаловано особое и единственное в российской истории знамя не полку, а казачьей войсковой столице — Черкасску.

⁴⁵ Николаев Н.Г. Указ. Соч. Т. II. С. 195.

⁴⁶ Струков Д.П. Исторический очерк о регалиях и знаках отличия русской армии. 1801-1855. Т. III. СПб., 1902. С. 34

⁴⁷ Акты, относящиеся к истории войска Донского. Т. III. Новочеркасск, 1894. С. 243.

⁴⁸ Там же. С. 246.

Цветной рисунок был утвержден 3 октября, а знамя изготовлено и доставлено на Дон в 1804 г. По конструкции оно было близко к штандарту Кавалергардского полка образца 1800 г.

Знамя имело в основе светло-синее полотнище, обшитое с трех краев золотой бахромой, на котором изображен золотом, серебром и красками, в серебряной восьмиугольной звезде герб города Черкаска. Вверху золотом нанесена пояснительная надпись: «Гербъ Войска Донскаго города Черкаска Всемиловейше пожалованъ Государемъ Императоромъ АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫМЪ 1803го года Октября 8го дня», а внизу — геральдическое описание герба. Полотнище прикреплено к поперечному древку и подвешено на шнурах к верхней части обычного штандартного зеленого древка. Навершие бронзовое вызолоченное, с императорской короной наверху и вензелем Александра I в копье, шнуры и кисти серебряные.⁴⁹

Новое пожалование состоялось через два года и было необычным. Оно связано с подвигом двух донских полков — подполковников А.Г. Сысоева 1-го и В.Е. Ханженкова 1-го, прикрывавших отход отряда Багратиона при Шенграбене под натиском превосходящего противника.

Получив донесение о мужестве и героизме русских войск в этом арьергардном сражении, Александр I под впечатлением содеянного сам придумал особую коллективную награду — Георгиевское знамя. Высочайшим приказом 15 ноября 1805 г. были пожалованы полкам «за отличие, в сражении 4 ноября при Шенграбене оказанное... Киевскому гренадерскому, мушкетерским Азовскому, Подольскому, двум батальонам Новгородского и одному Нарвского — знамена, Донским казачьим Сысоева и Ханженкова — по одному знамени, все с изображением знаков Военного Ордена, и надписи о подвиге...». Текст надписи был составлен лично императором и гласил: «За подвиг при Шенграбене 4 ноября 1805 года, в сражении 5 тысячного корпуса с неприятелем, состоявшим из 30 тысяч».⁵⁰

Проектные рисунки знамен также рассматривались лично Александром I и по его желанию были существенно изменены. Первоначально предполагалось изготовить полотнища знамен с изображением Георгиевского креста; в навершиях вместо орла поместить знак ордена св. Георгия Победоносца, простые ленты заменить на георгиевские с кистями, надпись отличия нарисовать золотом на извивающейся андреевской ленте. Такие эскизы 13 июля 1806 года были представлены императору генерал-адъютантом графом Ливеном. Одновременно он сообщил, что не все награ-

⁴⁹ РГВИА. Ф. 396. оп. 4. Д. 362. Л. 12.

⁵⁰ Андоленко С. Первые георгиевские знамена, штандарты и трубы // Военная быль. №48. Май 1961. С. 11.

ждаемые пехотные полки в последнем Аустерлицком сражении проявили себя достойно и предложил «на основании Высочайшей Вашего Величества воли, дабы таковым полкам вновь знамен не давать, оные им ныне не назначаются».⁵¹ Александр I согласился, и таким образом, достойными к награждению Георгиевскими знаменами признал только Киевский гренадерский полк и 2 казачьих полка. Для них было решено изготовить знамена по индивидуальным рисункам, в основу которых был положен российский двуглавый орел. Надпись о подвиге перенесли на края полотнища, чтобы она была видна и читалась издалека. Все знаменные принадлежности оставили без изменения — георгиевскими.⁵²

После утверждения рисунков изготовление знамен, в том числе и казачьих, заняло больше половины года (сделаны 25 февраля, стоимость одного знамени составила 370 рублей). В начале осени, 28 сентября 1807 г., Александр I подписал каждому казачьему полку высочайшую (знаменную) грамоту, в которой, в частности, отмечалось: «В знак признательности нашей и дабы оставить в памяти подвиги ваши, жалуем вам знамя с означением деяния, заслуживающего вам таковое отличие... Пребываем вам Императорскою Нашею Милостию благосклонны».⁵³

Если рассматривать по степени главенства и оценки заслуг, то вопреки распространенному мнению о приоритете 5-го гренадерского Киевского полка (1 белое полковое знамя, 1 цветное батальонное знамя), первенство наблюдается все же у донских полков — 2 белых полковых знамени, учитывая, что решение о всех знаменах принималось одновременно и изготовление было завершено также одновременно.

Первое казачье Георгиевское знамя в современной исторической литературе изображается не совсем точно. Искаженно передается надпись отличия, пропускаются некоторые детали. Восстановить внешний вид знамени представляется возможным на основе его рисунка, по времени наиболее приближенного к периоду изготовления и отправки регалии.⁵⁴

Знамя двухстороннее имело прямоугольное полотнище из белого штофа со сторонами в длину 160 см, в ширину — 151 см. С трех краев обшивалось золотой бахромой шириной 6 см. На каждой стороне по периметру золотом нарисована надпись:

⁵¹ Струков Д.П. Указ. соч. С. 19; Андоленко С. Указ. соч.

⁵² Струков Д.П. Указ. соч. С. 19.

⁵³ Бирюков С., Покровский А. История 3-го Донского казачьего Ермака Тимофеева полка. СПб., 2005. С. 32.

⁵⁴ Рукописная книга «Магазин образцов комитета Главного интендантского управления». Интендантский музей. Отдел рисунков и чертежей, № 1406. На листе 38.

«За подвигъ при Шенграбенъ 4го Ноября 1805 Года въ сраженіи ⁵/_{т.} Корпуса съ Непріятелемъ, состоявшимъ изъ ³⁰/_{т.}».

На лицевой стороне в центре нарисована золотой краской большая сияющая восьмиугольная звезда с круглой серединой белого цвета, в которой размещен золотой императорский вензель Александра I и под ним две перекрещенные золотые лавровые ветви (деталь, которая на современных рисунках не отражается).

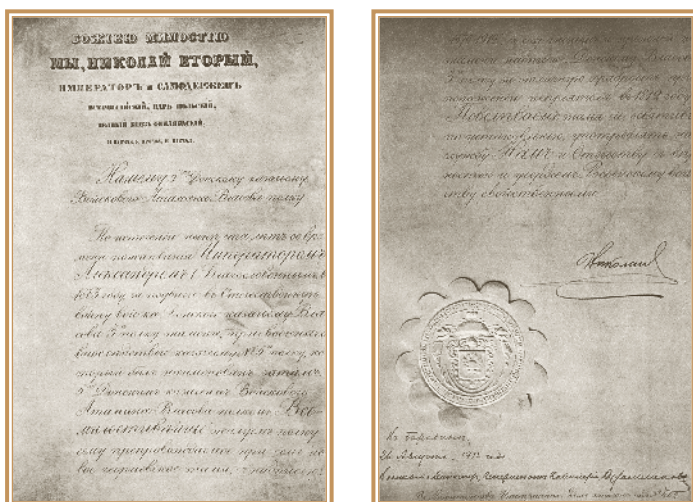
На оборотной стороне в центре изображен под золотой короной золотой лавровый венок, с круглой оранжевой серединой, в центре которого нарисован черный двуглавый орел с золотыми коронами, одним поднятым крылом, держащий в лапах золотые перуны. На груди орла красный круглый щит с изображением Св. Георгия на белом коне (как на офицерском знаке ордена).

Древко штандартное, зеленое, с позолоченными продольными полосками, навершие бронзовое, вызолоченное, в его прорезном копье вместо императорского вензеля размещен большой металлический, выкрашенный масляной краской офицерский крест ордена Св. Георгия, который составляет одно целое с копьем. Ленты — орденские георгиевские, с серебряными кистями, имеющими примесь из нитей черного и оранжевого шелка.

Таким образом было положено начало георгиевским казачьим знаменам с надписями за коллективные подвиги. Этот почин получил развитие в Отечественную войну 1812 года и последующий период. Пожалования начались в 1813 и 1814 годах, причем за каждое конкретное отличие вручалось знамя со своим неповторимым рисунком.

Такое Георгиевское знамя получили казаки донского Атаманского полка. Интересно, что при утверждении его рисунка учитывались пожелания офицеров полка. Еще весной 1813 г. полковое начальство при одобрении войскового атамана Платова возбудило соответствующее ходатайство, подержанное генерал-фельдмаршалом М.И. Кутузовым.

Пожалование состоялось 24 апреля 1813 г., при этом в награду был добавлен бунчук. Об этом сообщил управляющий Военным министерством А.И. Горчаков в следующем уведомлении Коммисариатскому департаменту: «Его Императорское Величество, за отличную храбрость, оказанную в течение минувшей кампании Войска Донского Атаманским полком, в знак признательности своей всемилостивейше пожаловал сему полку Бунчук и Знамя, коих образцы с принадлежащими к ним надписями у сего препровождая, предлагаю Коммисариатскому Департаменту, сии пожалованные вещи приказать изготовить и по заготовлении представить ко

Знаменная грамота 5-му Донскому казачьему войсковому атамана Власова полка, подписанная Николаем II на Бородинском поле 26 августа 1912 г.

мне для отправления к Генерал Фельдмаршалу князю Голенищеву-Кутузову Смоленскому».⁵⁵

Уже 10 мая были изготовлены проектные рисунки бунчука и знамени Атаманского полка и направлены в Военное министерство. Они были высочайше рассмотрены и утверждены 29 августа 1813 г., о чем А.И. Горчаков сообщил в предписании Коммисариатскому департаменту: «Рисунки я имел счастье представлять Государю Императору. Его Императорское Величество, утвердив оные Рисунки, высочайше повелеть соизволил, по общему желанию войска Донского и Атамана онаго Войска, прибавить на знамя, в надлежащем месте, для вящей важности онаго, следующие слова: «Буди Господи, милость Твоя на насъ, яко-же уповахомъ на Тя, да не постыдимся во веки».⁵⁶

Знамя по утвержденному рисунку было изготовлено в мае 1814 г. и через месяц подготовлено к отправке. Оно представляло собой двухстороннее прямоугольное полотнище из светло-синего штофа, со сторонами 140 см в длину, 116 см в ширину, обшитое с трех краев золотой бахромой шириной 6 см. В центре на обеих сторонах масляными красками нарисован во весь рост Спаситель, стоящий на облаке. У трех краев, начиная от древка, сделана надпись золотыми литерами: «Будъ Господи милость твоя на насъ яко же мы уповахомъ на тя да не постыдимся во веки»; внизу надпись золотом в две строки: «Войска Донскаго Атаманскому полку за храбрость»; изображение

⁵⁵ РГВИА. Ф. 396. Оп. 4. Д. 319. Л. 1.

⁵⁶ Там же. Л. 7; Рукописная книга «Магазин Образцов... На листе 105.

Спасителя охвачено полуовальной золотой надписью: «СЪ НАМИ БОГЪ РАЗУМЕЙТЕ ЯЗЫЦЫ И ПОКОРЯЙСЯ ЯКО СЪ НАМИ БОГЪ».⁵⁷

Вместе со знаменем был изготовлен бунчук — единственная Георгиевская награда такого вида в истории России. Жалованный белый бунчук с 1792 г. символизировал атамана, а также служил генеральским отличием. Можно полагать, что в награде атаманцев были персонифицированы и заслуги Платова. Пожалованный Георгиевский бунчук белого цвета, с двумя косицами, в длину около 178 см и в ширину 48 см, кругом обшит золотой бахромой. В центре, со смещением к древку, с обеих сторон нарисован масляными красками св. Георгий Победоносец на коне, поражающий копьём дракона. Вокруг всадника надпись золотыми буквами: «ВОЙСКА ДОНСКАГО АТАМАНСКОМУ ПОЛКУ ЗА ОТЛИЧНУЮ ХРАБРОСТЬ».⁵⁸

Древки у знамени и бунчука одинаковые — штандартные, темно-зеленого цвета с желобками, из которых три выложены желтой медью и вызолочены. Наверху медное вызолоченное копьё, в середине которого георгиевский крест. К копыю привязаны серебряные кисти на серебряных плетеных шнурах, замененные позднее георгиевскими лентами.

Наравне с элитным Атаманским полком проявили себя и обычные донские полки под командованием отважных командиров. 8 октября 1813 г. Георгиевские знамена (по одному на полк) были пожалованы донским полкам Жирова, Власова 3-го, Иловайского 11-го и Грекова 18-го с лаконичной надписью: «За отличную храбрость в поражении неприятеля».⁵⁹

Высочайшим приказом 20 октября 1813 г. «в вознаграждение отличного мужества и храбрых подвигов, явленных Донским казачьим Дячкиным полком во многих сражениях противу неприятеля» полку пожаловано Георгиевское знамя с надписью отличия: «Храброму Донскому Дячкина полку».⁶⁰

Высочайшим приказом 13 января 1816 г. за героизм в сражениях при Вязьме, Краоне, Лаоне и Арсисе простые знамена (по одному на полк), но с надписью соответствующего отличия были пожалованы донским Мельникова 4-го и Мельникова 5-го полкам.⁶¹

Следует отметить, что ожидание заслуженных коллективных наград растянулось на долгие годы. Знамя, пожалованное полку Дячкина, было спроектировано в начале 1814 г. и сразу представлено на доклад Александру I. Рассмотрение состоялось 5 февраля 1814 г., о чем управляющий Воен-

⁵⁷ Рукописная книга «Магазин Образцов... На листе 104.

⁵⁸ Там же. На листе 105; *Струков Д.П.* Указ соч. С. 58.

⁵⁹ ПСЗРИ. Т. XXXII. № 25464.

⁶⁰ ПСЗРИ. Т. XXXII. № 25467а.

⁶¹ *Габаев Г.С.* Роспись русским полкам 1812 года. Киев, 1912. С. 127.

ным министерством сообщил в Коммисариатский департамент: «Рисунок пожалованному Донскому Казачьему Дячкина полку знамя, доставленный от Вашего превосходительства, я имел счастье представлять Государю императору на утверждение. Его Императорское Величество ВЫСОЧАЙШЕ повелеть соизволил полотнищу онаго знамени дать форму и цвет штандарта КАВАЛЕРИЙСКАГО, а прочее все оставить так, как на рисунке.

Сей рисунок препровождая при сем, рекомандую Вашему Превосходительству приказать изготовить сходно с Высочайшею волею упоминаемое знамя и по изготовлении представить ко мне для отправления в означенный полк». ⁶² В соответствии с приказанием 23 марта был подготовлен новый рисунок и 30 апреля согласован управляющим Военным министерством. Знамя, по утвержденному рисунку, изготовлено к ноябрю 1814 г. и обошлось казне в «полном сборе» в 1040 руб. ⁶³

Известно, что оно представляло собой прямоугольное полотнище в длину 151 см, в ширину 125 см, обшитое с трех сторон золотой бахромой. Остальная информация нуждается в корректировке. Следует отметить, что рисунок знамени, послуживший образцом при его изготовлении, подшитый в архивное дело, позволяет устранить искажения, которые до сих пор сохраняются в рисунках и описаниях этого знамени. Во-первых, полотнище знамени сшивалось из клинообразных кусков, разделяющих его на крест и углы. Во-вторых, на оборотной стороне полотнища в середине оранжевого круга размещен черный двуглавый орел не гвардейского образца 1813 г., а установленный в 1813 г. для георгиевских армейских пехотных знамен (с одним поднятым крылом и без герба на груди). В-третьих, надпись отличия сделана не малыми, а большими прописными литерами (размещается полностью между углами), слово «казачьего» отсутствует. В-четвертых, круглые медальоны по сторонам знамени не серебряные, а белого цвета. Древко и все знаменные принадлежности такие же, как у первых Георгиевских казачьих знамен, штандартные. ⁶⁴ Вместе с высочайшей (знаменной) грамотой, подписанной в 1816 г., полковое знамя было отправлено на Дон.

Остальные донские полки не смогли получить знамена так же «быстро». Только 20 ноября 1813 г. были разработаны проектные рисунки Георгиевских знамен для четырех полков, с учетом высочайших замечаний по рисунку знамени Дячкина полка. За их написание в красках художник получил 10 рублей. Эти рисунки 16 декабря 1813 г. установленным

⁶² РГВИА Ф. 396. Оп. 4. Д. 313. Л. 7 - 7 об.

⁶³ Там же. Л. 19.

⁶⁴ Там же. Рисунок. Л. 5.

порядком были направлены управляющему Военным министерством. Судьба их неизвестна.⁶⁵

В 1817 г. в Коммисариатском департаменте, на основе утвержденного 3 февраля 1817 г. образца штандарта для гвардейской кавалерии, были разработаны новые проекты рисунков казачьих знамен и переданы на высочайшее рассмотрение. При этом была представлена книга с 50 рисунками знамен, имеющихся в казачьих войсках.

Император 12 октября утвердил некоторые проектные образцы и указал: «знаменам же сим быть мерою точно противу Лейб Гвардии Драгунских штандартов и древки иметь штандартные, и делать не из штофа, а из материи из которой делаются оные для пехоты». В тот же день начальник Главного штаба Его Величества князь Волконский сообщил высочайшее повеление: «...чтобы и впредь делать по сим образцам и для прочих иррегулярных Кавалерийских войск, исключая цветов, кои будут назначаемы особенно».⁶⁶

В соответствии с этим повелением в 1821 г. наконец изготовили и вручили 4 Георгиевских знамени полкам Жирова, Власова 3-го, Грекова 18-го, Иловайского 11-го и 2 простых знамени — полкам Мельникова 4-го, Мельникова 5-го.

Все знамена — утвержденного образца 1817 г., белого цвета, с палевыми углами, с золотыми орлами, вензелями, ветвями, коронами и полосками. Отличались только знаменными принадлежностями, надписями и их расположением. У Георгиевских знамен в рамке, золотом в один ряд писалось: «ЗА ОТЛИЧНУЮ ХРАБРОСТЬ ВЪ ПОРАЖЕНІИ НЕПРІЯТЕЛЯ.», у простых знамен в два ряда — «ВЪ ВОЗДАЯНІЕ ОТЛИЧНЫХЪ ПОДВИГОВЪ ОКАЗАННЫХЪ ВЪ СРАЖЕНІЯХЪ ВЪ МИНУВШУЮ ВОЙНУ ПРОТИВЪ ФРАНЦУЗОВЪ ПРИ КРАОНЕ И ЛАОНЕ.». ⁶⁷

Александр I, уделяя много внимания полковым казачьим знаменам, не забывал отметить и заслуги всего войска Донского. В августе 1811 г. последовало награждение простым войсковым знаменем, похожим на «павловское», но с важными изменениями.

С белого полотнища исчезли гротескные короны и поменялись вензеля — по имени нового императора. Крест с сиянием из золотого стал красным с золотой окантовкой, а прежний российский герб с мальтийским крестом сменил новый золотой императорский двуглавый орел с цепью

⁶⁵ РГВИА. Ф. 396. оп. 4. Д. 407. Л. 17.

⁶⁶ Там же. Л. 17 об.

⁶⁷ Гербовика России. XVIII — начало XX века. СПб., 2003. С. 206.

ордена Св. Андрея Первозванного. Все венки из двух ветвей — пальмовой и масличной. Черная лента была заменена георгиевской, и на ней размещена золотая надпись: «ВЕРНОПОДДАННОМУ ВОЙСКУ ДОНСКОМУ ЗА ОКАЗАННЫЯ ЗАСЛУГИ ВЪ ПРОДОЛЖЕНІИ КАМПАНИИ ПРОТИВУ ФРАНЦУЗОВЪ 1807 ГОДА.». Так была отражена сопричастность с героическими донскими полками, в числе первых ставших обладателями Георгиевских знамен. Навершие знамени простое позолоченное, с вензелем Александра I внутри копия, шнуры с кистями — серебряные, древко, штандартное с золотым прибором. Изготовление знамени обошлось казне в 1857 рублей.⁶⁸

По образцу этого знамени готовился проектный рисунок нового наградного войскового знамени. Император Александр I, отмечая заслуги донских казаков в 1812-1814 гг., лично подписал 20 июля 1816 г. высочайший рескрипт на имя войскового атамана, генерала от кавалерии графа Платова, в котором объявил: «...эпоха сия предана будет потомству особою грамотою, которая заготавливается в Правительствующем Сенате к подписанию моему и доставится вам вместе с знаменем, отличныя деяния Войска в незабвенную для России войну изображающим».⁶⁹

В Коммисариатский департамент 25 июля 1816 г. поступило извещение, что Государь император, «располагая пожаловать войску Донскому по прежним примерам знамя, в ознаменование подвигов его в последнюю войну оказанные, Высочайше повелеть соизволил заготовить приличный рисунок и представить оной Его Императорскому Величеству...».⁷⁰

В соответствии с императорской волей рисунок скопирован с указанного знамени (с простым навершием) и 5 августа представлен военному министру. Через 2 дня проект был высочайше рассмотрен и возвращен с предписанием разработать два варианта знамени с георгиевским навершием и лентами: один вариант по прежнему (казацкому) образцу, другой — как у пехоты, с надписью отличия по периметру полотнища. 19 октября император утвердил рисунок Георгиевского знамени по казацкому образцу.⁷¹

Ровно через год и один месяц, 19 ноября 1817 г., Донское войско было награждено Георгиевским знаменем, похожим на предыдущее. Прежний золотой двуглавый орел был заменен новым — утвержденным в 1813 г. для гвардейских знамен: черный двуглавый орел под одной короной,

⁶⁸ РГВИА. Ф. 396. Оп. 4. Д. 368. Л. 5; Карта и рисунки к Статистическому описанию... Рисунок 19.

⁶⁹ Акты, относящиеся к истории войска Донского. Т. III. Новочеркасск, 1894. С. 250.

⁷⁰ РГВИА. Ф. 396. Оп. 4. Д. 368. Л. 1

⁷¹ РГВИА. Ф. 396. Оп. 4. Д. 368. Л. 5, 7.

с московским гербом на груди (всадник вправо), с опущенными крыльями и держащий в правой лапе золотые перуны, в левой — золотой венок, перевитый золотой лентой. На свисающей георгиевской ленте сделана золотом надпись: «ВЕРНОПОДДАННОМУ ВОЙСКУ ДОНСКОМУ, ВЪ ОЗНАМЕНОВАНИЕ ПОДВИГОВЪ ОКАЗАННЫХЪ ВЪ ПОСЛЕДНЮЮ ФРАНЦУЗСКУЮ ВОЙНУ ВЪ 1812, 1813 И 1814 ГОДАХЪ». Навершие установленного в 1807 году образца, с георгиевским крестом, покрашенным масляной краской, внутри копия; ленты узкие георгиевские с кистями, древко штандартное. Изготовление знамени обошлось казне в 2703 руб. 40 коп.⁷²

Особо следует остановиться на Георгиевских штандартах для Лейб-гвардии Казачьего полка, проявившего незаурядное мужество и героизм на полях сражений. 22 марта 1817 г. последовало предписание Военному министру: «Его императорскому Величеству благоугодно было повелеть... сделать... для Лейб гвардии Казачьяго полка три штандарта по образцу Лейб гвардии Уланскаго полка с тою только разницею, что сии последние должны быть с серебром и с надписью за отличие при поражении и изгнании неприятеля из пределов России 1812 года и за подвиг, оказанный в сражении при Лейпциге в 4 день октября 1813 года». К 15 декабря 1817 г. все три штандарта были изготовлены и доставлены к начальнику штаба Гвардейского корпуса. При жизни Александра I по неизвестным причинам они вручены не были. Весь комплект обошелся казне в 2373 руб. 65 коп.⁷³

Император Николай I вернулся к вопросу о штандартах и оставил их только для казачьей гвардии. Выполняя волю предшественника, он 19 марта 1826 г. пожаловал Лейб-казакам уже заготовленные штандарты, как бы напоминая, что в этот день, ровно 12 лет тому назад, полк во главе русской императорской армии вступил в Париж. В высочайшей грамоте того же числа сообщалось: «В награду знаменитых подвигов мужества и храбрости, оказанных в минувшую достославную войну против французских войск, — пожалованные сему полку в Бозе почивающим Государем Императором Александром Павловичем штандарты, с изображением ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия, повелеваем по прочтении перед всем полком сей грамоты Нашей, употреблять на службу Нам и Отечеству с верностью, усердием и храбростию, Российскому воинству толико свойственными».⁷⁴

Император, в знак особого расположения к Лейб-казакам, 25 марта 1826 г. принял участие в церемонии прибавки штандартов в Георгиевском

⁷² Там же. Л.39.; Статистическое описание... С. 251-253.

⁷³ РГВИА. Ф. 396. Оп. 4. Д. 392. Л. 1-1об., 28.

⁷⁴ История Лейб-гвардии казачьего Его Величества полка. СПб., 1876. С. 332-333.

зале Зимнего дворца, а через 3 дня в манеже Инженерного замка торжественно вручил освященные штандарты полковому командиру.⁷⁵

В 1832 г., 23 февраля, Донское войско получило второе Георгиевское войсковое знамя, с золотой бахромой. Внешне оно повторяло первое Георгиевское войсковое знамя, но отличалось вензелями нового императора и золотой надписью на свисающей над медальонами георгиевской лентой: «ВЕРНОПОДДАННОМУ ВОЙСКУ ДОНСКОМУ ЗА ОКАЗАННЫЯ ЗАСЛУГИ ВЪ ПРОДОЛЖЕННІИ КАМПАНІЙ: ПРОТИВЪ ПЕРСИЯНЪ ВЪ 1826 1827 и 1828 и ПРОТИВЪ ТУРОКЪ ВЪ 1828 и 1829 ГОДАХЪ.». Знаменные принадлежности прежние.⁷⁶

В 1849 г., 26 ноября, последовало новое награждение — третьим Георгиевским знаменем. Оно было сделано по прежнему образцу, но надпись разместили не на георгиевской ленте, а по периметру полотнища, как у пехотного знамени. Освободившееся пространство заполнили увеличенными оранжевыми медальонами и императорскими вензелями в венках. С обеих сторон по краям золотом нанесли надпись: «ЗА ПОДВИГИ ВОЙСКА ДОНСКОГО ВЪ ПОХОДЕ НА УСМИРЕНІЕ ВЕНГРІИ И ТРАНСИЛЬВАНИИ ВЪ 1849 ГОДУ.». Знаменные принадлежности прежние.⁷⁷

Что касается простых донских полков, то до 1831 г. они знаменами не жаловались и не награждались. В это время шла разработка их новых образцов, взамен прежних знамен-штандартов.

Первым был утвержден образец казачьего знамени, по размерам приближенный к пехотному армейскому знамени, а по изображению напоминающий Георгиевское знамя донского казачьего Дячкина полка, но без бахромы. Важным его отличием от всех знамен армии стало подчеркнутое размещение на лицевой стороне полотнища традиционного для казачества красного четвероконечного креста с золотыми окраинами (православного царя Константина), с которым связывался распространенный девиз «Сим знаменем победиши». На оборотной стороне рисовался черный двуглавый российский орел с опущенными крыльями и держащий в лапах перуны и венок. Полотнище сшивалось из клинообразных кусков синего цвета, на них нашивались медальоны красного цвета. Вензеля императора и венки наносились печатным золотом. На наградных знаменах по краям полотнища с обеих сторон делалась золотая надпись отличия. Знаменные принадлежности остались прежние: позолоченное георгиевское навершие

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Карта и рисунки к Статистическому описанию... Рисунок 22.

⁷⁷ Там же. Рисунок 23.

с крестом ордена внутри копья и георгиевские ленты с кистями или позолоченное навершие с орлом внутри копья и шнуры с кистями.

Георгиевские знамена, изготовленные по этому образцу, были пожалованы:

Донскому казачьему Шамшева полку, с надписью отличия: «ЗА ОБОРОНУ КРѢПОСТИ БАЯЗЕТА 20го И 21го ИЮНЯ 1829 ГОДА.»;

Донскому казачьему 38-му полку с надписью отличия: «ЗА ПРИМЕРНУЮ ХРАБРОСТЬ, ОКАЗАННУЮ ПРИ ПОБЕДЕ, ОДЕРЖАННОЙ НАДЪ СКОПИЩѢМЪ ГОРЦЕВЪ 3го ИЮНЯ 1844 ГОДА ПРИ СЕЛЕНИИ ГИЛЛИ.».⁷⁸

Простыми знаменами образца 1831 г. император Николай I наградил:

Донские казачьи полки генерал-майора Бегидова, полковников Борова 1-го, Золотарева 4-го, Ильина, Платова 2-го, Рыковского, Чернушкина 2-го, подполковника Бакланова, с общей надписью отличия: «ЗА ОТЛИЧІЕ ВЪ ТУРЕЦКУЮ ВОЙНУ ВЪ 1828 И 1829 ГОДАХЪ.»;

Донские казачьи полки генерал-майоров Леонова, Сергеева и Карпова, полковника Басова, с общей надписью отличия: «ЗА ОТЛИЧІЕ ВЪ ПЕРСИДСКУЮ И ТУРЕЦКУЮ ВОЙНЫ ВЪ 1827 1828 И 1829 ГОДАХЪ.»;

1-й Донской казачий полк, с надписью отличия: «ЗА ОТЛИЧНЫЙ ПОДВИГЪ ПРИ УСМИРЕНІИ ТРАНСИЛЬВАНИИ ВЪ 1849 ГОДУ.».⁷⁹

Для повседневной службы Николай I одобрил использование образцов традиционных казачьих знамен и бунчуков конца XVIII века. На их основе были подготовлены соответствующие проектные рисунки для 10 донских казачьих полков, которые были Высочайше утверждены 30 декабря 1831 г.⁸⁰

В исторической литературе о них нет упоминания. В архиве удалось обнаружить краткие описания образцов и проследить процесс их изготовления и доставки. Всего было «построено» 10 простых знамен и 30 бунчуков (по 3 на полк). Они, как и в 1794 г., делались только двухцветные, в строгом сочетании цветов полотнища и каймы (косиц): синего с красным, желтого с красным и синего с желтым. На полотнищах рисовались разноцветными масляными красками изображения Господа Вседержителя, Божьей Матери, Святого животворящего креста, Св. Апостолов и угодников Божьих, праздников Господних и Богородичных, установленных в полках. Кайма знамени и косицы бунчука, как и прежде, покрывались изображениями

⁷⁸ См. Сборник сведений о Георгиевских кавалерах и боевых знаках отличий Кавказских войск. Под ред. Потто. Тифлис, 1901. Часть 2. С. 28, 31.

⁷⁹ См. Сборник сведений о Георгиевских кавалерах и боевых знаках отличий Кавказских войск. Под ред. Потто. Тифлис, 1901. Часть 2. С. 14.; *Бородин*. Донской казачий № 1-й полк. М., 1891. С. 8.

⁸⁰ РГВИА. Ф. 499. Оп. 13. Д. 60 л. 143, л. 139 об.

Донское Георгиевское войсковое казачье знамя и простой бунчук образца 1831 г.

золотых звезд. Заказ был выполнен к 1832 г. и отправлен в Инспекторский департамент Военного министерства.⁸¹

В конце того же года наказной войсковой атаман генерал-лейтенант Д.Е. Кутейников отправил ходатайство о возобновлении знамени с гербом Черкаска. Высочайшее дозволение последовало 23 января 1833 г., что позднее было отмечено дополнительной надписью под описанием герба: «ВОЗ-ОБНОВЛЕНЪ ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛЕНИЮ ВЪ 1833 ГОДУ.». Рисунки и надписи на полотнище делал живописный мастер Иван Зиновьев. Знамя обошлось казне в 649 руб. В начале ноября оно направлено в Инспекторский департамент Военного министерства и «вместе с посланными в Новочеркасск знаменами и бунчуками» 22 ноября 1833 доставлено фельдъегерской почтой в войско.⁸²

Николай I скончался 18 февраля 1855 года. Его сын, Александр II, первый Августейший атаман всех казачьих войск, вступил на престол на завершающем этапе тяжелой Крымской войны и сразу отметил заслуги донских казаков. Согласно воле предшественника, он 15 марта 1855 г. пожаловал Донскому казачьему 11-му полку за проявленное мужество и храбрость Георгиевское знамя — первое из всех Георгиевских знамен в его правление. Надпись на знамени была высочайше утверждена следующая: «ЗА ОТЛИЧІЕ ВЪ СРАЖЕНІИ ПРОТИВЪ ТУРОКЪ 4ГО ІЮНЯ

⁸¹ Там же. Л. 133 об., 134, 139 об.

⁸² РГВИА. Ф. 396. Оп. 4. Д. 862.

1854 ГОДА ЗА РЪКОЮ ЧОЛОКОМЪ.». ⁸³ Позднее, 25 сентября 1855 г., Донскому казачьему 23-му полку было Всемилостивейше пожаловано Георгиевское знамя с надписью: «ЗА ОТЛИЧІЕ ВЪ СРАЖЕНІИ ПРОТИВЪ ТУРОКЪ 17го ІЮЛЯ 1854 ГОДА НА ЧИНГИЛЬСКИХЪ ВЫСОТАХЪ.». ⁸⁴ Эти Георгиевские знамена были изготовлены к концу 1856 г. и отправлены на Дон. По внешнему виду они отличались от «николаевских» только вензелями нового императора.

Георгиевским было и войсковое знамя, пожалованное 26 августа 1856 г., с надписью на Георгиевской ленте: «ЗА ХРАБРОСТЬ И ПРИМЕРНУЮ СЛУЖБУ ВЪ ВОЙНУ ПРОТИВЪ ФРАНЦУЗОВЪ АНГЛИЧАНЪ И ТУРОКЪ ВЪ 1853,1854,1855 И 1856 Г.». Оно внешне отличалось от белого войскового знамени 1832 г. только вензелями нового императора и изображением золотого двуглавого орла с поднятыми вверх крыльями. На лицевой стороне все так же размещался традиционный красный крест с золотыми окраинами.

В следующем году устанавливается новый образец типового казачьего знамени. Рисунки его высочайше утверждены 21 августа 1857 г., в том числе рисунок Георгиевского знамени Донского казачьего 20-го полка, пожалованного 30 августа 1856 года, с надписью: «ЗА ОТЛИЧНЫЕ ПОДВИГИ ВЪ СРАЖЕНІИ ПРИ КЮРЮКЪ-ДАРА 24го ІЮЛЯ 1854 ГОДА.». ⁸⁵

За его основу взято пехотное знамя с делением на крест и углы (т.н. «прусский образец»). Полотнище двухстороннее, со сторонами 142 см, сшитое из клинообразных кусков. Крест (из шелка синего цвета) отделялся от углов узкими оранжевыми полосками. Углы представляли собой две сшитые половинки, ближайшая к вертикальной оси — черная, а к горизонтальной оси — белая, соединительный шов прикрывался узкой оранжевой полоской. В углах знамени на концах изображены серебряные лавровые венки, увенчанные коронами и охватывающие серебряный вензель Александра II.

На лицевой стороне в центре, как и прежде, изображался четырехугольный красный крест, но с серебряными окраинами и в серебряном венке под серебряной короной. На оборотной стороне в таком же венке размещался многокрасочный герб Российской империи нового образца («черный двуглавый орел с округленно поднятыми крыльями, золотые короны на обеих головах, и кроме того, третья корона на ленте, опирающейся на эти головы. На груди орла — московский герб, но св. Георгий Победоносец изображен скачущим не вправо, а влево. Щит окружен цепью ордена

⁸³ Сборник сведений о Георгиевских кавалерах и боевых знаках отличий Кавказских войск. Под ред. Потто. Тифлис, 1901. Часть 2. С. 38.

⁸⁴ ПСЗРИ. Т. XXX. Ч. 1. № 29671.

⁸⁵ РГВИА. Ф. 499. Оп. 13. Д. 60. Л. 122 ; Сборник сведений о Георгиевских кавалерах... С. 41.

Св. Андрея Первозванного. В правой лапе орла скипетр, в левой — держава, хвост не из перьев, а в виде геральдического узора».⁸⁶ Древякo черное — весь металлический прибор — серебряный.

Одновременно принимается и новый образец штандарта для гвардии. Основа и размеры остались прежние. Полотнище — из желтого штофа. Центральная часть повторяет композицию знамени в уменьшенном виде, но углы черные с белым, с желтыми по середине полосками. С обеих сторон одинаковые изображения — государственный герб. Квадраты под венками с императорским вензелем — цветные, установленного цвета. Древякo штандартное, зеленое, навершие в виде литого объемного двуглавого орла.⁸⁷

Георгиевский штандарт такого образца жалуются высочайшим приказом 8 сентября 1860 г. А.-Гв. Атаманскому полку, вместо «платовских» Георгиевских знамени и бунчука, которые приказано хранить вместе с регалиями войска Донского. Событие было приурочено ко дню рождения Августейшего шефа полка и связано с получением «атаманцами» прав молодой гвардии.

Штандарт был изготовлен в короткий срок и передан в штаб Гвардейского корпуса. На его полотнище в рамке над орлом блестела вышитая серебром надпись: «ЗА ОТЛИЧІЕ ОКАЗАННОЕ ВЪ ВОЙНЕ СЪ ФРАНЦУЗАМИ ВЪ 1812, 1813 И 1814 ГОДАХЪ».⁸⁸ Поле квадратов под венками — синее. Древякo штандартное, навершие в виде серебряного двуглавого объемного орла с георгиевским крестом ордена.⁸⁹

6 декабря в 8 часов вечера в Зимнем дворце состоялась церемония прибавки штандарта к древяку, в которой приняли участие Государь Император, наследник цесаревич — Августейший шеф полка, великие князья, командиры гвардейских частей, все офицеры 3-го дивизиона полка, все вахмистры и по одному портупей-юнkerу, унтер-офицеру и по 2 казака от каждого эскадрона. На следующий день, в 1 час дня, в Михайловском манеже состоялось освящение штандарта, а затем Александр II торжественно вручил его командиру полка.⁹⁰

Но этим внимание императора к донским казакам не ограничилось.

В мае 1867 г. Донскому казачьему войску было пожаловано Георгиевское знамя с лаконичной надписью отличия — «ЗА КАВКАЗСКУЮ ВОЙНУ».

⁸⁶ Габаев Г.С. Краткий очерк развития образца русских знамен и штандартов в XIX веке. СПб, 1911. С. 37.

⁸⁷ ПСЗРИ. Т. XXXV. Ч. 2. № 36069.

⁸⁸ Императорская российская гвардия. 1700-1878. Хронологические таблицы. Сост. В. Штейнгейль. СПб., 1878. С. 250.

⁸⁹ Краснов П.Н. Атаманская памятка. 1775-1900. СПб., 1900. С. 155.

⁹⁰ Там же.

Оно изготовлено по образцу знамени 1857 г., но государственный герб нарисован на лицевой стороне синего полотнища, соответственно — традиционный красный крест с окраинами нарисован на оборотной стороне. Надпись отличия сделана на обеих сторонах полотнища по периметру, (часто ее неверно изображают только с трех сторон). Она размещена следующим образом: вверху — ЗА КАВ -, по краю — КАЗ -, внизу — СКУЮ, по краю — ВОЙНУ. Георгиевское наверхие новое, установленное в 1867 г. — эмалевый орден Св. Георгия 3-й степени помещен внутри полного венка, древко пехотное, черное.

В 1869 г. было принято решение об определении старшинства войска Донского с 1570 г. и одновременно начата подготовка к юбилею. Уже 29 апреля 1869 г. последовало высочайшее повеление в день 300-летия войска вручить простые знамена донским полкам с № 27 по № 37 и с № 39 по № 64, а также учебному полку. Все старые наградные простые знамена были повышены до статуса Георгиевских.⁹¹

Следующий год стал для донских казаков особым. В день трехсотлетия Донского казачьего войска 3 января 1870 г. оно было награждено юбилейным Георгиевским знаменем с юбилейной Александровской лентой. В высочайшей грамоте по этому поводу записано:

«Да свидетельствует потомству сия священная хоругвь о трехвековой доблестной, боевой службе Донских казаков и о неизменном к ним благоволении Монархов, на которое они стяжали себе право горячею преданностью Престолу и Отечеству».⁹²

По высочайшему повелению празднование было назначено на 21 мая. К этому времени изготовили знамя и доставили в Новочеркасск. На торжества прибыли наследник — Августейший атаман всех казачьих войск с супругой. Накануне праздника, вечером, будущий император Александр III принял участие в церемонии прибавки полотнища юбилейного знамени к древку. На следующий день он присутствовал на войсковом круге, где состоялось вручение юбилейного войскового знамени и простых полковых знамен донскому казачеству.

В вексиллологической литературе до сих пор ошибочно указывают размещение традиционного креста с окраинами на лицевой стороне знамен. На современных photographиях этих уцелевших знамен видно обратное.⁹³ Юбилейное знамя было сделано по аналогии с войсковым знаменем за Кавказскую

⁹¹ Казачьи войска. Справочная книжка императорской Главной квартиры. Сост. Казин В.Х. СПб., 1912. С. 61.

⁹² Акты, относящиеся к истории войска Донского. Т. III. Новочеркасск, 1894. С. 267.

⁹³ Кокунько Г.В., Таболина Т.В. Казаки Зарубежья. М., 2008. С. 205.

войну. Оно отличалось размещением под большим венком накрашенной юбилейной синей андреевской ленты с серебряными датами «1570 — 1870», а также надписью: «ВЪ ПАМЯТЬ ТРЕХСОУЛЕТНЯГО СУЩЕСТВОВАНИЯ ДОНСКАГО КАЗАЧЬЯГО ВОЙСКА». Впервые донским казакам была пожалована и юбилейная орденская Александровская лента с бантом, установленная указом 25 июня 1838 г. для частей армии, существующих сто и более лет.

Новый долгожданный юбилей отмечался в 1875 г. в связи со 100-летием прославленных лейб-гвардейцев и не менее знаменитых лейб-атаманцев. Подготовка началась заранее. Рисунок Георгиевского штандарта Лейб-гвар-

Чины Лейб-гвардии Атаманского Его императорского Высочества Наследника Цесаревича полка с Георгиевским гвардейским полковым штандартом образца 1857 г.

дии казачьего Его Величества полка был утвержден императором 26 декабря 1874 г.⁹⁴ К апрелю 1875 г. штандарт был изготовлен. Он соответствовал утвержденному в 1857 г. образцу, имел желтое штофное полотнище, красные квадраты и богатую вышивку серебром. По краям полотнища в рамке была вышита серебром надпись, повторяющая старую: «ЗА ОТЛИЧІЕ ПРИ ПОРАЖЕНІИ И ИЗГНАНІИ НЕПРІЯТЕЛЯ ИЗЪ ПРЕДЕЛОВЪ РОССІИ ВЪ 1812 Г. И ЗА ПОДВИГЪ ОКАЗАННЫЙ ВЪ СРАЖЕНІИ ПРИ ЛЕЙПЦИГЕ 4го ОКТЯБРЯ 1813 ГОДА». Юбилейная дата отражена нашитой под орлом андреевской лентой «1775-1796-1875».⁹⁵

На торжественной церемонии прибивки в Георгиевском зале Зимнего дворца 19 апреля присутствовали император, наследник, великие князья,

⁹⁴ РГВИА. Ф.499.Оп.13. Д. 60. Л.14.

⁹⁵ См. Императорская российская гвардия. 1700-1878. Хронологические таблицы. Сост. В. Штейнгейль. СПб., 1878. С. 96; *Горохов Ж.* Русская императорская гвардия. М., 2002. С. 97 (фотография штандарта).

военный министр, офицеры полков и приглашенные на церемонию нижние чины. Император первым вбил гвоздь, а по окончании прибавки собственноручно привязал к древку под орлом Георгиевский крест и юбилейные Андреевские ленты. Затем подошел к штандарту Атаманского полка и также привязал к нему юбилейные ленты. На следующий день состоялась церемония освящения и вручения регалий. После молебна на площадке перед Зимним дворцом Александр II в присутствии наследника вручил окропленные святыни командирам полков, а участвовавшие в церемонии дивизионы в конном порядке прошли перед императором.⁹⁶

В следующем году началась реформа существующих образцов знамен. Для Донского казачьего войска решающее значение имело принятие приказа по военному ведомству 18 ноября 1876 г. «О некоторых изменениях в форме и изображении на знаменах и штандартах». В соответствии с ним войсковые знамена стали изготавливаться из белого, а не синего шелка, красный крест с серебряными окраинами был перенесен на лицевую сторону, а на оборотной стороне разместили государственный герб; цвет медальонов с оранжевого поменялся на цвет прикладного сукна мундира (у донцов — красный). Для конных казачьих полков предусматривались не знамена, а штандарты, по образцу армейской кавалерии, но с изображением на лицевой стороне, вместо герба, красного креста с серебряными окраинами.⁹⁷

Такие штандарты, с георгиевским отличием, донские казаки получили за подвиги в Русско-Турецкую войну. Высочайшим приказом 17 апреля 1878 г. Георгиевские штандарты были пожалованы, а соответствующие рисунки 22 декабря 1879 г. высочайше утверждены:

26-му Донскому казачьему полку, с надписью отличия: «ЗА ОТЛИЧІЕ ВЪ ТУРЕЦКУЮ ВОЙНУ ВЪ 1828 И 1829 ГОДАХЪ И ЗА ДВУКРАТНЫЙ ПЕРЕХОДЪ ЧЕРЕЗЪ БАЛКАНЫ ВЪ 1877 ГОДУ.»;

29-му Донскому казачьему полку, с надписью отличия: «ЗА БЫСТРОЕ НАСТУПЛЕНІЕ И ЗАНЯТІЕ БРАИЛОВА 13го АПРѢЛЯ 1877 ГОДА.»;

30-му Донскому казачьему полку, с надписью отличия: «ЗА ШИПКУ, ЛОВЧУ, ДВУКРАТНЫЙ ПЕРЕХОДЪ ЧЕРЕЗЪ БАЛКАНЫ И ВЗЯТІЕ 50^{ти} ОРУДІЙ ПРИ КАНДЖИКЛЯРѢ ВЪ 1877 И 1878 ГОДАХЪ.»;

31-му, 36-му, 37-му, 39-му Донским казачьим полкам с общей надписью отличия: «ЗА ОТЛИЧІЕ ВЪ ТУРЕЦКУЮ ВОЙНУ 1877 И 1878 ГОДОВЪ.».⁹⁸

⁹⁶ История Лейб-гвардии казачьего Его Величества полка. СПб., 1876. С. 507, 512.

⁹⁷ См. Приказ по Военному ведомству. 1876. № 365.

⁹⁸ РГВИА. Ф 499. Оп. 14. Д. 101. С. 129-133.

Георгиевский штандарт 26-го Донского казачьего полка образца 1876 г.

Интересно, что в июле 1879 г. Александр II принял решение наградить за подвиги в минувшую войну и все Донское казачье войско. В спешном порядке были изготовлены проектные рисунки Георгиевского знамени (образца 1876 г.), Александровской орденской ленты и направлены на высочайшее утверждение. Представленные материалы были рассмотрены 30 августа и в тот же день одновременно высочайше пожаловано Георгиевское знамя, с надписью «ЗА ОТЛИЧІЕ ВЪ ТУРЕЦКУЮ ВОЙНУ 1877 И 1878 ГОДОВЪ.» с Александровской лентой и утверждены рисунки для их изготовления.

В высочайшей грамоте о награждении записано для потомков: «Воздав должное, по заслугам, участвовавшим в военных действиях Донским полкам и батареям, Мы в знак Нашего особаго благоволения ко всему знаменитому войску Донскому, жалуем ему Георгиевское знамя с надписью «за отличие в Турецкую войну 1877 и 1878 годов», напоминающею подвиги представителей сего войска в минувшую войну, с сохранением и прежней надписи под орлом «1570 — 1870» и повелеваем: освятив оное по установлению, приобщить к войсковым регалиям».⁹⁹

Сразу исполнить волю императора донским казакам не удалось. На изготовление знамени потребовался почти год. Оно было отправлено в Новочеркасск 30 апреля 1880 г.¹⁰⁰

Император Александр III посчитал необходимым отказаться от подражания западу и вернуться к национальным (русским) корням, придать

⁹⁹ Акты, относящиеся к истории войска Донского. Т. III. Новочеркасск, 1894. С. 269.

¹⁰⁰ РГВИА. Ф. 499. Оп. 14. Д. 114. Л. 1-2, 21.

знаменам вид, соответствующий их названию — «священных хоругвей». Исследовательская работа началась весной 1882 г. и уже 26 апреля был подготовлен проектный рисунок. По этому поводу в соответствующем докладе Главного интендантского управления было написано: «...исходя из той основной мысли, что представляется желательным восстановить существовавшие до 1850 г. образцы казачьих полковых знамен, имевших Божественное изображение, в честь того Господнего и Богородичного праздника или святого угодника, память которого чтится в день полкового праздника, в Техкоме ГИУ составлены проектные рисунки знамени для одного из Донских казачьих полков (№ 15, полковой праздник которого 3-го Октября в день чествования Св. Петра Митрополита)».¹⁰¹ В пояснительной записке сделано важное уточнение — изображение Св. Петра Митрополита скопировано с такого же изображения на одном из казачьих знамен образца 1831 г.¹⁰² В архивных документах сохранилась переписка по разработке и высочайшему утверждению проектного рисунка знамени с далеко идущими последствиями, которая вводится в научный оборот впервые.

Так, на представленном 13 сентября цветном проектном рисунке знамени для Донского казачьего № 15 полка (художник А. Бах), император собственноручно написал *«Заготовлять по сему образцу»*.¹⁰³ В ноябре 1882 г. поступило указание подготовить производственный образец.

Высочайше одобренное знамя представляло собой прямоугольное темно-синее полотнище с алой каймой и разными изображениями с обеих сторон. На лицевой стороне в рамке, образованной серебристой тесьмой, в центре нарисовано цветное изображение Св. Петра Митрополита, с поясняющей вертикальной надписью по бокам **«СВ ПЕТРЪ МИТРОПОЛИТЪ»**. В другой рамке по бокам размещались узоры в виде переплетенных алого креста и серебристой восьмилучевой звезды, между которыми сделана красными славянскими литерами надпись отличия: **«ЗА ОТЛИЧІЕ ВЪ ПЕРСИДСКУЮ И ТУРЦСКУЮ ВОЙНЫ ВЪ 1827—1828 ГГ.»**. На оборотной стороне в углах, выступающих за рамку внутрь полотнища, на овальных кокардах императорских цветов размещались государственные гербы образца 1882 г. Между ними рисовались красные византийские украшения. В середине полотнища изображался большой красный вензель императора Александра III, особого древнерусского рисунка, увенчанный короной, а по его сторонам две восьмиконечные розетки (репья).

¹⁰¹ РГВИА. Ф. 499. Оп. 13. Д. 60. Л. 137.

¹⁰² Там же. Л. 138.

¹⁰³ Там же. Л. 72. Рисунок знамени. Л. 145.

По краю с трех сторон имелась широкая алая кайма, образующая с четвертой стороны запас. По кайме на равном расстоянии друг от друга размещались 10 серебряных восьмилучевых звезд. Кайма отделялась от темно-синей основы знамени серебряной тесьмой. Для знамени предусматривалось новое серебряное навершие, по образцу старинных — в виде насаженного на трубку шара, увенчанного восьмиконечным крестом.

В конце года, 14 декабря военный министр отдал распоряжение о проектировании знамен по казачьему образцу для Л.-гв. Преображенского и Л.-гв. Семеновского полков.

В следующем году военный министр в Записке о знаменах для гвардейских и армейских частей войск от 12 января в пункте о казачьих войсках указал: «Ныне в виду последовавшего Высочайшего одобрения проектного рисунка знамени для Донского казачьего № 15 полка, полагалось бы восстановить знамена вообще для всех казачьих войск, как пеших, так и конных, с тем, чтобы полотно знамени было по цвету мундирного сукна, как это сделано на проектном рисунке знамени Донского казачьего № 15 полка, а кайма по цвету приборного сукна, части присвоенного, во всем же остальном казачьи знамена должны отвечать знаменам регулярных войск».¹⁰⁴

В феврале детальные предложения по всем знаменам были доложены Александру III, в результате чего появились «Высочайше утвержденные указания к изготовлению знамени 1883 г. нового образца.» Документ начинался со следующих слов: «Государь император в 28 день февраля месяца сего года, рассмотрев проектные рисунки и образцы новых знамен, Высочайше повелеть соизволил в отмену знамен действующих образцов, описание коих объявлено при приказе по Военному ведомству 1880 г. за № 92, изготовлять жалуемые войскам знамена следующего нового образца...»¹⁰⁵. Далее приводилось подробное описание знамени и распределение цветов его полотнища и каймы для всех гвардейских и армейских частей, а также полков казачьих войск. Для знамен частей Донского казачьего войска был утвержден синий цвет полотнища и алый — каймы¹⁰⁶, но ни одно знамя в правление Александра III донским казакам пожаловано не было.

При императоре Николае II были возвращены навершия образцов 1857 г. и 1867 г., затем 21 апреля 1900 г. был утвержден новый образец знамени со следующими отличиями от предыдущего: полотнище знамени стало цельнотканым; для всех частей на лицевой стороне полотнища выткано изображение

¹⁰⁴ РГВИА. Ф. 499. Оп. 13. Д. 60. Л. 174.

¹⁰⁵ Там же. Л. 200

¹⁰⁶ Там же. Л. 206.

Спаса Нерукотворного, причем обрамление вокруг иконы по цвету повторяло кайму знамени. Надписи отличия удалялись с полотнища, оставались только на скобе, освободившееся пространство заполнялось сверху девизом «СЪ НАМИ БОГЪ.», в других местах — серебристым орнаментом в византийском стиле. На оборотной стороне полотнища вензель прежнего императора заменялся на новый — Н II, похожий на вензель императора Николая I.¹⁰⁷ Георгиевские ленты с кистями отменялись. Цвет полотнища и каймы не претерпел изменений.

С 1901 г. в первоочередные донские полки назначаются «вечные шефы», имена которых включаются в названия полков — генералиссимус князь Суворов, генерал Сысоев, атаман Ермак Тимофеев, граф Платов, войсковой атаман Власов, генерал Краснощеков, войсковой атаман Денисов, генерал Иловайский, генерал-адъютант граф Орлов-Денисов, генерал Луковкин, генерал-от-кавалерии граф Денисов, генерал-фельдмаршал князь Потемкин-Таврический, генерал-фельдмаршал князь Кутузов-Смоленский, войсковой атаман Ефремов, генерал Краснов 1-й, генерал Греков 8-й и генерал Бакланов.¹⁰⁸

В 1908 г. 2-му и 3-му казачьим полкам, носящим имена генерала Сысоева и атамана Ермака Тимофеева, жалуются юбилейные Георгиевские знамена с датами на отрезке андреевской ленты: «1570-1807-1907». На банте юбилейной Александровской ленты надпись — «1908 года». Интересно, что знамена были изготовлены и высланы в полки только в мае 1910 года.

В 1911 году 26 августа последовало высочайшее соизволение на выдачу в день предполагаемого празднования 100-летнего юбилея Отечественной войны — 26 августа 1912 года — новых знамен с сохранением существующих надписей и с юбилейными Александровскими лентами, взамен пришедших в ветхость знамен, Донским казачьим полкам: 4-му — 7-му. На андреевской ленте размещены даты «1570-1812-1912».¹⁰⁹

В 1912 г. на знаменах восстановлены узкие георгиевские ленты с кистями и надписи отличия, которые делались на отрезке широкой георгиевской ленты. Такие ленты с надписями вскоре были изготовлены и нашиты на юбилейные знамена:

2-го Донского казачьего генерала Сысоева полка и 3-го Донского казачьего Ермака Тимофеева полка: «ЗА ПОДВИГЪ ПРИ ШЕНГРАБЕНЪ ЧЛ ПОДЕРЪ 1806 ГОДА ВЪ СРАЖЕНІИ 5^{ТЛ} ТЫСЯЧНАГО КОРПУСА СЪ НЕПРІАТЪЛАНЪ СОСТОЯШИНАЪ ИЗЪ 30^{ТЛ} ТЫСЯЧЪ.», с вензелем Александра I и датой «1806 г.» в левом углу;

¹⁰⁷ Габеев Г.С. Краткий очерк развития образца русских знамен и штандартов в XIX веке. СПб, 1911. С.50.

¹⁰⁸ Казачьи войска. Справочная книжка императорской Главной квартиры. Сост. Казин В.Х. СПб., 1912. С. 65-66.

¹⁰⁹ Там же. С. 66.

4-го Донского казачьего графа Платова полка: «ДОНСКОМУ ЖИРОВА ПОЛКУ ЗА ОТАЧНУЮ ХРАБРОСТЬ ПРИ ПОРАЖЕНІИ НЕПРІАТБІА ВЪ 1812 ГОДУ.», с вензелем Александра I и датой «1813 г.» в левом углу;

5-го Донского казачьего войскового атамана Власова полка: «ДОНСКОМУ ВЛАСОВА 2ГО ПОЛКУ ЗА ОТАЧНУЮ ХРАБРОСТЬ ПРИ ПОРАЖЕНІИ НЕПРІАТБІА ВЪ 1812 ГОДУ.», с вензелем Александра I и датой «1813 г.» в левом углу;

6-го Донского казачьего генерала Краснощекова полка: «ДОНСКОМУ ИЛОВИЙСКАГО 11ГО ПОЛКУ ЗА ОТАЧНУЮ ХРАБРОСТЬ ПРИ ПОРАЖЕНІИ НЕПРІАТБІА ВЪ 1812 ГОДУ.», с вензелем Александра I и датой «1813 г.» в левом углу;

Передача освященного юбилейного Георгиевского знамени 10-го Донского казачьего генерала Луковкина полка образца 1900 г.

7-го Донского казачьего атамана Денисова полка: «ДОНСКОМУ ГРВКОВА 18ГО ПОЛКУ ЗА ОТАЧНУЮ ХРАБРОСТЬ ПРИ ПОРАЖЕНІИ НЕПРІАТБІА ВЪ 1812 ГОДУ.», с вензелем Александра I и датой «1813 г.» в левом углу.¹¹⁰

Георгиевские знамена такого же образца с юбилейными Александровскими лентами 26 февраля 1914 г. были пожалованы 8-му, 9-му и 10-му Донским казачьим полкам, с датами на отрезках андреевских лент «1570-1814-1914» и соответствующими надписями:

8-му Донскому казачьему генерала Иловайского 12-го полку с надписью на георгиевской ленте: «ХРАБРОМУ ДОНСКОМУ ДЯЧКИНА ПОЛКУ.», с вензелем Александра I и датой «1816 г.» в левом углу;

9-му Донскому казачьему генерал-адъютанта графа Орлова-Денисова полку на георгиевской ленте: «ДОНСКОМУ ЖЕЛНИКОВА 7ГО ПОЛКУ ВЪ ВОЗДАНІИ»

¹¹⁰ Казачество великое и бесстрашное. СПб., 2009. Фотографии современного состояния знамен.

ОТАЧНИЕХХ ПОДВИГОВЪ ОКАЗАНИЕХХ ВЪ СРАЖЕНІАХХ ВЪ ЖИВУЩІЮ ВОИНУ ПРОТИВЪ ФРАНЦУЗОВЪ ПРИ КРАЮХЪ И ЛЮДІАХЪ.» с вензелем Александра I и датой «1816 г.» в левом углу;

10-му Донскому казачьему генерала Луковкина полку на георгиевской ленте: «ДОНСКОМУ МЕЛЬНИКОВА 5-го ПОЛКУ ВЪ ВОЗДЪАНИЕ ОТАЧНИЕХХ ПОДВИГОВЪ ОКАЗАНИЕХХ ВЪ СРАЖЕНІАХХ ВЪ ЖИВУЩІЮ ВОИНУ ПРОТИВЪ ФРАНЦУЗОВЪ ПРИ КРАЮХЪ И ЛЮДІАХЪ.» с вензелем Александра I и датой «1816 г.»¹¹¹

С этими знаменами казаки ушли на новую II Отечественную войну (Первую мировую войну), с ними встретили падение династии Романовых. Память об императорах новые власти постарались стереть, в буквальном смысле слова. В соответствии с приказом по Военному ведомству 4 апреля 1917 г. № 182 предписывалось «частям войск, имеющим знамена и штандарты с вензелем отрекшегося императора Николая II (т.е. получившим таковые за период времени с 1895 г. по 1917 год), доставить означенные знамена и штандарты (без соблюдения церемонии, установленной для отвоза знамени) в Петроград в Технический комитет Главного интендантского управления для выполнения работы по снятию означенных вензелей и по замене пришедших в ветхость знамен новыми».¹¹² В донских частях приказ не выполнялся. Казаки шли на уловки — нашивали на вензель куски ткани под цвет полотна, после войны тайно доставляли снятые с древка полотнища на Дон. В Гражданскую войну святыни снова спасали, увозили с собой в эмиграцию. Размещали на хранение в православных церквях, создавали полковые музеи. Но не все знамена остались за рубежом, часть их была вновь возвращена домой. Но это уже другая страница истории.

¹¹¹ Краснов П.Н. Памяти подвигов Донского казачьего Мельникова 5-го полка. Петроград, 1914. Фотография знамени.

¹¹² Зайцева Л.П. Исторические традиции изготовления военных знамен в России (XV — н. XX вв.) // Гербовед. № 95. 2007. С. 133.

Ключевые слова:

«писание о природном царе», Азовские походы, Петр I, атаман Платов, фельдмаршал Кутузов, Георгиевское знамя

Oleg V. Agafonov

THE ROMANOV DYNASTY AND DON COSSACKS:

investigation through banners and standards

The article is dedicated to a less-explored history of the formation of the complex of banners and standards which were granted to Don Cossacks by Tsars and Emperors of the House of Romanov.

Based on unknown documents from the Commissariat department' (military registration and enlistment office) and the main military supply department' archives, stored in the State Central Military Museum in Moscow, the article reveals and describes regimental colors and «horsetails» from the period of Peter the Great, Catherine the Great and Nikolas I. The main focus lies upon the signs of distinction on banners and standards. The main mistakes in recognition of the inscriptions such as transformation to the modern language, addition (insertion) of extra words and commas, exclusion of the «dot» at the end of the inscription are being identified and corrected.

Special attention is dedicated to the group decoration — the banner of St. George. Despite the wide spread notion of the leadership of the 5th Grenadier Regiment of Kiev, the author points out the priority of the Don Regiments.

The article gives a wide scope of information depicting the beginning of the banner reform by Alexander III. For the first time it is noted that all the latter standards and flags, including those of Guard units, were based on the project of the 15th Cossack Regiment banner, on which on September the 13th 1882 the Emperor himself wrote: «Lay the latter pieces out thus». As well for the first time «His Imperial Majesty's Edict dated 1883 on how to issue the new banners» is introduced. This document greatly influenced the further tradition in Russia of creating banners and standards and the appearance of the master-(sample)-banner dated 1900.

A series of unique author's illustrations accompanies the article.

 Агафонов Олег Владимирович

кандидат исторических наук, ответственный секретарь постоянной
профильной Геральдической комиссии Совета при Президенте
Российской Федерации по делам казачества

С.В. Думин

ГЕРБЫ ДОМА РОМАНОВЫХ

ступая в 1613 г. на российский престол, основатель династии Романовых царь Михаил Федорович унаследовал не только титул и регалии прежних российских государей, но и государственную геральдическую эмблему — двуглавого орла.

Этим гербом и пользовались он и его преемники. При этом известны различные варианты государственного орла. Так, в первые годы царствования использовался орел, венчанный двумя открытыми коронами, имеющий между головами православный крест. Но почти одновременно с ним использовался и орел с тремя коронами (третья, большего размера, закрытая, «висела» над орлом). Именно такой орел с тремя коронами известен и по государственным печатям. В царствование Алексея Михайловича в лапах орла появляются скипетр и держава, хотя встречаются и изображения, где эти регалии отсутствуют или вместо державы в левой лапе орел держит меч. Малые короны на головах орла чаще изображаются закрытыми (хотя и не всегда)¹.

Существовала ли в то время у Романовых личная геральдическая эмблема, собственный герб? По этому поводу в литературе высказывались

¹ Подробнее см.: Лебедев В. Державный орел России. М., 1993.

различные точки зрения. С одной стороны, сложилось мнение, что даже русская аристократия в XVI—XVII вв. родовых гербов еще не имела. В царствование Алексея Михайловича беглый подьячий Посольского приказа Котошихин писал по этому поводу: *«Не токмо у князей и бояр и иных чинов, но и у всякаго чину людей Московскаго государства гербов не бывает, а прикладывают у кого какая печать прилучилась, а не породная»*. Котошихин объясняет явление это тем, что гербов *«никакому человеку изложити не могут»*.² Тем не менее известно и другое: некоторые аристократические семьи уже в XVII в. под влиянием западноевропейской и особенно польской дворянской культуры (в последней герб ведь считался неотъемлемым атрибутом принадлежности к благородному сословию) пытались обзавестись геральдическими символами, впоследствии ставшими гербами в полном смысле этого слова или составившими основу родовой геральдики. В некоторых случаях «выезжие» семьи, действительно связанные родством с польско-литовскими родами, вполне законно использовали гербы этих родов, известные не только по польским гербовникам, но и по их собственным родовым печатям. Такие родовые гербы сохранила, например, смоленская шляхта (поступившая на русскую службу после капитуляции Смоленска в 1654 г.), некоторые украинские роды и т.д. Русские Гедиминовичи, в частности Голицыны, в XVII в., как и их дальние родственники в Литве, использовали родовой герб Погоня³. Рюриковичи, потомки прежних великих и удельных князей, в поисках геральдической традиции обращаются к территориальным гербам земель, где некогда княжили их предки (хотя в подавляющем большинстве вышеупомянутые эмблемы сложились уже после присоединения этих княжеств к владениям московской династии).

Романовы, как известно, тоже официально считались родом выезжим. Первым документально известным предком их рода был Андрей Иванович Кобыла — родоначальник многих русских дворянских фамилий, в числе которых Романовы, Шереметевы, Коновницыны, Колычевы, Боборыкины, Епанчины, Сухово-Кобылины, Яковлевы. Андрей Кобыла был боярином великого князя московского Ивана I Калиты и его преемника Симеона Ивановича Гордого. Правда, в летописях он упоминается всего один раз, в 1347 г., когда вместе с боярином Алексеем Разоловым был послан в Тверь за невестой Симеона, княжной Марией, дочерью

² Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1840. С. 22.

³ Лакиер А.Б. Русская геральдика. М., 1990. С. 247—248. Герб Б.П. Шереметева был составлен и опубликован польским автором Петром Терлецким.

великого тверского князя Александра Михайловича. По родословной легенде, Андрей Кобыла вел свой род от языческих королей племени пруссов. Отец его Гланда Кембила Девонович, побежденный крестоносцами, вместе с малолетним сыном и множеством подданных якобы выехал на службу к великому князю Александру Невскому и принял крещение с именем Ивана⁴.

Выходцами «из Прус», но иного происхождения, считались и некоторые другие боярские семьи, в частности Салтыковы, Кутузовы, угасший род Шеиных, считавшие своим прародителем другого выходца из прусских земель — Михаила (Мишу) Прушанина. От «мужа честна Льва», по преданию, также выехавшего из Пруссии к великому князю Ивану Дмитриевичу, возводили свою родословную Беклемишевы; были и другие дворянские роды, сохранившие аналогичные легенды о выезде.

Первым из потомков Андрея Кобылы герб был составлен для Бориса Петровича Шереметева; произошло это около 1695 г. Основой для него послужил городской герб Данцига (Гданьска): два «кавалерских» креста в столб, то есть один над другим, и над ними золотая королевская корона. По всей вероятности, эта эмблема (усвоенная к концу XVIII в. по примеру Шереметевых большинством других дворянских семей, перечисленных выше)⁵ была выбрана довольно случайно, по «территориальному принципу», и не отражала реальной геральдической традиции.

Вплоть до середины XIX в. династия Романовых и наследовавшие престол в 1761 г. их потомки по женской линии (ветвь германской династии Гольштейн-Готторпов, происходившая от цесаревны Анны Петровны и ее сына Петра III) не испытывали необходимости в отдельной родовой эмблеме. Тем не менее в середине XIX в., в царствование императора Александра II, в ходе реформы российской государственной и территориальной геральдики, осуществленной под руководством барона Б. Кёне (управляющего Гербовым отделением Департамента герольдии), был поставлен и вопрос о разработке родового герба Романовых. Для его составления были использованы описания прапора, малого знамени последнего представителя нецарствующей ветви рода, боярина Никиты Ивановича Романова (двоюродного брата царя Алексея Михайловича, скончавшегося в 1654 г.). Само это знамя, хранившееся в Оружейной палате, было давно утрачено, но сохранилось его описание: *«Прапор середина тафта белая, вишит гриф*

⁴ Барсуков А. П. Род Шереметевых. СПб., 1881. Т. 1; Бодэ-Кольчев М. Л., бар. Боярский род Кольчевых. М., 1886; Гребельский П. Х. Дом Романовых и Россия / Под ред. С. В. Думина. Лос-Анжелес, 2001. С. 9–12 и др.

⁵ Тройницкий С. Н. Гербы потомства Гланды Камбилы // Гербовед. 1913. Январь.

тафта желтая, с мечом, в левой лапе держит клеймо, повыше клейма писан орлик черный, опушка вишита в червчатую тафту, тафта желтая. Откоски обьярь черная, писаны главы львовы золотом и серебром, опушка тафта разных цветов»⁶.

Барон Кёне предложил свою интерпретацию этого рисунка, составив на его основании геральдическую композицию, которая и удостоилась 8 декабря 1856 г. высочайшего утверждения в качестве родового герба Романовых. При этом грифон, согласно правилам европейской геральдики, не мог изображаться на серебряном поле золотым, поэтому он стал червленым, т.е. красным:

«В серебряном поле червленый гриф, держащий золотые меч и тарч (щиток — С.Д.), увенчанный малым орлом; на черной кайме восемь оторванных львиных голов; четыре золотые и четыре серебряные»⁷.

Насколько точно Кёне сумел воспроизвести реальную композицию на прапоре Никиты Ивановича? По этому поводу высказывались резонные сомнения. Наиболее четко и подробно их сформулировал Р. Паласиос-Фернандес. «Во-первых, «повыше клейма» означает — не сидит на щите, а находится в левом верхнем углу, то есть в крыже. Во-вторых, понятие «клеймо» подразумевает не круглый щит, а то, что в этом месте находится некий текст, указывающий на личность владельца, или христианская цитата. Скорее всего первое, так как в противном случае непонятно, почему именно этот прапор ассоциирован с царским кузеном. В клеймах, окруженных картушем, изображали также и святых, однако в этом случае в описании прапора было бы точно указано, что за религиозный сюжет там воспроизведен. И третье: «...писаны главы львовы золотом и серебром» — означает не их бесконечную череду, а, как было тогда принято, в каждом откосе по одной. И не по-западно-европейски — в профиль, а по-русски — анфас, чему сохранились аналогии. Кстати, там они выглядели явно не отрубленными. К тому же писали «главы львовы» не одну серебром, а другую золотом, а просто и тем и другим каждую»⁸. Предложенная тут реконструкция знамени очень убедительна.

Возвращаясь к композиции, предложенной Кёне, мы видим, что основной эмблемой Романовых тут признается гриф, грифон, довольно популярный геральдический символ. Анализируя причины появления грифона

⁶ Таубе М.А., бар. К истории герба дома Романовых // Гербовед. 1913. Июль.

⁷ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗР). Т. 32. 18547. № 31720.

⁸ Паласиос-Фернандес Р. О гербе Романовых // Гербовед. 1997. № 23. С. 148—155 и вклейка 16 (авторские реконструкции знамен боярина Н.И. Романова).

в романовской геральдике, исследователи обнаружили, что этот фантастический зверь был изображен еще на подписном ковше боярина Федора Никитича Романова, изготовленном между 1586 и 1599/1600 гг. (когда отец будущего царя был насильно пострижен в монахи и сослан); под носком этого ковша гравирован гриф, а под ручкой — лев. Изображение грифона известно на ряде памятников дворцового обихода в царствование Михаила Федоровича и Алексея Михайловича, на двойном серебряном троне царей Ивана и Петра Алексеевичей⁹.

Пытаясь выяснить причины появления в семье Романовых этой эмблемы, известный геральдист барон М.А. Таубе предположил, что ее избрал и использовал еще дед царя Михаила — боярин Никита Романович Захарьин-Юрьев, воевода Ивана Грозного, прославившийся в Ливонской войне. Грифон с мечом чеканился в 1572—1573 гг. для польского гарнизона на монетах города Пернова (совр. Пярну). Этот город был в 1575 г. взят боярином Никитой Романовичем Захарьиным-Юрьевым, и там он после этого некоторое время сидел воеводой. Грифон этот был гербом Ливонии (по-польски «Инфлянт»), незадолго до этого, в 1566 г., пожалованным этой провинции польским королем Сигизмундом Августом и фактически повторял личный герб гетмана Ходкевича, управлявшего этой территорией. По мнению барона Таубе, грифон, первоначально личная эмблема боярина Никиты Романовича, не был забыт и его потомками, хотя использовался ими лишь эпизодически¹⁰. Эта изящная гипотеза была принята большинством исследователей, не оспаривает ее и Р. Паласиос-Фернандес, но, строго говоря, сколько-нибудь четких ее доказательств не существует. Использование молодой русской геральдикой традиционных и распространенных образов, заимствованных из геральдики западноевропейской, могло иметь и более простые причины¹¹.

⁹ *Тройницкий С.Н.* Герб дома Романовых на предметах, хранящихся в московской Оружейной палате // *Гербовед*. Февраль. СПб., 1913. Правда, в оформлении трона Ивана и Петра Алексеевичей используются и изображения нескольких других животных и птиц, а грифон и лев занимают на этом памятнике довольно скромное место, располагаясь по обе стороны от московского всадника, поражающего змия, выступая как бы его щитодержателями; венчают трон три двуглавых орла (см.: *Солнцев Ф.Г.* Древности Российского государства. Отд. II. Древний чин царский, царская утварь и одежды. М., 1851).

¹⁰ *Таубе М.А., бар.* К истории герба дома Романовых // *Гербовед*. 1913. Июль

¹¹ Как подчеркивает Р. Паласиос-Фернандес, «встречающиеся на предметах царского обихода изображения грифонов и львов с другими мифологическими персонажами имеют другую, государственную направленность, а подчас и просто декоративную. Так, например, мы встречаем применявшиеся в Византийской империи гербы четырех больших префектур (орел — для Италии, гриф — для Галлии, единорог — для Азии и лев — для Иллирии) на многих вещах московских царей: на саадаке большого

Более важно другое: действительно ли именно гриф был главной эмблемой боярина Никиты Ивановича и его ближайших потомков? И тут снова отметим заслугу Р. Паласиоса-Фернандеса, который обратил внимание на черного одноглавого орла, изображенного на том же прапоре в крыже, то есть у верхней части древка. Именно такой орел был гербом Пруссии.

Ту же эмблему — черного прусского орла — использовал в своих гербах упоминавшийся выше боярский клан, происходивший от Михаила Прушанина (Салтыковы и Кутузовы). Позже черный орел появляется и в некоторых гербах других дворянских фамилий, чьи предки считались выходцами из Пруссии. Известный русский геральдист А.Б. Лакиер прямо называет черного орла в гербах русских родов признаком их прусского происхождения (или, во всяком случае, притязаний на такое происхождение)¹². По всей вероятности, первым из них к прусскому гербу обратилось в XVII в. потомство боярина Михаила Глебовича Салтыкова, чьи сыновья и внуки служили Сигизмунду III и после Смутного времени остались на польской службе, сохранив свои вотчины под Дорогобужем. При этом Салтыковы-Солтыки использовали один из вариантов прусского герба, а именно герб западной, «Королевской Пруссии», принадлежавшей в то время Польше. Его характерное отличие — рука с мечом, помещенная на шее орла¹³.

Как напоминает Р. Паласиос-Фернандес, в описи Оружейной палаты 1687 г. существует еще и описание большого знамени того же боярина Никиты Ивановича: *«...вверху из облака простираются три руки; одна с крестом, другая с венцом, третья с мечом, посредине орел тафта черная, на нем клеймо из тафты красной, с надписью золотом: боярин Никита Иванович Романов; кайма обьярь черная с нашивками из тафты разных цветов, кругом шелковая разноцветная бахрома»*.

наряда Михаила Федоровича 1628 г. вместе с двуглавым государственным орлом и московским гербом («человек на коне, копьем колющий змея»), на нарезной пищали и т.д. Москва, провозгласившая себя «Третьим Римом», вполне осознанно использовала со времен Ивана III византийскую символику, к XVII в., возможно, забыв, откуда взялись эти мифологические персонажи и что они первоначально определяли. Часть их в большей степени полюбилась отдельным московским государям, например Ивану Грозному — единорог. Однако к родовой символике вступивших в 1613 г. на московский престол Романовых они вряд ли имели отношение».

¹² Там же. С. 301—308. См. также: Кулаков В.И. Геральдика пруссов и генеалогические корни родов, возводимых в России к выходцам «из прус» // Генеалогия. Источники. Проблемы. Методы исследования. М., 1989.

¹³ В Речи Посполитой, став Солтыками, они использовали собственный герб (название которого — *Soltyk* — происходит от их фамилии), причем увенчанный княжеской митрой. См.: *Niesiecki K. Herbarz Polski*. Lipsk, 1841. T. VIII. S. 458–464.

Можно согласиться с Р. Паласиосом-Фернандесем, что *«отсутствие указания на цвет самого полотнища, а также обильная живопись указывают на его, скорее всего, белый цвет»*. Пытаясь объяснить эти эмблемы, указанный автор считает, что рука с мечом могла быть взята из герба Солтык и герба Западной Пруссии, венец во второй руке может символизировать корону, венчающую орла, причем рука с короной имеется с XIV в. в гербе города Кнайпхоф — одном из трех составных элементов городского герба Кенигсберга, а выходящая из облака рука с крестом — это герб того самого лифляндского города Пернова (Пернау). Но это истолкование не может считаться окончательно доказанным. Ведь эмблемы, здесь использованные, достаточно традиционны, и возможно их другое объяснение: руки держат меч как воинский символ, крест как символ православной веры и корону как знак служения государю. Тем не менее, бесспорно, на этом знамени черный (пруссский) орел занимает главное место. Кроме того, как отмечает Р. Паласиос-Фернандес, в описи имущества Н.И. Романова, после его смерти в 1654 г. поступившего в казну его кузена, царя Алексея Михайловича, упоминаются *«запона золота орлик с искорки алмазным»* и *«образцы пластанными орлами низаны жемчугом велик четыре гнезда»*. Но самое главное, там описана личная печать боярина Никиты Ивановича: *«Перстень золот томпаз резана печать орел с коруною»*¹⁴. А именно изображения на печатях воспринимались не только как личные, но и как родовые символы и довольно часто превращались впоследствии в родовые гербы. С точки зрения польско-литовской геральдики (в XVII в. оказавшей на молодую русскую родовую геральдику большое влияние) на печати воеводы изображен был именно его герб.

Таким образом, Никита Иванович Романов, как и другие потомки родов, считавшихся выезжими из Пруссии, в поисках собственной геральдической эмблемы обратился к прусской территориальной геральдике. Но можно ли вслед за Р. Паласиосом-Фернандесом признать, что *«Романовы в XVII в. пользовались изображением черного орла на белом поле как родовой эмблемой, а золотые грифон с мечом и лев занимали в их символике второстепенное значение, более соответствовавшее уровню щитодержателей»*? Кажется, что этот вывод не совсем точен. Во-первых, строго говоря, этот орел являлся личным символом боярина Н.И. Романова, и нет никаких данных о том, что он был унаследован им от предков; не был он и унаследован родственниками, царствующей ветвью Романовых. Само по себе использование черного одноглавого орла последним представителем не-

¹⁴ Барсов Е.В. Роспись всяким вещам, деньгам и запасам, что остались по смерти большого боярина Н.И. Романова // ЧОИДР. 1887. Кн. 3. Отд. 1.

царствующей ветви Романовых не означает, что эта эмблема могла осознаваться в качестве общей родовой. Как уже говорилось, для государей новой династии двуглавый орел, унаследованный от предшественников, являлся и их родовым символом. Во-вторых, считать помещенных на том же знамени грифона и львов «щитодержателями» у нас нет оснований; львиные головы (а не львы), разумеется, щитодержателями не являлись; это был дополнительный элемент композиции (как, собственно, и обозначил его Кёне). Грифон на прапоре не случайно описан первым; он, очевидно, воспринимался, хотя бы в силу своего размера, как главный элемент знаменной символики. А присутствие его изображений на предметах романовского быта еще до вступления Романовых на престол показывает, что использование его в данном случае могло опираться на эту живую традицию.

Впрочем, выбор бароном Кёне именно грифона, а не черного орла, мог иметь и некоторые другие причины. Представляется, что для российской императорской фамилии в тот момент использовать фактически прусский королевский герб в качестве своего родового было неприемлемо. Кроме того, одноглавый орел мог вызывать и другие ненужные ассоциации — и с Царством Польским, и с наполеоновской империей. Вероятно, столь же неприемлемо было бы включение в императорский герб эмблем, уже используемых многочисленными дворянскими родами, возводившими родословную к общему с Романовыми родоначальнику. Да и само разительное сходство этих дворянских и графских гербов с городским гербом Данцига (принадлежавшего тогда Пруссии) исключало использование их символики правящей русской династией. Грифон же, в немецкой династической геральдике используемый Мекленбургским герцогским домом, семьей славянского происхождения, воспринимался более нейтрально.

Итак, с утверждением родового символа стало возможным его использование и в более сложных геральдических композициях, в частности, в сочетании с родовым гербом Гольштейн-Готторпского дома. Так был создан и высочайше утвержден императором Александром II 8 декабря 1856 г. «Собственный Его Императорского Величества герб», геральдический символ, принадлежащий главе Дома Романовых. В XIX — начале XX в. являясь одним из второстепенных элементов романовской династической геральдики, с конца XX в. именно он используется Канцелярией, Герольдией и некоторыми другими учреждениями Российского императорского дома. Приводим описание эмблемы Канцелярии ее императорского высочества великой княгини Марии Владимировны.

«Черный двуглавый орел, коронованный двумя императорскими коронами, над которыми третья такая же, но увеличенная корона с двумя

развевающимися концами лазуревой (андреевской) ленты; орел этот держит золотые скипетр и державу.

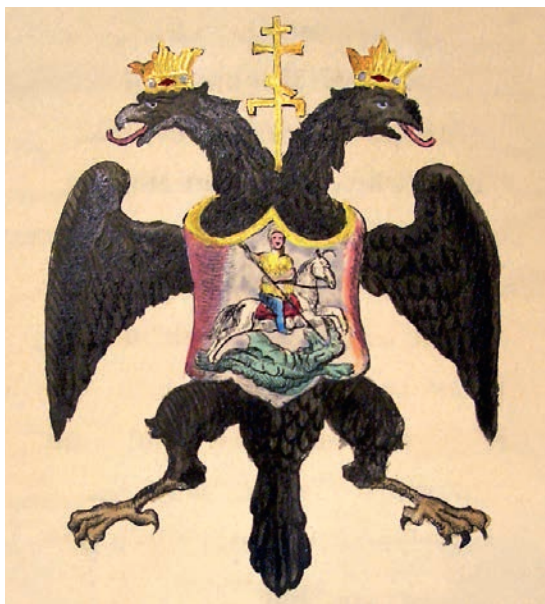
На груди орла помещен рассеченный щит с соединенными гербами Романовых и Голиштейн-Готторпов. Вправо — герб рода Романовых: в серебряном поле червлёный (красный) гриф, держащий золотые меч и тарч (круглый щит), увенчанный малым орлом; на черной кайме восемь оторванных львиных голов: четыре золотые и четыре серебряные. Влево — герб Шлезвиг-Голиштейн-Готторпский: щит четверочастный с особою внизу оконечностью и малым на середине щитом; в первой, червлёной (красной), части — герб Норвежский: золотой коронованный лев с серебряною алебардою; во второй, золотой, части — герб Шлезвигский: два лазуревых (синих) леопардных льва; в третьей, червлёной (красной), части — герб Голиштинский: пересеченный малый щит, серебряный и червлёный (красный); вокруг оного серебряный, разрезанный на три части, лист крапивы и три серебряных звёзды с концами к углам щита; в четвертой, червлёной (красной), части — герб Стормарский: серебряный лебедь с черными лапами и золотою на шее короною; в червлёной (красной) оконечности — герб Дитмарсенский: золотой, с поднятым мечом, всадник на серебряном коне, накрытом черною тканью, средний малый щит также рассеченный, в правой половине герб Ольденбургский: на золотом поле два червлёных пояса; в левой — герб Дельменгорстский: в лазуревом (синем) поле золотой, с острым внизу концом, крест. Сей малый щит увенчан великогерцогскою короною, а главный — королевскою. Вокруг щита цепь императорского ордена святого апостола Андрея Первозванного».

В системе династической романовской геральдики, сложившейся в середине XIX в., отразилась структура императорской фамилии, иерархия, существовавшая внутри нее, в зависимости от степени родства тех или иных представителей Дома с царствующим и царствовавшими императорами. Кроме того, усложнение государственной геральдики, появление в 1856–1857 гг. большого, среднего и малого гербов Российской империи (окончательно утвержденных вместе с рисунками большой, средней и малой государственных печатей, образцами печатей присутственных мест и др. 11 апреля 1857 г.)¹⁵ вдохновило официальных геральдистов и на создание нескольких вариантов личных гербов представителей династии, в зависимости от близости их родства с тем императором, от которого они

¹⁵ Позже, в 1882, 1883, 1891 и 1895 гг. были утверждены новые рисунки большого, среднего и малого гербов империи. Подробнее см., например: Вилинбахов Г. В. Государственный герб России. 500 лет. СПб., 1997. С. 47–51; Лебедев В. Державный орел России; и др.

Герб рода Романовых.
1856 г.

Орёл времени царствования Михаила Фёдоровича.

Орёл времени царствования Алексея Михайловича.

Орёл времени царствования Фёдора Алексеевича.

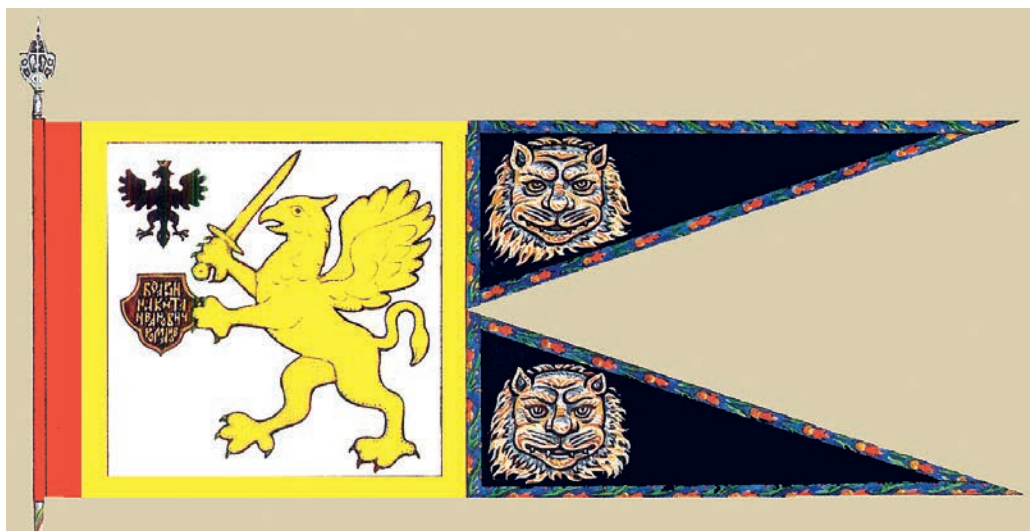
Герб графов Шереметевых.

Герб дворян — потомков Андрея Ивановича Кобылы.

Герб Солтык.
Рис. в гербовнике К. Несеужского.

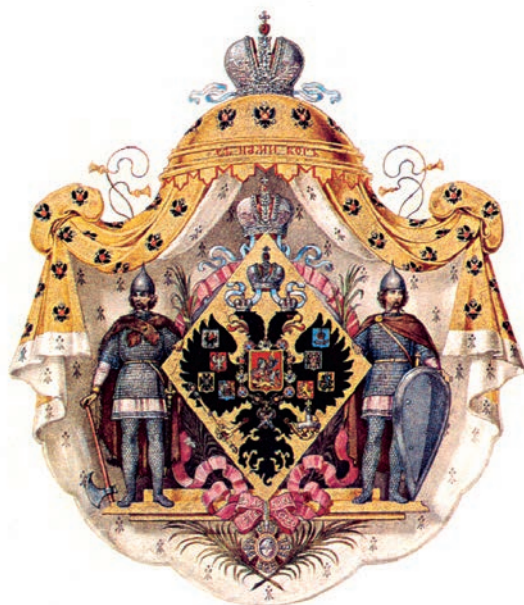
Прапор боярина Никиты Ивановича Романова.
Реконструкция Р. Паласиоса-Фернандеса.

Большое знамя боярина Никиты Ивановича Романова.
Реконструкция Р. Паласиоса-Фернандеса.

Большой герб его императорского высочества государя наследника цесаревича
Алексея Николаевича.

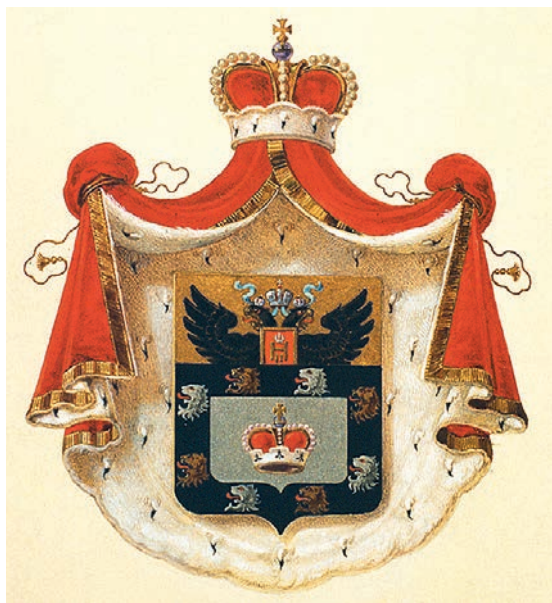
Большой герб её императорского высочества
государыни великой княгини Ольги Александровны.

Большой герб её императорского высочества
государыни великой княгини Леониды Георгиевны.

Большой герб князей Романовских герцогов Лейхтенбергских.

Герб князей Палей.

происходят по прямой линии, а также в зависимости от титула и места в порядке престолонаследия.

В соответствии с Законом о престолонаследии, утвержденным Павлом I при коронации в Москве 5 апреля 1797 г.¹⁶, члены императорского дома составляют особый класс, преимущества которого обусловлены тем, что его члены, при известных обстоятельствах, могут быть призваны к наследованию престола или связаны браком с лицами, имеющими или могущими иметь право на престол. Их права и обязанности регулируются Учреждением императорской фамилии, также утвержденным Павлом I 5 апреля 1797 г. (действует в редакции, утвержденной 2 июля 1886 г. Александром III)¹⁷.

Императорскую фамилию составляют:

— **император и императрица** (жена царствующего императора и вдовствующая императрица-мать, или правящая императрица, если наследование престола переходит в женскую линию; но супруг царствующей императрицы права на императорский титул не имеет); по закону императорский титул принадлежит главе императорского дома и его супруге с момента смерти предшественника¹⁸ (в эмиграции, по протокольным или иным соображениям, глава дома может не употреблять этот титул в своих актах);

— **наследник цесаревич** — обычно старший сын царствующего императора, или (если в данный момент он не имеет сына) его брат. Но тот же титул может принадлежать и более дальнему родственнику государя, занявшему в престолонаследии первое место. При Павле I титул цесаревича «в воздаяние и вящее отличие особенных подвигов» мог быть по воле государя присвоен и другим членам императорской фамилии; в 1799 г. его получил и второй сын Павла, великий князь Константин, сохранявший его до самой смерти. С этого момента, согласно «Учреждению об императорской фамилии», этот титул *«принадлежит единому, объявленному всенародно наследнику престола»*¹⁹.

При Николае II до рождения у него сына Алексея наследниками престола являлись его младшие братья. Титул цесаревича носил брат

¹⁶ Свод законов Российской империи (далее СЗРИ). Т. 1. Ч. 1 «Свод основных государственных законов». Гл. 2 «О порядке наследия престола». СПб., 1906. Ст. 25–38.

¹⁷ Там же. Ч. 2 «Учреждение об императорской фамилии». Гл. 1–6.

¹⁸ Согласно ст. 53 гл. 4 «Основных законов» («О вступлении на престол и о присяге подданства»), *«по кончине императора наследник его вступает на престол силою самого закона о престолонаследии, присвояющего ему сие право. Вступление на престол императора считается со дня кончины его предшественника»* (СЗРИ. Т. 1. Ч. 1 «Свод основных государственных законов»).

¹⁹ СЗРИ. Т. 1. Ч. 2. Гл. 3. Ст. 145.

императора великий князь Георгий Александрович (до 1899 г.); после его смерти наследником престола в 1899–1904 гг. был их младший брат Михаил, но титул цесаревича ему дарован не был. Супруга цесаревича именуется **цесаревной**²⁰;

— великие князья, великие княжны, великие княгини — по первоначальной, утвержденной Павлом I, а затем и Николаем I редакции «Учреждения об императорской фамилии», титул великих князей и княжон носили сыновья, внуки, правнуки и праправнуки, дочери, внучки, правнучки и праправнучки по прямой мужской линии.

Женам великих князей и великим княжнам после вступления в брак принадлежит титул великих княгинь (только супруги иностранных королей и при русском дворе титуловались королевами)²¹.

По именному указу Александра III 24 января 1885 г., отраженному в «Учреждении» 1886 г., великокняжеский титул был сохранен только для сыновей, дочерей, внуков и внучек императоров. Тот же титул носит и наследник цесаревич (причем уже независимо от степени своего родства с императором);

— **князья, княжны императорской крови** (лица дальнего родства): в 1797–1885 гг. этот титул предназначался для прапраправнуков императора и их потомков по мужской линии. С 1885 г. эти титулы носили правнуки и правнучки императоров по прямой мужской линии и их более отдаленные прямые потомки. **Княгинями** титулуются супруги князей крови и княжны крови, вступившие в соответствующие браки²².

В 1911 г. по повелению Николая II совещание великих князей обсуждало и вопрос о возможности расширения числа лиц, имеющих право на великокняжеский титул. У Николая II был лишь один малолетний сын, брат царя великий князь Михаил заключил морганатический брак, и довольно скоро число великих князей должно было резко уменьшиться. Поэтому было предложено даровать право на этот титул старшему из прямых мужских потомков каждого из великих князей. Этот вопрос обсуждался довольно горячо, так как прямо затрагивал судьбу детей и потомства присутствовавших. Подавляющее большинство высказалось в поддержку этого предложения (лишь неженатый Дмитрий Константинович считал его несвоевременным, говоря, что пока великих князей и так достаточно, а станет их мало — государь сам решит, кому стоит

²⁰ Там же.

²¹ Придворный календарь на 1917 г. СПб., 1917.

²² СЗРИ. Т. 1. Ч. 2. Гл. 3. Ст. 146–153.

дать этот титул, да к тому же, когда великих князей было мало, и считались с ними больше, чем теперь). Эти предложения были представлены на рассмотрение государя, но в тот момент решение по этому вопросу не было принято²³.

В эмиграции дети великого князя Кирилла Владимировича, Мария, Кира и Владимир Кирилловичи, от рождения носившие титулы княжон и князя императорской крови, в соответствии с манифестом отца, 31 августа 1924 г. принявшего императорский титул²⁴, получили, соответственно, титулы великих княжон и великого князя наследника цесаревича. Это стало естественным результатом перехода в данную линию династического старшинства и провозглашения их отца императором (как прямо отмечено в «Учреждении об императорской фамилии», *«родившаяся от старшего лица старшего поколения признается дочерью императора»*)²⁵. Кроме того, в эмиграции 15 мая 1939 г. титул великого князя был пожалован князю крови Гавриилу Константиновичу²⁶.

К императорской фамилии принадлежали также князья Романовские, герцоги Лейхтенбергские, потомки великой княжны Марии Николаевны, дочери Николая I, в 1839 г. вышедшей замуж за герцога Максимилиана Лейхтенбергского, сына бывшего вице-короля Италии Евгения Богарне (пасынка Наполеона, женатого на баварской принцессе, после падения наполеоновской империи получившего от тестя-короля герцогский титул)²⁷.

Император, императрица, наследник и его супруга, великие князья и княгини обладают правом на титул государя, государыни (например, государь император, государь великий князь). Первые двое имеют, кроме того, право на общий титул «ваше императорское величество», наследник и великие князья, княжны и княгини — «ваше императорское высочество». Князья императорской крови — правнуки императора, а в роде каждого правнука старший сын и его старшие в этой линии прямые мужские потомки титулуются «ваше высочество»; младшие же сыновья

²³ Думин С.В. Советание великих князей 1911 года (неравные браки в Российском императорском доме) // Дворянский вестник. 1998. № 3 (46). С. 4–5.

²⁴ Думин С.В. Романовы. Императорский дом в изгнании. Семейная хроника. М., 1998. С. 122–124; Думин С.В. Император Кирилл I Владимирович // Гребельский П.Х. Дом Романовых и Россия / Под ред. С. В. Думина. Лос-Анджелес, 2001. С. 135–141.

²⁵ СЗРИ. Т. 1. Ч. 2. Гл. 1 «О степенях родства в доме императорском». Ст. 133.

²⁶ Гавриил Константинович, вел. кн. В Мраморном дворце. СПб., 1993. С. 7–8; Гребельский П.Х. Дом Романовых и Россия. С. 219–220.

²⁷ Подробнее об этой семье см.: Гребельский П.Х. Династические связи России и Европы. Лос-Анджелес, 2003. С. 109–114.

и дочери правнуков императора и их потомки по мужской линии с 1886 г. имеют право только на обращение «ваша светлость».

Права члена императорского дома приобретаются только путем законного брака с членом императорской фамилии и происхождением от этого брака, причем для законности брака требуется соблюдение не только общегражданских, но и ряда дополнительных условий:

— согласия на этот брак императора (главы императорского дома)²⁸;

— соответственное по происхождению достоинство лиц, вступающих в брак, то есть происхождение из царствующей или ранее царствовавшей фамилии²⁹.

В настоящее время Российский императорский дом составляют только:
ее императорское высочество государыня великая княгиня Мария Владимировна — глава Дома (род. 23 декабря 1953 г.);

его императорское высочество наследник цесаревич государь великий князь Георгий Михайлович (род. 13 марта 1981 г.) — наследник главы Дома.

Члены императорского дома имеют право использовать государственный герб Российской империи с некоторыми различиями, соответствующими степени их родства с тем императором, от которого они происходят по прямой линии³⁰.

Гербы членов императорской фамилии, разработанные и высочайше утвержденные в 1856 г.³¹, различаются в зависимости от их титула; они могут существовать в нескольких вариантах, в качестве больших и малых гербов. Большие гербы сходны со средним государственным

²⁸ СЗРИ. Т. 1 «Свод основных государственных законов». Ч. 2 «Учреждение об императорской фамилии». Гл. 5 «О гражданских правах членов императорского дома». Ст. 183 («брак, без согласия сего совершенный, законным не признается»).

²⁹ Там же. Ст. 188 («Лице императорской фамилии, вступившее в брачный союз с лицом, не имеющим соответственного достоинства, то есть не принадлежащим ни к какому царствующему или владетельному дому, не может сообщать ни оному, ни потомству, от брака сего произойти могущему, прав, принадлежащих членам императорской фамилии»).

³⁰ Там же. Гл. 3 «О титулах, гербах и прочих внешних преимуществах». Ст. 154–156 и приложение II «Подробное описание гербов членов Российского императорского дома». Попытку систематизации этих памятников предпринял в 1993 г. В. А. Дуров (Личные гербы членов императорской фамилии // Гербовед. № 4. С. 10–14).

³¹ Автором этих рисунков стал талантливый русский художник-геральдист А. А. Фадеев, сотрудник Гербового отделения Департамента герольдии Правительствующего Сената. Впоследствии создавались и новые гербы, в частности, для императриц, великих княгинь-супруг; кроме того, в связи с изменениями государственного герба соответственно изменялись и гербы императора, цесаревича. Рождение у Николая II дочерей, а в 1904 г. и наследника, цесаревича Алексея, было отмечено и утверждением их личных гербов, со всеми положенными по рангу атрибутами.

гербом, и главным элементом служат щитодержатели. Вся геральдическая композиция размещается на золотой, с горностаевым подбоем, сени или (у младших представителей династии, о чем ниже) на золотой мантии.

Для гербов членов императорского дома были установлены шесть форм щита: византийский (круглый), варяжский (треугольный), французский (прямоугольный с острием внизу, нижние углы закруглены), испанский (прямоугольный с закруглением внизу), германский (форма, принятая с XVI столетия, с вырезами справа и слева) и ромбоидальный. Последний *«присваивается исключительно великим княжнам и княжнам крови императорской, а равно и вдовствующим великим княгиням и княгиням крови императорской»*.

Большой герб государя императора — это большой российский государственный герб. Малый, или личный, герб состоит из малого государственного герба, в нашламнике которого возникает государственный орел. Его щитодержатели — архистратиг Михаил и архангел Гавриил.

В родовом гербе государя императора, как уже говорилось, соединены гербы Романовых и Гольштейн-Готторпов.

Большой герб наследника цесаревича — это средний государственный герб, а малый — малый государственный герб, но с «древнею царскою короной», венчающей шлем.

Большой герб младших сыновей императора был тот же, что у наследника, в нем присутствовали щитодержатели — два варяга, а малый герб был подобен гербу цесаревича, но с «романовской» каймой (черной с оторванными львиными головами, как в родовом гербе Романовых), окружающей щит.

У внуков императора большой герб отличался щитодержателями — это уже не варяги, а золотые единороги с червлеными глазами и языками, а малый — возникающим в нашламнике государственным орлом, имевшим на груди лишь московский герб, без титульных гербов.

В большом гербе князей императорской крови щитодержатели — два грифа с золотыми клювами и глазами, в малом гербе — орел в нашламнике черный без гербов на груди и крыльях.

Отдельный герб, также в двух вариантах (большой и малый), был разработан и для князей Романовских, герцогов Лейхтенбергских; в нем их прежний герцогский герб, дополненный некоторыми элементами, изображен на груди российского орла, но не черного, а золотого:

«Большой герб их императорских высочеств, их высочеств и их светлостей князей Романовских есть золотой двоголавый российский орел,

имеющий на груди щит четверочастный с малым в середине щитом. В первой и четвертой частях, серебряных, лазуревый пояс. Во второй части, зеленой, серебряный меч: эфес золотой, верх меча окружен шестью золотыми звездами. В третьей части, на серебряном поле, черный пояс, над ним три черные птицы. В малом щите, на золотом поле, червленьный, увенчанный червlenою ж короною, вензель государя императора Николая I (Н), на щите герцогская корона. Главный щит увенчан шлемом святого великого князя Александра Невского; вокруг цепь ордена святого апостола Андрея Первозванного, намет золотой и черный; щитодержателями два золотых грифа с червленными глазами и языками. Вместо императорской сени золотая мантия, усеянная российскими двоеглавыми орлами, подложенная горностаем; над нею императорская корона»

«Малый герб их императорских высочеств, их высочеств и их светлостей князей Романовских есть тот же, как их большой герб, только без щитодержателей и мантии. Нашлемник есть возникающий двоеглавый Российский орел, имеющий на груди золотой щит с червленьным, под такую же короною, вензелем государя императора Николая I (Н)».

Жены императоров и других членов императорского дома соединяют герб супруга со своим родовым гербом.

«Большой герб великих княгинь и княгинь крови императорской есть тот же, как большой герб их супругов, с тою лишь разницею, что окружающие главный щит гербы помещаются вместе с ним на одном щите и в середине оного, над малым щитом, венец Мономаха. К сему гербу, на том же или другом щите, присоединяется родовой герб великой княгини или княгини крови императорской. Щит или щиты увенчаны малою императорскою короною и украшены знаками ордена святой великомученицы Екатерины. Щитодержатели, императорская сень или, вместо оной, мантия — так же, как в гербе супруга».

«Малый герб великих княгинь и княгинь крови императорской есть тот же, как малый герб их супругов, соединенный с малым гербом рода великой княгини или княгини крови императорской; щит увенчан императорскою короною и украшен знаками ордена святой великомученицы Екатерины».

Итак, гербы великих княжон и княжон крови на щите несут те же изображения, которые присвоены мужским потомкам императора в той же степени родства, в них используются и те же щитодержатели; но, как уже говорилось, используется ромбоидальный щит.

Большой герб дочерей императора, как и у сыновей, представляет собой малый Российский государственный герб, но в щите ромбоидальной

формы, увенчанном императорской короной и украшенном пальмовыми ветвями и знаками ордена святой великомученицы Екатерины. Щитодержатели — два варяга. Герб окружен императорской сенью, увенчанной императорской короной

Малый герб их императорских высочеств, дочерей императора, такой же, что и большой, только без щитодержателей и сени.

Большой герб их императорских высочеств, внушек императора по прямой мужской линии (от императорских сыновей), сходен с гербом дочерей императора и отличается только щитодержателями; как и у великих князей — внуков императора, это золотые единороги с червлеными глазами и языками.

Малый герб их императорских высочеств внушек императора такой же, как и большой, но без щитодержателей и сени и с прибавлением к оному каймы из герба рода Романовых.

Большой герб их высочеств правнучек императора (после 1882 г. носивших титулы княжон крови) сходен с гербом дочерей и внушек и отличается только щитодержателями; это черные единороги, с золотыми рогами и копытами, с червлеными глазами и языками. Их малый герб такой же, как и большой, но без гербов на крыльях орла, без щитодержателей и сени.

Большой герб их светлостей княжон крови, праправнучек императора, сходен с гербом дочерей императора, но без гербов на крыльях орла, и его щитодержатели — золотые грифы с червлеными глазами и языками. Их малый герб тот же, что и большой, но без щитодержателей и сени и с прибавлением к гербу каймы из герба рода Романовых.

Таким образом, в гербах князей и княжон императорской крови не изображается московский герб на груди двуглавого орла и гербы царств и великих княжений на его крыльях, а императорская сень (присвоенная и великокняжескому званию) заменяется золотою, подложенной горностаем и усеянной черными двуглавыми орлами мантией. В этой группе гербов также используется «романовская» кайма, взятая из родового герба 1856 г.³²

³² «Романовская» кайма, как второстепенный элемент династической родовой геральдики, могла использоваться и в гербах морганатического потомства Романовых. Примером может служить герб светлейших князей Палеев, утвержденный Николаем II 26 февраля 1916 г., герб морганатической супруги и детей великого князя Павла Александровича, получивших этот титул вместо ранее полученного немецкого титула графов фон Гогенфельзен после начала Первой мировой войны. См.: Думин С.В. Князья Палей, графы фон Гогенфельзен // Гребельский П.Х. Дом Романовых и Россия / Под ред. С.В. Думина. Лос-Анджелес, 2001. С. 244–246.

Особые варианты герба были разработаны и для еще более отдаленных потомков государей, носивших титул светлости.

Большой герб их светлостей княжон крови, дочерей праправнуков императора и последующих князей крови императорской — двуглавый российский орел без гербов на груди и крыльях, в щите ромбоидальной формы, под императорской короной. Щит украшен пальмовыми ветвями и знаками ордена святой великомученицы Екатерины. Щитодержатели здесь два черных грифа с червленными глазами и языками; вместо императорской сени используется золотая мантия, усеянная черными двуглавыми орлами и подложенная горностаем. Малый их герб такой же, как и большой, только без щитодержателей и мантии.

Большой герб их императорских высочеств, их высочеств и их светлостей княжон Романовских — тот же, что и большой герб их императорских высочеств князей Романовских, с той разницей, что в нем щит ромбоидальной формы, под императорской короной; щит украшен пальмовыми ветвями и знаками ордена святой великомученицы Екатерины. Их малый герб такой же, как и большой, только без щитодержателей и мантии³³.

Порядок использования большого или малого герба строго не регламентировался. Как было установлено в 1856 г. (§ 33), *«от их величеств, их высочеств и их светлостей зависит назначать, в каких местах и на каких предметах следует изображать их большие и малые гербы. На малых вещах могут быть изображаемы большие гербы без императорской сени и без гербов, находящихся вокруг главного щита»*.

Как мы видим, в гербах Романовых присутствовали изображения орденов. В соответствии с «Учреждением императорской фамилии» и статутами российских императорских и царских орденов глава Российского императорского дома является наследственным гроссмейстером ордена Андрея Первозванного и верховным начальником всех российских императорских и царских орденов. Члены Российского императорского дома являются наследственными кавалерами этого ордена святого Андрея и получают его: великие князья — при крещении, князья императорской крови, имеющие титул высочества, — по достижении династического совершеннолетия, а младшие члены династии, имеющие титул светлости, только *«по изволению императорского величества»* (все кавалеры ордена святого апостола Андрея Первозванного призна-

³³ СЗРИ. Т. 1. Ч. 2 «Учреждение об императорской фамилии». Гл. 3 «О титулах, гербах и прочих внешних преимуществах». Ст. 154—156, и приложение II «Подробное описание гербов членов Российского императорского дома».

ются одновременно кавалерами орденов святого Александра Невского, Белого Ора, святой Анны 1-й степени и святого Станислава 1-й степени и получают их знаки, если уже не были ими прежде награждены). Женщины Российского императорского дома имеют наследственное право на женский орден святой великомученицы Екатерины и получают его большой крест: великие княжны — при крещении, княжны императорской крови и имеющие титул высочества — по достижении династического совершеннолетия, а имеющие титул светлости — *«по изволению императорского величества»*. Тот же орден получают, после замужества, и супруги членов императорского дома, в соответствии с рангом своих мужей³⁴. При этом императрица (супруга или вдова государя) пожизненно является орденмейстером (главой) этого ордена. По этой причине в гербы членов императорского дома включаются и изображения, соответственно, двух высших орденов, которыми они награждены, у мужчин — ордена святого Андрея Первозванного, у женщин — святой Екатерины. Оба этих ордена одновременно можно увидеть только в гербах императриц — супруг государей, которым в общем-то «мужской» орден святого Андрея с 1797 г. вручается при коронации. Примером такого сравнительно современного герба может служить большой герб великой княгини Леониды Георгиевны, супруги великого князя Владимира Кирилловича (в 1938–1992 гг. возглавлявшего Российский императорский дом). В этом гербе присутствуют и атрибуты ранга (знаки орденов святого Андрея и святой Екатерины), и родовой герб князей Багратион-Мухранских (составляющих с конца XIX в. старшую ветвь Грузинского царского дома).³⁵

Дополнительными, личными элементами гербов представителей императорского дома могли быть символы, указывающие на их специфические функции в военном управлении, добавленные с разрешения царствующего императора. Так, например, члены императорской семьи, занимавшие пост генерал-адмирала (великий князь Константин Николаевич, затем великий князь Алексей Александрович) добавляли в свои гербы изображения якоря, а к гербу великого князя Михаила Николаевича, генерал-фельдцейхмейстера, присоединялись две пушки. Такие особые знаки отличали их гербы от гербов других членов династии той же степени родства.

³⁴ ПСЗР. Т. 1. Ч. 2 «Учреждение об императорской фамилии». Гл. 3 «О титулах, гербах и прочих внешних преимуществах». Ст. 157–160.

³⁵ Думин С.В. Большой герб ее императорского высочества государыни великой княгини Леониды Георгиевны // Гербовед. 1998. № 3 (29). С. 39–45.

Таким образом, в середине XIX в. сложилась довольно сложная система романовской родовой геральдики, включившая наряду с древними символами Российского государства и родовые эмблемы, принадлежавшие германским предкам императорского дома, и эмблемы, восходившие к семейным романовским раннегеральдическим памятникам.

Ключевые слова:

родовой герб Погоня, Андрей Кобыла, династия Гольштейн-Готторпов, барон Кёне, барон Таубе, Закон о престолонаследии

Stanislav V. Dumin

CRESTS OF THE HOUSE OF ROMANOV

In 1613 Tsar Mikhail I Federovich Romanov inherited the standard (coat of arms) from the Moscow Ryrikovich dynasty-featuring the double-headed eagle, used by all of his successors. But in the 17th century as with many other Russian aristocratic families, the Romanovs in their social life adopted some more heraldic symbols and figures. The earliest evidence known of Romanov family heraldy are the banners stored in the Kremlin armory which belonged to Boyard Nikita Ivanovich Romanov (+1654), the last representative of the non-reigning family branch, a cousin of Tsar Mikhail Federovich. The central figure on the banners was the crowned black single-headed Eagle, similar to the one on the herald of Prussia at that time. Certainly the appearance of the eagle was not only on the banners but also on the personal sigil of Boyard N.I. Romanov. This reflected the legend which stated that his ancestors had come from «Prussian lands». The black crowned eagle was also used by other families who claimed Prussian origin, though Romanov's distant relatives Sheremetiev for the same reason at the end of the 17th century used the herald of Danzig. Besides the eagle, on the small banner of Boyard, a gryphon was depicted. Many researchers consider that this emblem (repeating a Polish coat of arms of Livonia) may have already been used in the second half of the 16th century by Tsar Mikhail Federovich and Boyard N.I. Romanov's grandfather Voivode and Boyard Nikita Romanovich Zakharin-Yuriev in memory of his participation in the Livonian war. The image of the gryphon from N.I. Romanov's banners, two centuries later was approved to be the central element of the Romanov's family coat of arms constructed in 1856, in the course of the state general heraldic reform. But even after creation of the family crest the black two-headed eagle on the golden field remained the main symbol of the Imperial House. It was the eagle which became the heraldic basis of all the crests constructed for Romanov family members in 1856, demonstrating their exceptional position within the state and the society. In that system of the Romanov's dynasty heraldry, analyzed in the article, the small and the large crests of the dynasty members reflect the structure of the House of Romanov, the hierarchy, and relationship between representatives of the family, and the reigning Emperors in the present and in the past, their titles and place in the order of succession.

 Думин Станислав Владимирович

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Государственного исторического музея, президент Российской генеалогической федерации

Д.С. Барташев

ИНОСТРАННЫЕ ДИНАСТИИ В РОССИИ XIX—НАЧАЛА XX вв.:

правовой и социальный статус

В последнее время внимание многих исследователей привлекает как история собственно Российской императорской фамилии, так и её боковых ветвей. В данном случае речь пойдёт о герцогах Лейхтенбергских, русских принцах Ольденбургских и герцогах Мекленбургских. Представители этих трёх фамилий, будучи ближайшими родственниками Романовых, соблюдали традицию служения России на протяжении нескольких поколений, их статус в ряде случаев был юридически оформлен, наконец, они владели движимым и недвижимым имуществом в Российской империи.

Появление этих боковых ветвей императорского дома в России относится к царствованию Николая I. Лейхтенбергские вели своё происхождение из Франции, где в начале XIX века потомок старинного аристократического рода, известного с XIV столетия, Евгений Богарне, возвысился во многом благодаря второму браку своей матери Жозефины с Наполеоном Бонапартом. После падения приёмного отца принц Евгений обосновался во владениях своего тестя, баварского короля, пожаловавшего зятю (в обмен на сумму в 5 миллионов франков, выданных по решению Венского конгресса) титул герцога Лейхтенбергского и ряд привилегий. Младший из сыновей Богарне, герцог Максимилиан Лейх-

тенбергский, сочетавший исключительные внешние данные с увлечением естественными науками, приехал в Россию на манёвры и сумел произвести благоприятное впечатление на могущественного русского царя и его любимую дочь Марию Николаевну. В июле 1839 года состоялась свадьба герцога и великой княжны. В дальнейшем каждый из их семейных детей получал при рождении титул императорского высочества, а после смерти Максимилиана в 1852 году им было присвоено именование князей Романовских. Тогда же в Основные законы Российской империи были внесены пункты, согласно которым всё потомство великой княгини Марии Николаевны от брака с герцогом Лейхтенбергским включалось в состав императорской фамилии. Таким образом, род Богарне, нигде и никогда не царствовав, благодаря дальновидной матримониальной политике французского императора, а затем — прихоти императора российского получил уникальную возможность подняться на одну ступень с древнейшими династиями Европы¹.

Ольденбургский же дом, наоборот, владел обширными территориями с раннего средневековья. Именно от него по прямой мужской линии происходили российские государи, начиная с Петра III. В 1809 году находившийся на русской службе один из ольденбургских принцев, Георг, был предназначен в качестве жениха для красивой и одарённой сестры Александра I — Екатерины Павловны (именно в ней на волне недовольства тильзитским курсом императора многие уже видели будущую Екатерину III). В 1830 году Николай I вызвал из Ольденбурга сына этой четы, принца Петра, и велел зачислить того на действительную военную службу. В дальнейшем император и сменивший его Александр II поручали Петру Георгиевичу самые ответственные административные посты, в частности, тот на протяжении многих лет возглавлял государственные благотворительные учреждения Российской империи (4-е отделение Собственной Е.И.В. канцелярии), а также являлся председателем департамента гражданских и духовных дел Государственного совета. Дети П.Г. Ольденбургского также остались в России и достойно зарекомендовали себя на военном поприще и ниве благотворительности².

Мекленбургский великогерцогский дом интересен прежде всего тем, что он являлся единственной в Западной Европе династией славянского

¹ Е.И.В. князь Николай Максимилианович. Очерк моего детства и юношества // Русская старина. 1890. № 5. С. 476-481: Официальные записки по разным предметам. Б.м., б.г. С. 6-8, 10-12, 17-18: Свод законов Российской империи. Т. 1. СПб., 1906. С. 146 прим., 147 прим., 149 прим.

² Русский биографический словарь. Т. 12. С. 246-257.

происхождения, на протяжении веков, правда, полностью онемечившейся. В 1851 году один из представителей этой фамилии — герцог Георг-Август Мекленбург-Стрелицкий — прибыл в нашу страну, чтобы жениться на племяннице Николая I — великой княжне Екатерине Михайловне. Новоиспечённый генерал русской службы оказался неплохим знатоком артиллерийского дела, чуть позднее ему был доверен пост инспектора стрелковых батальонов. Оба сына герцога и великой княгини также продолжили службу в русской армии³.

На протяжении второй половины XIX и первых лет XX века представители этих трех ветвей входили (наряду с собственно Романовыми) в число так называемых высочайших особ при русском дворе. Впрочем, лишь Романовские (Лейхтенбергские), пусть и самые скромные по происхождению, формально являлись (в отличие от Ольденбургских и Мекленбургских) членами императорской фамилии, хотя именно поэтому они могли быть только православными⁴, в то время как потомки остальных двух домов, оставаясь подданными своих германских государей, пользовались в России свободой вероисповедания.

Можно также добавить, что Евгений Богарне получил от баварских королей ранг королевского высочества, который затем должен был передаваться старшему в роду среди его потомков; остальные же довольствовались титулом светлости⁵. Сын принца Евгения Максимилиан Лейхтенбергский был возведён своим тестем Николаем I в достоинство императорского высочества лично⁶. В дальнейшем каждый из детей Марии Николаевны и герцога наделялся при рождении тем же титулованием, именуясь «Императорского дома Приращением»⁷. Император Александр III законом от 2 июля 1886 года ограничил число лиц, имевших право на титул императорского высочества и связанные с ним прерогативы⁸. Под действие этого акта попали и князья Романовские. Если в отношении Александра Георгиевича, родившегося до принятия данной нормы, было сделано исключение, то уже его единокровные брат с сестрой, Сергей и Елена, могли

³ Красюков Р.Г. Русская ветвь Мекленбург-Стрелицкого дома // Историческая генеалогия. 1994. № 3. С. 37-44.

⁴ Свод законов. Т.1. Ст. 62-64.

⁵ Официальные записки по разным предметам. С. 3-4.

⁶ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собрание 2-е. Т. 14. № 12501, 12642.

⁷ Там же, т. 15. № 13306, т. 16. № 14896, т. 18. № 17053, т. 20. № 18843, т. 22. № 20851, т. 24. № 23713, т. 27. № 25990, 26840.

⁸ ПСЗ. Собр. 3-е. Т.6. № 3851.

Принц Пётр Георгиевич Ольденбургский.
 Портрет работы Жозефа Дезире Кура. 1842 г.

употреблять лишь титул просто высочества⁹. Что же касается тех Лейхтенбергских, кто получил эту фамилию в результате мorganатических браков (Зинаида Дмитриевна и потомство Николая Максимилиановича), то они пользовались титулованием светлости¹⁰.

Принц Георгий Ольденбургский был пожалован званием императорского высочества лично в день своего бракосочетания с Екатериной Павловной¹¹. Однако его потомки имели право только на ранг светлости. Впрочем, уже в 1845 году, по случаю крещения великого князя Александра Александровича (будущего императора Александра III), принц Пётр Георгиевич был награждён возведением вместе с супругой в то же достоинство, что носил его покойный отец¹². Дети принца Петра получили потомственный титул высочества от великого герцога Ольденбургского в 1855 году¹³. Один из них, Александр Петрович, был пожалован императорским высочеством в 1914 году в ознаменование пятидесятилетнего юбилея своей действительной службы¹⁴.

⁹ Свод законов. Т. 1. Ст. 146-147.

¹⁰ Официальные записки по разным предметам. С. 43.

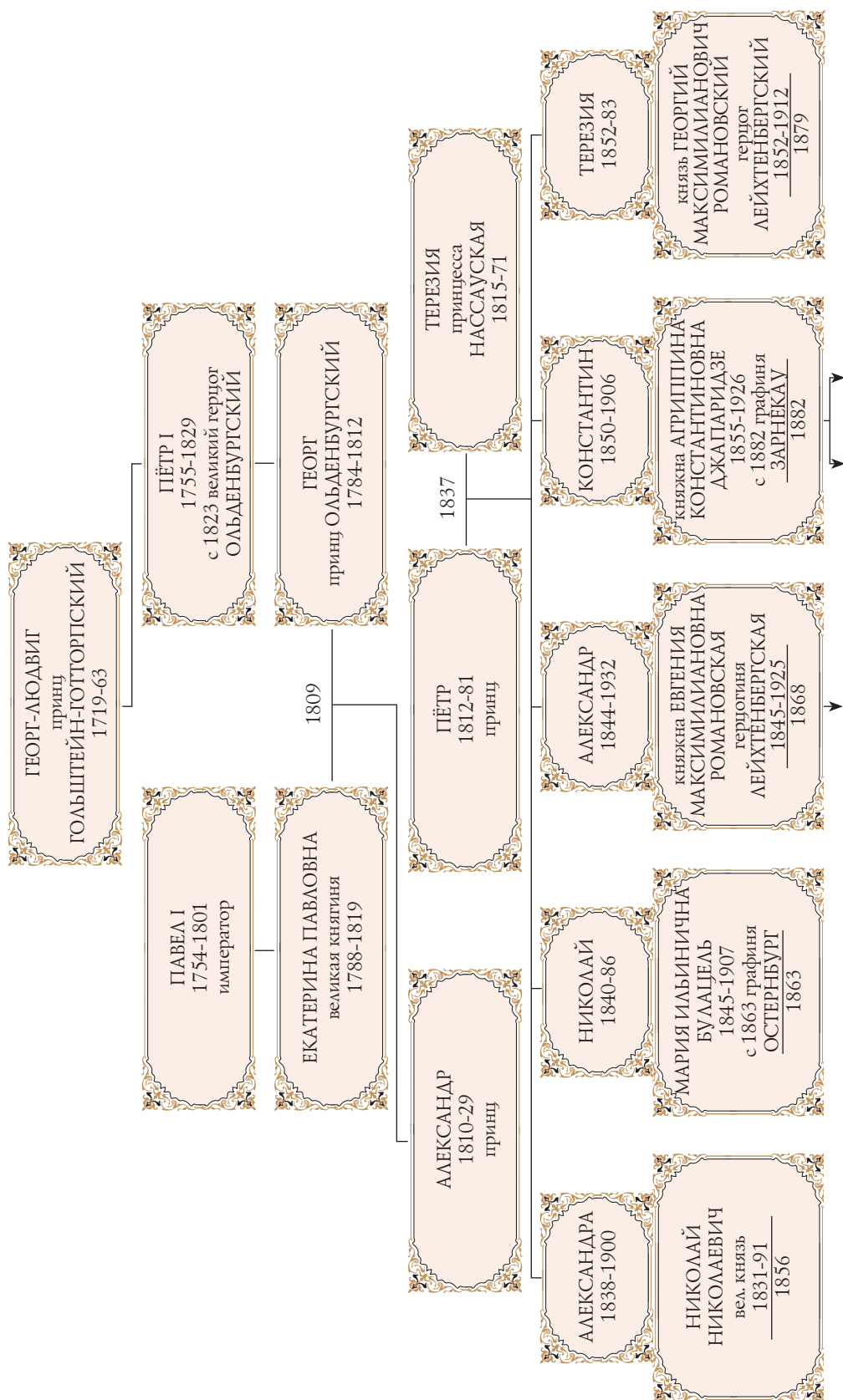
¹¹ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 30. № 23591.

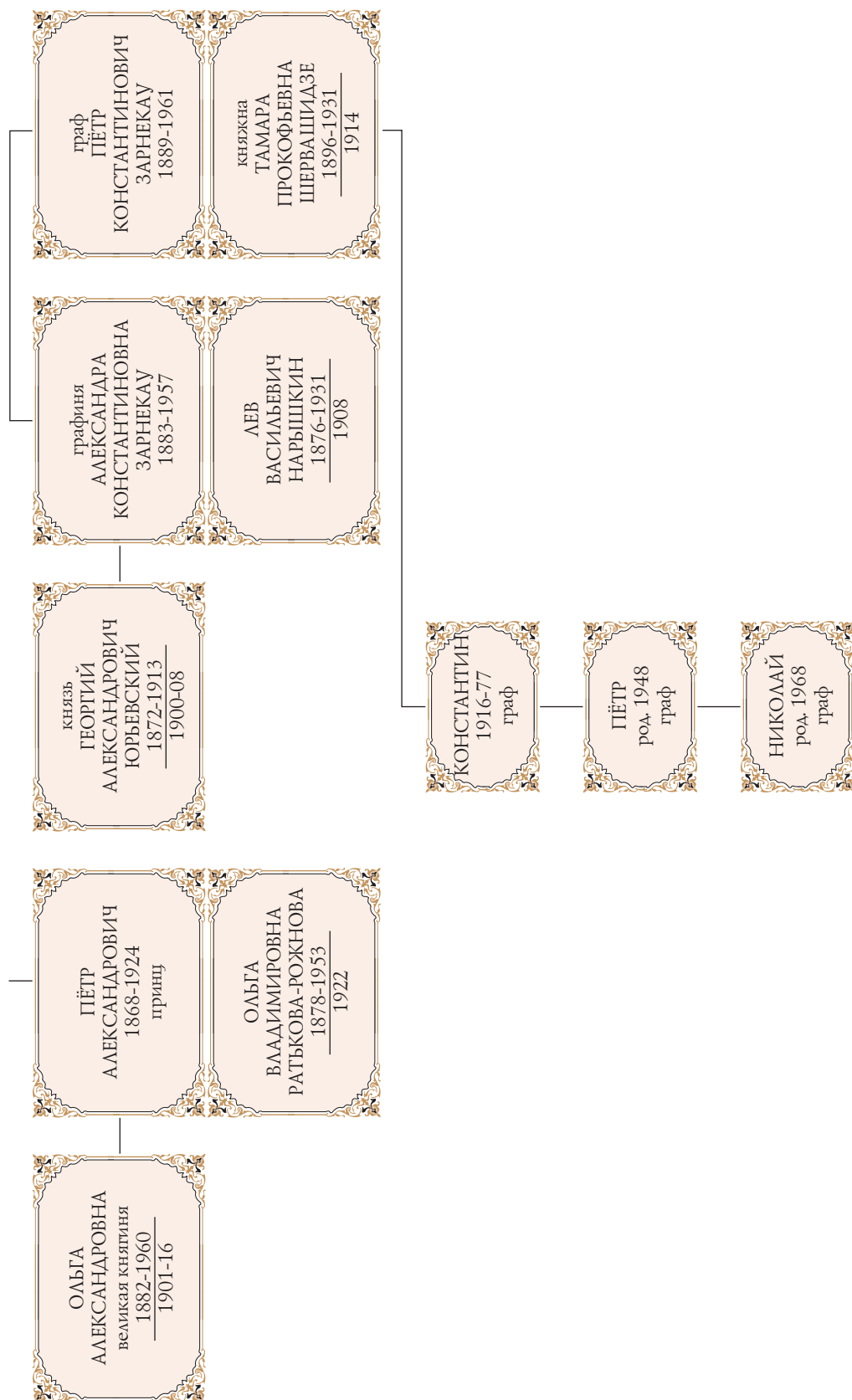
¹² Корф М.А., *гр.* Записки. М., 2003. С. 296.

¹³ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 395. Оп. 47. Д. 1180. Л. 1-1об.

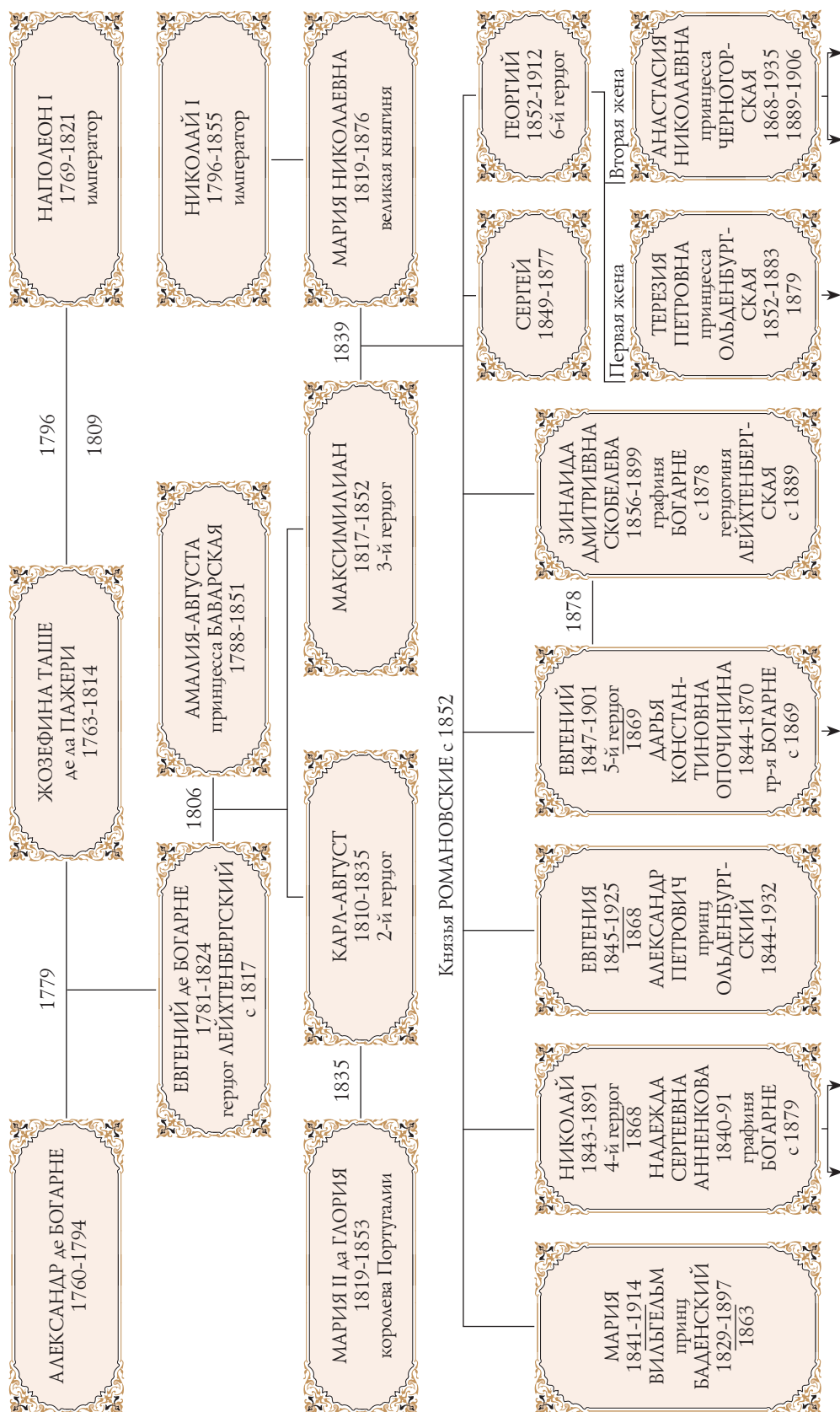
¹⁴ Черных В.А. Третье поколение российской ветви Ольденбургского герцогского дома // <http://www.peoples.ru/family/dynasty/olidenburgskie/>

ПРИНЦЫ ОЛЬДЕНБУРГСКИЕ

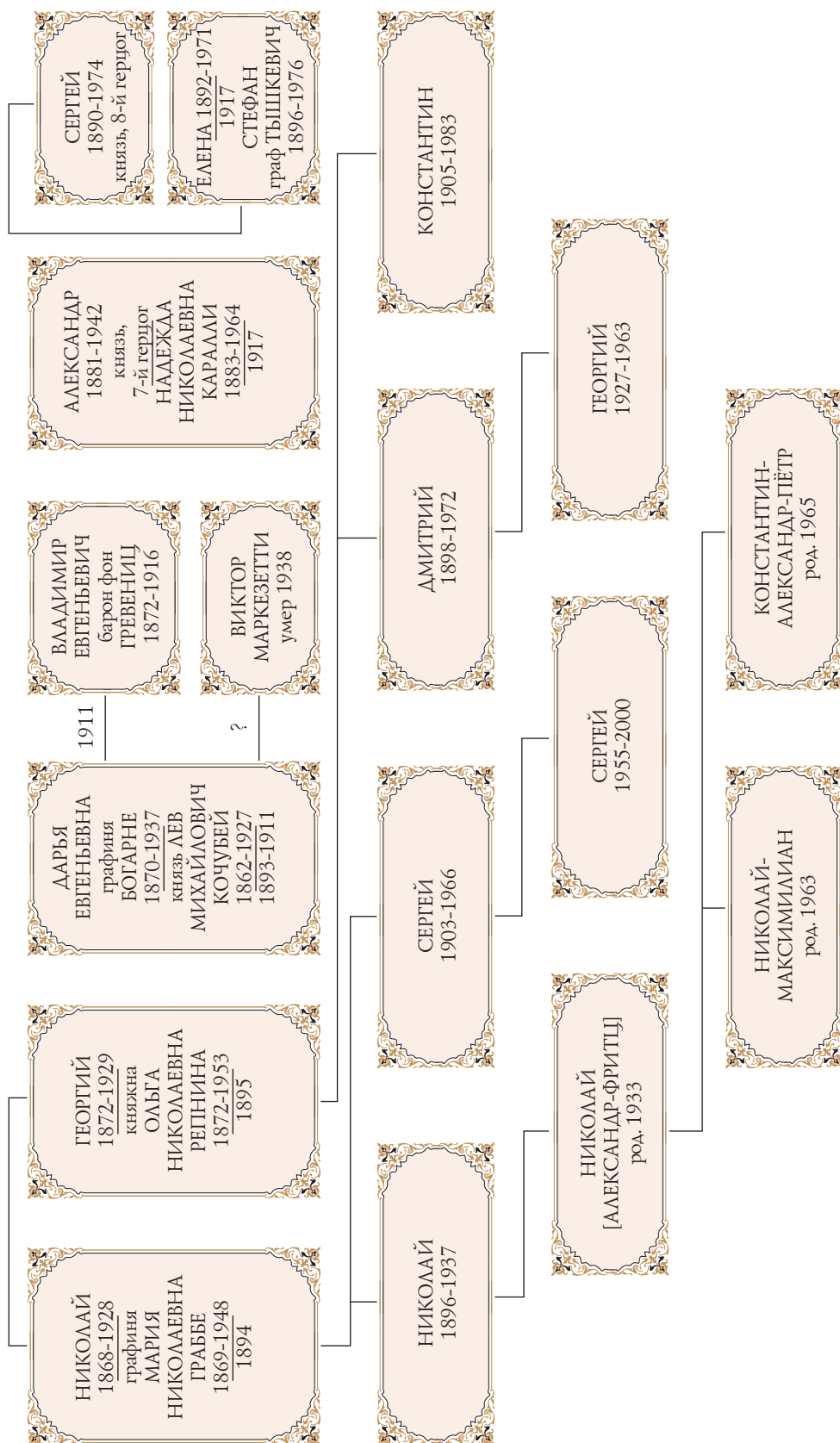

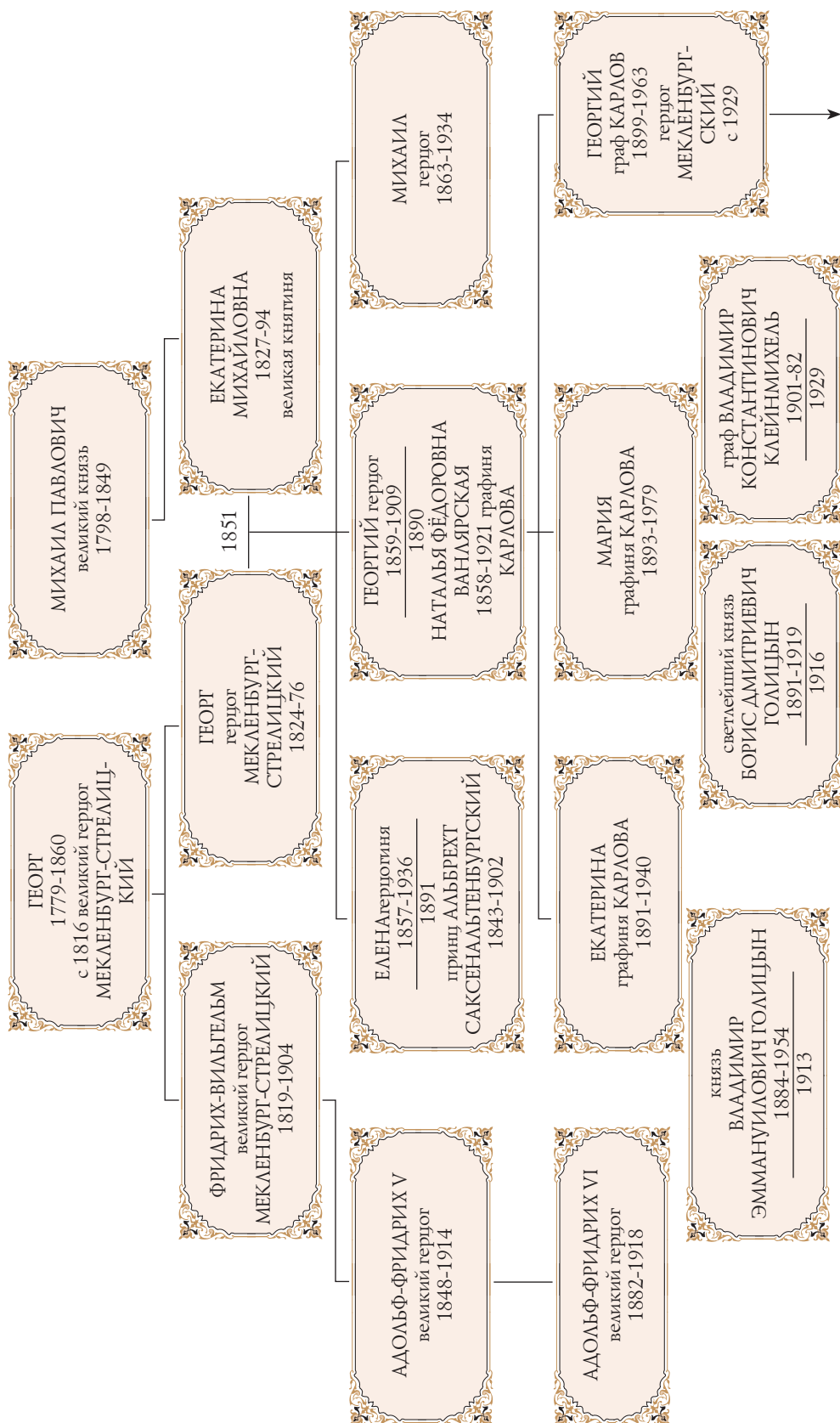
ГЕРЦОГИ ЛЕЙХТЕНБЕРГСКИЕ

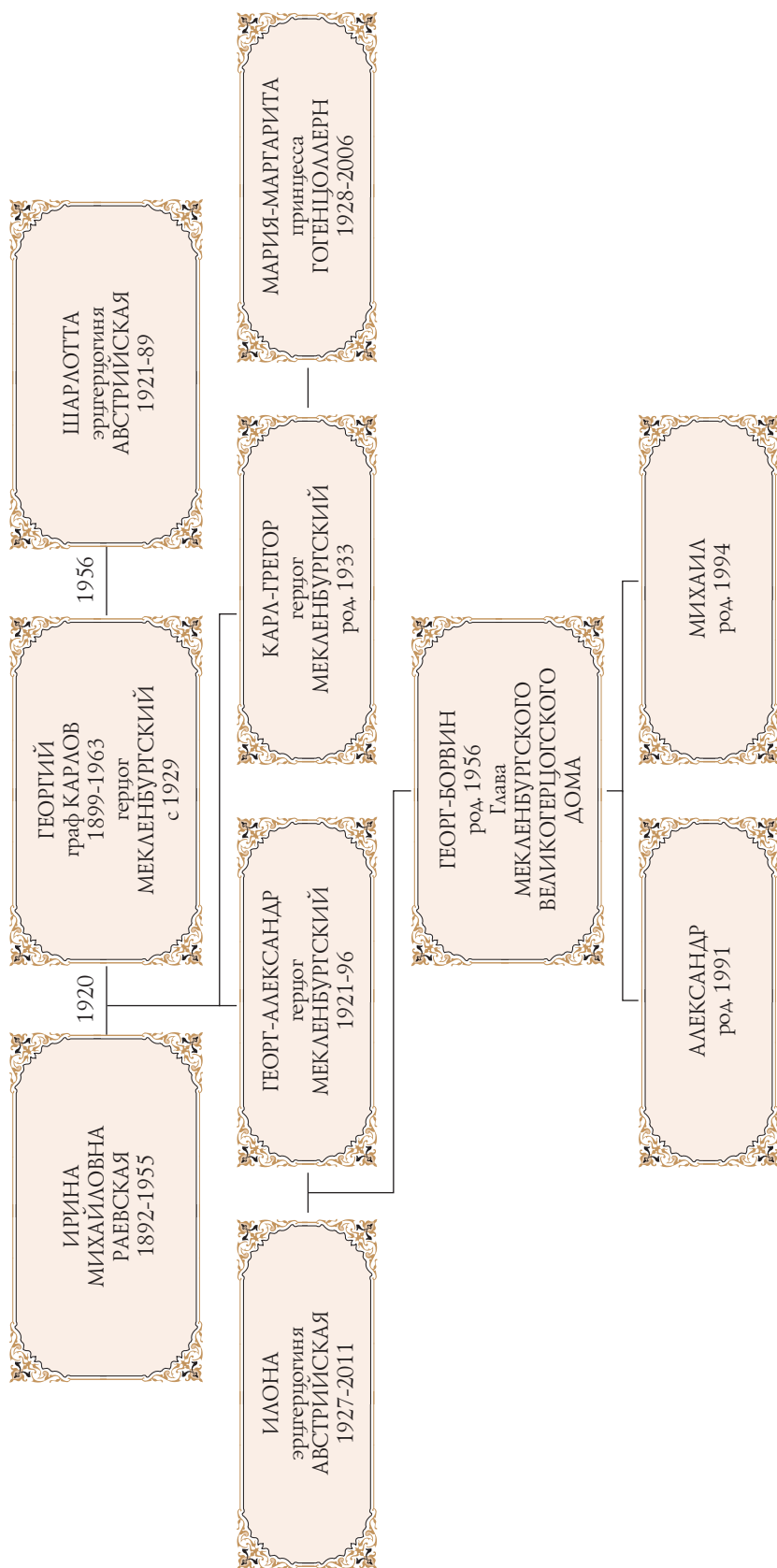

герцоги ЛЕЙХТЕНБЕРГСКИЕ с 1890

ГЕРЦОГИ МЕКЛЕНБУРГСКИЕ

Наиболее просто обстояло дело в случае с русской линией Мекленбург-Стрелицких. Все они пользовались общим титулом великогерцогского высочества и дополнительно в России ничего не получали¹⁵.

Таким образом, титулование, на которое имел право отдельно взятый представитель каждой из рассматриваемых фамилий, указывало на степень его близости к Российскому императорскому дому.

Необходимо отметить, что как российские, так и германские династические законы чрезвычайно строго относились к случаям так называемых неравнородных, или морганатических, браков. В России подобные ситуации регулировались на основе статьи 36 Основных законов, гласившей: «Дети, происшедшие от брачного союза лица Императорской Фамилии с лицом, не имеющим соответственного достоинства, то есть не принадлежащим ни к какому царствующему или владетельному дому, на наследование Престола права не имеют»¹⁶, а также статьи 188: «Лицо Императорской Фамилии, вступившее в брачный союз с лицом, не имеющим соответственного достоинства, то есть не принадлежащим ни к какому царствующему или владетельному дому, не может сообщить ни оному, ни потомству, от брака сего произойти могущему, прав, принадлежащих Членам Императорской Фамилии»¹⁷.

Так, морганатическим супругам князей Николая и Евгения Максимилиановичей Романовских был в разное время дарован потомственный титул графинь Богарне, напоминавший о происхождении этого рода¹⁸. Одна из них, З.Д. Скобелева, всё же получила в 1889 году достоинство герцогини Лейхтенбергской, на что последовал бурный протест баварского правительства, оставленный, впрочем, без внимания императором¹⁹. Так или иначе, большую часть жизни Николай Максимилианович был вынужден практически безвыездно провести за границей, невзирая на тот факт, что как раз к нему Александр III «относился благосклонно именно потому, что хотя он был женат морганатическим браком, но в семейном отношении держал себя безукоризненно»²⁰.

¹⁵ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 556. Оп. 1. Д. 418. Л. 1-5 об.

¹⁶ Свод законов. Т. 1. Ст. 36.

¹⁷ Там же, ст. 188.

¹⁸ ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 44. № 46632, 46633, т. 53. № 56682, т. 54. № 59267. Списки титулованным родам и лицам Российской Империи. Издание Департамента герольдии Правительствующего Сената [под руководством герольдмейстера Н.И.Непорожнева]. СПб., 1892. С. 119.

¹⁹ Мосолов А.А. При дворе последнего Российского императора. Записки начальника канцелярии Министерства Императорского двора. М., 1993. С. 74. Списки титулованным родам и лицам. С. 49.

²⁰ Витте С.Ю., гр. Воспоминания. М., 1960. Т. 1. С. 429.

Герцог Николай
Максимилианович
Лейхтенбергский.

Все без исключения представители этих трёх фамилий мужского пола состояли на военной службе. Такое положение вещей было в традициях как династии Романовых, так и подавляющего большинства зарубежных владетельных домов. Собственно говоря, в доньяне сохранившихся монархиях (Великобритания, Испания, страны Бенилюкса и т.п.) подобная практика остаётся почётной обязанностью (или правом) наследников древних царствующих семей.

В дореволюционной России каждый мальчик, родившийся у кого-нибудь из Романовых или их родственников, о которых идёт речь, зачислялся при крещении в списки одной (иногда сразу нескольких) из гвардейских частей. До середины XIX века это было сопряжено с присвоением офицерского чина; так, например, принц Пётр Георгиевич Ольденбургский после произведения вышеупомянутого обряда получил сразу ранг полковника²¹. Обычно же младенец производился в первый офицерский чин. Затем параллельно с взрослением и воспитанием отпрыска царских кровей шло его повышение по Табели о рангах. Таким образом, к моменту совершеннолетия и вступления в строевую службу юный герцог или принц был уже, как правило, штаб-офицером. Отсутствие необходимости «тянуть лямку» создавало, несомненно, большие удобства для обладателей этих привилегий, но, в конечном счете, негативным образом сказывалось на их служебной деятельности, прежде всего в военное время. Так, в кампанию 1877–78 годов Николай и Евгений Максимилиановичи Лейхтенбергские, несмотря на личную храбрость, проявили неспособность самостоятельно руководить крупными массами войск²².

²¹ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7103. Л. 200 об.

²² Епанчин Н.А. На службе трёх императоров. Воспоминания генерала от инфантерии. М., 1996. С. 98, 100.

Подобные явления способствовали тому, что на протяжении второй половины XIX века дата производства августейших юношей в офицеры неуклонно сдвигалась от рождения к совершеннолетию, хотя зачисление в гвардию при крещении осталось их неизменной прерогативой вплоть до 1917 года.

Разрастание семей Лейхтенбергских, Ольденбургских и Мекленбургских вызывало потребность в формировании особой системы чиновно-производства их представителей. Высочайшее повеление от 27 ноября 1869 года гласило: «Принцев Ольденбургских и князей Романовских, числящихся в обер-офицерских чинах в разных частях Гвардии, повышать в чины по линии своих полков, вместе со старшими сверстниками, производимыми на открывающиеся вакансии, на том же самом основании, как повышаются флигель-адъютанты. А так как некоторые из князей Романовских состоят в нескольких частях Гвардии, то производить по тем, где придётся скорее»²³.

Здесь стоит отметить, что «высочайшие особы», в том числе представители трёх рассматриваемых нами домов, как правило, непосредственно получали звания флигель-адъютанта либо при вступлении на действительную службу, либо немного позднее. Отсутствие такого пожалования (либо неполучение следующих свитских званий: генерала свиты и генерал-адъютанта) означало форму немилости со стороны императора. В частности, Николай Петрович Ольденбургский, первоначально бывший флигель-адъютантом, после вынужденного выхода в отставку «по болезни» и последующего возвращения в строй не получил свитское звание вновь²⁴. Сходным образом, Николай Максимилианович Лейхтенбергский, будучи генерал-майором свиты, за боевое отличие был произведён в генерал-лейтенанты, но не назначен генерал-адъютантом из-за своего неподобающего брака: для него изобрели совершенно уникальное звание «генерал-лейтенанта свиты»²⁵.

Александр III, вообще сильно сокративший численность свиты, не померно раздутую его отцом, оказался скуп на пожалования своих родственников из боковых ветвей. При нём лишь тот же самый Николай Максимилианович получил, наконец, генерал-адъютантство вместе с повышением в полные генералы, да и то по случаю 25-летнего юбилея своего пребывания на посту президента Минералогического общества, а на са-

²³ РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 6753. Лл. 1-1 об.

²⁴ Там же, ф. 400. Оп. 9. Д. 20572. Лл. 2-3 об.

²⁵ Милорадович Г.А., *гр.* Список лиц Свиты их величеств с царствования императора Петра I по 1886 год. Киев, 1886. С. 75, 195.

мом деле потому, что император, как известно, благоволил именно к нему в отличие от его братьев²⁶.

Кстати, к тому же царствованию относится появление следующего документа, регулирующего военную службу августейших особ. Высочайшим повелением от 2 января 1885 года установлено «производство всем членам Императорского дома, по достижении ими совершеннолетия, по старшей из тех частей Гвардейских войск, в которые они зачислены при рождении, не взирая на то, где будут нести службу»²⁷. Нам же значительно более важен прилагавшийся к этому тексту «Высочайше одобренный 8 марта того

Принц
Александр Петрович
Ольденбургский.

же года список Особ Императорского Дома, состоящих в обер-офицерских чинах, а также малолетних, числящихся в частях войск...»²⁸ В этом списке наряду с собственно Романовыми поименованы подпоручик Преображенского полка принц П.А. Ольденбургский, поручик гвардейской пешей артиллерии герцог Г.Г. Мекленбург-Стрелицкий и подпоручик той же артиллерии герцог М.Г. Мекленбург-Стрелицкий²⁹. Это означает, по крайней мере, то, что правила их чинопроизводства были тождественны применявшимся по отношению к полноправным членам императорской фамилии.

При Николае II количество лиц свиты вновь возросло, хотя и не настолько, как в царствование Александра II. Звание генерал-адъютанта получили

²⁶ Русский биографический словарь. Т.10. С. 178-179.

²⁷ РГИА. Ф. 552. Оп. 2. Д. 1. Л. 1.

²⁸ Там же, лл. 2-5.

²⁹ Там же, л. 5.

в разное время и Евгений³⁰, и Георгий³¹ Максимилиановичи. Что же касается нелюбимых Александром III Мекленбургских, то Георгий Георгиевич, умерший в чине генерал-майора, так и не был назначен ни флигель-адъютантом, ни генералом свиты, хотя и командовал гвардейским полком, а затем бригадой³²; Михаил же Георгиевич удостоился генерал-адъютантства только в 1916 году за боевое отличие³³. Самые младшие Лейхтенбергские (Александр и Сергей Георгиевичи), как и Пётр Александрович Ольденбургский, успели побыть флигель-адъютантами, а последний — даже генералом свиты³⁴. Можно также добавить, что в качестве флигель-адъютанта отмечен, причём отнюдь не вскользь, один из Лейхтенбергских, не имевших династического статуса, — Николай Николаевич³⁵.

Следует отметить, что свитское звание давало большие преимущества его обладателю: флигель-адъютанты, не занимая должностей в строю, производились в чины вне вакансий, т.е. быстрее своих сверстников³⁶.

Несмотря на то, что порядок чинопроизводства высочайших особ постоянно усложнялся, это не помешало большинству представителей трёх рассматриваемых ветвей достигнуть самых высоких чинов. Впрочем, то же самое можно сказать и в отношении собственно Романовых

Как мы видим, в том, как обстояло дело с прохождением военной службы у представителей основной линии дома Романовых, с одной стороны, и его боковых ветвей, с другой, просматривается явная аналогия.

Что же касается хозяйственно-имущественных дел Лейхтенбергских, Ольденбургских и Мекленбургских (в России и за рубежом), то они были устроены совершенно особым порядком.

Характерной особенностью, общей для всех трёх фамилий, является то, что, появившись и затем утвердившись в России, они получали всевозможные материальные и прочие блага от российских императоров и при этом продолжали сохранять значительные интересы (движимость и недвижимость) за границей, зачастую не брезгуя приумножать их за счёт своей новой родины.

³⁰ РГВИА. Ф. 409. Оп.1. Д. 133310. Л. 17 об.

³¹ Список генерал-адъютантам, генерал-майорам и контр-адмиралам Свиты Его Величества и флигель-адъютантам по старшинству. Составлен по 20 февраля 1911 г. СПб., 1911. С. 48.

³² РГВИА. Ф. 400. Оп. 10. Д. 835. Лл. 2-3 об.

³³ Там же, ф. 970. Оп. 3. Д. 2277. Л. 75 об.

³⁴ Список генералам по старшинству на 1914 год. СПб., 1914. С. 869.

³⁵ РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 2268. Л. 39 об.

³⁶ Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. М., 1999. Т. 1. С. 53.

Георг-Август
Мекленбург-Стрелицкий.
Портрет работы
И.Н. Крамского.
1876 г.

Весьма показательной в данном отношении является длинная, полная перипетий история фамильного майората герцогов Лейхтенбергских. Родоначальник этого дома — принц Евгений Богарне, — сознавая, что с точки зрения принципов легитимизма (а на дворе были 20-е годы XIX века) его происхождение самое сомнительное, предпринял ряд шагов, чтобы устранить шаткость подобного положения. Во-первых, Е. Богарне очень удачно распорядился полученным от Венского конгресса при содействии российского императора пятимиллионным отступным; во-вторых, он выторговал у баварских королей огромные привилегии себе и своим наследникам, в частности, довольно широкую автономию для княжества Эйхштедт, даже большую, чем та, которой пользовались медиатизированные дома Германии, составлявшие 2-ю часть «Готского альманаха». Все эти достижения были зафиксированы в духовном завещании принца Евгения, датированном 18 февраля 1824 года³⁷.

Его дети успешно продолжили дело, начатое отцом. Герцог Карл-Август Лейхтенбергский вернул, согласно конвенции от 17 ноября 1834 года, баварской короне часть прав самоуправления, судебных и полицейских функций в Эйхштедте за сумму в 1,4 миллиона флоринов. При этом подтверждалось положение Лейхтенбергских как первого среди княжеских родов королевства, следующего по старшинству непосредственно за Виттельсбахами³⁸. Чуть позже, декларацией от 31 декабря того же года герцог обратил княжество Эйхштедтское в майоратный фидеикомисс, т.е. земельную собственность, отчуждавшуюся и передававшуюся по наследству в особом порядке, в первую очередь, при условии соблюдения примогенитуры

³⁷ Официальные записки по разным предметам. С. 6-8.

³⁸ Красюков Р.Г. Герцоги Лейхтенбергские // Дворянский календарь: справочная родословная книга российского дворянства / Отв. ред. А.А. Шумков. Тетрадь 5. СПб., 1998. С. 72-73.

(старшинства в роде)³⁹. Этот акт был ратифицирован королевским декретом 28 марта 1838 года⁴⁰.

В этот период следующий герцог, Максимилиан, переехал на постоянное жительство в Россию в качестве мужа старшей дочери Николая I. Всемогуший император осыпал зятя, как из рога изобилия, всяческими милостями, но поставил вопрос об отказе от «баварского наследства». В то же время Максимилиан, как мог, исподволь, незаметно, оберегал от властного, не терпящего прекословий царя свои западноевропейские владения. Герцог пошёл навстречу тестю лишь во второстепенном. В своей последней воле М. Лейхтенбергский настаивал на безусловном сохранении существовавшего положения. Всё это было проигнорировано Николаем I после кончины герцога.

Вследствие малолетства новоиспечённых членов императорской фамилии — князей Романовских, герцогов Лейхтенбергских — были назначены опекуны: их мать, великая княгиня Мария Николаевна, и наследник цесаревич, будущий император Александр II. Для управления делами опеки учредили особую комиссию под председательством министра императорского двора генерал-адъютанта графа В.Ф. Адлерберга и в составе шталмейстера и управляющего двором великой княгини (позднее обер-гофмейстера), известного музыканта графа М.Ю. Виельгорского и действительного статского советника и камергера (впоследствии обер-шенка) А.В. Веневитинова, брата знаменитого поэта⁴¹.

Князь Николай Максимилианович вспоминал: «В 1852 году скончался мой отец. Николай Павлович, желая порвать всякие связи нашей семьи с Германией, приказал, с разрешения короля баварского, приступить к продаже княжества Эйхштедт и остального имущества в Баварии...»⁴² Именно это и стало первоочередной задачей вышеозначенной комиссии.

Для исследования состояния зарубежных владений и капиталов, оставшихся после Максимилиана, ею был направлен действительный статский советник Ру де Дамиани, который установил, что недвижимость оценивается в сумму 2985 тыс. рублей, а различные формы помещённых капиталов составляют в целом 1914 тыс. рублей⁴³.

После этого декларацией 10/22 сентября 1853 года, данной от имени Марии Николаевны, было объявлено о намерении уничтожить майорат-

³⁹ Официальные записки по разным предметам. С. 10-11.

⁴⁰ Там же, с.12.

⁴¹ РГИА. Ф. 542. Оп. 1. Д. 18. Лл. 2-2 об.

⁴² Е.И.В. князь Николай Максимилианович. Указ. соч. С. 478.

⁴³ РГИА. Ф. 542. Оп. 1. Д. 21. Лл. 26-32.

ный фидеикомисс⁴⁴. Декретом от 25 февраля 1854 года король Баварии Максимилиан II упразднил фидеикомисс и перевёл имущество, его составлявшее, в форму аллодиальной собственности, которая в том же году была выкуплена баварским правительством. Одновременно теряли силу все права и привилегии, ранее пожалованные короной Евгению Богарне и его сыновьям⁴⁵. Герцог Георгий Николаевич Лейхтенбергский уже в начале XX века как-то чересчур восторженно отметил в своей брошюре «Семейное предание»: «...княжество Эйхштедтское, по желанию Николая Павло-

Цесаревич Александр Александрович (будущий Александр III) с родственниками. Сверху вниз: Николай Максимилианович Лейхтенбергский (внук Николая I), вел. кн. Владимир Александрович (сын Александра II), цесаревич Александр Александрович (сын Александра II), герцог Альберт Саксен-Альтенбургский.

вича, было продано баварскому правительству, и внуки принца Евгения стали чисто русскими, будучи все уже православными»⁴⁶.

Следующий этап в развитии этой истории относится уже к концу XIX века. В декабре 1890 года в Париже после кратковременной тяжелой болезни скончался старший в роду — Николай Максимилианович. Из-за морганатического брака он не мог завещать по своему усмотрению главенство в фамилии и сопряжённые с ним прерогативы — все это перешло к Евгению Максимилиановичу. Но супруга последнего, герцогиня Зинаида, жаждала большего: её заветной мечтой было обладать бриллиантами императрицы Жозефины (Богарне), которые вместе с другим личным имуществом покойного достались его сыновьям⁴⁷. Подстрекаемый женой, герцог

⁴⁴ Официальные записки по разным предметам. С. 17.

⁴⁵ Там же, с.18.

⁴⁶ [Лейхтенбергский Г., гц.] Семейное предание. СПб., 1914. С. 9.

⁴⁷ Официальные записки по разным предметам. С. 44-47.

Евгений опротестовал завещание старшего брата, ссылаясь на существование так называемого «майората драгоценных камней»⁴⁸. Его особенно рьяно поддержал великий князь Алексей Александрович, с которым при живом муже фактически сожительствовала Зинаида. Однако созданная для рассмотрения данного вопроса комиссия из высших сановников и юристов (министры: двора и уделов — граф И.И. Воронцов-Дашков, финансов — С.Ю. Витте, юстиции — Н.А. Манасеин и обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев) установила, что даже если бы подобный «майорат» и существовал (в чём многие открыто выражали сомнение), то в любом случае он не имел бы силы на территории Российской империи⁴⁹. Это решение с радостью утвердил Александр III, не питавший особых симпатий к Евгению и Зинаиде. Одновременно он пожаловал сыновьям покойного Николая Максимилиановича титул герцогов Лейхтенбергских⁵⁰ и приказал зачислить их на действительную службу в старшие полки гвардии⁵¹.

Не обошлось без накладок и в хозяйственных делах Ольденбургских. Настоящую проверку на прочность им пришлось испытать в 1880-х годах, когда скончался глава обширного семейства — принц Пётр Георгиевич. После оглашения его завещания выяснилось, что основным наследником стал вовсе не старший сын — Николай, а следующий — Александр. Почему же оказалась возможной такая ситуация?

Дело в том, что ещё в 1863 году Николай Петрович обвенчался с нетитулованной дворянкой Марией Ильиничной Булацель. Это был морганатический брак. Немецкая родня встретила данное событие без энтузиазма, но и без негодования; чуть позже для супруги принца даже придумали титул графини фон Остернбург. Не так посмотрели на дело при русском дворе, и Николай Петрович вынужден был выйти в отставку с формулировкой «по болезни», лишь спустя три года благодаря содействию великого князя Николая Николаевича ему разрешили вновь поступить на службу, да и то со значительным понижением в должности⁵². Тогда же и появился пресловутый «Кодицилл к духовному завещанию» П.Г. Ольденбургского от 12/24 июня 1863 года, согласно которому «всё майоратное имущество, как движимое, так и недвижимое, со всеми его преимуществами назначено принцу Александру Петровичу, принц же Николай Петрович должен считаться относительно права наследия за младшего сына». Одновременно принц Николай

⁴⁸ Там же, с. 58–61.

⁴⁹ Витте С.Ю., гр. Указ. соч. Т. 1. С. 426–428.

⁵⁰ Официальные записки по разным предметам. С. 43.

⁵¹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 14. Д. 16330. Лл. 16–19.

⁵² Там же, ф. 400. Оп. 9. Д. 20572. Л. 2 об.

подписал отречение за своих потомков от прав на родовое имущество и места в ольденбургском великогерцогском престолонаследии⁵³.

Точно такие же формальности пришлось проделать принцу Константину Петровичу после его вступления в неравнородный брак в 1882 году⁵⁴.

Остаётся только констатировать, что женитьба на любимых женщинах фактически стоила карьеры обоим братьям, и, таким образом, им не суждено было познать всех выгод того исключительного положения, каким, несмотря ни на что, пользовались принцы Пётр Георгиевич и Александр Петрович.

Наконец, завершить имущественную тему нужно рассказом о том, как обстояло дело в семействе Мекленбургских.

Немалый скандал разгорелся вследствие попытки великой княгини Екатерины Михайловны завещать своим детям Михайловский дворец. При этом она (точнее, составлявший духовную К.П. Победоносцев) ссылалась на то, что Александр I высочайшим повелением от 30 августа 1825 года пожаловал дворец великому князю Михаилу Павловичу в вечное и потомственное пользование⁵⁵. Александр III совершенно иначе толковал законодательство на этот счёт. Результатом стало то, что Победоносцев утратил последние остатки доверия со стороны своего августейшего ученика. С тех пор (середина 1890-х годов) до настоящего времени в величественном творении К.И. Росси размещается Русский музей.

После выселения оттуда Мекленбургские приобрели обширный особняк по адресу: набережная Фонтанки, 46. В нём они прожили вплоть до революции⁵⁶. В наши дни там можно обнаружить ночной клуб «У графини Карловой».

К числу владений этой семьи принадлежали также Каменноостровский дворец, дом в Петергофе («за Гербом»), громадное имение в Полтавской губернии — Карловка и совсем небольшое в Санкт-Петербургской (Санкт-Петербургского уезда) — Жабино; кроме того, было поместье в Мекленбурге — Ремплин⁵⁷.

Возвращаясь к Лейхтенбергским, можно перечислить их основную собственность. Как известно, после бракосочетания Марии Николаевны и Максимилиана Лейхтенбергского Николай I распорядился начать постройку отдельного дворца для них. К 1844 году сооружение (по проекту

⁵³ РГИА. Ф. 552. Оп. 1. Д. 512. Лл. 4 об.-5.

⁵⁴ Там же, ф. 552. Оп. 1. Д. 514. Лл. 11-12.

⁵⁵ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 694. Оп. 1. Д. 165. Лл. 3, 20, 33.

⁵⁶ Almanach de St.Petersbourg. Cour, monde & ville. М.О. Wolf, 1913-14. P. 165.

⁵⁷ РГИА. Ф. 556. Оп. 1. Д. 330. Лл. 4-5., д. 375. Л. 1-1 об.

архитектора А.И. Штакеншнейдера) было завершено, и новый дворец получил название Мариинского⁵⁸. Впоследствии, после смерти великой княгини и её второго мужа Г.А. Строганова, здание вернулось в казну, и затем его предназначили для работы Государственного совета.

Помимо дворца Лейхтенбергские владели крупным имением Сергиевкой (Сергиевской дачей) в Петергофском уезде Санкт-Петербургской губернии. В находящейся поблизости Троице-Сергиевой пустыни были погребены некоторые из членов этого семейства.

После отселения из Мариинского дворца они занимали дом на Английском проспекте, 18. Герцогу Николаю Николаевичу принадлежал крупный земельный участок по Каменноостровскому проспекту, 64, а также имение Горы в Валдайском уезде Новгородской губернии. Его брат Георгий проживал по адресу: Английская набережная, 22⁵⁹.

Что же касается Ольденбургских, то для них архитектором В.П. Стасовым был выстроен дворец на набережной Невы возле Троицкого моста, в котором они и пребывали до 1917 года, а ныне в нём размещается Санкт-Петербургская государственная академия культуры. Своё кавказское имение Гагры принц Александр Петрович прославил устройством бальнеологического курорта⁶⁰.

Как можно видеть, на ведение дел представителями трёх рассматриваемых фамилий влияли, в первую очередь, следующие факторы: их иностранное происхождение и связанное с этим значительное имущество за рубежом, а также проблема морганатических браков, которая, впрочем, столь же остро стояла и для собственно Романовых.

Таким образом, фамилии Лейхтенбергских, Ольденбургских и Мекленбургских занимали в Российской империи совершенно особое положение, как бы промежуточное между династией Романовых и высшей титулованной аристократией.

Впрочем, представители этих трёх фамилий наряду с собственно Романовыми входили в число так называемых «высочайших особ», а Лейхтенбергские — даже в состав самой императорской фамилии, являясь, если так можно выразиться, её ассоциированными членами. С течением времени, когда семьи слишком разрослись, их статус эволюционировал применительно к конкретным историческим условиям. Неизменным оставалось то, что все они, как потомки императоров по женской линии, были лишены

⁵⁸ Корф М.А., гр. Указ. соч. С. 288.

⁵⁹ РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 2268. Л. 47.

⁶⁰ РГИА. Ф. 552. Оп. 1. Д. 512. Лл. 2 об.-3.

Принц Эжен
(Евгений) Богарне.
Портрет работы
А. Аппиани.
1810 г.

права пользования удельными доходами, а, с другой стороны, сохраняли независимость от воли русского царя в выборе вероисповедания. Нужно также добавить, что для рассматриваемых фамилий столь же острой, как и для самих Романовых, являлась проблема морганатических браков. В случае Лейхтенбергских, Ольденбургских и Мекленбургских она осложнялась ещё и тем, что они находились под двойным прессом ответственности: перед российским императором и своим германским главой дома.

Они принесли немало пользы новому Отечеству, служа в армии, занимаясь благотворительностью, внесли свой вклад в русскую культуру. Вместе с тем нельзя не заметить, что все три семьи поставили себя в России на положение «бедных родственников», или «приживалов» при дворе «богатых» Романовых. Но то была своего рода мимикрия, так как на самом деле родственники вовсе не были бедны. Их содержание стало нелёгким бременем для русской казны.

Необходимо отметить, что в положении каждой из трёх фамилий были свои нюансы. Прежде всего это касается Лейхтенбергских, которые, строго говоря, по своему происхождению (Богарне отнюдь не принадлежали к числу высшей французской аристократии) относились не к владетельным, а скорее к титулярным родам и были куда менее знатными, чем и собственно Романовы, и Ольденбургские с Мекленбургскими. Тем не менее, волеизъявлением Николая I потомки Евгения Богарне вошли в состав императорского дома и даже получили место в российском престолонаследии! Этого не произошло с двумя остальными семьями: они продолжали оставаться подданными своих германских государей и иметь значительные интересы

за рубежом, хотя, судя по всему, в качестве своей родины воспринимали всё же Россию.

Можно также добавить, что положение, которое занимали в России Лейхтенбергские, Ольденбургские и Мекленбургские, не являлось чем-то уникальным в своём роде: были и западноевропейские аналоги. Схожим статусом обладал дом Баттенбергов/Маунтбэттенов (Battenberg/Mountbatten) в Великобритании и ветви de Borbon-Dos-Sicilias у Borbon, de Baviera у Borbon, d'Orleans у Borbon (герцоги де Гальера) в Испании. Две последние к настоящему моменту уже угасли, а Маунтбэттены и одна из линий неаполитанских Бурбонов по-прежнему сохраняют определённое значение как ближайшие родственники британской и испанской королевских династий.

Основные линии всех трёх рассматриваемых в данной работе фамилий прекратились соответственно в 1974, 1932 и 1934 годах. Но и в наши дни существуют их потомки, произошедшие от морганатических браков, таким образом, нельзя сказать, что история Лейхтенбергских, Ольденбургских и Мекленбургских закончилась.

Ключевые слова:

династические законы, герцоги Лейхтенбергские, принцы Ольденбургские, герцоги Мекленбургские, Евгений Богарне, высочайшие особы

Dmitriy S. Bartashev

FOREIGN DYNASTIES IN RUSSIA OF THE 19th, BEGINNING OF THE 20th CENTURIES:

legal and social status

In recent years, the legal and social status of the history of the Russian Imperial House and their lateral branches has attracted the interest of many researchers. This article speaks about the Duke of Leuchtenberg, the Russian Princes of Oldenburg and the Duke of Mecklenburg. Representatives of these three family names, being the closest relatives of the Romanovs, carefully observed the tradition of service to Russia throughout several generations, their status in a number of cases has been legally issued, and at last they owned movable and immovable property in the Russian Empire.

Thus, the Leuchtenberg, Oldenburg and Mecklenburg families held a very special position in the Russian Empire as intermediaries between the House of Romanov and the highest titled aristocracy.

However, representatives of these three names along with the Romanovs were included within the members of so-called «highest personages» and the Leuchtenbergs were even considered to be part of the Imperial family itself, being, if it is possible to say so, its associate members. Eventually, as the families expanded, their status evolved in accordance to specific historical conditions. All of them, as descendants of emperors on the female line, were invariably deprived of the right of use of specific incomes, but, on the other hand, they had independence of the will of the Russian Tsar in their religious choices. For the families named above, as well as for the Romanovs, the issue of morganatic marriages was quite pressing. In the case of the Leuchtenbergs, the Oldenburgs and the Mecklenburgs it was even more complicated: they were under the dual pressure of responsibility — to the Russian Emperor and their German head of the house.

These families brought many benefits to the new homeland: serving in the army, doing charity work, and contributing to the Russian culture. In Russia, all three families were viewed as «poor relatives», or «dependents» at the court of the «rich» Romanovs.

The main lines of the three families discussed in this article ended respectively in 1974, 1932 and 1934. There are still descendants of morganatic marriages, so we can say that the history of Leuchtenbergs, Oldenburgs and Mecklenburgs continues.

 Барташев Дмитрий Сергеевич

преподаватель факультета мировой политики (на базе Института
США и Канады РАН) Государственного академического университета
гуманитарных наук

Е.В. Пчелов

СПРАВОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ДИНАСТИИ РОМАНОВЫХ:

о науке и не только

История династии Романовых — одно из наиболее активно развивающихся направлений в современной отечественной исторической науке. Интерес к представителям правившего на протяжении более 300 лет в России рода не ослабевает.

Обратная сторона такого интереса — появление большого числа разного рода поверхностных, популярных, а то и просто дилетантских изданий, посвящённых столь животрепещущей теме. К сожалению, непрофессионализм может с успехом рядиться и в псевдонаучные одежды, создавая иллюзию значительности и даже фундаментальности. Вот почему представляется важным дать общий обзор справочных изданий по «романовской теме», опубликованных за последнее десятилетие и заслуживающих специального рассмотрения, поскольку они могут служить обобщающими «навигаторами» в обширном пространстве источников и литературы по истории династии (или претендуют на это).

Но вначале необходимо остановиться на общих тенденциях современной «романовской» историографии. К началу 2000-х гг. «романовская тема» стала отчётливо звучать на страницах научной и популярной литературы, открывались новые пласты исторического прошлого, можно сказать, то был пик «первой волны» интереса к забытой и почти закрытой ранее для исследова-

ний теме. Вышли первые биографии правителей из Дома Романовых монографического характера — книги Л.Е. Морозовой, А.А. Преображенского и Н.Ф. Демидовой о первых царях из рода Романовых, Г.В. Талиной об Алексее Михайловиче, А.П. Богданова о Фёдоре Алексеевиче, Н.И. Павленко о Петре I, Е.В. Анисимова о наследниках Петра вплоть до Екатерины II, А.Б. Каменского о Екатерине II, А.М. Пескова о Павле I, А.Н. Боханова об Александре III и Николае II и др. За последние годы к ним добавилась целая серия примечательных книг В.Н. Козлякова, И.Л. Андреева, Л. Хьюз, Н.И. Павленко, Е.В. Анисимова, И.В. Курукина, О.И. Елисеевой, Л.В. Выскочкова, Е.П. Толмачёва, А.Н. Боханова, Ю.В. Кудриной и других отечественных и зарубежных авторов, рассказывающих о правивших представителях династии и их жёнах, благодаря чему практически каждый монарх из Дома Романовых (за исключением разве что почти забытого Ивана Алексеевича) удостоился одного, а то и нескольких монографических изданий. Более того, появились книги и об отдельных великих князьях и княгинях из Дома Романовых и даже о целых ветвях династии, например, Константиновичах (Л.В. Завьялова и К.В. Орлов), Николаевичах (З.И. Беякова), принцах Ольденбургских (Э.А. Анненкова и Ю.П. Голиков). Издан большой корпус источников личного происхождения, включая дневники, переписку, воспоминания Романовых (почти все «романовские мемуары», за исключением двух, переведены и изданы на русском языке, правда, далеко не все эти издания отвечают серьёзному эдиционному уровню). Начало этому процессу было положено в 1992 г. изданием книги-альбома «Российский Императорский Дом. Дневники. Письма. Фотографии», подготовленной А.Н. Бохановым и Д.И. Исмаил-Заде и представляющей собой собрание документов, раскрывающих жизнь Императорской Фамилии в переломную эпоху российской истории. Ещё в 1990-х гг. вышли коллективные труды «Российские самодержцы. 1801 — 1917 гг.» (М., 1993) и «Романовы. Исторические портреты» (Т. 1-2. М., 1997).

Между тем, попытки создания коллективной биографии всего рода Романовых, хотя и предпринимались, всё же не могут считаться вполне успешными. К ним относятся четыре издания 1990-х гг. Книга потомка Романовых по женской линии князя Давида Павловича Чавчавадзе «Великие князья» в русском переводе (к сожалению, весьма слабым, если не сказать резче), опубликованная в Екатеринбурге в 1998 г., посвящена только великим князьям периода XIX — начала XX в. Книга шведского журналиста Стаффана Скотта «Романовы. Царская династия. Кто они были? Что с ними стало?» (Екатеринбург, 1993), а также её переиздание под названием «Романовы. Биография династии. 1613—1999» (М., 2000, на самом деле таковой не является), содержит некоторую интересную информацию, но написана

в исключительно «разухабистом» журналистском стиле и потому не имеет никакого научного значения. Книга историка С.В. Думина «Романовы. Императорский Дом в изгнании. Семейная хроника» (М., 1998) посвящена истории только одной из ветвей романовского рода — великому князю Кириллу Владимировичу и его потомкам, претендующим ныне на главенство в Императорском Доме. Книга филолога З.И. Беляковой под многообещающим названием «Романовы. Как это было» (СПб., 1998) содержит всего три очерка: о великой княгине Елизавете Фёдоровне, графине Д.Е. Богарне и об эмиграции Романовых из Крыма. В 2000-х гг. попытку осветить биографии всех представителей Дома Романовых предприняла писательница В.Г. Григорян в книгах «Царские судьбы» (М., 2003) и «Романовы. Биографический справочник» (М., 2007) (последняя представляет собой бессистемный свод популярных биографий, расположенных по алфавиту), однако эти издания никакого самостоятельного значения не имеют и относятся к разряду около-исторической беллетристики, о которой речь впереди (ей же принадлежит ещё несколько книг — «Русские жёны европейских монархов», «Принцессы-императрицы», уверенно входящие в ряд «женской» литературы на эту тему, написанной женщинами, о женщинах и, по-видимому, для женщин).

В 2001 г. вышла моя книга под названием «Романовы. История династии», в которой я предпринял попытку осветить историю рода Романовых в биографиях всех его представителей с 1613 г. до наших дней — книга была построена по генеалогическому принципу и в сжатом виде генеалогического справочника (с биографическими сведениями и основной литературой) этот материал был представлен также в ещё одной моей книге «Генеалогия Романовых. 1613 — 2001» (М., 2001). О других генеалогических изданиях скажу далее.

Наконец, в 2012 г. в серии ЖЗЛ была опубликована книга И.В. Курукина «Романовы», представляющая собой свод биографий царствовавших представителей династии, на мой взгляд, наиболее удачная из изданий такого рода.

Из числа серьёзных и значимых изданий по истории Романовых, опубликованных за последние 10 лет, нужно назвать также следующие книги.

Четыре книги И.В. Зимина из серии «Повседневная жизнь Российского Императорского двора»: «Взрослый мир императорских резиденций. Вторая четверть XIX — начало XX в.» (М., 2011); «Детский мир императорских резиденций. Быт монархов и их окружение» (М., 2011); «Царская работа. XIX — начало XX века» (М., 2011) и «Царские деньги. Доходы и расходы Дома Романовых» (М., 2011) представляют собой великолепные монографии, всесторонне и содержательно описывающие большое число тем, связанных с «историей

повседневности» династии на протяжении XIX — начала XX в. Истории императорского двора за более ранний период посвящена монография О.Г. Агеевой «Императорский двор России. 1700—1796 годы» (М., 2008), придворному церемониалу преимущественно XVIII в. — монография Н.А. Огарковой «Церемонии, празднества, музыка русского двора. XVIII — начало XIX в.» (СПб., 2004), преимущественно XIX в. — монография Л.В. Выходкова «Будни и праздники Императорского двора» (СПб., 2012), церемониалу погребения — монография М.О. Логуновой «Печальные ритуалы императорской России» (М., 2011), некрополям Романовых в Новоспасском монастыре в Москве, соборах Московского кремля и Петропавловском соборе Петербурга — книги А.К. Станюковича, В.Н. Звягина, П.Ю. Черносвитова, И.И. Ёлкиной и А.Г. Авдеева «Усыпальница рода Романовых в московском Новоспасском монастыре» (Кострома, 2005), Т.Д. Пановой «Кремлёвские усыпальницы. История, судьба, тайна» (М., 2003), В.Б. Гендрикова и С.Е. Сенько «Петропавловский собор. Усыпальница Императорского Дома Романовых» (СПб., 1998 и 2004). О династических связях Романовых рассказывают книги В.И. Федорченко «Дом Романовых. Энциклопедия биографий» (М., 2003, название не соответствует содержанию) и А.В. Манько «Брачные союзы Дома Романовых» (М., 2010); о личной жизни членов Императорской Фамилии XIX — нач. XX в. — книга А.Н. Боханова «Романовы. Сердечные тайны» (М., 2000); о женщинах династии Романовых XVII в. — книга А.В. Дёмкина и Л.Е. Морозовой «Дворцовые тайны. Царицы и царевны XVII века» (М., 2005). Медицинским аспектам истории династии посвящены книги Б.А. НахАПетова «Тайны врачей Дома Романовых» (М., 2005), «Августейшие сёстры милосердия» (составитель Н.К. Зверева. М., 2006) и «Медицина и императорская власть в России. Здоровье императорской семьи и медицинское обеспечение первых лиц России в XIX — начале XX вв.» (М., 2008). «Окраинным» резиденциям династии — книги Н.Н. Калинина и М.А. Земляниченко «Романовы и Крым» (Симферополь, 2003) и Й. и П. Туоми-Никула «Императоры на отдыхе в Финляндии» (СПб., 2003). Библиотекам династии Романовых и романовским экслибрисам — книги В.А. Дурова «Книга в семье Романовых» (М., 2000, по материалам РГБ) и В.В. Худолея «Книжные знаки и семья Романовых» (СПб., 2003). Придворным ювелирам XVIII — нач. XX в. — книги Л.К. Кузнецовой «Петербургские ювелиры. Век восемнадцатый, бриллиантовый...» (М., 2008) и «Петербургские ювелиры. Дней Александровых прекрасное начало» (М., 2012), М.Н. Лопато «Ювелиры Старого Петербурга» (СПб., 2006). О памятниках представителям Дома Романовых содержит информацию фундаментальный справочник К.Г. Сокола «Монументальные памятники Российской Империи. Каталог» (М., 2006). В 2012 г. вышел в свет каталог собрания Государственного архива

Российской Федерации «Рисунки членов Российской Императорской фамилии» (СПб., 2012, руководитель коллектива составителей — М.В. Сидорова). Появляются даже издания, в которых рассматриваются такие экзотические сюжеты, как, например, сорта роз, названные в честь членов Императорского Дома (Арбатская Ю.Я., Вихляев К.А. Императорский розовый сад, К 400-летию Дома Романовых. Симферополь, 2012).

Помимо этих существенных для истории Романовых изданий (здесь обозначены только наиболее примечательные книги и оставлены в стороне многочисленные статьи и другие публикации) постоянно выходит и та литература, которую с полным правом можно охарактеризовать как «информационный шум». Модная тема привлекает внимание многочисленных беллетристов, журналистов и дилетантов, пекущихся подобно блины популярные книжки на потребу невзыскательной публике. Уже давно замечена характерная тенденция — как только выходит какое-либо более или менее серьёзное издание, сразу же находятся активные авторы, которые в облегчённой форме представляют читателю «собственные» размышления на ту же тему. Бесконечное перелицовывание одних и тех же сведений, почерпнутых через пятые-десятые руки и изложенных в разухабистом стиле бульварных романов, погоня за псевдосенсациями и открытие неких тайн — всё это яркие черты подобного рода литературы. В последние годы сформировался и целый пласт того, что можно назвать «женской литературой» о Романовых. Как правило, такие книги имеют в заглавиях слова «красавицы», «богини», «женщины на троне» и т.п., а по своему содержанию представляют чистую беллетристику, не имеющую серьёзного значения. Выходят книги и с нарочито сенсационными названиями, предлагающие пересмотр устоявшихся мнений, претендующие на сенсационные открытия и, конечно, находящие живой отклик у непритязательного и не слишком грамотного читателя. К числу авторов разнообразного «информационного шума», пишущих об истории Романовых, можно отнести Л. Третьякову, Ф. Гримберг, А. Широкограда, Н. Коняева, И. Громова, В. Долматова и Л. Лыкову и многих других. Чего стоят, например, безграмотные и безобразные в своей развязности названия глав в книге И.А. Соколовой «Великие князья Дома Романовых» (СПб., 2010) — «Генералиссимус Николай Романов», «Миш(к)а-дурак» и т.п. Как правило, представители профессионального исторического сообщества не имеют ни малейшего представления о том, кто все эти люди, столь «плодотворно» возделывающие популярную ныне ниву... К слову сказать, одна из характерных ошибок, которую зачастую допускают даже профессиональные историки, заключается в наименовании представителей Дома Романовых, например, императриц или великих князей, по фамилии «Ро-

манов» («Великий князь ... Романов»), что совершенно некорректно. К сожалению, погоней за мнимыми сенсациями порой увлекаются и некоторые исследователи, претендующие на вполне профессиональный подход к теме. Нельзя не упомянуть в этой связи о книгах П.В. Мультатули (например, «Николай II. Отречение, которого не было» (М., 2010), в которых автор подменяет чисто источниковедческий вопрос об истории конкретного документа (вернее, его экземпляров) — отречения Николая II, глобальным общеисторическим выводом о масштабной фальсификации — якобы не имевшем места в действительности факте отречения Николая II от престола в марте 1917 г. При этом ничтоже сумняшеся он обрушивает обвинения в подлоге на головы как современников, так и позднейших исследователей, объявляя сфальсифицированными чуть ли не все источники об этом событии, включая дневниковые записи самого императора. Такие выводы, за которыми стоят, по-видимому, определённые идейные установки, не могут считаться обоснованными с точки зрения корректного исторического исследования, о чём уже говорилось, в том числе и в средствах массовой информации.

Вернёмся к научным изданиям. После генеалогических справочников выдающегося французского генеалога, к сожалению, ныне покойного, Жака Феррана (J. Ferrand) «Il est toujours des Romanov! (Les Romanov en 1995)» (Paris, 1995) и «Descendances naturelles des souverains et grands-ducs de Russie de 1762 — 1910» (Paris, 1995), в которых приводится родословная как самой династии, так и её внебрачного потомства, литература о романовской родословной пополнилась «Родословием Дома Романовых», составленным В.В. Антоновым и Н.А. Фадеевой для книги М.В. Назарова «Кто наследник российского престола?» (Третье издание — М., 2004. С. 168–235, включены и потомки по женским линиям). Это родословие выполняет вспомогательную функцию для данной книги и потому лишено иных биографических данных, кроме имён и дат жизни, однако оно полезно генеалогиями потомков Романовых в европейских династиях, также весьма краткими по содержанию. Следует упомянуть и книгу К.В. Рыжова «Дом Романовых в семье европейских династий» (М., 2011), название которой не соответствует её содержанию. В ней представлена полная восходящая родословная Николая II по всем линиям. В этом отношении автор как бы продолжает дореволюционное исследование генеалога Н.А. фон Баумгартена, посвящённое восходящей родословной цесаревича Алексея Николаевича и опубликованное в 1914 г. Недавно увидела свет также интересная книга Е.В. Алексеева «Закон и корона Российской Империи» (М., 2012). В ней приведены родословные потомков Романовых по женским линиям в связи с умозрительным вопросом о престолонаследии. К сожалению, биографические данные

в них носят краткий характер (что объясняется их вспомогательными для главной цели книги функциями), а в самом тексте содержатся отдельные опечатки и даже ошибки («Н. Радищев» (с. 73), югославский король Александр I «был убит в Париже вместе с президентом Франции Карно» (с. 141), замуж за Великого князя Георгия Михайловича вышла вторая дочь Георга I «Марина» (с. 174) и др.).

Однако, безусловно, наибольший объём полезной информации содержат биобиблиографические справочники. Таковых издано два. Остановимся на них подробнее.

В 2005 г. в Санкт-Петербурге увидел свет биобиблиографический справочник «Российская Императорская Фамилия. 1797–1917», автором которого является Ю.А. Кузьмин (второе, исправленное и дополненное издание — СПб., 2011). Основная часть справочника охватывает 231 лицо Романовых и их родственников. О каждом приводится подробная биографическая справка, включая все этапы прохождения службы с точными датами получения чинов и званий, награды, сведения об общественной и культурной деятельности, владения, адреса проживания и т.д. Далее следует подробная библиография с указанием архивных материалов, опубликованных источников, исторических исследований. Большая заслуга Ю.А. Кузьмина состоит в том, что он представил данные не только обо всех членах Императорской династии от Павла I (с 1797 г., когда было принято «Учреждение об Императорской Фамилии») до 1917 г., но и о многочисленных морганатических и внебрачных потомках Романовых: князьях Палей, светлейших князьях Юрьевских, графов де Торби, Искандерах, Николаевых, Князевых и др. [при этом, конечно, следует различать морганатических отпрысков (типа Юрьевских) и внебрачных (типа Николаевых)], в том числе и морганатических потомков по женским линиям (князья Багратион-Мухранские, Куликовские), а также о семьях, близкородственных Романовым и натурализовавшихся в России: герцогах Лейхтенбергских, принцах Ольденбургских, герцогах Мекленбург-Стрелицких и др. Тем самым круг лиц, включённых в справочник, гораздо шире юридического понятия «Российская императорская фамилия», и в целом издание позволяет представить общую картину генеалогических особенностей и юридических тонкостей истории романовской династии. Этому способствуют и содержательные материалы, сопровождающие корпус биографий. Предваряющая основной текст справочника статья «Российская императорская фамилия как социально-политический институт в XIX — начале XX века» характеризует различные стороны её истории: состав и численность, матримониальную политику, правовой статус, материальное положение, служебную карьеру,

политические и общественные функции. В приложениях опубликованы «Учреждение об Императорской Фамилии» 1886 г., формы присяги для членов Императорского Дома, список семейных прозвищ Романовых, генеалогические таблицы и библиография общего порядка. Таким образом, книга Ю.А. Кузьмина обретает черты универсального справочника по истории Императорского Дома рассматриваемого периода.

Конечно, можно покритиковать автора за некоторые упущения библиографического характера. Так, в справочнике не упоминаются некоторые книги последних лет (например, издание переписки Александра III и Марии Фёдоровны: Боханов А.Н., Кудрина Ю.В. Император Александр III и императрица Мария Фёдоровна. Переписка. 1884–1894 гг. М., 2001), в то время как в библиографии попали и заведомо низкие по качеству популярные статьи и даже книги, типа писаний Л. Третьяковой. Удивительно, что автор не упоминает о некоторых важнейших с точки зрения генеалогии книгах Ж. Феррана, о русском переводе книги князя Д.П. Чавчавадзе «Великие князья» (хотя её англоязычное издание кое-где в библиографиях и встречается), и даже пропускает некоторые работы, раскрывающие целые стороны деятельности отдельных представителей династии (так, великий князь Николай Михайлович был, помимо того что известным историком, ещё и выдающимся энтомологом, чему посвящена специальная работа А.В. Свиридова «Энтомолог Николай Михайлович Романов», опубликованная в моём справочнике по генеалогии Романовых). Но при всех возможных недочётах достоинства справочника Ю.А. Кузьмина несомненны. Бесспорно, это лучшее биографическое и библиографическое издание по истории династии Романовых.

Совсем другой характер, к сожалению, носит справочник Т.А. Лобашковой, изданный дважды в Москве в 2007 и 2008 гг. под названиями «Династия Романовых. Биобиблиографический указатель» и «Дом Романовых. Биобиблиографический иллюстрированный указатель». Этот справочник некоторые исследователи считают вполне заслуживающим внимания (выходили даже положительные рецензии!), и потому необходимо уделить ему особое внимание.

Близость автора к «Романовской теме» (Т.А. Лобашкова защитила в своё время кандидатскую диссертацию об археографической деятельности Великого князя Николая Михайловича) позволяла ожидать вполне добротное справочное издание, но буквально с первых же страниц книги наступает разочарование — более неудачный библиографический справочник в современной историографии найти сложно, и остаётся только пожалеть доверчивого читателя, который вздумает, вооружившись столь ненадёжной «лоцией», найти верные ориентиры в потоке старых и новых публикаций, значительное

место в котором, увы, занимает библиографический «шум». Именно этот «шум», не имеющий ни малейшего научного или даже просто информационного значения, стал чуть ли не главным в указателе Лобашковой, многократно перекрывая те действительно ценные и значимые публикации, которые и составляют, собственно, смысл подобного рода справочников.

На первой же странице своего сочинения автор претенциозно ставит перед собой задачу составления «библиографического указателя, где приоритет отдан историческим источникам, освещающим жизнь и деятельность и генеалогические связи рода, царствовавшего в России более 300 лет». Итак, указатель должен бы носить, прежде всего, источниковедческий характер, но, увы, эта декларация остаётся пустым звуком. Разве только Лобашкова наивно полагает, что историография XIX в. и есть «исторический источник», ведь именно к этому столетию относится «значительная часть изданий, приведённых в указателе». Но если XIX в. представляет собой главный библиографический интерес составительницы, зачем тогда привлекать работы наших современников? Забегая вперёд, скажу, что как раз этого делать и не стоило, ибо в нынешней историографии автор совершенно не ориентируется. Между тем, задача грандиозна — указатель охватывает работы XVIII — XXI (!) вв., «по 2007 г. включительно». Такая заявка позволяет отнести к труду составительницы самым внимательным образом. Но вначале ещё несколько слов о «введении». Само по себе оно оставляет странное впечатление. Казалось бы, именно здесь следовало сказать что-то о предшественниках, о тех справочниках, которые уже имеются в науке, о тех изданиях, где приводится какая-либо систематизированная библиография по теме. О библиографических изданиях Лобашкова пишет — правда, исключительно о дореволюционных, да ещё упоминает пару-тройку изданий последующего времени, к Романовым прямого отношения, впрочем, не имеющих, хотя и ставших хрестоматийными в общеисторическом смысле. Таким образом автор создаёт ложное впечатление, что с тех пор ничего в этой области сделано не было, т.е. выступает в роли «первопроходца». А между тем ей прекрасно известен биобиблиографический справочник Ю.А. Кузьмина, но упомянут он всего один раз, да и то в самом последнем разделе опуса Лобашковой — «Справочники, указатели» (об уровне самого раздела и о том, с какими авторами соседствует там Кузьмин, речь впереди). Предполагаю, что Лобашкова знакома и с моими работами, но их она не упоминает вовсе. Да и зачем упоминать, если проще написать, что «в нашей стране долгое время учёным не представлялось возможности объективно высказаться по этой проблеме» (имеется в виду «генеалогия рода Романовых»). Никакого, хотя бы поверхностного анализа истории «романовской» историографии,

кроме широковещательных и демагогических утверждений, во «введении» не содержится, а половину его объёма занимает рассказ о дореволюционных типографиях, где издавалась литература о Романовых. Жаль, что автор не задалась целью описать современные типографии — как знать, может быть, научное значение её труда хотя бы от этого возросло... А вот как выглядит обоснование включения в справочник таких разделов, как «Венчание на царство и священное коронование российских государей» и «Царские и императорские регалии». Оказывается, «коронование в монархическом государстве являлось одним из наиболее значимых событий в жизни государя» (подумать только!), а «развитие и видоизменение царских регалий, к изготовлению которых привлекались известнейшие российские и иностранные мастера, тесно связано как с самим обрядом коронации, так и с личностью монарха, пожелания которых ювелиры учитывали в первую очередь». Эта оригинальная мысль (кстати, никак не аргументированная) вообще чрезвычайно показательна для всего труда Лобашковой в целом — на протяжении книги читатель ещё не раз сталкивается с совершенно тривиальнейшими рассуждениями, научный уровень которых равен нулю (например, вводные статьи к вышеназванным разделам). По мнению Лобашковой, исследования российских коронаций и регалий в отечественной науке малозаметны, а вот «в европейских государствах тематика исследований... значительно разнообразнее отечественной историографии по этому вопросу». Разнообразие заключается в том, что «историки Венгрии» изучили отдельные вопросы, связанные с венгерскими, а также английскими и польскими регалиями (хотя в ссылаках указаны работы на английском и польском языках), а «ряд авторов детально разрабатывали историю церемонии коронования» (приводится хаотический набор ссылок на отдельные работы по частным вопросам) и «ставили вопросы, связанные с искусствоведением, социологией» (ещё несколько столь же случайных примеров). Вот таким образом охарактеризована современная мировая историография коронаций — как говорится, что автор где-то случайно нашёл, то и упомянул. Имея столь поверхностное представление о современном состоянии исторической науки, как за рубежом, так и в нашей стране (а исследование коронаций и регалий — чрезвычайно активно развивающееся направление), составительница, тем не менее, берёт на себя смелость представить некий библиографический срез этой области. Ознакомившись с весьма своеобразным «введением» автора-первопроходца и учтя, что «аннотирование литературы» в указателе «выборочное», перейдём к основному содержанию справочника.

Вся литература в основной части сгруппирована по персоналиям династии Романовых. Расположены они в очень странной последовательности.

На первый взгляд, эта последовательность генеалогическая, но, присмотревшись поближе, уверенность в этом теряется. Вот небольшой пример авторской системы: Петр I, Евдокия Лопухина, Алексей Петрович, крон-принцесса Шарлотта, Наталья Алексеевна (дочь царевича Алексея Петровича), Наталья Алексеевна (сестра Петра I), Екатерина I, Анна Петровна, Наталия Петровна, Пётр II, Анна Иоанновна, Анна Леопольдовна, Иоанн Антонович, Елизавета Петровна. Итак, сначала, вроде бы, нисходящая генеалогия потомства Петра I от первого брака, затем почему-то сестра Петра (дочь Алексея Михайловича от второго брака), затем представители второй семьи Петра, затем правители в хронологической последовательности правлений... Смешение принципов структуры приводит к тому, что сориентироваться в ней становится сложно. Спасает только именной указатель, в котором перечислены все «заглавные» персонажи. Но обратимся к собственно библиографии.

Любой специалист по истории династии Романовых или даже просто по русской истории XVII—XIX вв. знает те основные работы о представителях царствовавшего дома, которые являются своего рода основными, центральными в историографии. Это, что называется, «элементарный» набор, имеющийся у любого специалиста по «романовской истории», без знакомства с которым (при всех плюсах и минусах отдельных работ) дальнейшее продвижение «вглубь» историографии невозможно. Такой же «набор» существует и по истории коронаций, и по истории регалий, и по генеалогии Романовых (несмотря на то, что эти темы, на взгляд Лобашковой, изучены недостаточно). Однако результат сверки этого библиографического «стандарта» с указателем Лобашковой оказывается ошеломляющим. Царю Михаилу Фёдоровичу в недавней историографии посвящено два основных биографических труда — Л.Е. Морозовой, в качестве раздела в книге «Первые Романовы», написанной совместно с А.А. Преображенским и Н.Ф. Демидовой, и В.Н. Козлякова, в качестве самостоятельной монографии в серии ЖЗЛ. Первая книга в библиографии есть, второй нет. Для истории эпохи царя Фёдора Алексеевича принципиальное значение имеет монография П.В. Седова «Закат Московского царства. Царский двор конца XVII века» (СПб., 2006), вышедшая недавно уже вторым изданием. В указателе Лобашковой она не значится. О Евдокии Лопухиной есть большой очерк в книге Б.П. Краевского «Лопухины в истории Отечества» (М., 2001), но и это издание осталось вне внимания составительницы. Из двух «основных» биографических книг об Анне Иоанновне в указателе есть книга Н.И. Павленко, но нет принципиально важной книги Е.В. Анисимова из серии ЖЗЛ. Происхождению Екатерины I не так давно посвятил специальную работу О.И. Хоруженко (О происхожде-

нии Екатерины I // Европейские монархии в прошлом и настоящем. СПб., 2001), но и её искать в указателе бессмысленно. Среди специалистов по истории екатерининского царствования одним из наиболее авторитетных является О.И. Елисеева, опубликовавшая несколько книг (!), а упоминания удостоилась только одна её статья в журнале «Отечественная история», да и то с неверным инициалом автора (О.Н. вместо О.И.) (№ 1040). Биография Николая I, написанная А.В. Выскочковым, к счастью, нашла место на страницах указателя, но первое её издание («Император Николай I: человек и государь». СПб., 2001), отличающееся от второго и имеющее вполне самостоятельное значение, пропущено. О великих князьях, убитых в январе 1919 г. в Петропавловской крепости, есть содержательное исследование А.В. Быкова «Путь на Голгофу. Хроника гибели Великих князей» (Вологда, 2000) (где приводятся, между прочим, их подробные биографии), оставшееся автору неизвестным. О князе Владимире Палее — книга Х.Ф. Саенс Карбонеля «Поэт из Дома Романовых» (М., 2004). Тот же результат. О великом князе Дмитрие Константиновиче — альбом М.И. Обатуровой и Е.А. Чирковой «Великий князь Дмитрий Константинович — последний владетель Стрельны» (СПб., Петергоф, 2004). То же самое. В раздел «Регалии» Лобашкова зачем-то включила литературу по геральдике. Раз ей показалось это нужным, хорошо. Но вот работ Г.В. Вилинбахова по истории государственных символов России в этом разделе нет. Зато есть не имеющие ни малейшего значения сочинения В. Васькина и В. Лебедева, откровенно «вторичная» и компилятивная книжка Г.А. Мурашёва, но нет её «прообразов» — превосходных и содержательных книг Л.Е. Шепелёва. Как нет и принципиально важных работ И.А. Бобровницкой о шапке Мономаха, А.К. Левыкина о воинских регалиях русских царей (отдельная книга!), Г.Н. Бочарова и М. Флайера о Мономаховом троне... Думаю, что перечислять далее, чего нет у Лобашковой, бессмысленно. Ясно одно — она совершенно не знает современного состояния исследований ни по истории Дома Романовых, ни по его генеалогии, ни по геральдике, ни по всем другим темам своего указателя. Если бы ей были знакомы основные направления исследований или основные авторы, пишущие на эти темы, то библиографическое «наполнение» указателя было бы совершенно иным. Но что же представляют собой те пять тысяч наименований, которые вошли в указатель? Это абсолютно никак не дифференцированная «куча-мала», где есть всё подряд, за исключением многого действительно важного, но при наличии многого совершенно ненужного. Составительница буквально сваливала в кучу всё, что попадалось ей на пути, отчего и получился, как говорится, «сумбур вместо музыки», вернее, вместо библиографии. По-иному указатель охарактеризовать нельзя. Огромное количество

совершенно «пустых» с содержательной точки зрения работ, вроде популярных брошюрок начала века, зачастую работ вообще не относящихся к теме, а порой и просто смехотворных изданий. Чего стоят включённые в указатель книги В.Н. Балязина, Ф. Гримберг, фальсификаторов-«фоменковцев» С. Валянского и Д. Калюжного, Н.М. Коняева с «захватывающими» подзаголовками типа «Загадки и мифы династии», «подлинная история Дома Романовых» и т.п. Лобашкова вообще не в состоянии отличить научную или околону научную (научно-популярную) литературу от откровенной халтуры и макулатуры. Вот почему в её указателе есть и откровенная чушь писателя-многостаночника А.Б. Широкограда «Путь к трону» (с подзаголовком «Историческое исследование»!), и исторический роман (!) Всеволода Сергеевича Соловьёва «Царь-девица» (жаль, что не удостоились упоминания «шедевры» В. Пикуля), и беллетристика Веры Маеровой о Великой княгине Елизавете Фёдоровне, и какая-то странная книга Г.А. Никанорова «Надрыв: правда и ложь отечественной истории XX века» с подзаголовком «Судьба Романовых, гражданская война, трагедия 30-х, переворот 1991 г., Православная церковь, Ленин, Сталин» (!!!). Когда же я увидел в разделе «Справочники, указатели» книгу из серии «Самые знаменитые» — Сурмина И.О., Усова Ю.В. «Самые знаменитые династии России», да ещё и рядом с действительно знаменитым указателем «Справочники по истории дореволюционной России» под редакцией П.А. Зайончковского, желание хоть как-то всерьёз обсуждать работу Лобашковой улетучилось...

В заключение приведу ещё несколько авторских «перлов». Обещанные выборочные аннотации выглядят следующим образом: «Писаренко К.А. Искусство интриги / Константин Анатольевич Писаренко. М.: Издательство Журналист, 2005. 589, [1] с. ил. портр., 22 см. [Дворцовые перевороты в эпоху Елизаветы Петровны; имп. Александр II; Весь мир — театр]». Если читатель не понял, поясняю: то, что помещено в квадратные скобки, и есть «аннотация». Можно ли из неё понять, что представляет собой важная для истории Романовых книга К.А. Писаренко — предоставляю судить читателю. Авторы книг иногда указываются после названия (№ 4464, книга А.В. Дёмкина и Л.Е. Морозовой «Дворцовые тайны. Царицы и царевны XVII века»), а иногда (чаще всего) до. Некоторые авторы остались для Лобашковой загадкой, например, С.В. Любимов, так и оставшийся в указателе С. Васильевичем. А некоторые — и вообще пропущены (видимо, составительница не любит не только некоторых современных авторов, но и дореволюционных), например, И.А. Шляпкин («Царевна Наталья Алексеевна и театр её времени», № 603). «Повседневные записки» Меншикова, опубликованные в журнале «Источник», вышли, видимо, сами по себе, без публи-

каторов, а их отдельное издание (увидевшее свет в виде самостоятельного тома «Российского архива») так и не удалось найти в указателе. И таких небрежностей, ошибок и нелепостей в опусе Лобашковой полным-полно. Не говоря уж о том, что многие переиздания также остались вне сферы внимания составительницы (третье издание книги М.В. Назарова «Кто наследник российского престола?», существенное с точки зрения генеалогии; переиздания трудов М.В. Зызыкина и др.). Налёт элементарной безграмотности характерен для всей книги.

Вряд ли стоит отдельно останавливаться на разделе «Генеалогия рода Романовых», в области которой Лобашкова, вероятно, также считает себя первопроходцем. Упомяну только, что помимо «В.В. Голубцева» и столь «важных» для темы изданий, как «Родословные таблицы замечательнейших династий для учащихся» П.Е. Медовикова (1854 г.) или пяти листов убогих генеалогических таблиц Е.Н. фон Фриде (1913 г.) (при полном игнорировании действительно важных работ недавних лет), под отдельными номерами в библиографии указаны «Дворянский календарь», «Известия РГО», «Историческая генеалогия» и «Летопись ИРО». Эти названия объединены замечательным подзаголовком «Продолжающиеся издания, публикующие статьи по генеалогии рода Романовых» (!).

Собрать 5000 библиографических названий — дело, в общем-то, нехитрое. При известной усидчивости это вполне возможная вещь. Но если при этом не разбираться ни в самой библиографии и ни в одной из тем, по которым библиография составляется, то результат получится удручающим. Именно таким результатом и стал «биобиблиографический указатель» Лобашковой. Жаль затраченного составительницей труда, но ещё более жаль читателей, которые захотят воспользоваться этим «справочником».

 Пчелов Евгений Владимирович

кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой
вспомогательных и специальных исторических дисциплин ИАИ РГГУ

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ ЭПОХИ РОМАНОВЫХ

Биографические и библиографические справочники:

Кузьмин Ю.А. Российская Императорская Фамилия. 1797-1917:
Биобиблиографический справочник. СПб., 2011 (2-е изд.).

Лобашкова Т.А. Дом Романовых: биобиблиографический
иллюстрированный указатель. М., 2008.

Пчелов Е.В. Генеалогия Романовых, 1613-2001. М., 2001.

Работы, посвящённые династии в целом:

Зимин И.В. Царские деньги. Доходы и расходы Дома Романовых.
М., 2011.

Йена Д. Русские царицы (1547-1918)/ Пер. с нем. М., 2006.

Курукин И.В. Романовы. М., 2013 (серия «ЖЗЛ»).

Медицина и императорская власть в России. Здоровье императорской семьи и медицинское обеспечение первых лиц России в XIX — начале XX вв. М., 2008.

Пчелов Е.В. Романовы. История династии. М., 2002.

Российские самодержцы. 1801 — 1917 гг. М., 1993.

Романовы. Исторические портреты. В 2 т. М., 1997.

**Работы и документальные публикации,
посвящённые правителям из дома Романовых:**

Михаил Фёдорович (1613-1645):

Козляков В.Н. Михаил Фёдорович. М., 2010 (серия «ЖЗЛ»).

Морозова Л.Е. Россия на пути из Смуты: Избрание на царство Михаила Фёдоровича. М., 2005.

Скрынников Р.Г. Михаил Романов. М., 2005.

Алексей Михайлович (1645-1676):

Андреев И.Л. Алексей Михайлович. М., 2006 (серия «ЖЗЛ»).

Талина Г.В. Царь Алексей Михайлович: личность, мыслитель, государственный деятель. М., 1996.

Фёдор Алексеевич (1676-1682):

Богданов А.П. В тени великого Петра. М., 1998.

Седов П.В. Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб., 2008.

Царевна Софья Алексеевна (1682-1689):

Лавров А.С. Регентство царевны Софьи Алексеевны. М., 1999.

Хьюз Л. Царевна Софья: 1657 — 1704 / Пер. с англ. СПб., 2001.

Пётр I (1689-1725):

Анисимов Е.В. Пётр Великий: личность и реформы. СПб., 2009.

Бушкович П. Пётр Великий: борьба за власть (1671—1725). СПб, 2008.

Жицер Э. Царство Преображения: священная пародия и царская харизма при дворе Петра Великого. М., 2008.

Масси Р.К. Пётр Великий: В 2 т. СПб., 2003.

Наумов В.П. Повседневная жизнь Петра Великого и его сподвижников. М., 2010 (серия «Живая история»).

Павленко Н.И. Пётр Великий. М., 1998.

Екатерина I (1725-1727):

Павленко Н.И. Екатерина I. М., 2004 (серия «ЖЗЛ»).

Пётр II (1727-1730):

Павленко Н.И. Пётр II. М., 2006 (серия «ЖЗЛ»).

Анна Иоанновна (1730-1740):

Анисимов Е.В. Анна Иоанновна. М., 2004 (серия «ЖЗЛ»).

Павленко Н.И. Анна Иоанновна: Немцы при дворе. М., 2002.
Иоанн Антонович (1740-1741)
и его мать, правительница Анна Леопольдовна:

Анисимов Е.В. Иван VI Антонович. М., 2008 (серия «ЖЗЛ»).

Курукин И.В. Анна Леопольдовна. М., 2012 (серия «ЖЗЛ»).

Елизавета Петровна (1741-1761):

Анисимов Е.В. Елизавета Петровна. М., 2005 (серия «ЖЗЛ»).

Козлова А.А. Российская императрица Елизавета Петровна
в оценках отечественных исследователей. Омск, 2008.

Писаренко К.А. Повседневная жизнь русского двора
в царствование Елизаветы Петровны. М., 2003.

Пётр III (1761-1762):

Иванов О.А. Екатерина II и Пётр III: история трагического
конфликта. М., 2007.

Мыльников А.С. Пётр III: Повествование в документах
и версиях.
М., 2009 (серия «ЖЗЛ»).

Екатерина II (1762-1796):

Екатерина II: Аннотированная библиография публикаций:
XIX—XX вв. / Сост. И.В. Бабич, М.В. Бабич, Т.А. Лаптева. М., 2004.

Елисеева О.И. Екатерина Великая. М., 2010 (серия «ЖЗЛ»).

Елисеева О.И. Молодая Екатерина. М., 2010.

Иванов О.А. Екатерина II и Пётр III: история трагического конфликта. М., 2007.

Мадариага И. Екатерина Великая и её эпоха. М., 2006.

Павленко Н.И. Екатерина Великая. М., 1999 (серия «ЖЗЛ»).

Сафонов М.М. Завещание Екатерины II. СПб., 2001.

Павел I (1796-1801):

Песков А.М. Павел I. М., 2005.

Скоробогатов А.В. Государство и общество в идеологии и политике императора Павла I. Казань, 2004.

Сорокин Ю.А. Павел I: Личность и судьба. Омск, 1996.

Александр I (1801-1825):

Архангельский А.Н. Александр I. М., 2005 (серия «ЖЗЛ»).

Сахаров А.Н. Александр I. М., 1998.

Троицкий Н.А. Александр I против Наполеона. М., 2007.

Николай I (1825-1855):

Высочков Л.В. Николай I. М., 2003 (серия «ЖЗЛ»).

Николай I: Личность и эпоха. Новые материалы / Отв. ред.
А.Н. Цамутали. СПб., 2007.

**Николай I и его время (документы, письма, дневники, мемуары,
свидетельства современников и труды историков). В 2 т./**
Сост. Б.Н. Тарасова. М., 2002.

**Венчание с Россией: Переписка великого князя Александра
Николаевича с императором Николаем I. 1837 год** / Публ.
А.Г. Захарова, А.И. Тютюнник. М., 1999.

**Переписка цесаревича Александра Николаевича с императором
Николаем I, 1838-1839** / Под ред. А.Г. Захаровой, С.В. Мироненко.
М., 2008.

Александр II (1855-1881):

Ляшенко Л.М. Александр II, или История трех одиночеств.
М., 2010 (серия «ЖЗЛ»).

**Переписка императора Александра II с великим князем
Константином Николаевичем. Дневник великого князя
Константина Николаевича (1857—1861).** М., 1994.

Александр III (1881-1894):

Барковец О.И., Крылов-Толстикович А.Н. Неизвестный
император Александр III: Очерки о жизни, любви и смерти.
М., 2002.

Боханов А.Н. Император Александр III. М., 2007.

Великий князь Александр Александрович: Сборник документов.
М., 2002.

Император Александр III и императрица Мария Фёдоровна.
Переписка. 1884—1894 годы. М., 2001.

Толмачёв Е.П. Александр III и его эпоха. М., 2007.

Николай II (1894-1917):

Боханов А.Н. Император Николай II. М., 2006.

Дневники Николая II и императрицы Александры Фёдоровны:
Сборник архивных материалов и документов: В 2 т. / Отв. ред.
и сост. В.М. Хрусталёв. М., 2008.

Искендеров А.А. Закат империи. 2001.

Каррер д'Анкосс Э. Николай II: прерванная преемственность.
Политическая биография. М., 2010.

Кряжев Ю.Н. Военно-политическая деятельность царя
Николая II в период 1904—1914 гг. *Курган*, 2000.

Кузнецов В.В. Судьба Царя. М., 2010.

Ланник Л.В. Падение Российской монархии. М., 2007.

Мейлунас А., Мироненко С.В. Николай и Александра. Любовь
и жизнь. М., 1998.

Мэсси Р.К. Николай и Александра: биография. М., 2003.

**Николай II. Последний император России: сборник
биографических и библиографических материалов /**
Сост. Ярошенко Е.В., Ермак А.А. М., 2008.

**Покаяние: Материалы правительственной Комиссии по изучению
вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением
останков российского императора Николая II и членов его
семьи: Избранные документы / Сост. В.В. Аксютин. М., 2003.**

**Святой царь Николай II и новые мученики российские:
пророчества, чудеса, открытия и молитвы: Документы.
К канонизации новых мучеников и исповедников российских
/ Ред. — сост. Губанов В.А. 4-е изд., испр. и доп. М., 2004.**

Фирсов С.Л. Николай II. Пленник самодержавия. М., 2010
(серия «ЖЗЛ»).

ПАМЯТКА АВТОРАМ

Уважаемые авторы!

Журнал является научным, по тематике — историческим.

В редакцию журнала предоставляются три документа в отдельных файлах:

1. Статья (публикация источника, рецензия);
2. Аннотация к статье (публикации источника, рецензии);
3. Сведения об авторе.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ

Редакция журнала принимает все материалы (текст статьи, аннотацию, сведения об авторе) только в электронном виде в редакторе Microsoft Word (с расширением «.doc» или «.rtf») шрифтом Times New Roman без автоматических переносов. В имени файлов обязательно указывается фамилия автора.

СТАТЬЯ

Объем статьи — 1-2 авторских листа (40-80 тысяч знаков с учетом пробелов); шрифт (кегель) — 14. По согласованию с редакцией принимаются статьи и бóльшего объема. Обязательными компонентами статьи являются:

ФИО автора и заголовок статьи

Сухова О.А.

ГУБЕРНАТОРЫ ПОВОЛЖЬЯ И УРАЛА
В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Ключевые слова (после статьи указываются 4-6 понятий, терминов, имен собственных, несущих в тексте основную смысловую нагрузку)

Ключевые слова: П.А.Столыпин, И.Л. Блок, контроль за губернаторами, крестьянский террор.

Сноски

Оформление сносок:

1. Сноски в статье следует проставлять постранично («внизу страницы»), их нумерация должна быть сквозной (например, с 1-й по 32-ю); шрифт (кегель) — 12.
2. *Иванов И.И.* История европейских стран. М., 2002. С. 14.
Для иностранных изданий: Johnson J. The History of USA. London, 2002. P. 14.
3. *Иванов И.И.* К вопросу о развитии европейских стран // Вопросы истории. 1999. № 2. С. 1—11.

АННОТАЦИЯ

Аннотация с указанием названия статьи и фамилии автора также представляется в отдельном файле (.doc или .rtf).

1. Название файла: «Фамилия автора — Аннотация».
2. Объем — 1500-2500 знаков с учетом пробелов.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

В отдельном файле (.doc или .rtf) должны содержаться:

1. фамилия, имя, отчество автора (полностью);
2. учёная степень, звание, должность и место работы (полное название учреждения, города, страны);
3. контактная информация: адрес с почтовым индексом, телефоны/факсы (служебный, мобильный), e-mail.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Публикация в журнале может сопровождаться иллюстрациями.

1. Иллюстрации и фотоснимки в электронном виде высылаются отдельными файлами:
 - формат TIFF или JPG;
 - размер не менее 2 Мб.
2. К иллюстрации необходима подпись с описанием события, объекта и датировкой. Также следует указать привязку иллюстраций к тексту статьи в отдельном документе (.doc или .rtf).
3. Редакция оставляет за собой право подбора или замены иллюстраций к статье.

Члены редколлегии в трехмесячный срок принимают решение о публикации присланного материала.

Материалы высылаются на электронный адрес: articles@historicalreporter.ru

ПОДПИСКА

Подписка на журнал возможна в любом почтовом отделении России и стран СНГ с любого месяца.

Наш индекс в каталоге «Почта России» — 83564.

Материалы журнала включены
в систему Российского индекса научного цитирования.

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Второй номер
«Исторического вестника»
в 2013 году
будет посвящен
общеисторической тематике.

ПРОЕКТ РУНИВЕРС

Свободный доступ к материалам по отечественной истории и культуре

Тысячи дореволюционных книг и журналов

Старинные атласы с уникальными картами
русских земель и городов

Все дореволюционные военные энциклопедии

Полное собрание законов Российской империи

Собрание архивных документов

Это и многое другое вы можете найти на сайте www.runivers.ru

Книжная серия «Наглядная хронология»

Планируется выпуск следующих изданий:

От Руси к России (X-XVI века)

Рождение Российского царства

Россия в эпоху Смуты

Россия при первых Романовых

Россия при Петре Великом

Россия в эпоху дворцовых переворотов

Россия при Екатерине Великой

Россия в первой половине XIX века

Россия во второй половине XIX века

Россия в XX веке